

ישראל 7 טהומע

ישראל 7
טהומע

Дух і Літера

FROM THE LIBRARY OF
SHIMON MARKISH
(1931-2003)

**עגונען
עגונען
יעהופעם**

ХУДОЖНЬО-ПУБЛІЦИСТИЧНИЙ
АЛЬМАНАХ
ІНСТИТУТУ ЮДАЇКИ

7

КИЇВ 2000

УДК 892.45(059)
ББК 84.5Є Я5
Є31

РЕДКОЛЕГІЯ:

Г.Аронов (редактор), Р.Заславський,
О.Мудрагель, М.Петровський,
Л.Фінберг

РЕДКОЛЕГІЯ ВИСЛОВЛЮЄ ПОДЯКУ
АМЕРИКАНСЬКОМУ РОЗПОДІЛЬЧОМУ КОМІТЕТОВІ «ДЖОЙНТ»
ЗА ДОПОМОГУ У ВИДАННІ АЛЬМАНАХУ

Відповідальні за випуск: *К.Сігов та Л.Фінберг*

Художнє оформлення: *І. Клімова*
Комп'ютерний набір: *Г. Ліхтенштейн,
С. Невдащенко*
Коректори: *О. Кіржнер,
Н. Анікеєнко*
Комп'ютерна верстка: *Т. Жук*

ISBN 966-7273-15-6

© Інститут Юдаїки, 2000
© Дух і Літера, 2000

ДАБРУ ЕМЕТ* (ЗАЯВА ЄВРЕЇВ ПРО ХРИСТИЯН І ХРИСТИЯНСТВО)

10 вересня 2000, "Нью-Йорк Таймс"

За останні роки відбулися драматичні та безпрецедентні зміни в єврейсько-християнських відносинах. Через майже два тисячоліття єврейського вигнання християни мають тенденцію характеризувати юдаїзм як недовершену релігію чи, в кращому разі, як релігію, котра торувала шлях християнству. Однак в християнстві за десятиліття після Голокосту відбулися виразні зміни. Все більше представників духовенства, римокатолицького та протестантського, роблять публічні заяви про розкаяння за погане поводження християн з євреями та юдаїзмом. Ці заяви також декларують реформу християнської освіти та проповіді — визнання Договору Бога з євреями та повагу до внеску юдаїзму в світову цивілізацію і християнське віровчення.

Ми віримо, що ці зміни заслуговують вдумливої відповіді євреїв. У нас, в групах вчених різного віросповідання, існує віра в те, що прийшов час євреям вивчити спроби християн віддати належне юдаїзму. Ми віримо, що прийшов час євреям подумати про те, що юдаїзм може зараз сказати про християнство. Для першого кроку ми пропонуємо 8 коротких тез про можливі стосунки юдеїв і християн.

Юдеї та християни вірять в одного Бога. Перед появою християнства євреї були єдиними, хто вірував в Бога Ізраїлю. Але християни також вірять в Бога Авраама, Ісаака та Якова, творця неба та землі. Хоча християнська віра — не релігійний вибір євреїв, єврейські теологи радіють, що через християнство сотні мільйонів людей дізналися про Бога Ізраїлю.

Євреї та християни визнають авторитет однієї книги — Біблії (єврейський «Танах» у християн називається «Старий Заповіт»). Говорячи про релігійну орієнтацію, духовне збагачення та уроки громадського життя, ми завжди починаємо з одного: Бог створив і населив Всесвіт, Бог уклав Договір з народом Ізраїлю, відкритий Богом світ супроводжує Ізраїль до добродійного життя; Бог врешті-решт простить гріхи Ізраїлю та цілого світу. Нарешті, євреї та християни пояснюють Біблію по-різному і ця різниця також має поважатися.

Християни можуть поважати домагання єврейського народу землі Ізраїлю. Найважливішою подією для євреїв після Голокосту стало відновлення єврейської держави на Святій землі. Як представники релігії, заснованої на Біблії, християни цінять, що Ізраїль був обіцяний — по-

* Дабру Емет — скажіть правду (іврит — прим. перекладача)

вернутий — євреям як фізичний центр Заповіту між ними та Богом. Багато християн підтримують Ізраїль за причинами більш важливими, ніж просто політичні. Ми, євреї, аплодуємо цій підтримці. Ми також вважаємо, що єврейська традиція є актуальною для всіх неєвреїв, які живуть в державі Ізраїль.

Євреї та християни поділяють моральні принципи Тори. Центром моральних принципів Тори є святість та гідність кожного людського життя. Всі ми створені за подобою Божою. Цей спільний моральний зміст може бути основою поліпшення стосунків між нашими двома громадами. Це також може бути основою могутнього свідчення для всього людства, для вдосконалення нашої співпраці та протистояння аморальності та ідолопоклонству, яке заважає нам і знесилює нас. Такі свідчення особливо потрібні після безпрецедентних жаків минулого сторіччя.

Нацизм був не лише християнським феноменом. Та без довготривалої історії християнського антиюдаїзму та християнського насильства над євреями нацистська ідеологія не могла б ні з'явитися, ні утриматися. Занадто багато християн брали в ній участь або схвалювали звірства над євреями. Інші християни неефективно протистояли цим звірствам. Але нацизм не був обов'язковим результатом християнства. Якщо б знищення нацистами євреїв було повністю успішним, то причетність християн до цього кривавого божевілля була б більш прямою. Ми дякуємо тим християнам, які ризикували або пожертвували свої життя, щоб врятувати євреїв у часи нацистського режиму. Маючи це на увазі, ми підтримуємо продовження недавніх спроб християнської теології відмовитися від явних образ на адресу юдаїзму та єврейського народу. Ми вітаємо тих християн, які відмовилися проповідувати ці образи, і не проклинаємо їх за гріхи, здійснені їх предками.

Людська несумісність між євреями та християнами не врегулюється, поки Бог не простить гріхи Всесвіту, як каже Святе Письмо. Християни знають Бога та служать йому через Ісуса Христа та християнську традицію. Євреї знають Бога та служать йому через Тору та єврейську традицію. Ця різниця не може означати, що одна громада інтерпретує Святе Письмо більш точно, ніж інша, що необхідно застосування політичної сили одним до другого. Євреї можуть поважати християнську відданість їх Одкровенню так само, як християни поважають нашу відданість нашому Одкровенню. Ані християн, ані євреїв не мають силувати до вступу в іншу громаду.

Нові стосунки між євреями та християнами не послаблять єврейську діяльність. Поліпшені стосунки не повинні збільшувати культурну та релігійну асиміляцію, чого євреї справедливо беруться. Це не змінить традиційні форми єврейського богослужіння, не побільшить кількість змішаних шлюбів євреїв та неєвреїв, не залучить більше євреїв у християнство, не створить фальшивої суміші християнства та юдаїзму. Ми поважаємо християнство як віровчення, яке виникло всередині юдаїзму

та все ще має істотні контакти з ним. Ми не вбачаємо у цьому розширення юдаїзму. Тільки коли ми зберігаємо наші власні традиції, ми можемо утворювати цілісні відносини.

Євреї та християни мають співпрацювати для справедливості й миру. Євреї та християни, кожний по-своєму, визнають гріховність світу, це — рефлексія про гоніння, що продовжуються, про бідність, людську деградацію та страждання. Хоча справедливість і мир зрештою від Бога, наші спільні зусилля допоможуть наблизити Царство Боже, якого ми чекаємо і на яке сподіваємося. Окремо та разом ми маємо працювати для того, щоб принести на нашу землю справедливість і мир. В цій справі ми керуємося словами пророків Ізраїлю: «І буде, після багатьох днів утвердиться гора дому Господнього як вершина всіх гір і підніметься над пагорбами, та направляться до неї всі народи. І підуть народи та скажуть: «Давайте піднімемось на гору Господню, в дім Бога Якова, щоб Він навчив нас шляхам своїм і щоб ми пішли стежками Його» (Ісайя 2:2-3).

Переклад А. Ленчовської

Станіслав Краєвський

ПОВАЖАТИ ХРИСТИЯН ЯК ХРИСТИЯН (170 РАБИНІВ І ЄВРЕЙСЬКИХ ТЕОЛОГІВ ПРО ХРИСТИЯНСТВО)

Чи містить щось істотно нове «Дабру Емет. Заява євреїв про християн та християнство», що була опублікована 10 вересня 2000 р. як оголошення в «Нью-Йорк Таймс»? І так, і ні. Ні, бо не пропонує вона думок чи формулювань, які були б несподівані для тих, хто спостерігає за позицією євреїв, оцінює належним чином драматичні зміни традиційної для Церкви інтерпретації юдаїзму та доброзичливо трактує християнство. Разом з тим «Заява» вносить дещо оригінальне, бо вперше на повний голос промовляє велика й вагома за суспільним значенням група рабинів та інтелектуалів з Північної Америки та Англії (включаючи й двох рабинів, що здавна мешкають в Ізраїлі). Щоб оцінити значення цього документа, треба проаналізувати також зміст і тональність заяви і зрозуміти, кого репрезентують його автори.

Декларація є, насамперед, зверненням до євреїв: «Прийшов час, щоб євреї вивчили зусилля християн віддати належне юдаїзму». Це зусилля зрозуміти, якщо говорити коротко, що юдаїзм не є пережитком, а живим виразом зв'язку, який ніколи не переривався, між Творцем та Ізраїлем, або підтвердженням, що обранство не скасоване. Тим більше, що останні десятиліття принесли бажання пізнати юдаїзм для більш глибокого розуміння Ісуса як єврея та єврейських коренів Церкви. Про те, наскільки революційною є ця зміна ставлення до єврейської релігії та обраності Ізраїлю, свідчить факт, що в Декларації *Hostra Aetate*, важливому католицькому документі 35-річної давності, немає жодних посилань на попередні документи Церкви. Це є річ небувала: кожний документ Собору посилається на більш ранні тексти.

Все більше християн та все більше євреїв щось знає про ті зміни. Безумовно, що не всі християни з ними згодні, а багато хто приймає нові формулювання тільки «для форми», тенденція, однак, є виразною. Не знають про це євреї надто традиційні або ізраїльтяни, бо ті та другі мають надто мало контактів з людьми Церкви. Для ізраїльтян переламним був нещодавній візит Івана Павла II, який дав підстави для розмови про вчення католицької Церкви і до того, щоб побачити на власні очі папу та переконатись у його автентичній повазі до інших.

Другий пункт сформульованого в «Заяві» звернення до євреїв проголошував: «Прийшов час, щоб євреї дізналися, що юдаїзм має зараз говорити про християнство». Авторі пропонують 8 тез. Я цілком погоджуюсь з ними.

Вони є цілком прийнятними для тих, хто серйозно заглиблений в християнсько-юдейський діалог. Оскільки таких людей небагато, я дуже задоволений, що їх виклад такий виразний і надруковано їх таким тиражем. Єврейська назва «*Добру Емет*» перекладається як «Скажіть правду».

Це є цитата з книги Захарії (8,16): «Говоріть правду один одному», або: «Маєте бути правдивими для ближніх». І це найбільше відображує інтенції авторів. Йдеться про правду щодо позитивних рис християнства (власне, з єврейської точки зору). Про подолання бачення християнства впродовж віків виключно через призму «навчання презирства» й церковних переслідувань. «Заява» в принципі не згадує про такі добре відомі факти. Вважаю цей погляд великою перевагою. Підхід авторів «Заяви» свідчить про можливість виходу за межі становища, яке визначалось образами. Переконалий, що це потрібно, хоча не йдеться, безумовно, про забуття заподіяного лиха.

Чотири перші тези про християнство — послідовний виклад різних джерел: той самий Бог, спільна Біблія єврейська, спільні біблійні засади, що людина — то образ Бога, а також засноване на Біблії розуміння, що євреї мають особливі права щодо Землі Обітованої, або Землі Ізраїлю. Йдеться тут про збіг поглядів без окреслення відмінностей. А глибокі відмінності постають, безумовно, щодо кожного з порушених питань: з єврейської точки зору є неприйнятним, що Бог християн є трійцею, що біблійні тексти за христоцентричною інтерпретацією оперті на культ святих ікон, що асоціюється з ідолопоклонством. Це, однак, не ліквідує глибокої спорідненості. Йдеться також про щось більше за факт спільності. Засадничі поняття юдаїзму, як-от Бог Авраама, Тора й Пророки, Земля Обітована, неприйнятність ідолопоклонства, дякуючи Церкві (пізніше багатьом церквам) увійшли в свідомість мільйонів на усій земній кулі.

Наступна, п'ята, теза викликала найбільше суперечок і навіть схилила деяких рабінів, які були згодні з іншими текстами, до відмови підписати «Заяву». Ця теза зазначає, що гітлеризм (нацизм) «не був явищем християнським». Опоненти безумовно погоджуються, що треба бути вдячними християнам, які допомагали євреям. Натомість говорять, що християнство створило підґрунтя для гітлеризму, відтак зв'язок між ними існує. На це чують відповідь, що «нацизм не є неминучим результатом християнства». Опоненти, однак, звертають увагу, що треба говорити про «реальне християнство», яке дійсно призвело до фашизму і гітлеризму, а не про якесь ідеальне християнство, яке було б принципово відмежоване від тих чи інших явищ. На це автори «Заяви» вказують, що гітлерівці використовували християнство, але самі не були частиною автентичного християнства; аргументом є, наприклад, те, що Церква була б, напевно, наступною метою атаки Гітлера.

За моїм переконанням, ця дискусія виявляє ключову проблему: або бачать головним чином чи навіть виключно «реальне християнство» та історичну Церкву, або бачать «автентичне християнство» та його за

необхідністю ідеалізовану базу. Від цього залежить ставлення до згадуваної тези про нацизм, а також до багато чого іншого. Вже за середньовіччя деякі рабини говорили: християни шанують святих, але це їх специфічна форма ставлення до справжнього Бога. Інші — навпаки: це культ окремих особистостей, тобто ідолопоклонство. Одне й те саме можна по-різному інтерпретувати залежно від ставлення. Подібна різниця ставлень є джерелом суперечки, що стосується наступної, шостої, тези.

В цій тезі йдеться про відмінності між двома традиціями, які не будуть подолані аж до обіцяних у Св. Письмі останніх часів. Це не викликає незгоди. Спротив багатьох євреїв викликає зате твердження, що як євреї пов'язані з Богом через Тору, так християни мають цей зв'язок «через Ісуса Христа». Проблемою може бути вживання терміну «Христос», що означає «Месію». Якщо вбачати в цьому згоду на месіанську роль Ісуса з Назарета, то це не узгоджується з елементарними поняттями юдаїзму. Маю визнати, що і я в цьому формулюванні відчув дисонанс. Однак після роздумів бачу в ньому позитивний крок. Згадане твердження є авторською констатацією, а не виправдовуванням. Безумовно, цілком свідомо вони виходили з того, що мають давати такий опис християнства, щоб з цим погодились його послідовники, тобто не просто ззовні, але з відчуттям його внутрішнього смислу й динаміки. Тільки за тих умов має сенс заклик, щоби євреї «шанували християнську відданість їх Одкровенню». Вважаю, що цей абзац є виразом найглибшого діалогічного підходу: до партнера насправді ставляться з повагою, а не як до дитини, яка ще не доросла до правильного розуміння речей.

Така спрямованість помітна в кінці цього абзацу: нікого не можна примушувати приймати вчення іншої спільноти. Це завжди було незаперечним принципом з єврейської точки зору, для якої неможливе не тільки навернення через силу, але будь-яке місіонерство. Однак значення цього твердження виходить за межі традиційного єврейського підходу. Треба порівняти останній з тим фактом, що автори цілком симетрично представили обидві релігії. Християни заслуговують на таку саму релігійну повагу, як і юдеї, за те, що служать Богу через свою традицію. Не незважаючи на це, а саме за це!

Трапилось так, що водночас із «Заявою», яка тут розглядається, була виголошена декларація «*Dominus Iesu*» кардинала Ратцінгера. Її мова є цілком інакшою. Підкреслюється, що тільки католицька Церква є істинною повною мірою. Немає тут нічого нового, а за відповідною інтерпретацією такі тези проголошують усі релігії; однак мова декларації є несумісною з формулюваннями, записаними в «*Дабру Емет*». У ватиканському документі також говориться, що дорога до спасіння є тільки через Ісуса й не може бути шляхів рівнозначних та рівноцінних. І це є протилежним твердженням до згадуваної тези «Заяви», що є рівноцінні дороги: юдейська — через Тору і традицію юдаїзму, а також християнська — через

особистість Ісуса і традицію Церкви. Варто додати, що беатифікація антиєкуменічного папи Пія IX, яка відбулась в той самий час за участю папи Івана Павла II, є сигналом, що для Ватикану навернення силоміць — цілком прийнятне, хоча в останній час й не пропагується. Євреї пам'ятають, що той папа був винний у викраданні семирічної єврейської дитини, яку було таємно охрещено. Це був винятково драматичний випадок порушення батьківських прав у вихованні дитини за нормами своєї культури, який був можливий через переконання про нерівну цінність двох традицій.

Сьома теза має заспокоїти євреїв. Автори бачать загрозу релігійної та культурної асиміляції, але підкреслюють, що відносини взаємоповаги з християнами не мають вплинути на зростання асиміляції або на редукцію практики юдаїзму. Моє знання про діалог, а також мій власний досвід цілком це підтверджує. Повага до християнства, безумовно, не означає, що вона показує дорогу до прийняття християнства для юдеїв. Вона не є — згадаймо «Заяву» — й «розширенням юдаїзму». Юдеї мають свою дорогу.

Знаю також, як й автори «Заяви», що, всупереч сучасним уявленням з обох сторін, в діалозі не йдеться про створення якогось фальшивого поєднання юдаїзму й християнства. Йдеться про створення спільності, але разом з тим з ясним баченням різниць, які «людська сила» не може нівелювати.

Остання теза «Заяви» стосується потреби співпраці юдеїв, християн та інших релігійних громад для добра всіх в даному нам світі. Це не підбурює на спротив навіть найбільших ортодоксів в юдаїзмі. Однак два твердження є типово юдейськими і можуть сприйматись як чужі для християн: те, що маємо разом діяти в «неспокутуваному» світі, і те, що ця спільна діяльність допоможе в наближенні «Царства Божого». Навіть якщо інакше розуміти спокуту, то, напевно, всі пізнають в цьому твердженні зміст апеляції до месіанського бачення майбутнього за пророками Ізраїлю. В цілому текст, хоча є зверненням в першу чергу до юдеїв, може бути — маю надію — для кожного прикладом «мови правди».

Всі тези, сформульовані в «Дабру Емет», є відомими, навіть незапечеченими для юдеїв, серйозно залучених в діалог з християнством. Це, однак, не зменшує їх революційності: йдеться не тільки про належну оцінку нового вчення Церкви на тему юдаїзму. Цього стосувались інші колективні декларації. Наприклад, об'єднання американських реформаторських і консервативних рабинів, що нараховує близько трьох тисяч осіб, офіційно висловило в березні минулого року подяку Івану Павлу II за наставляння поважного ставлення до юдаїзму й за визнання провин і прохання про пробачення; вони закликали своїх членів взяти участь в «поглибленому діалозі та співпраці з нашими католицькими ближніми». Не було там, однак, виразу ставлення до християнства як релігії. Натомість, в «Дабру Емет», як вказано вище, знайшла вираз повага до

християн — не тільки тому, що вони з пошаною ставляться до євреїв; йдеться про повагу до християн як християн. За те, що вони є вірними християнському одкровенню та традиції.

Скільки людей поділяють такий погляд та інші тези «Заяви»? Більшість ортодоксальних євреїв певно ж ні. Більшість ліберальних євреїв також не поспішали б підписуватись під такими революційними твердженнями. Більшість ортодоксальних євреїв залишилися в колі передсучасного мислення. Зверхня інтерпретація інших релігій є для них незаперечною, — щонайменше так, як для кардинала Ратцінгера. З їх точки зору ставлення до християнства не повинно зараз виглядати інакше, ніж сто чи тисячу літ тому, бо ситуація залишилась по суті такою самою. Серед сучасних ортодоксальних євреїв знання про інші релігії в цілому є більшими, але поважне ставлення до християнства є рідкістю. Також серед євреїв, що належать до ліберальних напрямків юдаїзму (консервативний та реформаторський юдаїзм), погляд на християнство визначається, насамперед, через призму важкого досвіду минулого і загроз, які становила для євреїв його експансивність.

Як багато євреїв поділяють погляди, що представлені в «Заяві»? Раніше ми б мали можливість тільки для умоглядних суджень. Зараз відомо, що щонайменше 170 осіб декларувало це ставлення публічно. Серед них є багато рабинів реформаторського та консервативного юдаїзму, а також кілька рабинів-«ортодоксів», які здавна брали участь в міжрелігійному діалозі. Серед рабинів ортодоксального юдаїзму, які підписали «Заяву», — рабин Ірвінг Греєнберг, зараз — керівник Музею Голокосту в Вашингтоні, і рабин Давід Розен, керівник Міжнародної ради християн і юдеїв.

Серед не ортодоксальних рабинів є також рабин Джером Епштайн, директор організації відречення від консервативного юдаїзму, рабин Ерік Йоффе, керівник подібної інституції реформаторського юдаїзму. Підписали «Заяву» такі знані теологи, як, наприклад, рабини Ойгене В.Боровітц, Леон Кленіцкі і Гарольд Кушнір. Авторами «Заяви» є чотири професори північно-американських університетів: Давід Новак (Університет в Торонто), Петер Окс (Університет штату Вірджинія), Мішель Сигнер (університет Нотр-Дам, а також єдина серед них жінка — Тіква Фрімер-Кенскі (університет в Чикаго). Серед інших авторів варто згадати відомого філософа Гіларего Пунтама (Гарвардський університет); оскільки його наукова творчість не охоплює єврейську тему, він становить в цьому ряду виняток. Здається, що серед інших за фахом професорів вже не шукали тих, хто міг би підписати «Заяву».

Не випадково, що такий колективний документ створили американські євреї. Вони є спадкоємцями десятиліть ідилії: євреї є шанованими і мають рівні права як особистості і як спільнота; міжрелігійні відносини спираються на рівноправність, а в багатьох американських навчальних закладах, зокрема в приватних християнських університетах, є кафедри з юдаїзму та

єврейської культури. Чотири із зазначених авторів «Заяви» керують власне такими закладами. Приклад Америки впливає на весь світ, на організоване єврейське життя і на міжрелігійні стосунки. Люди, які підписали декларацію як автори, викладачі і лідери, мають великий вплив на європейських та інших євреїв, зокрема поза англомовним колом.

Безумовно, це тільки група особистостей. Не можна чекати більшого. Тому що немає організації, яка могла б говорити від імені усіх євреїв, навіть тільки від усіх віруючих євреїв або тільки тих, хто належить до одного з напрямків юдаїзму. Однак ті хто підписали, то значна група. Більше того, відчую, що це тільки вершина айсбергу. Безумовно, тисячі шанованих євреїв думають подібним чином. Як декларація *Nostra Aetate* відбила нове ставлення до євреїв й разом з тим почала формувати це нове ставлення, так і *Дабру Емет* полегшить євреям позитивну розмову про християнство і вплине на прискорення еволюції ставлень багатьох осіб. Не маю сумніву, що ця «Заява» з «*Нью-Йорк Таймс*» увійде в історію.

Переклад Р. Ленчовського

Гелий Снегирёв

«.....»
(РОМАН-ДОНОС)*

*Посвящается тем гражданам моей Родины, кто не совсем забыл ещё,
что Человек должен говорить то, что думает*

Господи! Дай мне душевный покой,
чтобы принимать то, чего я не могу изменить,
мужество, чтобы изменить то, что могу,
и мудрость — всегда отличать одно от другого.

Курт Воннегут

Вступление

... Не могу сам для себя решить такую проблему. Всё, намеченное мной для переноса на бумагу, — подлинные события. Только подлинными, ничуть не отступая от происшедшего, мне интересно их описывать. И только в своей подлинности, мне представляется, могут они быть интересны читателю. То же касается чувств и мыслей — моих и людей, бывших рядом со мной в этой драчке. Позволить себе фантазировать, урезать или дополнять — означает сбиться с верного тона, чем-то себя и будущего читателя (если, конечно, суждено ему, будущему читателю, состояться) обокрасть, потому что наиболее напряжённо и эмоционально, трагично и смешно воспринимается всё это в ничуть не изменённой подлинности, в аутентичности.

Выходит — так и записывать, ничего не меняя, ни имён ни дат? Повидимому — да.

... Но что же это выйдет за роман? Документальный? А такого мне пока и не встречалось, надо порасспросить Вальку М.**, он всё знает, что

* «Егупец» предлагает вниманию читателя фрагментарную журнальную версию романа. Полное издание книги осуществлено издательством «Дух і Літера» в рамках совместного с Украинским обществом «Меморіал» им. В. Стуса, телеканалом «I+I» и газетой «Зеркало недели» издательского проекта)

** Валька, Валентин, В., В. М., М. — прототипом этого персонажа послужил литературовед и культуролог Вадим Скуратовский, близкий друг семьи Снегирёвых. (Прим. публ.)

когда бы то ни было творилось в литературном процессе во все времена у всех народов.

Ну, это ещё полбеды — отсутствие чистоты жанра. Пусть будущие критики разбираются, если суждено им, будущим критикам, состояться. Но вот другое. Недавно у мудрого и блестяще-ироничного Андре Моруа в его «Письмах к незнакомке» вычитал то, что и сам примерно так формулировал:

— Если вы вознамерились написать роман, не рассказывайте Вашу собственную историю, ничего не меняя. Иначе чувство стыдливости парализует Вас... Расскажите историю, близкую Вашей, она позволит Вам выразить Ваши чувства, сохраняя иллюзию, что вас защищает маска.

Это верно. Может быть, дело не только в «чувстве стыдливости». Очень трудно положить на бумагу себя, не переукрасив или не переочернив.

Что ж, так и будет, где-то переукрашу, где-то переочерню. Пусть читатель знает, что герой вещи, этот самый «Я», чьи имя-отчество-фамилия совпадают с именем-отчеством-фамилией автора — это всё-таки не совсем я. Ибо где-то урезал постыдные мысли, где-то переложил в это «Я» романтики страданий и героизма и недоложил трусости.

Один из того «десятка неспешных грузчиков», отбирая у меня пояснения по поводу обнаруженных в архивах подозрительных рукописей, спросил:

— А вот у вас тут эти машинописные страницы, скреплённые ржавой скрепкой. На них написано «Автопортрет». Это что — автобиография ваша?

Я объяснил, что «Автопортрет-66» с подзаголовком «попытка соцреалистического антиромана» — это название произведения.

— Так это вы — о себе? — допытывался грузчик. — Это автобиография?

— Нет, — ответил я. — Скорее — автодонос.

И это был правдивый ответ. И мои друзья, читавшие «Автопортрет», так считают: автодонос. Для читателя — саморазоблачение, дегероизация самого себя как определённого типа русского интеллигента советской поры. Для КГБ — политический донос на самого себя и на своих ближних, в качестве какового доноса КГБ его немедленно и воспринял.

Боюсь, что и эти страницы окажутся, в конце концов, автодоносом. Ну, что для КГБ — то в этом нет никакого сомнения, только попадись — уж никакими литературоведческими вывертами насчёт «я — не я» не выгребешься. А вот для читателя... Да, то же и для читателя — автодонос, саморазоблачение. Да, вот такими были мы, русские интеллигенты советской поры 80-х годов, вот так повели мы себя в описываемой драчке. Не героями были? Кто знает, дорогой читатель.

А кстати, кто он будет, этот читатель моего неожиданного романа? Русский — имею в виду: гражданин СССР, воспитанный и выросший при советской власти, независимо от того, украинец, эстонец или грузин? Зарубежный человек? Хотелось бы, чтоб открыто и честно появился мой

«автодонос» на полках магазинов у меня на родине, а уж потом, гляди, перекочевал бы и за рубежи. Да не бывать тому.

Во всяком случае, сидя над этими страничками, марая белую бумагу синим красителем, я буду призывать к себе склониться рядом над моим столом своего русского читателя. Перед ним буду разоблачаться, ему на себя доносить. И на него тоже. Ему — на него.

Часть первая. РУБЕЖ

... 2. Первые досье.

Должен (то ли хочу) обрисовать ситуацию последних месяцев, без чего не совсем понятным может оказаться происходившее в тот вечер, а также «заполню досье» на Илью и Ефима.

Итак — первое. Я был болен. Называлось — пароксизмальная тахикардия. Сердце у меня вообще странное: 46 ударов в минуту (наполеоновский пульс — льстят врачи), с первой моей явки на призывной пункт в 1945 году, ещё шла война (родился я в 1927), оно у меня «порочное», так и записано всю жизнь в военнотчётной карточке: порок сердца. Но порок пороком, мог я с маху нагрузить машину угля, принять свои поллитра и отглотать на охоте по чернотропу, по ухабинам с полной выкладкой 30 км. Один мудрый старый лекарь лет двадцать назад меня повертел, послушал и так сказал:

— Не прислушивайтесь к нему и живите полнокровно.

Я так и делал. Бьёшься себе 46 раз — ну, и бейся, себя же и сэкономишь.

Первый серьёзный звоночек был три года назад: впервые в жизни вызвали ко мне «скорую помощь», после чего провалялся я месяц в клинике на исследовании. Причина была банальная: допился. Так как-то выпало, с Нового года началось, в январе у нас куча именинников, в феврале тоже, словом — три месяца ежедневно без передыху пьянки, солидные балдёжи. И вот оно однажды как понеслось — до 200 досчитал и бросил, это в минуту. И в пот кидает, и воздуху не хватает, и вот выскочит из клетки и сбежит, и хана. Я, естественно, сдрейфил. Поглотал в клинике месяц какие-то пилюли, накололи мне задницу, выкушал я с аппетитом бочку особого кислородного гоголь-моголя — прошло. Опять стал зарядку делать (я всю жизнь зарядку по утрам делаю, в темпе и в динамике 10 минут — кровь разгоняешь, все мысли дня наперёд прощупаешь и ощутишь себя стройно-спортивным; даже с жестокого перепоя зарядку продёлывал всегда!), опять свои 46 нормальных ударов и опять не прислушиваюсь, живу полновесно. Однако — пить бросил. И не пил ровно полгода ни водки, ни вина, ни пива — ни капли. Так мне врачиха одна в Москве насоветовала, к которой меня свели друзья, — она, мол, от алкоголизма просто и недорого излечивает; я от лечения воздержался, а советы её постарался воспринять:

— В вас, — сказала она, — алкоголизм уже сидит, поэтому бросать надо полностью, уменьшать дозы — это у вас не получится, первая рюмочка всегда закончится десятой.

Ещё кое-что о режиме питания она мне пояснила. Полгода держался — и, представьте, без особого труда, во всяком случае, так мне тогда казалось и сейчас так припоминается. И однажды, в компании сидя, собственного изготовления самогончик-«снегирёвку» друзьям разливая (а я, признаюсь не хвастая, большой специалист по сей части — выгнать, очистить и на травочках-корочках настоять; слава моей «снегирёвки» далеко среди друзей-приятелей летает и еще дальше летела бы, когда бы время от времени не принимались партий и правительством всё новые драконовские законы о борьбе с самогонном, — пойдя попробуй борись, когда изолированных квартир всё больше у трудящихся граждан, и каждая квартира изолированная — особый заводик по изготовлению, и чем выше цены на спиртное — тем гуще сеть заводешек... ну, это целая социальная проблема и из ассоциаций тут не выпутаться), — наполнил я и свой бокал. И эдак весело его хлопнул — я, мол, запросто один стакашек выпью — и всё, больше не буду, и фигу в нос той врачихе! На всю жизнь запомнил: у Кати смыло с лица румянец, даже сквозь пудру исчез, и с таким ужасом она на меня глядела добрую минуту — не передать.

В тот раз, в то застолье я только одну ту рюмку и глотнул. Но ровно через месяц опять вызывали ко мне «скорую», чему предшествовали две недели непрерывных пьянок с утра и до вечера — до слабости в коленях и до сплошной вибрации пальцев не только рук, но, кажется, и ног тоже. На этот раз я решил обойтись без больницы. И обошёлся. Глотал пилюли, бабушка меня на дому в зад колола, а кислородного гоголь-моголя не досталось. Прошло, опять себе стучит и не спеша гоняет кровь.

И опять я бросил пить. Для пушей убедительности дал мне знакомый доктор порошки и взял, гад, сто рублей, сказав при этом:

— А деньги — гони, хоть мы и друзья. Будешь знать, кретин, за что платил. И учти: одна твоя рюмочка, даже один бокальчик любимого тобой пивка под тараночку обойдётся тебе ровно в сотню. Ибо после этой рюмочки прибежишь ты спастись ко мне ровно через десять дней — и я опять с тебя сотню слуплю, чтоб не был таким разумным!

Не знаю, как порошки — по-моему, исключительно держусь на силе воли и на психологическом воздействии. Хочется, очень хочется, тянется, особенно когда привычное для рюмки чувство предобеденного голода наступает или когда в родной-приятной компании за стол садишься. Но держусь. Вспомнишь, как дважды допивался и кончался-помирал — и меньше хочется; подумаешь, что рюмочка вот эта сотню стоит — и вовсе с ненавистью на неё смотришь. Короче — завязал*.

* Сейчас, два года спустя, в 76-м, когда сию перепечатаваю черновики 74-го, — опять «развязал», уже с год как позволяю себе и водочку, и вино. Ничего. Не перебиваю. Строже стал, что ли, сам к себе? Посмотрим.

Но видимо, организм привык к перманентному водочному сужению-расширению сосудов. Один приятель любит повторять такую притчу-наставление:

— Не можешь стакан пить — пей полстакана, не можешь полстакана — на донышко налей и выпей, с донышка не можешь — палец обмакни да обсоси. Но — не бросай!

Чего ж вы хотите, считай с 23-24-х лет регулярно принимаю свои дозы — не чересчур, а так, нормально, как все партийные советские граждане, отнюдь не только по праздникам. И вдруг — бац! — остался организм без винного подспорья. Может, это и чушь, а может — и нет, никому то не ведомо.

Во всяком случае, в конце лета и начале осени я вдруг скис. Недавно пытался припомнить какой-нибудь рубеж, с которого началось. Обмен квартиры и суeta переезда с тасканием мебели? Может быть. Ещё прежде, летом я, возобновив на старости лет юношеское увлечение мотоциклом, нагонял на новенькой красной «Яве» восемь тысяч километров. Может быть.

Такое началось — повеситься от ярости на самого себя. Иду по ровной улице — ничего, малейший подъёмчик — малейший, глазу незаметный — и порочное моё сердце соскакивает со своих наполеоновских и несётся вскачь безо всякого ритма. И я слабею, потею, затуманиваюсь, пыхчу, как тот агицын паровоз, и должен немедленно уйти в горизонт, то есть — улечься. Полежал — успокоилось. Встал с кровати, резко ногу в штанину сунул — опять понеслось. Утром поднялся, на сына второпях сапожок натянул — понеслось. В клозете, пардон, посидел, резко встал — понеслось. На три ступеньки подряд поднялся, перед четвёртой не постоял с минуту — понеслось. Кошмар какой-то.

Естественно — лечения, уколы, кардиограммы, консилиумы. Месяц проходит, два — никакого эффекта, даже хуже, уже и по ровному Крещатику не иду, а плетусь нога за ногу, только палки и не хватает.

Вот в таком состоянии пребывал я к столь памяtnому утру 18 января 1974 года.

Теперь о людях, которые ко мне накануне, 17-го вечером, заявились.

1. Ефим Аронович. Дружны мы с ним 18 лет, с тех дней, когда в 1956 году пришёл я на студию Укркинохроники главным редактором (семь лет служил главредом, затем перебрался в режиссёры). Ростом он мал и кажется тщедушным, хотя, раздевшись, обнаруживает крепкую мускулатуру и стройный торс. Уже при знакомстве нашем был он лысоват и морщинист лицом, а в пристальных глазах его светился концентрат извечной тоски еврейского народа. Он много читает и знает, умён, хотя и считает себя ещё умнее. Жизнь его складывается... хотел написать — тяжело, и подумал: а чем, собственно, так уж тяжело? Ну, погибли в

войну отец и брат, ну — голодал в эвакуации, ну — в 52-м, в апогее сталинской заботы о жидях, после «дела врачей» и борьбы с космополитизмом, готовился, как готовились многие киевские евреи, к посадке в те вагоны-теплушки, которые уже формировались тогда в составы дальнего следования. 5 марта 1953 года остановило их перед семафорами. Куда готовили? А куда Макар телят не гонял, куда-нибудь подальше от родной крови, сочившейся из глинистых отрогов Бабьего Яра. Ну — слышал он всю жизнь слово «жид» и видел это слово обращённым к себе в глазах рядом стоящих кацапов и хохлов*. Так что? Ведь не расстреливали его в том Бабьем Яру? Не увозили в тех составах? А жидом звали — так школу всё-таки закончил, и во ВГИК приняли, диплом дали, стал советским кинорежиссёром, в последнее десятилетие весьма известным в стране, даже с наградами на Лейпцигских фестивалях**.

У него славная жена, сын в первом классе, старенькая мать, чудесная, ласковая, наивная и мудрая еврейская мама. Хорошая зарплата (режиссёр высшей категории, 200 ре в месяц), отличная квартира, всеобщие почёт и уважение, авторитет талантливого кинематографиста. И — ужасная, патологическая ненависть к кино. Ефим никогда не ходит ни на какие просмотры, все Антониони, Вайды и Крамеры — ему «бим-бом», по его любимому выражению:

— Доставать билеты, звонить в Дом кино, переться куда-то места занимать — а хай оно горит ярким пламенем, колыхал я это кино!

Я заставил его лет пять назад посмотреть Эйзенштейнов «Броненосец» — представьте, он умудрился не видеть, ни во ВГИКе, ни потом на семинарах. Он посмотрел и сказал:

— Мура. Хрестоматия. Азбука монтажа.

Я хотел азартно спорить, но тут же возьми и согласись. Я и сам не понимаю, как до сих пор разные высокие жюри высококультурных стран включают «Броненосец» в десятку лучших фильмов мирового кино.

Точно так же относится Фимка к довженковским документальным фильмам об Отечественной войне, которые считаются бессмертной классикой:

— Кадры с фронтов — обычно, чем больше лет проходит — тем интереснее, как летопись тех времен. Вид трупов и рыданий — действует, это всегда действует. А всё вместе — ура-официоз и однодневка.

И я опять согласился. Помню, в те же примерно времена, году в 58-м, в самом начале нашего знакомства с Некрасовым узнал я, что Некрасов не смотрел этих лент Довженко, и возмущился (должен признаться, в ту отдалённую на полтора десятка лет эпоху был я достаточно правоверен и

* *Кацап, хохол — полупрезрительные клички русских и украинцев.*

** *Лейпцигские кинофестивали — самые дешёвые, там представляются фильмы стран соцлагеря и призы раздаются за коммунистическую идейность.*

предан делу, носил достойно свой партбилет и не без гордости ронял многозначительную фразу: «Еду в ЦК, вызывают», — хотя вскоре под прямым влиянием дружбы с Некрасовым (подчёркиваю эту деталь доноса, чтоб издали всем увидеть!) пошёл от меня нездоровый душок, который всё крепчал):

— Ка-ак? Вы не смотрели? Позор!

Мы ещё были на «вы». И я тотчас организовал просмотр, о чем Ве-Пе рассказывал друзьям так:

— Прикатил за мной на зелёной брезентовой колыхаге этот главный редактор, куда-то повёз, усадил в крохотной комнатухе перед вот такусеньким экранчиком (нам выдали — поясняя — старые архивные копии только для просмотра на монтажном столе: считается, что обычный кинопроектор очень бьёт плёнку), и три часа мигали на этом экране взрывы, самолёты, атаки «ура!», трупы, пожары, и всё время, все три часа — громовые марши и диктор орёт! И курить нельзя! И ваш Довженко — я вас прошу! — мудака он, ваш Довженко!..

Так вот — очень не любит Фимка Аронович кино. Я сперва раздражался этой его леностью-кокетством, а потом поверил ему. В самом деле — не любит, как тот прекрасный музыкант, первая скрипка оркестра из анекдота, который на вопрос гастролёра-дирижёра: «Отчего вы всё время стонете и морщитесь?» — ответил: «Простите, маэстро, я очень не люблю музыку». Вот такой феномен. Хотя впрочем, чего-то я тут недоусеаю, он всё-таки, вероятно, кокетничает.

В своё время, когда из главредов перебрался я в режиссуру (надо сказать, не совсем по своей воле; мне предложили оставить главредакторское кресло, сочло высокое начальство, что слишком уж я расхамился и чересчур себе позволяю — тот душок-маразм уже во мне крепчал), руководил мною Фимка поначалу, помогал выбиться в режиссёры, два фильма мы с ним делали сорежиссёрами, хотя был я там при нём таким себе ассистентом для подноски пива по пять бутылок за раз в каждой руке. Он не терпел моих советов и возражений, вообще у него характер диктаторский, не дай Бог такому высокий политический пост — развёл бы аракчеевщину первойшей статьи. Без конца мы ругались, причём по его инициативе в ругани докатывались до личных оскорблений, что мне претило, но и я в азарте спора к ним скатывался. Считал он меня пустовато-легкомысленным, а проще — никаким литератором, таким же и режиссёром, вслед за ним и друзья менее близкие смотрели на меня полуиронически. Я не возражал и не доказывал противного, чувство автоиронии мне в достаточной степени присуще, хотя подобное отношение обижало. С лёгкой Фимкиной руки родился и «Гаврила»: набросал он как-то после моих баек об очередной охоте фигуру с собакой и ружьём, подписал ильф-петровское «Гаврила ждал в засаде зайца, Гаврила зайца подстрелил», следующей строкой продвинул Гаврилу в литературную деятельность, а

затем присобачил и занятия кино: «Служил Гаврила режиссёром, Гаврила фильмы испекал». С тех пор и пошла парткличка — Гаврила.

(Вот и намалую на полях Гаврилу с собакой. И ружьё с рюкзаком. И бутылку на пне...)

Перечитал написанное и подумал: любой скажет, прочтя, — ну и друзья, ругань, подкусывания, а где же дружба? А я о ней и пишу. Была она. Была вера друг в друга в общей драчке, была честность, было доверие. Была, было? А есть? А вот и не знаю.

Не так давно разошлись мы с Ефимом ещё в одном, очень важном и принципиальном. Спор ещё не кончен. Кончит его жизнь.

Примерно год назад усилился «исход евреев» из России. Правительство ввело кабальный налог за образование, евреи ахнули и охнули; потом поднялся в конгрессе США шум, наши правители, скрипя зубами, пошли на уступку (ах, роковая ошибка! за первой уступкой последовали ещё...) и налог отменили. Евреи перекрестились и ринулись в ОВИР с заявлениями. Уезжали и наши знакомые, среди них и киношники, уезжали и настоящие друзья, мои и в первую очередь Фимкины. Принял для себя решение об исходе и начал действовать в этом направлении Илья Гольденфельд, друг Ве-Пе, мой, но по стажу дружбы — наибольший Фимкин. И в это самое время Ефим Аронович, который от первого своего ставшего известным фильма в 1960 году (полнометражная лента по сценарию Некрасова, называлась она «Неизвестному солдату» и была почему-то — за пацифизм, что ли — весьма побиваема тогдашним нашим украинским секретарём ЦК по идеологии Скабой, откуда, от чьей фамилии, до сих пор ходит в среде киевской художественной интеллигенции выражение «заскабить»; он и ещё многие произведения молодых скульпторов да художников тоже весьма успешно «скабил») был занесён в разряд левых и с официозом несогласных, — вдруг Фима год назад добровольно даёт согласие работать над ультраофициозным, восхваляющим правительство полотном о борьбе за украинский миллиард пудов хлеба и о героической Украине в третьем решающем году пятилетки.

Все ему удивлялись. А я, как услышал, так и присел. Набросился на него:

— Ты обалдел? Что это значит?

Он несколько смугился и стал плести околесицу насчёт того, что фильмы эти, если бы не согласился он, поручили бы известному негодяю Слесаренке, а тот опять везде трубил бы, что вот он опять в какой уже раз спасает-выручает студию и всю советскую кинематографию, и он, Аронович, решил того Слесаренку проучить и перешёл ему дорогу. Доля правды в этом объяснении была: в азарте, когда увидел он пышущую наглостью рожу Слесаренки, которому почти уже предложили эти фильмы, поскольку конкурентов не объявлялось, Фимка ощутил желание поставить ему клизму. Но суть — суть! — была не в этом. Он же великолепно знал и

понимал, что фамилия Ароновича не должна появляться на этих фанфарно-карамельных кинолентах, что этим он уронит свой престиж в глазах всей киношной и не только киношной интеллигенции, каждый представитель которой вздохнёт и скажет:

— И ты, Брут.

Он великолепно знал и понимал, что сделает эти фанфарно-фальшивые «кинодокументы» талантливыми и этим окажет услугу всему тому и всем тем, за что и за кого мы с готовностью поднимаем тост «щёб они сдохли». И он великолепно знал и понимал, что его еврейскую фамилию в титрах фильмов они будут стараться запихнуть куда-то в хвост, чтобы не портить себе праздника; давно ещё когда-то, будучи главным, я вполне серьёзно советовал ему взять себе для титров псевдоним «Нович»: всего три первых буквы сбросил — и обзавёлся радующей взор начальства прелестной фамилией, Фимка тогда послал меня подальше.

Так что же произошло? Неужели в самом деле все качели погорели — продан за призрачную возможность побогаче жить и слыть первым режиссёром студии, переходить из одного полнометражного фильма в другой и иметь постоянную свою монтажную комнату, клевреток-ассистенток и прикреплённую на целый день машину? Да ведь великолепно помнит полную боли и сарказма Галичеву песенку «Не шейте вы, евреи, ливреи», потому что «не сидеть вам ни в синоде, ни в сенате», и великолепно знает, что всё еврейское талантливое и передовое выбирает ныне для себя единственный возможный выход — исход из этой проклятой страны. Исход, чтобы не крепить своими руками, своими способностями и трудом её диктаторской жандармской мощи, и уже одним этим, исходом, отказом на неё работать — вступить в борьбу против её тлетворного, разлагающего, античеловеческого!

Всё это он знает. И понимает. И хочет денежку? И не прочь от почёта и славы? Маленькая — но семья? Или, может, как рассуждают некоторые, попытка такой игры: добиться положения, славы, денег, чтобы там сильнее «булькнуло», когда потом заявит о желании уехать?

И мы поговорили. И я обо всём у Ефима спросил.

Он сказал так:

— Мне — ехать? Куда, чего? Кто я такой? Едет Илья — он физик с мировым именем, его ждёт свободная работа, успех, деньги, почёт, симпозиумы во всём мире. А кому нужен там я, жалкий киношник, которых там пруд пруди? И потом — куда я поеду, тут моя родина.

Я сказал:

— А ты согласен уехать только на белые хлеба? А если, дорогой Ефим Аронович, вы поедете туда за идеей на голод и страдания — как идейный борец против тех, кто сделал несчастной и страшной твою родину? Такой подвиг для тебя неприемлем? Но тебе не придётся его совершать — там, как ты отлично знаешь, не голодают и работа находится для всех, даже

самых жалких киношников, а ты отнюдь не из категории жалких. А твой сын, у которого мордашка типичного семита и который по-семитски картавит и уже, верно, слышал брошенное ему «жидёнок» — пусть от молодости носит в глазах твой концентрат тоски еврейского народа?

И наш спор перескочил в область ругани и оскорблений.

А Илье и ещё двум нашим друзьям я объяснил, что считаю Фимкину позицию наиболее продажной. Значительно более таковой, чем, к примеру, позиция того же мерзавца Слесаренки. Тот воспекает советскую власть как можно громче — и всё-таки бездарно, ибо бездарен есть: воспекает искренне, поскольку только при этой советской власти он — тупица, хам и бездарность — может возвыситься*; он воспекает — и берёт за это деньги, гребёт, где может, сам пишет безграмотные сценарии. Сочиняет нелепые песни, ни копейкой ни с кем не поделится, всякого, с ним сотрудничающего, оберёт. А Ефим? Он воспекает эту глубоко ненавидимую им власть талантливо, ибо талантлив; и ещё при этом сам работает за ничемных сценаристов, приглашённых по воле ЦК за свои громкие писательские имена получить славу и деньги, — а сценарий фактически напишет за них он, Аронович, и даже спасибо не услышит, свои сто граммов ему эти говнюки не поставят. Так может быть более продажная позиция?

Ефим закончил первый из этих двух фильмов — об украинском миллиарде пудов хлеба, собранном в 1973 году, — фильм расхвалили, расписали в газетах, Ефима выдвинули на соискание важной премии, дальше выдвижения ливрейное дело еврея, естественно, не пошло. Я не видел фильма, пока на каком-то семинаре в Москве вместе со столичными коллегами вдруг прочитал в титрах фамилию Ароновича — да, конечно, запиханную в самый конец списка «Над фильмом работали», хоть по алфавиту и на «А». Лента скучная, трескучая, что меня больше всего поразило — руки профессионала не ощущалось даже. Я был расстроен, хотя понимал, что это тот случай, когда чем хуже, тем лучше. Коллеги, знающие Ефима, спрашивали меня:

— Что это с ним? Зачем он полез в это? Неужто у вас там на Украине так худо, что ему, Ароновичу, и выбрать себе по душе нечего?

Как мне ответить? Молчал, вздыхал, матерился. А вечером в гостинице написал Ефиму письмо об этом просмотре и о том, что считаю его позицию наиболее подлой.

* *Он таки возвысился. Бездарность, хам и тупица, убийца в своё время молодой актрисы Инны Бурдученко, — послал её, негодяй, ради пятого дубля в горящий макет, за что был судим, осуждён и лишён права работать в кинематографе, но силой своей хамской и напором пролез в кино опять, — к зиме 1976 года уже стал мэтром документального кино на Украине и получил от партии и правительства, которым все места верно и непрерывно лизал, звание заслуженного деятеля. Анатолий Алексеевич Сле(сли-?)саренко.*

Ну, и при встрече состоялся у нас разговорчик. Ефим был багров, как освежёванный заяц, аж я испугался. Он орал на меня, кричал, что я везде по Киеву и по Москве и по всей стране треплю его имя и что он требует, чтобы я не лез в его дела. И что сам-то я как о себе думаю, когда выпускаю своих «Коммунистов» с «Партбилетами» и пишу очерки о стройках коммунизма. И ещё много он всего орал. Орал, как плакал, и мне было жалко его, и я думал, что и в самом деле не имею права так жестоко бить своего друга под самое сердце. Но когда он перешёл на шип змеиный, а потом, выдохшись, и вовсе умолк, я сказал:

— Покая я тебе не дам. Пока ты отсюда не умотаешь.

С предельной ненавистью, на какую был способен, он простонал:

— Пошёл ты на х..!

На другой день после этого гай-гуя (тоже одно из любимых словечек Ефима) мы встретились как ни в чём не бывало. И потом ещё на эту тему не раз и не два устраивали гай-гуй.

Вот вкратце, что за человек Ефим Аронович и кто мы с ним вдвоём такие. Кстати, из этих «вдвоём» ещё о себе. Упрёк Фимки насчёт моих собственных предательств и сволочизмов в связи с «Коммунистами» и «Партбилетами» (это названия двух моих последних фильмов, «Коммунисты одного села» и «Мой партбилет») — справедлив. Вполне справедлив. И ответить на него я мог бы разве так:

— У тебя — есть выход: исход. У меня — нет выхода, разве открытый бунт. Да, снимаю «Партбилеты» и пишу «Коммунистов» — делаю это ради денег, выжимаю максимум и не кокетничаю, как ты. И карьеру делаю, иначе в этой стране нельзя. Ну, кроме того — ещё пописываю в ящик кое-что не для печати, в дар будущим поколениям, — верчу фигу в кармане.

Так а и ответил. И тоже был при этом шлюхой.

... 3. У тебя нет пульса!..

Вперёд, вперёд, моё повествование! Приступаю к описанию события, которое властно опрокинуло привычное течение моей жизни.

Следует заметить, что к описанию его приступаю я далеко, так сказать, не в строго хронологическом порядке. Событие произошло 18 января 1974 года, а сегодня за окошком уже 26 марта, уже скворцы и жаворонки прилетели, а ночью сегодня проснулся я и услышал гоготанье гусей, летят птицы к родным гнездовьям. Дело не в том, что от 18 января успел растаять снег, которого этой зимой и не выпадало, и прилетели птицы. Прошло с 18 января два с лишним месяца, и за эти два месяца напроисходило несметное количество событий, многие из них мною уже описаны. Описаны, спрятаны, унесены из дому. В разные места унесены, так что я вечером, засыпая, загигаю пальцы и беззвучно шепчу:

— Вступление — там... Сюжетная линия Андрея и Нины — у этого (тс-с! даже мысленно не называть имён-фамилий!)... Интермедия о вещем

сне — там... А эссе о высылке и кульминация заседания бюро — там... Правильно, четыре пальца, в четырёх местах и лежит. Дома только сегодняшние десять страничек, завтра с утра их в хозяйственную сумку под молочные бутылки, отнести к... Нет, лучше к... нет-нет, отвезу туда, к... Пересяду с троллейбуса в метро, уверюсь, что нет «хвоста», звонить по телефону — ни-ни, а не застану дома — придётся ещё раз ехать...

Увы, это не шуточка. Записанное мною уже звучит таким авто- и не авто- доносом, что, попадись оно кому следует, — подумать страшно. Любая кара возможна. Мне кажется, я не преувеличиваю, хоть за окном, где скворцы и гуси, март 74-го, а не 37-го. Высокопарно выражаясь, жуткенский документ рождается на свет Божий — на белой стандартной бумаге, мараемой синим красителем... Держись, браток! Как в той блатной песенке:

*Со мной был нож, решил я: «Что ж,
Меня задаром не возьмёшь,
Держитесь, гады!»
Задаром, что ли, пропадать?
Ударил первый я тогда!
Так было надо...*

Кстати, вовсе и не я первый ударил, меня зацепили. А дальше там поётся про «держись, браток»: «Врач резал вдоль и поперёк, он мне сказал: «Держись, браток!» — и я держался».

Вот так. Держись, браток.

В четырёх местах лежит белая-стандартная вся в красителе, завёрнут в неё мой страх-стресс-Легион. А уверен ли я во всех четырёх? Никто ли из них не... Ой-ой-ой... Впрочем, об этом у меня уже достаточно намарано. Оно впереди. Доберёшься до него, читатель мой, если суждено Тебе состояться, если суждено моему доносу до Тебя дойти, словом — если благословит Всевышний наше полюбовное соитие. Господи, я крещён и с супругой моей Катериной перед ликом Твоим повенчан, но прости меня, Господи, верю я в Тебя как-то странно, сам не пойму — то ли верю, то ли нет. Но Господи, дай мне закончить этот труд мой — и в тот день, когда в те же четыре места разнесу я собственноручно перепечатанные четыре экземпляра, — паду я перед Тобой на колени посреди Владимирского собора и сотворю во славу Твою самую искреннюю молитву, какую Тебе довелось когда-либо слышать! Благослови, о Господи!

... За дверью быстрые шаги, щелчок замка, дверь распаивается...

Впоследствии в многочисленных письменных и устных объяснениях я буду говорить и писать: «Я пришёл на квартиру к моему другу В. П. Некрасову, когда у него происходил обыск».

Прошло два с лишним месяца с тех пор. Кое-что из впечатлений стёрлось. Но и тогда, в тот же день, и в последовавшие за ним дни — те полчаса или

сорок минут пребывания в доме Некрасовых вспоминались несколько мутновато. Отчасти, очевидно, из-за больного состояния, отчасти из-за волнения и всё-таки, хоть и был, кажется, ко всему готов, растерянности. Хотя вот вспоминаю — и уже не раз вспоминал — вёл я себя спокойно. Говорил многовато, а в остальном — ничего...

Быстрые шаги за дверь. Дверь распахивается. Кто-то чужой отступил от двери, делает приглашающий жест. В глубине коридора энергичная, в движении фигура молодого мужчины в светло-бежевом джемпере — рабочий вид. Быстрое и настойчивое:

— Пожалуйста, пожалуйста! Заходите!

Я замешкался, отступая в сторону, и, указывая на почтальоншу позади себя, пробормотал:

— Тут почту примите...

Опять быстрое, настойчивое, но словно бы и радушное:

— Заходите, заходите!

В этой настойчивой радушности ещё такой смысл: заходи поскорее, не стой, не то введём. Кажется, я спросил, а может, и не спрашивал:

— А хозяева дома?

— Дома, дома, заходите, все дома.

И мне померещилась в голосе радость от того, что пришёл я, в смысле «на ловца и зверь», может — показалось.

В следующий миг уже рядом был Вика. Он просиял, меня увидя, что-то сказал, какое-то слово, то ли «молодцы», то ли «ну, спасибо!» Был сдержан, улыбался. Вокруг нас стояли двое или трое, не помню их никого, не уже забыл, а и тогда не упомянул. Вешал тяжёлое свое зимнее пальто на знакомую вешалку над сундуком, не спеша озирался. Спросил, полагая, что обыск должен быть для меня неожиданностью:

— Вика, а что это такое происходит?

То ли радуясь, то ли только веселясь, он развёл руки, глубоко кивнул, — вот так, мол, мы прикидывали, сомневались, строили догадки, а оно вот как происходит! — и произнёс:

— Да! Да, Гаврила мой дорогой, да!

Илья говорит, что был ещё один момент. Я, утверждает он, спросил:

— А это что за люди?

На что Вика ответил:

— Дефективные переростки. — Так громко для всех и ответил: — Дефективные переростки.

Вот не помню этого. Илья сидел в комнате, я его тотчас и увидел, слышал он мой приход с первой минуты, — весьма возможно, такое и было. А что, неплохо. Напоминает великолепный булгаковский диалог Азazelло с Коровьевым:

— А что это за шаги такие на лестнице? — спросил Коровьев, поигрывая ложечкой в чашке с чёрным кофе.

— А это нас арестовывать идут, — ответил Азазелло и выпил стопочку коньяку.

— А... ну-ну...

Прежде, чем вместе с Викой вошли мы в квартиру и я увидел, что Илюша уже здесь, меня спросили, кто я, и я, естественно, отрекомендовался. Ещё спросили, есть ли при мне документы, я извлёк студийное удостоверение, его взяли и унесли в дальнюю комнату, в Викин кабинет.

Меня пригласили — и Вика, и «хозяева положения» — в большую комнату. Некрасовская квартира спланирована так: первый коридор поворачивает влево во второй, тут, в начале второго коридора — слева кухня, справа ванная и клозет, далее второй коридор ведёт в большую комнату, столовую-гостиную, а уже за ней, как выражаются в домоуправлениях и в бюро по обмену жилплощади, — «запроходная» комната, кабинет и спальня Ве-Пе. Вошёл я в столовую, слева у окна на диванчике увидел Илью, произнёс что-то вроде «о, и ты здесь, здравствуй, Илюша». Уже на ходу говорил Вике о том, что у меня приступ и мне надо прилечь. Не помню, когда и как увидел Галку: то ли она бросилась ко мне сразу в коридоре и я её обнял успокоительно и мы расцеловались, то ли она сидела на кухне с какой-то тоже не ко времени явившейся гостьей и пришла ко мне уже потом, когда я прилёг на диванчик.

Я шёл прямо через комнату к Илье, справа от меня двигался кто-то, очень пристально за мной следящий. Слишком грандиозного кавардака в квартире не ощущалось: мебель на своих местах, книги стопками сложены у стен. Бросились в глаза три блестящих, разного калибра ножа, рядом разложенные на газете у серванта (мебель у Некрасова старая, битая, случайная, как во всех домах, где ей, мебели, никакого значения не придают).

Нет, я и правда был спокоен. Как ни странно — думаю, помогло мне в этом моё сердчишко: я слишком к нему прислушивался, чересчур углублён был в себя, чтобы придавать такое уж колоссальное значение внешним событиям. Так сказать, шмон так шмон, лишь бы дух не вон. Но вот грузчики, обслуживавшие Ве-Пе, немедленно восприняли мой приступ как свидетельство крайнего испуга и тут же сделали вывод: бояться — когда страшно, значит — есть чего бояться.

Пожал Илье руку и сказал:

— Илюша, тыпусти меня — я поудобнее здесь на диванчике усядусь. Худо мне.

И сделал пальцами правой руки трепещущее движение около сердца. И тут же, видя две, а может, и три пары глаз, с большим прищуром в меня нацеленных, я принялся многословно пояснять то ли им, то ли Илье, что мне ещё на Крещатике стало худо и шёл я, дабы отлежаться. Илья вскочил, закинул мои ноги на диванчик, преодолевая моё вялое сопротивление, затем придвинул стул и ухватил меня за пульс, рука его дрожала,

и он стиснул пульс мой так, что, конечно, никакого пульса слышать не мог. Озабоченно и перепуганно смотрел он на меня, перехватывая руку то выше, то ниже, и, наконец, молвил трагично и смешно:

— У тебя пульса нет!

Ещё бы, так стиснуть. Я усмехнулся, а он тогда осторожно положил руку мне на грудь (мою руку) и сказал, повернувшись через правое плечо к внимающим грузчикам:

— Гым-м, у Гелия Ивановича очень большое сердце и сейчас у него тяжелейший приступ. Надо вызвать «скорую помощь».

Позже, дня через два, он сказал мне, что таких синих губ, белых щёк и холодных рук, как тогда у меня, он ни у одного живого человека не видывал, а повидал больных немало, хоть сам и не врач, а только сын и муж врачей.

Я возразил:

— Перестань, Илья, ты же знаешь моё сердце, мне отлежаться десяток минут — и никакой «скорой помощи» не надо.

Но он настаивал грузчикам через плечо:

— Я не врач, но разбираюсь в этом. Состояние Гелия Ивановича я знаю и тем не менее прошу — и рекомендую! — вызвать «скорую помощь».

Те стояли, смотрели, изучали. Казались сочувственно-озабоченными, готовыми бежать-вызывать по первому моему слову. Тем не менее кто-то из них тут же и спросил:

— А почему вы, собственно, так взволновались? Вы же знали, что тут происходит обыск?

Я недоумённо поглядел на спрашивавшего, потом на Илью, пожал плечами:

— Откуда же я мог знать?

Мы-то накануне вечером, прощаясь у меня в коридоре, сговорились: об обыске ничего не знали, молчание телефона истолковали как неисправность и всё такое. Сговорились твёрдо — стоять на том; зачем, собственно? чтоб не выдать Таню Плющ, от которой узнали? А была в том ошибка, факт...

Вики вначале где-то не было, его всё время приглашали (да, приглашали, а не как-нибудь там вызывали!) то на кухню, то в кабинет по поводу чего-то найденного. Потом он вбежал, перепуганный моим сердцем, но всё равно благодарно сиял на меня глазами, открыл форточку у меня над головой, и я стал ему толковать, что вот, мол, надеялся получить и себе под его «эффект присутствия» однотомник Булгакова, для чего и пришёл к нему, а теперь вот (да?) ничего и не получится. Накануне ему был пообещан в книжной писательской лавке свежевывшедший Булгаков: «Белая гвардия», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита». На весь Союз писателей Украины прислали 60 экземпляров, поэтому книжку этого некогда антисоветчика (собственно, ныне тоже), апологета белоэмигрантщины,

распределяли по списку, утверждённому партбюро Союза, среди самой номенклатурной элиты (надо полагать, по такому принципу: дать тем, кому в первую очередь надо знать оружие врага, дабы успешнее его побивать). Некрасова, естественно, в списке не было, не удостоили чести, меня тоже, мелкая сошка. Тогда Ве-Пе позвонил в Литфонд, пожаловался новой, недавно назначенной директорше, которая некогда работала в обкоме партии и принимала участие в давнем, не состоявшемся исключении Некрасова из партии, отлично его знала и, оказывается, уважала. И вот эта директриса пообещала ему в обход списка изыскать для него чуть ли не свой собственный экземпляр Булгакова. Ну, а я решил пойти вместе с Ве-Пе в «книгарню» и, когда вынесут завёрнутый томик для него, попытаться выпросить и себе — а вдруг удастся! «Белую гвардию» у нас спёрли, а «Мастер и Маргарита» без конца перечитывается. Кстати, мне книжка не досталась, а Вика объяснил ситуацию грузчикам, сказал, что не может допустить пропажи книги, — тогда главный грузчик послал в «книгарню» грузчика помельче, и книга была доставлена.

На меня всё смотрели глаза, о чём-то, кажется, меня спрашивали, а я очень много — без умолку — Илье и Вике что-то толковал. Между тем раздался в передней звонок и ввели молодую женщину, которая ужасно растерялась, твердила:

— Простите, я, вероятно, не туда попала, мне сказали — тут живут двое пожилых людей, а тут...

Около неё уже стояла Галка и, смеясь, объясняла, что она и вот муж и есть те двое пожилых людей, а остальные — недоразумение, гости. Тогда женщина заторопилась уходить — она привезла Галине Викторовне от знакомых из Кривого Рога какую-то шерсть для вязки чего-то, шерстяные нитки. Переростки увели её в кухню, а потом в ванную и в конце концов, естественно, выпустили. Правда, обыскиали перед этим, и обыскиали не так, как обыскивали меня и ещё двух мужчин, наведавшихся в дом на протяжении тех двух дней. Но о формах обыска чуть попозже.

Я уже не сидел, уже лежал, насколько позволял куций диванчик, а сердце всё трепыхалось, и уже ныла левая рука от плеча до кисти. Галка предложила перебраться в кухню — там просторный диван и большая форточка. Я согласился и переполз туда. Шагая, опять обратил внимание на ножи — три блестящих лезвия в ряд на полу на газетке.

На кухне в ногах у меня немедленно уселся Вика, и я резво и остроумно принялся обрисовывать ему идиотизм действий цензора, из-за которого (идиотизма) мне пришлось с приступом мчаться на студию вырезать миллионную шину. Потом рассказал, как мне выступалось накануне по телевидению, и пожалел, что они были лишены возможности включить телевизор. Галка тем временем накапала мне корвалолу. У белого шкафчика в боевой стойке застыл молодой и бесстрастный грузчик, готовый в любую минуту к какому-то действию, то ли хватать, то ли затыкать рот.

Прерывали мою болтовню дважды. Один раз — вызвали Вику проводить Илью. Потом уже мне рассказали, как это было.

С Викой у грузчиков к нашему приходу установился полный контакт. И его и Галку с первого слова они стали величать по имени и отчеству, за полтора дня и ночь (ночью в квартире оставались трое, не работали, дремали на стульях в столовой, а хозяев уложили на кухне) и Ве-Пе с Галкой приобвыклись-притерпелись и тоже главных переростков звали по имени. Был там Сергей Иванович, Виктор Николаевич, ещё два Виктора (это обилие Вить, тёзок Ве-Пе, ещё аукнется в моём повествовании) и ещё какие-то безымянные. Мы потом с Викой философствовали: что проявилось в нас (сперва в нём, а от него, возможно, передалось и мне), когда мы вошли с людьми, которых не уважали, больше того — презирали и вообще за людей не держали, в такой совершенно человеческий контакт, были вежливы, шутили с ними? Привычка мягкотелой интеллигентности? Комплекс «подавания руки» — очень нелегко устоять, не подать руку, когда заведомый мерзавец суёт тебе свои пять? Проявилось в этом подсознательное средство самозащиты? Легче и проще владелось собой в состоянии юмора и добродушия, чем в злобствовании и презрительном молчании? То ли просто мы с ним люди такие, склонные к авториторическому созерцанию всего и всех, в том числе и себя, со стороны, а потому и незлобивые? Мы потом представляли себя на месте того же Солженицына, к примеру. Молчал, каменел, демонстративно сидя на стуле посреди комнаты — так оно, кстати, и было, когда явились за ним три недели спустя после нашего 18 января. Ну, и что? Проявлял своё презрение к нелюдям? Стоят ли они того? Нет, вероятно всё-таки стоят. А то они из-за таких радушно-общительных, как мы, сами себя людьми считают. Один из этих переростков, извинительно объясняя Ве-Пе необходимость какой-то очередной акции — то ли подпарывая картон на картине, то ли шупал матрац, — произнёс (искал, идит, сочувствия):

— Что поделаешь, Виктор Платонович, работа у нас такая.

— Между прочим, могли бы другую выбрать, — объяснил классик.

В тон Ве-Пе впал и Илья. Его особенно порадовало и вознесло в собственных глазах следующее происшествие. Грузчик поменьше рангом принял у него из рук, как и у меня, удостоверение и исчез с ним в «запроходной» комнате, где у них стал свой штаб, побежал докладывать грузчику поважнее*.

* Позже, уже во время событий в моей квартире, глядя на этих грузчиков-переростков с их чиноподчинением и разделением по рангам (кто старший следователь, кто просто следователь, а кто — остальные — оперы), я ещё дал им про себя название — «чертулёры» и «на подхвате». Это из старого одесского анекдота о золотарях, ассенизаторах, которые ездят с бочкой; один становится наверху на бочке — «на подхвате», а другой черпает жижу черпаком («чертулёр»), наполняет ведро и подаёт тому высоко-стоящему, которому только остаётся грациозно опрокинуть ведро в бочку и пустое бросить вниз. Так вот чертулёр зазевался, зацепился ведром и облил главному сапог. Тот матюгунулся и молвил: — Век тебе быть чертулёром, никогда на подхвате не станешь! Он, высоко-стоящий, отлично постиг всю школу, самолично прошёл многосложный путь от чертулёра!

Приоткрылась дверь и Илья увидел и услышал, как главный «на подхвате», держа в руке удостоверение, докладывал в трубку:

— Пришёл Гольденфельд... Ну, Голд, Голд...

Илюша из этого мгновенно сделал заключение, что «Голд» — это условная кличка, под которой он значится в анналах Легиона. Во, какая честь! Я ему пробовал втолковать, что грузчик всего лишь разжёвывал по частям непривычную для крупного лингвиста на том конце провода фамилию — но Илья стоял на своём и даже обижался:

— Гым-м, считай так. А я тебе говорю — он назвал мою условную для них кличку!

Так вот, когда Вику позвали и сообщили, что Илья его покидает, поскольку увозят, — на плите в кухне как раз вскипал кофе. И Вика, отталкивая грузчиков, стал сердиться и кричать, что без кофе он гостя дорогого не отпустит. Тогда один из «на подхвате» стал его урезонивать:

— Ну что вы, Виктор Платонович, да неужели же мы не сумеем Илью Владимировича кофеём у себя напоить?

И в самом деле — напоили. И даже, когда кончились у него там сигареты на Владимирской, тотчас положили перед ним пачку тех же «ТУ-104» — почему он её не забрал, оставил на столе? Видать — инстинктивно позаботился о будущих клиентах...

Я лежал на диванчике головой под форточку, в ногах у меня сидела Галка. Вернулся Ве-Пе, и я досказал ему финал анекдота с цензурой и миллионной шиной. У белого шкафчика всё в той же бесстрастной готовности стыл пристальный черпулёр. Вошёл другой черпулёр и внёс моё тяжёлое зимнее пальто — драповый верх, цигейковая подстёжка. Вслед за черпулёром проснулся ещё кто-то, как я потом усёк — понятой.

— Это ваше пальто?

— Да, моё.

— Мы по существующему порядку должны подвергнуть вас личному обыску.

— Пожалуйста.

Обыск был поверхностным, для проформы: черпулёр полез за подстёжку в карман и подал оказавшемуся рядом «на подхвате» измятую какую-то квитанцию, тот её мельком развернул и отдал назад.

— При вас ничего нет?

Я сунул руки в нагрудные карманы пиджака, извлёк записную книжку — специально для телефонов и адресов, без литераторско-режиссёрских заметок, для них у меня книжки отдельные, да и не регулярные. Грузчик минут пять, не более, листал книжку, вернул её мне.

— Больше нет ничего?

— Больше нет ничего. В пиджаке — вот, все карманы, здесь и здесь. В штанах карманов нет (я был в эластичных спортивных штанах, заправленных в невысокие сапожки на молниях). Сапоги снимать?

— Нет-нет, не надо.

Когда меня минут через двадцать уводили, в коридоре вручили две странички, исписанные карандашом под копирку; на первом экземпляре, оставшемся у них, я дважды расписался. Это был «Протокол личного обыска». Это был первый в моей жизни документ, полученный мною из рук наших славных чекистов, и я его здесь привожу полностью.

ПРОТОКОЛ

личного обыска

гор. Киев

18 января 1974 года

Старший следователь следотдела КГБ при СМ УССР майор Колпак в присутствии понятых:

1. Заянчковского Евгения Сергеевича, проживающего в гор. Киеве, ул. Кибальчича, 6, кв. 17;

2. Богданова Виктора Николаевича, проживающего в гор. Киеве, ул. Лейпцигская, 6, кв. 429,

в квартире №10 дома №15 по ул. Крещатик города Киева, занимаемой Гр-ном Некрасовым Виктором Платоновичем, с соблюдением требований ст.ст. 184, 188 и 189 УПК УССР, произвёл личный обыск у Гр-на Снегирёва Гелия Ивановича, 1927 года рождения, проживающего в гор. Киеве, по улице Рогнединской, 3, кв. 10, который прибыл в квартиру гр-на Некрасова В.П. — в дом № 15 по ул. Крещатик г. Киева, где в это время производился обыск.

Гр-нин Снегирёв Г.И. вошел в квартиру в 11 часов 15 мин.

Гр-ну Снегирёву Г.И. и понятым разъяснены их права при обыске, предусмотренные ст. 184 УПК УССР. Понятым, кроме того, на основании ст. 127 УПК УССР разъяснена их обязанность удостоверить факт и результаты личного обыска.

При личном обыске у гр-на Снегирёва Г.И. ничего не обнаружено и не изъято. Обыск продолжался с 11 час. 50 мин. До 12 час. 03 мин.

Заявлений и замечаний от гр-на Снегирёва Г.И. и понятых не поступало.

Протокол прочитан нами, записано правильно.

Обыскиваемый: /Снегирёв/

Понятые: /Заянчковский/ /Богданов/

Ст. следователь следотдела КГБ при СМ УССР — майор /Колпак/

Копию протокола получил

«...» января 1974 г. /Снегирёв/

Вот такая памятка хранится у меня.

Так обыскивали всех мужчин, приходивших в те два дня к Некрасовым, — поверхностно и небрежно. Но женщины — о, женщины проходили словно бы по совсем иным статьям УПК УССР. Вот слушайте.

Каждый раз, как появлялась женщина, из «запроходного» штаба звонили по телефону куда-то там, и возникала в квартире рыжая скуластая баба лет 50-ти с тяжёлым взглядом из-под набрякших век. Была она в чём-то бежевом и сугубо штатском, а мне запомнилась так, словно то ли во френче-сталинке, то ли в коричневой рубашке-эсэсовке с галстуком и в руках держит хлыст — видел-то я эту бабу мельком, может, она в ту секунду в самом деле что-то в руке держала, веник или газету в трубке. И вот эта достойная своих наставников-фашистов особа удалялась с обыскиваемой в ванную и приступала к родному и привычному делу. Мужчин-грузчиков при моём обыске было несколько, во главе начальник, надо полагать, кое-какой профессионал и психолог, которому в общем-то, по моему поведению сразу было видно, что ни черта у меня нет. Он так и обыскивал — спросил, полистал. Баба же эта с выучкой надзирательницы сталинского режима оставалась там с жертвой своей наедине, перемигнуться-посоветоваться не с кем, а профессиональный опыт её ушёл не в изучение психологии преступника, а в ищеще вынюхивание потайных мест на теле и в одежде, где можно прятать. Что прятать? В данном случае Легион интересовался разного рода бумагами, документами, которые, по-видимому, вряд ли стала бы пришедшая в гости дама засовывать себе в ухо, во влагалище и в задний проход. Но надзирательница с хлыстом привыкла: искать — так искать, бумаги ли, бриллианты ли — всё едино. И она искала. Приказывала раздеться донага, прошупывала складки лифчика и трусов, заставляла присесть, подлезала сама и заглядывала снизу, лезла пальцами в уши. Та несчастная деваха, что привезла от знакомых из Кривого Рога шерсть и попала как кур во щи, — Галка рассказывала, — вылетела из ванной после обыска в истерике. Другая посетившая в первый день квартиру женщина, старая их и моя приятельница, киноредакторша, — вышла из ванной только пунцовая и слегла онемевшая, да ещё потом, когда живописала подробности, старалась острить-шутить, но как-то так в нервный смехок срывалась, будто всхлипывала. Пикантность ситуации заключалась в том, что у неё как раз была менструация и надзирательница с хлыстом особенно тщательно изучала специфические предметы её гигиены.

Возможно, майор Колпак о деталях женских обысков и не знал. Он там не присутствовал, рыжую бабищу не инструктировал — чего, сотрудницу прислали опытную, а сами жертвы, выскочив оттуда в стыде да в ужасе, пожаловаться ему, Колпаку, забывали, не до того им было. И так вот оно с женщинами и происходило. Учтите, дамы, не очень расхаживайте в гости по тем домам, где хотя бы предположительно можете нарваться на обыск!..

Закончили меня обыскивать, унесли пальто, опять я улёгся, сердце стучало и не имело ни малейшего намерения успокаиваться. Срабатывал, стало быть, страх-стресс, а мне до того дня казалось, что оно, сердце, не реагирует у меня на нервы-волнения.

Отворилась дверь, вошли двое, один в очках и с большим портфелем, совсем молодой. Другой, уже знакомый из грузчиков, сказал:

— Гелий Иванович, вот врач. Вы просили — мы вызвали.

— Я не просил, само пройдёт, — возразил я, но с надеждой усталился на эскулапа. Он без дальних подъездов сел, взял пульс, спросил, что со мной, и я ему выложил. В последнее время я привык излагать о своём здоровье по стереотипу — длинно и занудливо:

— Это у меня с 16 лет, я жил всегда с полной нагрузкой, ещё этим летом на мотоцикле, а сейчас вот уже три месяца как...

Он молча и внимательно изучил пульс, заставил раздеться, добыл из портфеля стетоскоп с резиновыми трубками, послушал лёжа, потом сидя. Извлёк из того же портфеля маленький ящичек-кардиограф, принялся снимать кардиограмму. Я сказал Вике:

— Смотри-ка, у нас в поликлинике Литфонда никак не в состоянии обзавестись портативной аппаратурой для кардиограмм на дому! А тут — пожалуйста, всё есть. Вишь — фирма* на коробочке — Англия!

Из кардиографа поползла лента, тюремный лекарь её поизучал, немногословно сказал, что и в самом деле ничего нового и страшного:

— Ваш обычный приступ тахикардии.

Предложил мне валокордину — я отказался, уже пил корвалол.

— А вы не знаете самого простого и старого способа? — спросил он. — Жать пальцами на глаза?

— Мне что-то объясняли в клинике Стражеско, да я не понял.

— Ну-ка, лягте ровно, покрепче зажмурьтесь.

И он стал большими пальцами давить мне на глаза туда под лоб, всё сильнее и сильнее.

— Будет больно, терпеть не сможете — скажите.

Тут у меня как раз и вырвалось:

— Больно, хватит.

Он тотчас убрал пальцы, побежали из-под век какие-то белые шарики-кубики, под раскрывшиеся веки ворвался свет и тут же почувствовал поджимание снизу от сердца под горло, ударивший там же под горло сильный первый удар пульса — так всегда бывало у меня, когда приступ кончался и сердце возвращалось с 200 на свои 46.

— Ха, вот здорово! — удивился-обрадовался я. — Спасибо, доктор! Уж и правда — не было бы счастья, так несчастье помогло, не устройте вы у

* Фирма — так наши советские пижоны-юнцы, любители заграничных тряпок, называют фирменную марку. У них свой лексикон и словарь, свои им понятные диалоги. Такое я слышал:

— Сколько шузы? (то есть — туфли)

— Полста крон.

— Это ж совы! (то есть — советские)

— Псих! Стеты (то есть — из Соед. Штатов). Секи фирму!

Некрасова обыска — я бы так, гляди, подох, а такого замечательного средства не узнал!

Лекарь, хоть и тюремный, очень искренне обрадовался — то ли тому, что выгашил меня из приступа, то ли тому, что обнарудовал свой передовой опыт. Я молодецки поднялся, походил, подышал морозцем из форточки — было в тот день прохладно и с ветром, градусов десять, хотя вся эта зима тёплая, бесснежная, гниль сплошная, от гнили, наверное, и сердце у меня раскисло. Избавитель мой тоже встал, уложил кардиограф со стетоскопом в портфель, вышел в коридор, дверь за ним плотно притворилась. Я сообразил, что он там сейчас отчитывается — тоже «черпулёр», объясняет (ведро подаёт), что пациент не симулирует, но и страшного ничего нет, хроническое. А тот, на подхвате, у него спрашивает:

— Так это он не с испугу?

— Может, немного и от нервов, но в целом — хроническое.

— Так на допрос его можно? Не подохнет?

— Н-ну, если надо...

— Надо! — с высоты бочки ему.

— Тогда — можно, — подаёт черпулёр полное ароматное ведро.

И меня повезли. Вошли, сказали:

— Одевайтесь, Гелий Иванович, вам придётся поехать с нами.

Я двинулся в коридор. Вика и Галка со мной. Несколько мы растерялись все от такой уже сразу разлучки — а вдруг да надолго, а? Я спросил:

— А-а... а как можно будет узнать, что тут у Виктора Платоновича делается?

Мне ответили успокаивающе и не без иронии:

— Освободитесь — зайдёте. Или позвоните, телефон у вас есть.

Вику позвали из столовой, мы поцеловались — «ну, будь!» — ушёл. Я обнял Галку, сказал:

— Держись, Галина Викторовна, не волнуйся. Всё будет нормально, бред какой-то сумасшедший!

Последнее, насчёт бреда, я вещал громко, для всех собравшихся в прихожей грузчиков — штук пять их сошлось меня проводить. И Галка, целуя меня, улыбалась несколько театрально, говорила чересчур громко:

— Береги себя, не нервничай! Всё обойдётся, у тебя — особенно, это же случайность!

В общем, мы изрядно-таки суетились и играли на публику, и я, и она, бывшие актёры, чувствовали себя на сцене и знали, что четвёртой стенки нету, там зал и оттуда за нами неотрывно следят внимательные, желающие полного под свист и топ провала зрители, профессия которых — грузчики и черпулёры.

... 5. В какую стражу тать придет...

... «...по данным предварительного следствия имеется достаточно оснований полагать, что в квартире Снегирёва Г. И. может находиться антисоветская литература, документы и предметы, имеющие значение для дела».

Ну да, это обо мне, а не о Тебе, мой читатель. Но подставь вместо моей свою фамилию — и будет уже о Тебе. В бумагу эту хорошую мелованную, в бланк этот можешь особенно не паяться и в подлинности его не сомневайся. Такими вещами эти Твои гости не шутят, всё в той бумаге ответственно составлено, и положенные подписи-печати везде, где надо, стоят: вверху — санкция лично прокурора УССР товарища Ф. Глуха, внизу — приложили руки по восходящей майор-следователь, полковник — начальник следственного отдела и генерал-майор — заместитель председателя КГБ при СМ УССР (моего генерала Н. Трояк фамилия, как Твой будет называться — сам увидишь).

Естественно, когда узришь Ты на «Постановлении» столь солидные подписи, невольно возникнет у тебя уважительное: ишь, как споро спроворили! И надо же, все в одночасье оказались — и генеральный прокурор, и генерал, чёткость экая в работе! Не могли же они ещё с вечера документец заготовить, откуда им с вечера знать, что я, идиот, к другу своему утром попрусь прямо к обыску им в лапы! Да и там, видать, не сразу решили меня шмонать, это уж во время допроса моим Анатолием Васильевичем — или Твоим Мироном Сергеевичем — прояснилось. И вот так мигом и чётко, без волокит-согласований бац-бац! — готов документик. И даже секретарша не сбежала в галантерею напротив за импортным лифчиком, на месте за столом оказалась и печать тотчас приложила! Сила, а?

Так вот, дорогой мой, — опять же совет Тебе: не переоценивай их. Их секретарша — тоже человек, т. е. женщина, имеющая две груди, которые надо запихивать в импортный лифчик. И прокурор с генералом тоже люди. И поскольку они люди, то приложили они заранее свои белые ответственные руки ко многим бланкам, секёшь? Ну, к скольким? Полагаешь — к десятку? Маловато, бери выше. Я кладу сотни три, ну пусть две с половиной. И положили их в Большой Сейф, у которого днём и ночью караулит Некто Обязательный и никуда не отлучающийся, тут же у сейфа он и ест, и спит и, пардон, в спецгоршок облегчается. И вот он-то всем и распорядился. Подал черпулёв не-Луначарский (или не-Киров) своему «на подхвате» ведёрко, тот его ш-рух в бочку — и поскакал тотчас к Большому Сейфу. Получил мелованный бланк с подписями-печатами, вписал тотчас мою (или Твою) фамилию и «н-но!», покатила-погροхотала бочка на кованых колёсах по мостовой.

... Итак — один клочок бумаги они у Тебя нашли. И увезли с собой. И ничего пока подозрительного и угрожающего о том клочке тебе не сказали.

И в описи изъятого (об описи ещё я Тебе, читатель, порасскажу — чуть позже в этой же главе) тоже ничего жуткого об этом клочке не написали. Но его, клочок этот, увезли. И теперь всё зависит от того, надо будет им делать Тебе каку или нет. Если надо — станет клочок страшным документом громадной взрывной силы, если нет — вернут его Тебе за ненадобностью и спустишь Ты его в унитаз.

Запомни это крепко. И не шебуршись. И не суши себе мозги. Некоторые поговаривают — мол, они тебе подбросят документики-предметики, коих Ты и отродясь не видывал. Вдруг, примером, некий грузчик выхватит из ящика-сундучка бумаженцию — «А-а, вот она, голубушка, куда спряталась!» Ты в крик — и я не я, и хата не моя! А тебе — «Брось, дорогуша, и ты — ты, и хата твоя, и вот тут при нас понятия — они видели: на полке у окна между «Историей КПСС» и речами Л. И. Брежнева спрятан был этот избобличающий тебя документец!» Позванивают некоторые, а я сам такого Тебе не скажу. Не было, со мной — не было. И у знакомых моих не было, не подбрасывали. Могут ли? А конечно, отчего же нет. Моральные устои, что ли, не позволят? Иных причин нет, а моральные устои — не сомневайся, позволят, хотя бы во имя высших целей. Ну, и чего Ты себе в связи с этим надумываешь? Будешь сам неотступно следить за тремя из девяти грузчиков, а к остальным приставишь тещу, жену и малолетнего сына («Дяденька, а для чего вы в попку моей лошадке бумажку впихнули?»)? Самого смех разбирает? Тот же. Вот и относительно этого варианта — такой же мой Тебе совет: не шебуршись и не трать, куме, силы. Ибо, опять же, чего они захотят — так то и будет.

Итак, подводим итог. Не хами — но и не заискивай. Верь в подлинность ордера и не шебуршись. Верь в их большую силу — но, опять же, не раздувай их могущества в воображении своём. Аминь.

Две наши казённые «Волги», легко и плавно скользя по людным, машинами полным улицам, — часы-то как раз выпали «пик», около шести, — спустились по Свердлова (бывшая Прорезная) на Крещатик, взяли влево, миновали пассаж, откуда меня три часа назад увозили (интересно, кончился обыск? спросить, что ли?), по Институтской поднялись на Печерск, свернули вправо по этой, как её, ну, на которой Театр юного зрителя, остановились напротив театра этого самого через бульвар. Мой Селюк — он сидел вторым на заднем сидении, я третьим справа — вылез, для чего я тоже вылез, его выпускаю. Он нырнул в подъезд здания, где висела доска на русском и украинском языках «Областное Киевское Управление Государственной Безопасности». А я хотел потянуться-вдохнуть на свежем воздухе, но мне тут же — «Садитесь в машину, нельзя!» Сел, стал размышлять: а почему, собственно, нельзя? сбегу? знакомые увидят? что-нибудь заору на всю улицу? Так и не придумал, почему нельзя. Может,

читатель мой, когда Тебе такое выпадет, взбредёт в голову Твою верный ответ — тогда поделись со мной.

Ждали с полчаса. Это открывали там скрипучую тяжкую дверь Большого Сейфа, извлекали бланк-бумагу, вписывали меня, да потом ещё собирали-свистали недостающих черпулёров, да отлавливали понятых, так что уже дальше покатыл я со своей свитой не в двух «Волгах», а в трёх (это какой же автопарк держать надо, чтобы на каждого советского гражданина — вот так враз три «Волги»!). Вывернули на Левашовскую мимо Дворца бракосочетаний, куда как раз вносил на руках могучий и красный от натуги жених не менее могучую белофатовую невесту, весело покатыли на холостом газу по Кругло-Университетской вниз на Бессарабку, шагом обогнули в очереди машин крытый рынок, помахали ручкой строгому Ильичу в начале бульвара Шевченко. Нарушив правила, три наших лимузина на полном газу — вж-жик! — сделали запрещённый левый поворот на Рогнединскую, затормозили напротив моего дома. Уже стемнело. Дружно высыпали из всех трёх машин, разминались, так и чудилось — раздастся бесшабашное:

— Братцы, кто в магазин за водярой?

Но не раздалось бесшабашное. Стягивались ко мне, как к эпицентру торжества. И тут меня разобрал смех. Селюк с опаской покосился:

— Что вы, Гелий Иванович?

Я наклонился к нему и доверительно пояснил:

— Переезжал я сюда совсем недавно, квартиру поменял, и сложно было с грузчиками, еле нашёл бригаду, которая взялась мебель перевезти. Вот я сейчас поглядел на нашу компанию и подумал: тогда бы нас всех сюда — мигом бы мебелишка в доме стояла! Подходящая бригада, а?

Замечу: вот с той минуты и ввёл я в свой «обыкновенный» обиход-лексикон понятие «грузчики». Позже, уже за столом при мариани белых-стандартных, родились «черпулёры». От Ве-Пе пришли «дефективные переростки». Постепенно добавились «ходоки», «мальчишки-кагебальчики» и прочие выразительно-образные синонимы.

Селюк на моё объяснение осклабился, потом нахмурился, но не успел решить, записывать мне это в пассив или не стоит, потому что от второй «Волги» быстро и решительно подошёл худощавый грузчик в пыжиковой шапке на ящерицёй головке.

— Вот, Гелий Иванович, познакомьтесь, пожалуйста, — вдвойне вежливо — и ему вежливо, и мне — представил Селюк. — Старший следователь Берестовский Леонид Павлович*.

С этой минуты младший следователь Селюк отошёл в моей жизни на второй план. А старший следователь Берестовский легко и уверенно занял его место, подал мне руку, а я ему, естественно, протянул свою

* Имя, отчество и фамилия — документальные, живой и реальный человек.

(это мне потом уже прояснилось, потом — дни, недели и месяцы спустя, — что руку ни первым, ни последним подавать им не надо, нельзя подавать!), плечом приклонился к моему плечу и сказал весьма бодро и развязно:

— Я думаю, много времени у нас это не займёт. Вы, мне передали, плохо себя чувствуете, постараемся поскорее дать вам возможность спокойно отдыхать... Да, Гелий Иванович, вы там упомянули насчёт папки с разными... Ну, вы сами знаете, — так мы давайте прямо с неё и начнём.

Далась им моя папка, эх обрадовались! Кажется, дал я маху, упомянув о ней. Ещё не формулировалось, в чём именно дал маху, — но уже понималось...

— Прямо с неё, — подтвердил я тотчас, — сразу и вручу. Только у меня к вам просьба. Я устал и с утра голоден, дайте мне возможность пообедать и лечь.

— Да, да, конечно! Сразу и ложитесь!

И дружная наша большая ватага, отдав соответствующие распоряжения водителям, рассовав по карманам бутылки и пакеты с сырами-колбасами, двинулась к моему гостеприимному дому.

И теперь, читатель мой, прочь всякие морали-назидания. Последовательно и бесхитростно изложу я тебе ход события. А Ты внимай и на ус мотай.

Вошёл я в лифт, радушно позвал:

— Кто со мной?

Берестовский и ещё кто-то оказались рядом. Остальным я сказал:

— Пешком — на второй этаж — шаго-ом марш! — фиглярничал и издевался, так что Берестовский только покосился и головой своей ящеричьей крутнул.

Отпер я дверь, вошёл, изобразил приглашающий жест.

— Входите. Вот вешалка — раздевайтесь. И вообще — чувствуйте себя как дома.

Не вспомню уже сейчас, три месяца спустя, говорил ли насчёт «как дома» — кажется, говорил. Вообще, вёл я себя во время этого самого события странновато, как теперь понимаю. Издевался — и был доверчив, злился — и заискивал, мрачно молчал — и трепался не в меру. Но в общем и целом событие это мы с женой восприняли юмористически, да таким оно и казалось тогда, никто не предполагал, чем оно оборотится. Впрочем, и теперь, когда уже оборотилось, событие осталось комедийным действием.

Берестовский приостановил раздевание в коридоре и сказал, входя в комнату:

— Погодите, прежде всего необходимо выбрать рабочее место и определить оперативный простор (подчёркнуто мной, автором — больно

славные профессиональные слова). Где ваши комнаты? Вот эта и эта? Понятно. Здесь за этим столом будем работать, сюда на диван сложим одежду. Товарищ Селюк, начните с дивана, подготовьте этот угол.

И тогда Селюк прыгнул с бочки — кончилось для него исполнение обязанностей «на подхвате», — ловко подхватил ведёрко и в дружной компании остальных черпулёров принялся черпать. Отодвинули они наш дорогой и новый, ещё по рассрочке не выплаченный телевизор «Горизонт-104», заглянули ему в зад, бормотнули: «Пломбы на месте», — и вскрывать телевизор не стали. Вмиг взвился вверх гнутыми ножками старинный, дворянского Катиного приданого диван — plomb на нём не было, их заменял слой пыли: настолько девственно запылилось диваново брюхо, что обошёлся диван без кесаревского сечения.

В углу за диваном стоит у нас мраморная купальщица — говорят, оригинал знаменитого Аллегрена, в Лувре находится копия (так, во всяком случае, уверяет моя тёща, а вслед за ней и жена). Не знаю, может и оригинал, тем лучше, если на бедность придётся загонять какому-нибудь грузинскому советскому князю-богачу. Симпатичная купальщица: голая, классически стройная, холодная и глупая, как сам её мрамор, и полотенцем ножку вытирает, — весу в ней 45 кило, не меньше, и росту около метра. А стоит на тоже тяжелой и тоже белой тумбе в диаметре с треть метра и чуть выше полутора. Мой обращённый в черпулёра Селюк нежно облапил мраморную бабу в объятия — бережно, видать опасался прислонять к себе крепко чистую-белую, в говне бы от робы не вымазать, — опрокинул нагими грудями себе на плечо, налил кровью с натуги и велел двум другим вертеть-осматривать тумбу. У тех что-то заело, а Селюк побряхтывал и всё более бурел лицом. Зрелище было прекомичнейшее, и я не удержался.

— Да, Анатолий Васильевич, — сказал я, — вашему полному тёзке Луначарскому, который, как известно, был большим любителем и ценителем женских красот, вряд ли доводилось когда-либо держать в объятиях столь прелестную голую девочку. Да и вам, кажется мне, вряд ли ещё когда-нибудь придётся, так что наслаждайтесь и ловите момент.

Он выдал улыбку и глянул на меня свирепо, потя лбом под своей драгоценной ношей.

Тумбу осмотрели, аккуратно подложили под неё те же её клинышки, чтобы мёртво стояла, и оригинал Аллегрена занял своё насиженное место в углу. С оригиналом этим связана одна преинтереснейшая для характеристики близких мне людей история, это целый сказ о том, как приковали ржавой цепью мраморную-белую голую натуру; не хочу сейчас отвлекаться от описания увлекательных детективных перипетий — где-нибудь в других главах найдётся, возможно, местечко для баллады о прикованной красавице.

Дома, когда ввалились мои гости, была только бабушка моя, Мария Петровна*. Ей 86 лет, она глуховата и подслеповата, повидала на веку своём всякого, но человек она, в общем, робкого духа. Как вошли мы, я ей сразу сказал — громко, чтоб она слышала, так что и все слышали:

— Бабо, незванный, говорят, гость — хуже татарина. Но они не гости. Ты не пугайся, бабо, и не волнуйся — они у нас тут кой-чего поискать хотят.

— Как — поискать? — растерялась баба. — Зачем?

— Ну, бабо, как тебе объяснить. В общем — это называется обыск. Понимаешь?

Бабино лицо с минуту изображало испуг. А потом она как-то так медленно и несуетно обвела взглядом всех вокруг, стала суровой с лица и осанкой, и так уже и держалась до самого конца. Когда проникли двое грузчиков в её с Филькой комнату, она оттуда ушла. А на другой день уже рассказала, смеясь: хоть и понимала, что ищут они какие-то книги и вообще бумажное, но почему-то всё время боялась — а как найдут спрятанную на дне сундука бутылку из-под кубинского рома с моим самогоном-снегирёвкой...

— Вот и понимала, глупая, что другое они ищут, а нет-нет да и подумаю: а как спросят, откуда самогон взялся? Скажу, думаю, — знакомые дали. А спросят, какие знакомые, — хоть убейте, не скажу!

Но они до дна бабушкиного сундука не добрались, как и не стали взламывать карельской берёзы заветную бабину шкатулку, запертую на ключик. Вообще, дорогой читатель, они, конечно, профессионалы, не любители, но исполняли они работу свою в моём доме несколько небрежно — я уж и то прикидывал: слишком небрежно, донести бы начальству о стиле их работы — влетело бы им. Да, влетело бы, и я бы донёс, точно. Только заставят же заново переискывать? Гори они огнём, не стал доносить. А с другой стороны — может проявился в том величайший их профессионализм, не внешний, а глубинный, психологический: увидели, как спокойно и беспечно ведут себя хозяева (ведь даже уснул во время обыска хозяин дома!) — и стали работать спустя рукава, лишь бы закончить кое-как то, что уже начали. А ещё и папочку ценнейшую тотчас получили, самым верхним «на подхвате» шурунули ведёрко-отчётец. С одной стороны — эдак, с другой стороны — иначе. Одним словом, читатель, делай выводы сам.

* Мария Петровна Собко (урожд. Короткевич) — родилась 15 марта 1888 г. Первую мировую войну прошла сестрой милосердия в Милосердных госпиталях Ея Величества Императрицы Марии Фёдоровны, кавалер трёх солдатских Георгиевских крестов. Похоронив под Харьковом мужа (деда автора), царского полковника Николая Петровича Собко, следовала за автором повсюду на протяжении всей его жизни, растила обоих его сыновей. Умерла на 94-м году жизни, пережив внука на четыре года. Похоронена (по её завещанию) рядом с ним на Байковом кладбище в Киеве. (Прим. публ.)

А только падала их ретивость по ходу дела. Вот пример. Один из черпулёров — молодой, строгий, с иголочки одетый и в движениях деловитый (видно, с большим уважением относится к собственной профессии, любит свой пахучий труд черпулёра) — обшарил на кухне весь шкаф с посудой, а металлические с крышкой банки открывал и перелопачивал в них ложкой до самого дна манку, рис, сахар, вермишель. Это при начале обыска. А ближе к концу он же, уже менее строгий и в движениях не столь деловитый, остановился в коридоре перед шкафом, на котором лежала польская палатка «Юрата» в синем чехле; остановился, очень враждебно на палатку посмотрел и на меня взор перевёл.

— Что это на шкафу в чехле?

— А это моя палатка походная туристская любимая, — радостно ответил я. — Снимайте её, раскладывайте в комнате на полу, — она огромная, там карманы и клапаны в глубине есть, до них иначе не добраться, внутрь залезать надо. А я её ещё с осени тальком пересыпал — не жалел тальку, чтоб не сопрела. Сворачивать её без сноровки трудно, да что поделаешь. Ташите её!

Тоскливо на неё черпулёр поглядел, взялся за стул, придвигать к шкафу, когда главный, слышавший нашу беседу выразительную, сказал:

— Да ладно, ощупай её снаружи — и хватит.

Ну, ещё парочку бак для общей характеристики их работы. Да, чуть не забыл. Вместе с грузчиками вошли в квартиру двое понятых — молодая весьма миловидная женщина в зелёном платье и невыразительный молодой человек. Им объяснили их права и обязанности и, как сели они на стулья возле диванчика с одеждой, так и просидели до двенадцати ночи. Подписали в конце протоколы. И до сих пор я не знаю, кто они, эти Калинина Алла Александровна и Барабаш Сергей Маркович (фамилии их обозначены в «Протоколе обыска»), и как их отлавливали: то ли случайные лица, то ли состоят на спецучёте и зарплату за свою молчаливую работу получают, — склоняюсь к последнему, состоят и получают, такие себе внештатные стукачишки, от которых толку уже мало, а люди всё-таки проверенные, вот и дают подрабатывать, по трёшке платят за каждое вечернее сидение*.

Так вот, едва вошли мы, увидел я в коридоре у журнального стола пufик индийский, полосатый такой бело-зелёный (он не так давно достался нам на память от друга Ильи и нашего через Илью приятеля Бори Корнблума, крупного математика с мировым именем, уехавшего

* Пишу — не знаю, кто они. Это три месяца спустя после того дня не знал я, кто они. А два года спустя — узнал. Не об обоих, впрочем, а об одном, о Сергее Марковиче Барабаше. И как узнал! Не стану сейчас отвлекаться, в эпилоге этого роман-доноса может сообщу о том. Сейчас одно только: вторично познакомился я с С. М. Барабашом на собственной моей... свадьбе. Вот!

полгода назад в Израиль). Напихал я этот пуфик всяким мотлохом — тряпками, газетами, кусками поролона, старыми рукописями, зашнурован он в очень тесные дырочки шнурком (я для шнуровки из Катиной шпильки специальный вшивальник сооружал, иначе не пропихнешь кончик шнура в дырочки). Увидел я пуфик, сразу сообразил, что вшивальник они от меня хрен получают, и говорю, сокрушаюсь и сочувствую:

— Ай-ай-ай, это ж и пуфик придётся вам потрошить, там между тряпьем и старые мои рукописи рваные всунути.

И кто-то из грузчиков как сел возле пуфика с самого начала, так едва к концу обыска закончил всовывать шнур в дырочки. И надо отдать ему должное — я поглядывал — каждую бумажку разравнивал, почитал и снова скомкал. А вшивальник из шпильки у меня на письменном столе на самом виду валялся, я им мундштук чищу.

Вот. Пуфиком, опять же, занялись мы сразу, с начала обыска. А уже к концу добрались до карнизов: у нас карнизы над внутренними дверями, над широченным окном и над застеклённой дверью на балкон — из блестящих трубок со съёмными колпачками на концах. Велел я им снять в сортире со стены лестницу, полез один по ней, дотянулся до карниза, снял колпачок, вынул трубку из кронштейна, приставил к глазу, заглядывает. А на другом конце колпачок не снят, на месте остался. Всматривался он, вертел трубку — бодро и уверенно произносит:

— Ничего нет, на просвет видно.

А я-то отлично знаю — никакого там просвета, колпачок на противоположном конце мёртво надет.

Вот так. Есть у них, ясное дело, своя инструкция, и по той инструкции карнизы должны быть тщательно проверены, ещё и написано там, уверен: «Карнизы просматривать на свет и проштырживать для убедительности тонким металлическим стержнем, царапая по стенкам изнутри». Но для чего создана инструкция? Чтоб её нарушать — делая при этом, конечно, вид, что соблюдаешь.

Короче, дорогой читатель: халтурят они в своей работе точно так же, как и мы с Тобой в своей.

... Чёрт подери, опять отвлекаюсь от хронологии обыска. Едва мы провели дислокацию, определили рабочее место и операционный простор, я напомнил, что хочу жрать. После выяснений, где и что, бабушке разрешили пойти на кухню в сопровождении того самого строгого и деловитого, чтобы приготовить мне обед и там же на кухне мне подать (мы всегда обедаем на кухне). Строгий и деловитый сразу приступил к шкафу. А поскольку шкаф покрыт клеёнкой, а поверх клеёнки стояло тогда несметное количество давно не сдаванной посуды — бутылки молочные, винные и нарзаннные, банки всех мастей, — то он и начал с того, что принялся сгружать на стол посуду: надо же поднять клеёнку, под которой спрятаны прокламации (в итоге он выгнал оттуда тощего

прусака). Когда вошёл на кухню я, сопровождаемый Берестовским, возле своей плиты стояла соседка Ольга Ивановна, таращилась на молодого, отлично одетого мужика, снимавшего со шкафа бутылки, и помешивала ложкой в воздухе над кипящей кастрюлей. Я пожелал соседке доброго вечера, Берестовский тоже поздоровался.

— Вот наша кухня, — подобно гиду в музее показал я. — Это — шкаф и столик одной соседки, это — холодильник, шкаф и ещё один шкаф Ольги Ивановны — вот она перед вами. А это — наши вещи.

Старший следователь решительно шагнул к столу, опытной рукой приподнял столешницу, заглянул в ящик под ней, откуда тоже шмыгнули тараканы разных калибров и возрастов. Следователь направился к холодильнику. И тут моя Ольга Ивановна произнесла:

— Гелий Иванович, вы что у... у... уезжаете? У... у... уже поменялись И... и... и ничего не говорили? У... уже вещи перевозите?

Допёр я не сразу. А когда допёр, как сами понимаете — надолго расхохотался. И эпизод этот в наших семейных рассказах друзьям-приятелям об обыске занимает важное место. Ольга Ивановна, видя, как споро и решительно собирает прилично одетый грузчик посуду, сделала тот единственный вывод, какой и могла только сделать: что я втихаря от соседей поменял квартиру, переезжаю и уже пришли мои друзья, чтобы паковать и перевозить вещи.

Отсмеявшись, я растроганно подержал Ольгу Ивановну за плечи, заверил, что тайком от таких славных соседей никуда не сбегу, и сказал:

— Понимаете, Ольга Ивановна, это... ну, как бы вам объяснить... Словом, товарищи из соответствующих органов кое-что разыскивают и вот хотят и у меня немножко поискать. Вы не пугайтесь и не волнуйтесь.

Она тотчас заявила, что волноваться не собирается, и по просьбе Берестовского предоставила ему полное право осматривать её вещи в кухне, в кладовке и даже в комнате. Берестовский пояснил ей, что, если соседи настаивают, им тоже по положению могут предъявить соответствующее постановление об обыске (уже об обыске у них), но, мол, лучше и проще обойтись без излишних формальностей. Меня же в продолжение этого разговора не покидало видение моей спортивной сумки с бобинами и кассетами, которую повесил я утром в гараже Ивана Михайловича. Теперь, естественно, придя домой и увидя соседей, я уже не сомневался в том, что за стенкой на Ирининской пел-играл не мой Саша Галич. Но как теперь зайдут к Ивану Михайловичу, начнут расспрашивать о том-сём, узнают про гараж, про моё туда хождение — и...

Когда я пообедал и вернулся, работа кипела полным ходом и в коридоре над распотрошённым пуфиком стояла уже моя жена Катерина, дымила сигаретой и судорожно пыталась издеваться над грузчиками. Трое грузчиков в трёх углах большой комнаты рылись в книгах у стеллажей, один хозяйничал в комнате бабушки и Филиппа. Один сидел у ног Катерины

над пуфиком, один тут же в коридоре возился у шкафов. Я сказал этому последнему:

— Сейчас вы меня попутаете. В шкафу у меня оружейный арсенал.

— Какой арсенал? — вмешался подскочивший Берестовский, он тотчас возникал, едва слышит что-либо неожиданное.

— А у меня тут четыре ружья. Три двустволки и одна воздушка.

— Ну, так что?

— А вас это разве не интересует?

— Ничуть!

— Странно...

И старшой вполне индифферентно отвернулся. А черпулёр даже заглядывать на полку с ружьями не стал.

А и в самом деле — странно. Производят у тебя обыск, ищут документы и предметы, которые подтвердят уже высказанное в «Постановлении» предположение, что ты антисоветчик и вообще враг. И держишь ты дома оружие — ну, пусть не нарезное, не пулемёт и не автомат, но целых три охотничьи двустволки, из которых умелому стрелку тоже кой-чего наворотить можно, особенно если жаканами палить. И это их, видите ли, ничуть не интересует. Нет, ей-Богу — странно. Неужто так уж уверены, что в нашей чудно-прекрасной стране так всяк запуган, что не поднимет руку на какого-нибудь вождишку? А?

Звонил телефон. Отвечать на звонки сразу же запретили. А телефон всё звонил. Я догадывался, что названивает в основном тесть, Георгий Николаевич, который по вечерам сидит допоздна у себя в институте, сочиняет книгу какую-то по истории медицины; ведь тёща, Ирина Степановна, сбитая совершенно с панталыку, сообщила ему, что Боря привёз Филиппа безо всяких объяснений. И он, Георгий Николаевич, может и догадывается о возможности чего-то такого (конечно, упаси Бог, даже слова «обыск» про себя вымолвить он не решится), но ритуала-то подобных акций он не знает — вот и названивает. И сходит там с ума потихоньку: гудки раздаются — а никто не подходит, Фильку передали — а ничего не объяснили. Не дай Боже, ещё не выдержит, припрётся в самый раз, — обшмонают здесь профессора по карманам, а потом вдруг и в квартире захотят, а? Там работы на неделю, не меньше, книг — что твой дореволюционный отдел Академички...

И вот приближается определяющий момент.

— Ну-с, Гелий Иванович, — заговорщицки произносит Берестовский, — где же наша папочка?

Открываю шкаф в коридоре, провожу пальцем по боковинам папок, уложенных штабелем одна на другой.

— Здесь. Я не помню точно, какая. Берите, осматривайте их — всё равно ведь будете всё осматривать, — когда до неё дойдёте — я скажу.

Развязывает одну — не то, остатки отцовских архивов. Вторую — тоже не то, не переведённые с русского черновики новых рассказов о прокуроре

Карамаше, которые мы стряпаем вдвоём с Кальченком и издаём у себя на Украине по-украински, хотя первые самые черновики я сочиняю по-русски. Третья — очерки и рассказы, не вошедшие в прошлогодний сборник. Четвёртая... да, она.

— Вот эта папка.

Берестовский расположился прямо в коридоре: пододвинул высокий и обширный дубовый стул из старинного трапезного гарнитура, раскладывает на нём бумажки.

— И какие у вас тут документы?

Пролистываю. Даю ему в руки сшитый экземпляр «Автопортрета-66».

— Незаконченная моя повесть, я работал над ней семь лет назад. В ней есть отголоски лагерной тематики. Это — единственное, что вас может у меня заинтересовать.

Зачем я о ней ещё раньше выболтал Селюку? Кто тянул меня за язык? Хвастал я перед ними, что ли — у меня, мол, тоже имеется кой-чего? Так нет же, и в мыслях подобного не держал.

Главный встречает мою устную аннотацию к повести «Автопортрет-66» сдержанно, пропускает веером в пальцах страницы, кладёт рукопись сбоку на стул.

— Ладно, посмотрим. Ещё что?

— Да, вот ещё один документ, который я имел в виду.

Беру из папки сколотые скрепкой пожелтевшие страницы. На первой сверху стоит:

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПАРТСОБРАНИИ КОММУНИСТА Г.СНЕГИРЁВА.

Почему-то — предосторожность и маскировка! — от фамилии осталось одно С., остальное замарано зелёными чернилами (в «Протоколе» будет сказано — «зелёным красителем»). Протягиваю следователю.

— Вот.

Он глядит, читает заголовок, засматривает в конец — там всего страничек шестнадцать.

— Что это?

— Выступление на партсобрании.

— Чьё?

— Моё.

— А-а... зачем оно нам?

— Н-ну... мне кажется, этот документ — это единственное, что может вас заинтересовать в моём доме.

Берестовский пренебрежительно вертит в руках сколотые странички.

— А что в нём такого особенного, в этом вашем выступлении?

И я — о, идиот! — принимаюсь набивать своему выступлению цену.

— Оно, правда, старое, семь лет уже прошло... Но там в нём и о событиях в Бабьем Яре в 66-м в день 25-летия, и насчёт Дзюбы и Некрасова.

— И вы с ним выступили? — перебивает следователь.

— Где?

— На партсобрании на вашем или где вы собирались выступать...

— Выступил.

— И что вам сказали?

— Д-да ничего, в общем... Кое-кому из начальства не понравилось.

— Вам за него выговор объявили, взыскание?

— Да нет.

— Так зачем оно нам? — и вовсе возмущается старший следователь Берестовский.

— Ну, я не знаю, не хотите — так не надо.

Ей-богу — так и сказал: не хотите — не надо! А? С идиотизмом граничащая гениальность!

— Ладно, — снизошёл он, — раз вы настаиваете — давайте, возьмём, посмотрим.

— Не настаиваю, — огорчён и обижен я. — Не хотите — не берите, что за одолжение!

— Не будем терять времени. Взяли.

И «Выступление на партсобрании» легло на «Автопортрет»:

— Что ещё вы хотите добровольно нам показать и передать? Учтите, Гелий Иванович, мы с вами всё по-хорошему, посмеиваемся и свободно себя держим, но дело может оказаться не шуточным, и всякое ваше добровольное сознание, помощь следствию — вам на пользу. Учитывайте это.

Я пожимаю плечами, вздыхаю сокрушённо.

— Больше ничего у меня нету. И рад бы — да нету.

Берестовский приближает ко мне свой лик.

— Гелий Иванович, а произведения Некрасова не для печати? Нет их у вас разве?

Я отшатываюсь и громко говорю:

— Какие произведения Некрасова не для печати? Поймите, нет у него никаких произведений не для печати!

И я ещё раз громко и на поставленном актёрском голосе выдаю свою формулу насчёт принадлежности Ве-Пе к редкой и счастливой категории литераторов, у которых всё написанное опубликовано.

— Ладно-ладно, — отмахивается следователь, — не хотите сказать правду — дело ваше. Но учтите, этим вы можете крепко повредить себе.

Изображаю свирепость и рычу:

— Я говорю то, что мне хорошо известно!

Хоть и изображаю, но в изображаемое сам верю, такова сила внутреннего актёрства. Но сердцу-то, оказывается, всё равно, актёрство или взаправду, ему лишь воспринять импульсы волнения-возбуждения, — и сердце моё в какой уже раз на том дне опять тра-та-та-та-та...

Тем и завершился главный определяющий момент. Остался мной недоволен следователь Берестовский. И я направился прямо к нашей желтошкурой, уже обысканной тахте и лёг. И не знал я, что в это самое время цепкие пальцы старшего извлекают из той самой папки бумажки-документики, которые кажутся ему много интереснее и содержательнее моей рукописи и выступления. Хоть и они, конечно, не то, ибо думалось-желалось выхватить у меня некрасовских «Корнейчука» да «Косыгина» — но на безрыбье и рак рыба (Даль даёт более образную, на мой взгляд, пословицу: «На бесптичье и жопа соловей»). Впрочем, прошло немножко времени, разобрались они, осмотрелись — и всё оценили по достоинству, всему нашли своё место и отвели свою роль: и бумажкам-документикам, и рукописи, и выступлению на партсобрании, за которое мне в своё время даже не объявили взыскания.

Лёг я на тахту, и под села ко мне супруга моя Катерина. И приблизился ко мне дежуривший неотлучно лекарь. Пощупал пульс, покачал головой.

— Ещё попробуем? — кивнул на мои глаза.

— Давайте, жмите.

И он стал жать, а я терпеть, потом сказал «хватит» и он отпустил, и под ресницы ко мне ворвался свет в белую крапинку, и сердце тут же из та-та-та сразу мерно: тук-тук, где-то под горлом. И я вздохнул и задышал вольно.

И тут моя супруга Катерина что-то врачу лягнула язвительное, вроде того, что вот, мол, как вы на пациентах-подследственных напрактиковались. И лекарь мой сверкнул на неё вдруг то ли глазами то ли стёклами очков и громко, на всю квартиру, включая коридор, где «работал» с моей папкой старшей, возмутился:

— Да я никакого отношения к ним не имею!

И так он это резко-хлётко отчеканил, что все грузчики-черпулёры враз к нему оборотились, а в дверь заглянула ящеричья голова старшего.

— Что такое? Кто отношения не имеет? К кому?

Ответа не последовало. Лекарь только засопел, возле меня сидя.

Так я и не знаю — тюремный он или нет. Видимо, нет, раз так во весь голос заявил. А с другой стороны — его-то где же тогда отловили в течение десяти минут? Да Бог с ним, человек, видно, не вредный. И научил меня полезному, я потом не раз себе на глаза давил и получалось.

Ну-с, что ещё такого достойного происходило у нас в доме в тот вечер, о чём Тебе, читатель, полезно знать? Вот заметил Ты, к примеру, что один из Твоих черпулёров книжечки со стеллажа снимает и пальчиками эдак перебирает, и от пиджака своего отстраняет — в пыль боится испачкаться, пыль-то к сырому говну во как пристаёт! Ты тотчас и шумни жене:

— Да подай ты людям влажных тряпок, пусть уж и книги заодно перетрут, вон сколько пыли-то развела!

Я так сделал, вот те крест святой! И не обиделись ребята, тряпочки взяли и поблагодарили, им же и приятно, пыль в нос не лезет. А книжечки так славно повытирали — и по сей день чистенькие стоят!

Что ещё? Жена моя Катерина изрядно им хамила и заработала пару замечаний, а раз даже повысил на неё голос Берестовский, ящеричья голова. Уснул я во время этого всего — да, вот так, читатель мой, уснул, и Тебе того же советую, не повредит, а авторитету прибавится; уснул я, сердце меня умучило, то ли само пощады запросило и сработал организм на самосохранение, — только повернулся я ко всем к ним задом и затих — унёсся в Нирвану мой разум. И проснулся от заботливого шёпота:

— Чш-ш, хозяин уснул!

Да, вот и независимо себя вёл, и на место их ставил, и издевался — а и забывал, что это враги и гады и фамильярничанья-то уж никакого с ними допускать нельзя, ни-ни. На книжной полке за книгами лежали у меня два блока сигарет «ВТ» (кто не знаток — объясняю: самых наилучших болгарских. Купил я их перед самым Новым годом, усиленно ходили слухи, что сигареты и бензин с первого января резко вздорожают — я и купил сюрпризом Катерине, подешевления-то уж во всяком случае не жди). И вот мой добрый приятель Селюк их нашёл и вертит в руках — блоки запечатанные, так он один надорвал и изучает. А Катя как раз из комнаты вышла, но вот-вот войдёт. А мне обидно стало, что сюрприз пропадает, шагнул я к Селюку и говорю тихо:

— Эти сигареты — прячьте их, пожалуйста, скорее туда же и книгами так же прикройте, чтоб жена не увидела их.

Он тотчас подозрительно:

— А что? Почему?

И мне пришлось тягомотно объяснять ему, черпулёру вонючему, что это я купил заранее в подарок жене и ещё не настало время, и всякое такое невразумительное, после чего черпулёр вскрыл и пересмотрел и второй блок, а он его совсем было хотел класть назад на полку. Словом, зря я фамильярничал-интимничал, зря забыл, что гады и враги.

... Ещё принялся вдруг один из двух пожилых черпулёров — эдакий благородный, солидный, по амплуа типично на роль отца в «Травиате», — вслух читать нам всем «Евангелие». Обнаружил он его на полке, тотчас поднёс Берестовскому — крамола, религию исповедуют! Тот отмахнулся — не то, мол, ищешь, не баптиста шмонаем, политического. И добрый старичок присел на подоконнике, принялся читать «Евангелие» и время от времени цитировать. Что он цитировал — не помню. Но смонтировалось примерно так.

— Яко аще ведал бы хозяин дома, в какую стражу тать придет, то бодрствовал бы и не дал бы подкопаты храма своего... — монотонно по-псаломничьи вещал черпулёр.

И тут же Берестовский диктовал в протокол Селюку:

— Пиши: «Обнаружено и изъято произведение Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в обложке от журнала «Коммунист Украины» № 4 за 1971 год».

И рывкнул на подоконник псаломщику:

— Перестань бубнить, мешаешь!

Проявились они как не профессионалы и вовсе даже любители, когда дошло дело до пакования магнитофонных лент и записных моих книжек. Набралось всего изрядное количество, а у них с собой никакой тары нет. Берестовский:

— Гелий Иванович, может есть у вас большой целлофановый мешок? Мы возвратим. Или ящик какой-нибудь? Мы его обвяжем верёвкой и сургучом опечатаем.

— Своё, небось, полагается иметь? — говорю.

— Да понимаете, мы вот поздно к вам, да не думали...

— Ладно, на балконе стоит картонная коробка с мусором, пойдите мусор вытряхните, — только не вниз людям на головы, а вынесите на мусорку, — и упакуйте.

Так и поступили. Опять:

— Гелий Иванович, у вас верёвочки не найдётся?

— Ну-у, граждане, это уж и вовсе свинство! Своё надо иметь!

— Задержались мы у вас, уже ночь, и послать некуда.

Теперь, когда мараю эту белую-стандартную красителем, подумываю о том, что и в отсутствии ящиков и верёвки сказалась непредусмотренность ими крупного улова: так, думали себе, зацепим бумажку-другую, рассказик какой Некрасова, так для этого следовательского портфеля хватит. А тут — вишь, сколько огребли. И опять думаю: ведь я сам виноват, я сам их на обыск навёл, упомянув на допросе с Селюком сперва об «Автопортрете», а затем о заветной папочке; на папочку-то они меня и вовсе прикупили, я уж счёл, что обыск так или иначе состоится, и ляпнул про папочку, а они до моего упоминания о ней только тянули резину, потраву вели, с обыском ещё не решились! А про папочку услышав, уверившись, что промаха во всех случаях не дадут, — в наличии папочки сам признался, — и покатили весело шмонать. Точно, сам навёл, типичная «самонаводка»! Внимай, читатель, и будь мудрее меня.

Нашли им в конце концов и верёвочку. Нашли — а она коротка, узлом связать — так кончиков не торчит, на которые печать сургучную ставить. А дотачивать нельзя, узел быть не должно. Отправился кто-то к Ольге Ивановне и уже у неё выклянчил верёвочку. Эпопея эта коробочно-верёвочная отражена и в протоколе обыска. Отражена замечательной по грамотности фразой (протокол под диктовку Берестовского писал мой Анатолий Васильевич — вот уж не-Луначарский!): «Ящик оБЯзан шпОгатом и опечатан сЕргучной печатью № 018 УКГБ...»

Более подробных сведений об этом выдающемся документе я Тебе, читатель мой, здесь не даю. Впереди прочтёшь ещё два документальных дополнения. Одним из них явится полностью приведенный «Протокол» — благо, один экземпляр его оставлен мне на добрую память. Можно бы даже и фотокопию какой-нибудь самой интересной странички в книжку врезать — но Бог мой, когда-то дойдёт до книжки!

Из-за протокола обыска и получился у меня в самом конце событий, под самый занавес, срыв и вспыхнул скандалчик.

Протокол, вернее опись изъятых у меня при обыске бумаг и вещей, они принялись составлять задолго до окончания самого шмона: четверо оперов перетерали себе тряпочки книги и делали «ку-ку» в карнизы, а Берестовский с Селюком принялись переписывать уже обнаруженное, внимания их достойное: сидит себе за круглым столом под сенью беломраморной нагой красавицы писарь, стоит напротив через стол, шупает-оценивает предметы, подбирает для них характеристики и диктует начальник. Эти переписывают — а те им время от времени что-то новенькое подносят: Берестовский осматривает и либо отдаёт для водворения на место, либо откладывает себе в улов. Переписывали, подносили — да и закончили. И тут Селюк говорит:

— Ах, чёрт, только новую страницу начал, одну строчку вписать успел. Ничего больше нету? Что бы ещё такое?

— Ничего не забыли? — воззвал и Берестовский.

И вдруг Селюк:

— О! Машинка! Пишущая машинка!

— Ах, да! — стукнул себя старшой кулаком по лбу — маху дал, про машинку забыл.

И тащат они с полки машинку и заполняют протокол. Я даже не сразу сообразил, что машинку мою увозят: они переписали фирму («Олимпия»), номер где-то там разыскали, я ждал, что поставят взад на полку, когда —

— А фугляра к ней нет? Во что её упаковать?

— Как? — спрашиваю. — Машинку забирать?

— А как же?

И тут я психанул. Стал на них орать, что машинка — это моё орудие труда, нужна мне ежедневно и они не имеют права. И если нужно им провести идентификацию, то пусть отпечатают на машинке два-три текста и этого достаточно: как соавтор прокурора в детективном жанре я немного в этом разбираюсь. Ничего не помогало. Я продолжал орать, что могу дать им подписку о невыезде машинки из квартиры — никакого эффекта.

— Успокойтесь, успокойтесь, Гелий Иванович, — твердил старшой. — Вот знаете что, мы всё сделаем для того, чтобы вам её поскорее вернуть: сегодня пятница — во вторник, самое позднее в среду вам её привезут. В целости и сохранности.

Я сквозь зубы, но вполне выразительно послал их матом, лёг на тахту, повернул к ним зад и не сказал больше ни слова, только велел Кате снять со шкафа чёрный футляр для машинки.

Вот и всё.

И они ушли. И закончился этот вечер. И опустился занавес в конце этого дня. Странного дня, полного важных и нелепых событий. Переполненного моими глупыми поступками, действиями себе во вред, ошибками, которых Ты, читатель мой, учтя мой опыт, не совершишь.

Несомненно: огонь вызвал на себя я сам. Особенно полно и до конца убедился в этом, когда теперь вот, три месяца спустя, оживил день 18 января 1974 года в памяти и произвёл «опись событий». И вызванный этот на себя огонь переворотил мою жизнь и привёл меня к марианию этих белых-стандартных. Так что же? Неосознанны эти ошибки? По глупости, по нервной расхристанности из-за скверной сердечной деятельности? Или тут шла какая-то подспудная невольная игра в поддавки ради проигрыша в текущем привычном бытии — и выигрыша в большой рулетке всей жизни?

Один Аллах знает. Я — не знаю.

... 7. А всё — шлёпанцы!

... Следователь мой очень сочувственно на меня глядит, советует не нервничать и говорит невзначай:

— А может, им просто надо по рублю с телевизора подкинуть? Все ведь так.

Я соглашаюсь, везде взятки и вымогательства, но тут, говорю, дело в другом, тут дело в безответственности, которая у нас везде-кругом. Он с этим вполне согласен:

— Да, есть отдельные работники, потеряли чувство долга...

И я ему выдаю:

— Да не отдельные! Сплошная сверху донизу безответственность и коррупция! Система тому причиной!

И только тут я опомнился, увидел, что не друг-Васька передо мной сидит, и аж в пот ударился, и с отчаянья, исправляя допущенный промах, решил перетечь дальше напролом:

— Можете записать в протокол мои слова: система виновата в сплошной безответственности сверху донизу и в воровстве!

Вскочил я и в нервности крайней забежал по комнате. А Хрисанфич растерянно спрашивал (то ли правда не раскумекал, то ли притворялся):

— В протокол? Зачем?.. Да вы не волнуйтесь, успокойтесь, Гелий Иванович.

И чтобы полностью оправдаться и выбраться из дерьма, в которое я «догавкался», уже поспокойнее подвёл спасительный, как мне показалось, итог:

— Да, система! Система обслуживания населения — вся пропитана у нас взятками и равнодушием, сколько не критикуем, в газетах не пишем, в судах не судим — не помогает!

Выкрутился, да? Как знать. Очень может быть, что в донесении моего Разумного значилось: он, мол, опасный тип, всю систему сверху донизу открыто вслух поносит. Вот как. И распустился я донельзя, поскольку дома в шлёпанцах сидел. Там со мной бы такого не случилось. Ну, и дурак, там ведь не позвонил бы телефон из телеателье!

Беседа наша с Хрисанфичем длилась недолго, менее часа. Закончилась она неуверенными попытками его дозвониться куда-то в гараж по поводу машины — не дозвонился и ушёл пешком. О предстоящей нашей «работе» он на прощание не упомянул. Вообще, у меня сложилось такое впечатление, что Селюк в частном порядке попросил своего более опытного коллегу-наставника проверить его, Селюка, впечатление от уже подозреваемого, но пока свидетеля Снегирёва.

Во время беседы нашей — ещё Селюк не ушёл — позвонили в дверь, и я впустил в коридор Юрку Губацкого с хозяйственной сумкой, полной покупок. Почему-то мне стрельнуло в голову, что всякого пришедшего ко мне сейчас должны, как и во время обыска, хватать и шмонать-допрашивать. Оглянулся на дверь в комнату — они выскакивать не торопятся. Тогда я зашипел Юрке:

— У меня обыск... — В спешке не договорил «был вчера». — Приходи часа через два.

Он вмиг стал похож на посетителя в больнице, который принёс передачу и узнал, что любимый родственничек уже в морге.

На прощанье домашний старобухгалтерский Хрисанфич тоже уверил меня, что ничего плохого мне не сулит. Расстался я с ним чуть не по-дружески. А всё — шлёпанцы!

... Вышел из телефонной будки и увидел Юрку Губацкого: он стоял на противоположной стороне Рогнединской и опасливо косился на мой подъезд. Две сумки с больничными передачами ещё больше разбухли: родственничек, стало быть, воскрес из морга.

Мы вошли в дом, поведал я ему о происшедшем. Поговорили, прикидывая туда-сюда. Храбро заявил он, что прямо сейчас от меня пойдёт к Вике, не застанет — позже сегодня же зайдёт. И пошёл-таки, не застал и явился на другой день, не струсил. Ничего запоминающегося, внимания достойного сказано меж нами не было. Выкурил он три сигареты, проглотил под колбаску четыре рюмашки «снегирёвки», и мы попрощались, поволок он к себе в Дарницу в родную пещеру добычу для волчицы своей и деток — хождением по базарам у них заведует волк-отец, особенно с тех пор, как оказался он волею судеб без постоянной работы.

Что ж, полагается, очевидно, познакомить Тебя, читатель мой, с другом моим и соавтором Юрием Губацким. Не отказывайся, познакомься, ибо человек он в своём роде выдающийся.

Юрочка — высок, черняв — он наполовину еврей, лысеет, лет ему 40. Мясистые губы, уже обвислые щёки — от лет, котлет, водки и никогда не закрывающегося рта: основная его профессия — трепач, основное занятие — трёп; он всё читает, всё знает и всё немедленно юмористически излагает, он из тех, кто ради красного словца не пожалеет и отца (кстати, отец у него — чудный, тихий, мудрый маленький дед, теперь на пенсии, а был длительное время бессменным директором крупной обувной фабрики). Если в компании, то ли за столом, то ли в студийном коридоре, появился Юрий — слышны только переливы его наглой пулемётной скороговорки и взрывы хохота окружающих, треплется он талантливо.

Юра закончил университет, журналистику, и все студенческие годы был спортивным профсоюзным заправилкой. Сам тоже бегал какие-то дистанции с барьерами, но даже плавать не умеет, ужасно смешно наблюдать, как они вдвоём с Фимкой Ароновичем входят в воду где-нибудь на мелком прудишке, щупая ногами дно и сосредоточенно озираясь, как бы кто-нибудь не столкнул в жуткий омут с водоворотами. Должность спортивного босса давала ему разные материальные блага и запиравшиеся на ключ некие подсобия кабинетов, где он мог беспрепятственно любить многих подруг-студенток. Работу эту он очень любит, похлеще моего; у него даже существует личный план-обязательство: ежегодно иметь три новые любовные связи, — будь то длительная здесь в Киеве, будь однодневная в командировке, — и план этот он до сих пор регулярно перевыполнял (будем надеяться, донос мой не попадёт в руки его супруге). Супруга же — Тина, Тинуся — красивая еврейская девочка, теперь-то уже девочке под сорок (а дочке Ленке — 14, а сыну Вовке — 9), она скрипачка из способных лентяек и в целом толковая баба, хорошая хозяйка и мать; об изменах Юркиных она знает и сама тоже, по-моему, раза два в гречку скакала, в связи с чем они и пытались разводиться, но каждый раз из-за лени, из-за боязни крушения крепости быта-семьи (дети, квартира, привычка, да что скажут всякие) отменяли развод. Теперь уже не разводятся. Да здравствует лень!*

Один из крупных романов Юркиных, подведших было к разрушению семейной крепости, разыгрывался на моих глазах и заглох при моём

* *Анекдот. Диалог в камере:*

— *За что посадили?*

— *За лень.*

— *???*

— *Приятель анекдот рассказал за нашу политику. Я, конечно, решил — надо немедленно донести. А потом подумал — а, лень, завтра успею.*

— *Ну, и что?*

— *А приятель не поленился.*

активном участии. Красивая московская киноактриса Дана С. покорила его. Покорила — и сама покорилась (была она старше лет на шесть), и почти начался у Юрочки развод, но тут я убедил их не делать глупостей. Юрочка со мной согласился, радостен будучи, а красавица-полячка Дана излучала на меня гнев глазами и дыхом своим. Тина знала о моём благом участии в её семейной судьбе, знала, как детки её не остались благодаря мне без папочки, и когда в свою очередь на их глазах и почти на их руках разыгрался у меня роман с балериной Тамарой О. (я как раз в то время расстался с женой и ходил-гулял сам по себе), Тина очень много усилий приложила, чтобы нас навеки соединить: и ключи от их квартиры нам неоднократно вручались, и всякие мелкие провокации устраивались. Но — не вышло, я избежал. Избежал, да тут встретил Катерину, и для Тамары пропал, чего Тина долго мне простить не могла, и с Катей общения у них нет.

Ах, сколько милых пьянок, сколько весёлых и нелепых амурных историй воскресает в миг в памяти от одного только звука имени — Юрий Губацкий! Пустые бутылки, прятавшиеся почему-то в пианино в холостой моей квартире-гарсоньерке, — была даже такая роскошь. Вспоминают гарсоньерку с тяжёлым вздохом сожаления все мои друзья, которым, опять же, ключи от гарсоньерки в порядке очереди доставались.

— Ах, как ты мог с ней расстаться! — толкуют они. — До сих пор бы у нас...

И не договаривают, едва не смахивают слезу. И невдомёк им, что не по гарсоньерке грусть. Грусть — по нашей ушедшей молодости, и песнями, и вином, и милыми девами полной!..

Знакомство наше с Юркой началось с того, что я, главным редактором студии будучи, пригласил его на работу. Сразу нескольких молодых я пригласил. Юрку Ф. — добродушного огромного очкарика (типичный Пьер Безухов, сейчас в Москве, много пьёт и заведует чем-то там по кино в АПН); Ленку З. — длинную костлявую дылду с очень приятным красивым лицом (ту самую, что тоже попала к Некрасовым во время «события» и была подвергнута личному обыску рыжей эсэсовкой по всем правилам с раздеванием и приседанием); Лена сейчас — один из ведущих редакторов студии. Юркина карьера уверенно всползала в гору. Я давно уже перестал быть главным редактором, снимал себе кинопортреты простых советских людей, а он оставался в редакции и неуклонно рос. Между прочим, лет 10, а то и больше оставались мы на «вы», никак не «тыкалось». Иногда до смешного доходило. Стали мы соавторами, одну книгу вместе написали, другую, третью, сценарий стали сочинять — успех выпал только на долю «Золотого бутса», остальное лежит в ящиках-гробиках литературными трупами. Ну, а с заскоками, с гонором, слава богу, оба — и часто ругань между нами звучала так:

— А пошли Вы к ..., Юрочка!

— А м... Вашу с..., Гелий Иванович!

Только года три назад, когда уже полностью утерялась у нас служебная взаимозависимость, да и дружба тогда начала как-то сбоить, перевалили мы на «ты». Наверное, дело таки не в зависимости по службе, а именно в охрошении дружбы.

А захромала она, когда Юрий Владимирович доросли до руководителя редакции киножурналов и стали вдруг по отношению ко всем — и ко мне, гад, тоже! — выказывать этакое чином продиктованное хамство-заносчивость. Удивлялся я, материл его, и вот тут и перешли мы на «ты». Вступил он в партию, в кандидаты приняли. И уже совсем плёво посматривал на бывших верных друзей, особенно на тех, от кого прежде был зависим, а теперь вроде бы перерос их, как со мной, например; я уже много раз замечал: никто тебе не отомстит, как тот, кому ты делал добро. И — сгорел.

По глупости и по жадности (маленькая — но семья, да не такая уж и маленькая) нанялся он написать какому-то богатому колхозу сценарий и с помощью подчинённых ему студийных кинооператоров снять фильм. За что колхоз прямо им в руки, голубчикам, вручил тёпленькие деньжата — хозяйство богатое, средства по статье «культурные расходы» имеются и из года в год недорасходуются, почему себя не восславить-увековечить колхозным руководителем?

И написал Юрка сценарий, и сняли ребята гениальный фильм о богатейшем, одной ногой при полном коммунизме живущем колхозе — и все были довольны. И райком, и обком посмотрели фильм — и тоже порадовались, хвалили колхоз за полезную инициативу, упрекали только, что их, областных и районных вождей на экране нету, забыли пригласить на съёмку, упущение совершили. Кажется, кто-то из таких обиженных и стукнул в ЦК: мол, «левые» фильмы студия Укркинохроники производит, деньги работнички студийные подгребают, служебным положением и государственной съёмочно-проявочной аппаратурой пользуясь. И завертелось. Да ещё выяснилось, что не один такой Юрка с компанией промышлял, раскололи фирму, давно и регулярно воспевавшую колхозы-совхозы левым образом с помощью и при поддержке заместителя директора студии*. Грозил Юрке суд, но обошлось. Однако из кандидатов в члены он так и не вылутился и с работы на студии его попелили. Складывалась одно время даже весьма трагическая ситуация, кто-то в ЦК велел его отовсюду гнать и не подпускать.

Прошло со времени погрома года полтора — и Юрка в ус не дует: ходит свободным художником-сценаристом без ежедневного сидения с 8.30 до 17.00, зарабатывает не меньше, а то и больше, — и все довольны. Даже Тина, хоть он теперь в командировки ездит чаще и план-обязательство своё перевыполняет, по-видимому, раза в два, а то и в три.

* Несчастный тот заместитель, хоть и не судили его, а только уволили, вскоре снула голову под поезд, царство ему, дураку, небесное!

Таков Юрка. Соавторство наше с ним осуществлялось по следующему принципу: его трёп, его хохмы и разные придумки на основе богатейшей памяти и миллиона слышанных-вычитанных майс*, иногда его записывания черновиков — и моя литературная разработка. Сам писать он никогда не сможет, спортивные очерки и сценарии не в счёт: не видит он фразы, поскольку лишь забегает вперёд, и не способен следить за логикой развития характеров и событий. То есть, опять же, профессия его — трепач, основное призвание-занятие — трёп. Весёлый, безудержный, поносный трёп, который для него — искусство ради искусства, главная радость и наслаждение. У меня такое ощущение, что его план-обязательство относительно трёх девочек ежегодно — тоже ради трёпа: новые любовницы нужны ему не для мужского наслаждения, а как слушательницы, восхищённые его колоссальной фантазией и бесшарнирно подвешенным языком.

И не подумай, читатель мой, будто я, подобно Герцену, восклицаящему то и дело в адрес своих добрых друзей-писателей: «Вот ещё одна святая душа, загубленная в душевной тюрьме царского крепостничества-самодержавия!» — и себе хочу по поводу Юрия Губацкого, друга моего, воскликнуть подобное. Нет, не воскликну. Юрка ничуть не загубленный. При лучшей организации общества, в коем он живёт и треплется, был бы он тем же трепачом, только приспособило бы его это разумное общество на более полезную отдачу его талантливого трёпа в те же литературу да кино — и платило бы ему денег поболее.

Ве-Пе теряет в среде несвободного, скованного цензурой творчества, Фимка теряет, разменивается на собачью муру вместо создания подлинных кинооткрытий. Я теряю, я никогда не издам здесь своего заветного и не стану писателем; а Юрка — не теряет, его профессия-призвание при любом строе и системе не делает его жертвой, лишь бы не сажали за сравнительно невинный трёп. Впрочем, и Юрка, конечно, теряет: живи он в свободном буржуазном обществе да не ощущай ни малейшей опасности наказания за своё свободное устное слово — он бы ещё и не так трепался! А с третьей стороны, опять же, во всё позволяющем обществе — о чём трепаться? Куда ни кинь — всё заколдованный круг.

Вот только что, прямо мне под руку-под перо он позвонил специально ради того, чтобы сообщить очередную байку:

— Ты слышал? На студии Научпоп небольшая паника. Этот их бывший сценарист, гад, что уехал, как его... Верников*, вот, — он же, сволочь, до

* Майса — побасёнка (еврейск.) (Прим. публ.)

** Верников Владимир Наумович (лит. псевдоним — Владимир Лобас), в 1962-72 гг. — сценарист Киевской киностудии научно-популярных фильмов. В 1972 г. эмигрировал из СССР, в 1974-80 гг. работал внештатным автором на радиостанции «Свобода». Написал и издал в США роман «Жёлтые короли» («Записки нью-йоркского таксиста»), который в начале 90-х был опубликован в Москве и стал бестселлером. Отдельная сюжетная линия этой книги посвящена диссидентской деятельности Гелия Снегирёва. (Прим. публ.)

Израиля не доехал, попал в Соединённые Штаты — выступил по «Голосу», целых 30 минут ему, говорят, дали, и уделил внимание своей бывшей родной конторе.

Сказал — все на украинском научпопе идиоты и кретины без исключения, порядки бездарные, его, гениального киносценариста, заставляли портить выдающиеся творения обязательным славословием партии и вождям, верным слугам народа. Говорит — есть на студии два умных человека, и назвал Г. и З. И вчера уже к З. все в кабинет лезут с постными рожами, приносят своё глубокое сочувствие по поводу похвалы из стана врагов. А что? Разжалуют Женьку, а жалко, порядочный человек. Никак не могут решить студийные кумушки — что с Г. сделают, как расправятся: он на пенсию ушёл на днях, может, пенсию в два раза урежут, иначе не укусишь. А? Цирк!

Всё это выдано без малейшей паузы, сплошной автоматной очередью с иронией в адрес всех подряд: и Соединённых Штатов, и наших вождей, и Израиля, и З. с Г., и гада-сволочи сценариста.

И трёп-то, пожалуй, трёп — а вот собирался я как раз позвонить З. — он один из секретарей Союза кино — и попросить его, чтобы вякнул в мою поддержку, когда будут на секретариате распределять автомобили. Мы с Женей старые приятели, и человек он порядочный, несомненно. А теперь вот после этой Юркиной майсы я и соображаю: стоит ли звонить ему? Порядочный-то порядочный, да, если всё это правда, — а Юрка треплется, как правило, по неизмышленной канве, там уже детали могут быть навраны, — то Женя, пожалуй, не захочет поднимать голос в защиту вонючего диссидента. Нелепо, конечно, опасаться наказания за то, что некий болван из чуждого мира похвалил тебя, а час неровён и прецеденты подобному бывали. Впрочем, это мои догадки-предположения, а позвонить ему всё-таки надо, не повредит, а помочь может.

Может быть, и зря я столь подробно рассказывал Тебе, читатель мой, о человеке, которому на этих белых-стандартных не отведено мною одной из главных ролей. Но пусть Ты его знаешь. Он — мой друг многие годы, и оба мы с ним друг в друге как-то там преломились и отразились, мир мой внешний и внутренний невозможно понять до конца во всех деталях, если не знать о присутствии в нём, в этом мире, великого трепача Юрочки. Ну, в заключение могу ещё добавить, что Юрка не из тех, как говорится, кого приглашают с собой в разведку. А впрочем... да, впрочем. Один из немногих, кто тотчас после обыска попёрся к Ве-Пе и ежедневно звонит ему — Юрочка. От беспечности? Пожалуй!

Да здравствует беспечность!!!

... Часть третья. ПО-ПАРТИЙНОМУ.

1. Не будите Герцена!

... В мире среди сенсационных новостей первенствовал Солженицын. Любая радиопередача на любом языке непременно прерывалась его именем. Наши газеты, центральные и республиканские, пестрели проклятиями именитых деятелей в адрес литературного предателя-власовца.

Вторым именем, главенствовавшим в эти дни в радиопередачах мира, был Кисинджер. Он везде-везде и всюду-всюду. Он ездил, вершил, вмешивался, произносил доктрины, женился, проводил свой медовый месяц, высказывался. Выказался он, в частности, и в том духе, что: «Эмиграция советских евреев — внутреннее дело Советского Союза». По этому поводу недавно выпущенный из СССР профессор Левич очень остроумно его срезал: «Где был бы сейчас Кисинджер и имел ли бы он возможность произнести сейчас эти слова, если бы мировая общественность в 1935-37 годах не вмешалась в судьбу немецких евреев и не добилась разрешения на их эмиграцию аж до 38-го года, а заявила бы, что судьба немецких евреев — внутреннее дело Германии? Кисинджеру, немецкому еврею, было 18 лет, когда ему с папой и мамой удалось вырваться из фашистской Германии в 1938 году».

В один из этих дней зашёл ко мне знакомец мой по клинике Стражеско — вместе валялись в 1972 году — Изя В. И рассказал на эту тему — насчёт внутреннего дела с евреями — премилую историю. (Тогда в клинике я ему, чересчур мнительному, читал проповеди о вере в собственное здоровье, и каждую такую проповедь начинал ироническим: «Изичка, *ви* же умный человек!» В эту нашу встречу я убедился, что Изичка в самом деле — очень и очень неглуп...)

Записал я её примерно вот так:

— А началось с того, что на учёном совете у нас в какой уже раз обратился к преподавателям ректор с воззванием:

— Товарищи преподаватели, ну, наконец, поймите: нужно же! Партия призывает — ЦК требует! У себя на Украине мы должны преподавать, учить наших студентов на украинском языке! По-украински, понимаете!

Мы, преподаватели, понимали. Вернее, не понимали. Не впервые ведутся эти разговоры — преподавайте по-украински! — но никто всерьёз этого не принимает, и на другой же день всё это забывается. Почему, собственно, по-украински? Знают его не все — и преподаватели, и студенты, есть ведь приезжие из России, из других республик нашей многонациональной социалистической Родины. Терминология по-украински — особенно техническая — несовершенна, не устоявшаяся. Разъедутся наши студенты, опять же, по всей многонациональной, необъятной и великой. Почему же по-украински?

И тут ректор ткнул рукой в первый ряд и говорит:

— Я вижу, мои слова остаются «гласом в пустыне», придётся действовать по-другому... Тов. Авдеенко, Яков Палыч, вы ведь знаете украинский?

— Конечно, — откашлявшись, отвечает Яков Палыч, тов. Авдеенко.

— Можете вы преподавать химию на украинском?

— М-могу, если уж так необходимо.

— Вот я прошу вас, — резюмирует ректор, — буквально с завтрашнего дня ведите курс по-украински.

Старик Авдеенко пожал плечами и пробормотал: «Пожалуйста, Владимир Петрович».

Потом ректор ткнул во второй ряд — выборочно, так сказать, — и договорился о преподавании по-украински сопromата Селегенёвым, затем о деталях машин с Сердюком. Потом произошла маленькая заминка с Яблонской, которая не знает украинского — три года, как приехала из Ленинграда.

— Ничего не поделаешь, Татьяна Викторовна, — сказал ректор, — надо научиться, выучить. Вы живёте на Украине, уважение к великому украинскому народу требует от вас знания языка страны, где вы живёте.

Ректор произнёс эти торжественные слова и несколько удивлённым взглядом обвёл аудиторию, словно прислушивался к звукам своего голоса и удивлялся тому, что сам произносил.

Правда, тут же вспомнили, что Яблонская — англичанка, преподаёт английский, и ей в основном надо говорить в аудитории с целью создания языкового режима по-английски. Пospорили немножко по этому поводу и сошлись на том, что любить и знать украинский язык всё равно надо, хоть и англичанке.

И тут Владимир Петрович указывает на меня:

— Израиль Абрамыч, тов. Березанский, а вы как — готовы перейти на украинский?

Я слегка опешил. Детективы я читаю, когда дочка принесёт, и «Энеиду» часто цитирую: «Еней був парубок моторний...» и т. д. Говорю, что, мол, я-то его знаю, но органически как-то не чувствую, говорить-то не приходится по-украински, да и слышишь его редко — разве на базаре, когда отправишься в воскресенье поторговаться, жене помочь. Говорю, что могу, конечно, перейти на украинский, но дайте, мол, месяца два — подчитаю, подучусь, телевизор дома переведу на местную украинскую трансляцию, с дочкой буду общаться только по-украински — она отлично им владеет, вообще к языкам способная девочка и украинский ей нравится.

— Хорошо, — ректор мне, — даём вам два месяца сроку.

Поговорили — опять забыли. А я не забыл. А что, в самом деле, не могу я, что ли? А вот могу! Надоело мне, чтобы на меня эдак смотрели: «Евреец, мол, этакий, слабо ему по-украински лекции читать!»

Стал я готовиться. Книжки по-украински читаю, грамматику зубрячу. От «Іменника» до «трёх крапок»* проштудировал, дочке запретил со мной по-русски даже здороваться, и сына Борьку — ему четыре года — по-украински натаскиваю.

И ровно через два месяца вхожу в аудиторию и, как ни в чём не бывало, сообщаю:

— Добрий день, товариші студенти. Тема нашої лекції сьогодні — «Техніка комунікацій і канали для передачі інформації».

Смотрю — у всей аудитории челюсти отвалились, во все глаза на меня смотрят, молчат, ручки над тетрадами замерли.

— Товариші студенти, не хвилюйтеся, віднині я вестиму курс ЕОМ українською мовою.

Я у них электронно-вычислительные машины читал, по-украински — «електронно-обчислювальні».

Загудели мои студенты, захрюкали.

— Да мы не привыкли, да мы не поймём, да не все знают язык, да мы лучше...

— Ша, — говорю, — товариші студенти, буде так, як я сказав. Партія від нас вимагає, ЦК ставить перед нами завдання, а тим, хто не знає української мови, — ганьба! Не годиться жити на Україні, вкупі з українським народом, і не знати...

И я слово в слово повторил все торжественные слова ректора на том учёном совете.

А студенты мои галдят. Я тогда говорю:

— Ну-ка, кто украинец по национальности или живёт всю жизнь на Украине — встаньте!

Поднимаются, вылазят из-за столов — почти весь курс стоит, четверо остались сидеть. И тогда я отрубываю:

— И вы хотите мне сказать, что вы, украинцы, не знаете родного своего языка? Не верю! Садитесь.

И начинаю им «викладати» введение в тему. Ну, я, конечно, эту первую свою лекцию дома отрепетировал и почти дословно записал, чего обычно никогда не делаю, — одним словом, оттарабанил пару любо-дорого, без сучка и задоринки.

Закончил, внимательно они все слушали, записывали, оставил две минуты, спрашиваю как всегда:

— Вопросы... тьфу, запитання будуть?

И поднимается студент Авраменко — хитрый и медлительный хохол, который и со мной, и со всеми, сколько мне приходилось слышать, говорил только по-украински, и спрашивает:

* Іменник — существительное, три крапки — многоточие.

— Вы меня извините, Израиль Абрамович, — это всё он на чистейшем украинском языке говорит, — очень вас прошу, пожалуйста, простите меня, — это я насчёт того, что вы нас, украинцев, стыдите, что мы своего языка не знаем... Только вы извините, Израиль Абрамович, что я это спрошу... Вы — еврей?

— Еврей, — отвечаю без запинки и довольно гордо.

— А вы еврейский язык знаете?

Невинно-преневино спрашивает и голову к плечу склонил.

И я ему отвечаю:

— Знаю!

Авраменко на секунду растерялся — но только на одну секунду. И тут же заулыбался и головой закачал:

— Израиль Абрамович, вы меня, пожалуйста, извините, — я не верю, что вы знаете еврейский язык. Простите меня — но вот не верю и всё. И никто не верит.

И головой вокруг и руками повёл — «Правда ж, хлопці?» И хлопцы загудели:

— Не ве-ерим!

Ну, это всё как бы в шутку получилось, с улыбками, с «простите-извините», да и вообще у меня всегда со студентами отношения самые простецкие.

— Ах так? — говорю. — Хорошо. Я вам докажу. На следующей же лекции.

А с еврейским языком у меня вышло так. Мама моя Мария Исаевна знает язык — не древнееврейский, а «идиш», для неё у нас выписывается журнал «Совѣтише Гаймланд» на еврейском языке. Я еврейского с детства не знал, хотя, когда к маме старики в гости приходили и заводили свою беседу, я понимал в общих чертах, о чём и о ком они судачат. Но как понимал? Чтобы вам понять, один случай расскажу.

Двоюродная моя тётя вышла замуж — и вскоре после свадьбы я поехал в командировку в Москву. А там у нас дальние родичи, и мама взяла с меня слово, что я обязательно к ним зайду (терпеть не могу по родичам шляться). Ну, зашёл. Ахи да охи, угощения, расспросы, я обо всём чинно и подробно рассказываю, они сидят, слушают, интересно им всё ужасно, миллион вопросов: пожилые уже хозяева, двое стариков — их родители. Приезжают ещё три родственника, тут же ещё два — позвонили им тихо от меня, и сбежалась вся мешпуха на живой привет из Киева. И тут я как раз принялся живописать Сонину свадьбу: как ресторан «Динамо» весь сняли и дядя Абраша фрейлехс плясал, и какой у Сони красивый и талантливый муж, и как они любят друг друга, и как квартиру им двухкомнатную дают. И я, желая щегольнуть своим знанием родной речи, возьми и ляпни: «В общем, слава богу, Соня имеет свой большой тухес».

Смотрю — все на меня вылупились, застыдились, покраснелись; думаю — что я такое сказал? Соня имеет свой большой тухес — «счастье» по-еврейски, чего они на меня пялятся? Хозяйка затеяла о чём-то другом разговор, налила ещё рюмки — и я забыл об этом тухесе. И уже через три дня в поезде домой вдруг мне штыркнуло в селезёнку: как «счастье» по-еврейски? Не «тухес», а... да, «нахес», «нахес» по-еврейски «счастье». А «тухес»... Боже мой, зад! «Задница» — «тухес» по-еврейски!»

Вот так я знал свой еврейский язык.

И года три назад мне мама как-то говорит, что в этом самом журнале «Гаймланд» напечатаны неопубликованные разделы из «Менахема Менделя» Шолом Алейхема и вообще печатаются интересные вещи. И я заинтересовался, взял у мамы несколько уроков и стал читать этот «Гаймланд», аккуратнейшим образом перечитывая все художественные публикации в каждом номере и всякие информации. Не пропустил ни единого номера.

И каждый раз обсуждал прочитанное с мамой — непременно по-еврейски. Жена? Нет, жену я в это не втягивал, при чём тут жена, она у меня, Тамара — чистокровная хохлушка-полтавчанка. Между прочим, как вы догадываетесь, детей своих я записал на её фамилию, и они у меня украинцы...

Теперь через три года я свободно читаю журнал и сносно болтаю по-еврейски с мамой и её стариками.

И вот на следующей лекции я им доказал. Закончил материал — по-украински, само собой, осталось две минуты. «Вопросы... тьфу, запитання будуть?» И, естественно, поднимается Авраменко, усмехается, подмигивает хлопцам.

— Вибачаюсь я, дуже вибачаюсь, Ізраїле Абрамовичу, то як відносно єврейської мови, га?

И тут я эффектным жестом вынимаю из портфеля новенький, только полученный «Советише Гаймланд», приглашаю к кафедре Авраменко и прошу его взять журнал в руки и убедиться, что журнал еврейский и новый, выучить его наизусть от корки до корки я не мог никак. Потом прошу ткнуть пальцем в какой-то текст на любой странице. Авраменко тычет пальцем, я беру журнал и начинаю читать — бегло, с выражением — и тут же перевожу на русский, конечно, на украинский не могу, ведь думаю-то я по-русски, на украинский переводить была бы адова работа: воспринять идиш по-русски и тут же переложить на украинский.

Читаю один текст, кусок из рассказа Переца Маркиша; тычет мне Авраменко в другую страницу — я выдаю с подъёмом стихи Ривы Балясной; ещё он тычет — я преподношу покаяние еврея, который уехал в Израиль и теперь там погибает от горя и тоски по советской родине.

Аудитория меня очень внимательно и в полной тишине слушала, а студентка одна, Скирда Леся, нежная и мечтательная, вымолвила:

— Ах, какой красивый еврейский язык — аж мне от умиления слеза под правым веком зашекотала.

Тут Авраменко в вежливейшем поклоне протянул мне руку и сказал:

— Вибачайте, Ізраїле Абрамовичу, тепер віримо. Красненько вам дякуємо за науку. Тепер всі ми відчуваємо, що рідної мови справді соромно не знати.

И аудитория мне заплодировала.

Вот так. И больше студенты не возражали, и все курсы я стал читать по-украински.

А почему, спрашиваете, я больше не работаю в институте? Да очень просто. Через полгода покатила какая-то новая волна против украинского национализма — а волна против сионизма всё время была на должном подъёме, — пригласил меня ректор и стыдливо сообщил, что я должен подать по собственному желанию. В вышестоящих инстанциях получен сигнал, что я на лекциях перед студентами развожу украинский буржуазный национализм, а заодно и оголтелый сионизм.

Я, конечно, тут же тихо подал. Слава богу, что ещё так...

Я хохотал и приговаривал: «Ви же умный человек, Изичка!»

... Совершенно великолепно импровизирует М. эпизод, происходящий в русской истории начала XIX века при том повороте исторических событий, которого не случилось на самом деле.

— Представим себе на минутку, — говорит он, что 14 декабря 1825 года победил не царь Николай, победили декабристы.

На крыльцо дома Пушкина в селе Михайловском, где, как известно, встретил опальный поэт известия о событиях на Сенатской площади, взбегает, подкатив в санях парой, Иван Пушин. Вбегает в дом и кричит:

— Александр! Свершилось! Мы победили. Поздравляю тебя!

Пушкин в радости взлетает на стол, отплясывает трепака и вопит:

— Вив ля либерте! Ура!

Затем призывает:

— Аринашка! Шампанского нам по такому великолепному случаю!

Пробка в потолок, переплёскивается пена, звенят бокалы.

— Говори, Жано! Рассказывай! Как это было?

— Да отлично было! Всё вот так и сбилось, как мечталось.

— А что ж наследник Николай?

— Да понимаешь... Ну, ты же знаешь Якубовича*: горяч, южная хохлацкая кровь. Заупрямился наследник, не хочу, говорит, уступать власть свою! Якубович пистолет из-за пояса — да и застрелил наследника!

— Ай-ай-ай! — посентиментальничал поэт, хотя радость от происшедшего и велика. — Ну, что же, царство ему небесное. Да и не любил я его, и взглядом жёсток, и повадкой — тиран. Вив ля либерте, Жано!

* Якубович — один из декабристов.

Переплёскивается пена, звенят бокалы, поцелуи.

— Ну, рассказывай, рассказывай, Жано!

— Да что рассказывать-то, всё чинно обошлось. Вот, правда, в сенате нехорошо получилось.

— А что? Не присягнул сенат?

— Да присягнул, как не присягнуть. Старик Мордвинов, понимаешь, выступил вперёд, грудь свою цыплячью выпятил да и лопочет: «Я, — говорит, — государю-императору был и буду верен, а власти узурпаторов — умру, не признаю!» Ну, Муравьев-то наш Апостол, неводержан, скор, рывкнул на старика да пистолет и выхватил. Ненужная кровь, что поделаешь. А тут внук старика, поручик Серж Мордвинов — наш человек, верен нашей идее, вёл храбро себя давеча на Сенатской, а как прослышал про убийство деда в сенате-то, — любил его, поговаривают, — словно тебе взбесился: на коня да роту свою и подними, вывел на Невский, заставил горланить — «Долой насилие и кровь!» Что тут поделаешь? Поднял Раевский свой Семёновский полк да и покончил с поручиком, а роту всю — в кандалы взяли.

Слегка побледневший Пушкин отодвинул бокал.

— Ну, а ещё?

— Да вот, понимаешь, Елизавета Алексеевна, вдова августейшая*, упёрлась — не желаю, говорит, оставаться в поруганной России — еду в Швецию к племяннику. Поезжай себе — перечить не станем. Отправилась тотчас с обозом. Мимо Кронштадтского форта обоз шёл, а Миша Кюхельбеккер и погорячись: как так, мол, старая ведьма Отчизну покидает, на Западе, мол, умы к бунту противу нас будоражить начнёт! Да и подай команду пушкарям. Всего четыре залпа и дали-то из форта по обозу.

— И Елизавету Алексеевну... а? — бледнеет Пушкин — любил он и уважал вдовствующую императрицу.

— Да уж так, — весело подтверждает друг Жано, — картечь — она, брат, никого не жалует.

Мрачен стал поэт, угрюмо цедит:

— Я хочу за границу.

— Куда-а? — поражён русский якобинец.

— За границу.

— Да ты рехнулся! Собирайся тотчас — едем со мной в Петербург!

— Зачем мне в Петербург?

— Бежал нашего революционного правосудия Фаддей Булгарин, редактор «Северной пчелы». Кондратий Рылеев давно упреждал его, мерзавца, говаривал: «Ну, Фаддей, была бы наша воля, — вмиг бы тебе голову свернули!» Хитёр оказался, успел сбежать в Париж. Едем тотчас со мной — тебя мы назначим редактором нашей «Северной пчелы».

* — Елизавета Алексеевна — вдова царя Александра I.

— Я хочу за границу, — устало твердит поэт.

— Да ты что, братец? В такие дни — бежать? Уже Пестель, не согласный с нашими революционными преобразованиями и реформами, поднимает у себя на юге свои полки и двигает их на нас, на Петербург! Необходимо единение всех наших сил! Ты немедленно возглавишь нашу новую, революционную «Северную пчелу»!

— Я хочу за границу, — твердит потухший поэт.

Взбешённый Пущин выбегает, грохнув дверь. На крыльцо к нему подобострастно приближается местный предводитель дворянства. Предводителю высочайше было наказано вести слежку за опальным поэтом. Пущин свирепо рывкает ему:

— Глаз не спускать с него! Даже во Псков чтобы уехать не смел! Головой отвечаешь!..

И вот месяц спустя подписчики получают газету «Русский вестник». На первых полосах — подробные экстренные сообщения о жестоких сражениях между русскими армиями Южан, предводимых одним из главарей декабристов — генералом Пестелем, и русскими армиями Северян, которыми командует другой декабрист — генерал Раевский. Русские «Южане», громя русских «Северян», приближаются к столице. Другие статьи сообщают о крестьянских смутах, о казацких бунтах на Волге, на Дону, на Урале, о всё более частых пожарах в Москве.

На последней странице внизу находят читатели набранное петитом сообщение в четыре строки:

«На границе государства Российского возле Вержболово при попытке перейти границу и бежать из России застрелен коллежский секретарь Александр Сергеев Пушкин...»

Вот так. Очень выразительно. И до жути точно.

... 3. Бить его, бить!

И приснился мне страшный сон...

Приснился он мне в чёрную ночь, что настала после чёрного дня, когда меня — советского писателя и советского же кинорежиссёра — исключили из нашей партии, из рядов КПСС. Покарала меня партия, отобрала мой красный партбилет. И произнёс при этом партийный руководитель громовые слова:

— Одного Солженицына выгнали вон, так мы теперь будем у себя нового растить?

Это обо мне он так сказал! А? Подумать только! Страшным грозovým эхом звучали у меня в ушах эти слова...

И приснился мне сон...*

* Факт подлинный: в ночь с 15 на 16 марта 1974 г. приснился мне этот сон. Без выдумок и добавлений перенёшу его на бумагу — впечатался в памяти предельно чётко.

Будто стою я перед членами бюро райкома партии. В точности так стою, как будто наяву: та же низкая длинная комната, столы, ряды стульев и ряды людей, председательствующий под портретом Ленина. И слышу я громовое:

— Одного Солженицына выгнали вон, так мы теперь будем у себя нового растить?

То есть слышу то же, что и наяву слышал. И отвечаю, как было. И изображаю ярость и рычу:

— Вы думаете, что говорите? С кем вы меня сравниваете? С предателем и власовцем? Кто вам дал пра...

И тут явь кончается.

Мой молодой и прекрасоликий Председатель расплывается в хитрой улыбке, подносит палец к устам, клонится через стол вперёд ко мне и, едва не прыскавая со смеху, произносит:

— Тс-ссс... Гелий Иванович, неужели вы ещё не поняли?

Я прихлопываю рукой отвалившуюся нижнюю челюсть, трясую головой — «н-нет, н-не понял» — и, ошарашенный, вижу добродушно хохочущих членов бюро.

— Ха-ха-ха, не понял!

— Хе-хе-хе! Как испугался, бедняга, а?

— Хо-хо-хо! Хи-хи-хи! А ведь так несложно понять!

— А ещё писатель, режиссёр!

И Председатель, сияя улыбкой, говорит:

— Одного Солженицына выгнали вон — так мы теперь будем у себя нового растить!

Те же самые слова произносит. Те же! Но — как произносит! И добавляет:

— Поняли, дорогой Гелий Иванович?

И всё завертелось. Члены бюро — кто степенно, а кто в радостной суете — пожимают мне руки, поздравляют, заглядывают — кто отечески-ласково, а кто и восторженно — мне в глаза. Подходит председатель, честно и крепко давит руку и произносит:

— Вам выпала высокая честь. Вам оказано высокое доверие. Вы — Гелий Иванович Снегирёв — вы должны стать новым Солженицыным! Понимаете? От вас ждут подвига во славу Р-р-родины!

И поскольку я всё ещё ни черта не петраю и чувствую себя, как бывает в кошмарном высокотемпературном багровом сне, когда летишь в бездонные тартарары и на тебя валятся кругло-бесформенные раскалённые глыбищи, — он, Председатель, совершает рукой плавный магический жест и говорит:

— Покажите.

И тотчас взмывает вверх Ленин над столом, и за ним открывается то ли светящийся экран, то ли прозрачная стена в некое странное помещение,

а именно: вижу я кольцеобразную комнату, словно бы внутренность некоего фантастического летающего блюда, в центре — повыше, к краям — на нет. Там в центре — возвышение со ступенями, на ступенях — трон, а на троне — Некто Величественный в мантии или в плаще с красным подбоем. Вокруг него, на расстоянии, у краёв блюда — кругом столы и за столами — солидные мужи: лысые и с шевелюрами, в чёрных ермолках и без. И среди них узнаю лица знакомые, точно знакомые!

Вот не старый ещё, но иссохший от недовольства развитием литературного процесса Ш.*, главный над всеукраинским литературоведением, вот солидный Н., крупнейший литературовед-законодатель. А вон... э-э, и он здесь, Валька, точно он, чёрный, шустрый, ехидно-преехидно скалится и мне подмигивает. Соображаю, что собран в этом странном зале-блюдце цвет литературоведения всей великой Советской Страны.

Вглядываюсь в того Величественного, что на троне, то ли в мантии, то ли в плаще с красным подбоем. Вглядываюсь — и замечаю некую странность. Стал уже не красным, а синим в жёлтых звёздах подбой, а голова только что была бритая, похожая на... да, точно, на разноглазую кривобровую голову сатаны Воланда из «Мастера и Маргариты» только что смахивала — а вот уже, хоть волос и не выросло, но была бритая, а стала лысая и точь-в-точь голова Никиты Сергеича Хрущёва. Он самый, Хрущёв и есть... не-ет, нет, уже не он, лысый, но словно на Берию схож, — кто помнит Берию, не к ночи будь помянут! А вдруг — р-раз! — словно проросла-распустилась шевелюра из лысины, и сидит передо мной незабвенный идеолог Андрей Александрович Жданов. И стал стареть, лицо вытягивается, похож он на кого-то, потом ещё на кого-то, и вот уже, ей-ей, наш сегодняшний генеральный идеолог... нет, хотел первой буквой фамилии его обозначить и не решаюсь, дрожит перо, да к тому же, чёрт их поймёт, кто там этот генеральный идеолог и есть ли он вообще! — и уже на нём не плащ-мантия, а шутовской балахон Пьеро с пышным круговым воротом-жабо. Словом, сплошная абракадабра и чертовщина. И происходит в блюдеподобной комнате странное. Точно, как в фильме «Пётр I», в сцене суда сенаторов над царевичем Алексеем, возглашает Величественный Некто:

— Литературовед чекист Юрий Б. — ты!

Вскакивает розовощёкий юный красивый Юрка Б., который служит в ЦК доктором филологии и вот-вот станет членкором, и произносит, протянув вперёд толстенные фолианты:

— Великий прозаик, драматург и поэт Анатолий С.

* Приснились они мне во весь, так сказать, рост, при полных фамилиях и именах. Но называть я их боюсь: хоть оно и сон — да час не ровён... А впрочем — бог не выдаст — свинья не съест! Ш — Шамота, Н — Новиченко. Да будет так!

Молчит Некто. Осуждающе молчит. И за спиной румяного Б. возникают две зловещие фигуры в красных островерхих балахонах на манер куклуксклановских — и поволокли беззвучно вопящего Юрку, и глухо бухнули об пол толстенные фолианты.

— Литературовед-кагебист Иван С. — ты!

Щёлкнул каблуками, вскочил бравый Иван, подносит толстые тома:

— Рекомендую выдающегося украинского писателя-партизана-главаря Юрия З.

Осуждающе Величественный молчит, меняется в облициях, хватают красные балахоны Ивана, грохаются об пол тома.

— Литературовед-рецидивист Александр Д. — ты!

Вертит глазками Д., поднимает над столом книги Семёна Б. И его хватает колпак.

— Директор от критики Николай Ш. — ты!

Назван непревзойдённый Иван Ш. — и покатились оба.

Выкликает Величественный имена и чины известнейших критиков: Д., С., М., К., Н., С.

Те в свою очередь отзывами на пароль выкрикивают-славословят: Георгий М., Сергей О., Аркадий П., Семён Б., Давид К., Юрий Р., Степан Щ. — имена и фамилии известнейших, знаменитых, талантливых, любимых читателем мастеров пера.

И всех — одна участь! — волокут, волокут их прочь красные балахоны.

И вскрикивает Величественный — он в эту минуту в обличье Никиты, и сдирает с ноги туфель, и лупит, лупит каблуком по трону. Всё смолкает и дрожит. И реверберирует глас Величественного:

— Где же ваш труд на благо Родины-партии, верные мои опричники в штатском, критики-литературоведы? Партия призвала вас: немедленно найти и взрастить нового достойного Солженицына взамен того, которого партия-Родина выдворила за пределы! Нам нужен новый Солженицын! Не спрашивайте, зачем он нам нужен, вдохновенно исполняйте! Так повелели вам партия-Родина! А вы что? Кого прочтёте? Они же все говно! Неужто же вконец обезглавлена от талантов наша литературная матушка-Русь? Ведь были же, всегда были! Замятин, Ахматова, Зощенко, Булгаков были, Мандельштам, Пастернак, Цветаева были, Ильф и Петров были, и всех их мы били, чтобы дольше жили! Повелеваю: за одного битого — всех небитых гнать взащей!

И взвыл Величественный голосом седого вожака-волка Акелы из любимого детства всех стран и народов «Маугли»:

— Смотрите же, хорошенько смотрите, о, критики! (В «Маугли»: о волки!)

И встаёт, кряхтя, сухонький старикашечка Дмитрий Благой в чёрной ермолке и шепелявит:

— Я предлагаю крупнейшего русского сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.

Ужасно как удивился Величественный и чисто по-людски говорит:

— Тю, дурак старый! Что ж ты нам покойника тычешь!

И сгинул старикашечка Благой.

И поднялся строгий и деловитый Лапшин:

— Вот: большой мастер русского слова Валентин Катаев.

Досадливо махнул десницей Некто.

— Дак ведь в делириуме! Он ведь вам в «Литературную газетёнку» сам на Александра Исаевича поклёп принёс, хоть никто и не тянул за язык, — а стар уже, пора бы и о боге подумать!

Однако критика Лапшина и произведения Катаева красные балахоны не взяли.

И поднялся скромный и умный Виноградов, протянул нетолстую книжицу:

— Виктор Некрасов.

Дрогнул вниманием жёлчный лик Величественного — как раз в тот миг воплощался в нём наш Суслов. Принял он книжицу из рук критика, взвесил на ладони и сухо каркнул:

— Позвать!

И предстал перед ним Ве-Пе — в своих американских вельветях-штанах и клетчатой рубашке — мы с ним одинаковые себе купили недавно.

— Да, — задумчиво изрёк Некто, — да. Ты — мог. А вот до сих пор не дал. А мы ведь тебя готовили, как в звёздном городке — дублёра, закаляли, растили. Да проглядели, видать. Мало били, мало!

И возложил длани свои на плечи и грудь Викины.

— Но мы исправим. Будем, будем бить! И ты — сможешь! Ты заменишь убившего от нас Солженицына! Иди — дерзай!

Сомнамбулой зашаркал прочь Ве-Пе. И вслед ему понеслось:

— Бить его, бить!

И тут вскочил пушкиноподобный шустрый Валька, бросился к помосту с троном и положил к ногам Величественного тоненькую папочку. И назвал — о, боги! — назвал моё имя.

— Кто таков? Не знаю. Трёх Толстых — знаю, всех от Пушкина до Золотушкина* — знаю. Снегирёва — не знаю. Кто таков?

Зашептал ему на ухо шустрый Валька, поднял с полу да сунул в руки папочку. А Величественный её принял да и развернул странички.

И вижу я — господи-и! — да ведь это те самые девять страничек из моих архивных черновиков, что забрали у меня кагебешники при обыске и не вернули!** Всё остальное, что забирали, — возвратили, а эти девять

* Золотушкин — современный украинский поэт.

** В конце «Протокола обыска», оставленного мне на добрую вечную память, эти странички обозначены цифрой 4 и описаны так: «Машинописный текст, начинающийся словами «Автопортрет-66»... и заканчивается: «...mundштуком дымящиеся угольки» на девяти листах белой стандартной бумаги. В тексте большое количество правок и дописок, исполненных синим красителем. Листы скреплены двумя ржавыми скрепками».

страничек — нет! Вот, оказывается, зачем они им понадобились! Для самого, стало быть, высочайшего доноса!

Принял Величественный странички да так и вздрогнул:

— Эге, да тут — заряд! Атомы и вольты! Децибелы и мегатонны! Позвать!

И вижу я, как я же стою, бледный, но гордый, перед троном. И возлагает мне на плечи и на грудь длани свои Величественный, и добро мне плаголет тихие слова, и усаживает с собой рядом на краешек тронного сидения. И журчит мудрая речь:

— Ты нужен нам. Ты заменишь безвременно изгнанного партией-Родиной литературного предателя-власовца Александра Исаевича. О-о, ты получишь — всё, всё, о чём может мечтать возрастающий талант! Ременные кнуты и клевету, дубинки и доносы, предательство друзей и издевательство сотрудников домоуправления, допросы и слежки! Мы даже устроим тебе на полный срок тюремный дом творчества и изучение лагерного быта, без чего не стать подлинным Солженицыным! Но за всё это мы от тебя потребуем, мы с тебя спросим. И дашь нам достойные великой русской литературы и славной партии-Родины произведения! Ты — дашь! А мы безо всяких копирайтов и защиты судом твоих авторских прав передадим их на Запад, нашим врагам. Не волнуйся, не бесплатно передадим, наши мальчишки-кагебальчики так умеют это обтяпать — и волк будет сыт, и коза цела, и капуста не обедена. И Исаич в предателях-власовцах, и доллары в казну матери-партии положены. И с тобой так же сотворим, уж будь уверен, не обманем. Мы тебя — выдворим, торжественно проводим шиповатыми стволами роз туда, на лгетворный Запад, гуляй себе на свободе. А может, смотря по политике в тот день и час, по конъюнктуре внутри нашей сверхдержавы (то ли КГБ будет над партией, то ли опять партия над КГБ, то ли и вовсе не отличить, кто есть КГБ, а кто — партия), не выдворим тебя, а, наоборот — водворим, отправим на Восток, а не на Запад, для получения новой порции лагерной закалки...

И тихо, и ласково журчал добрый отеческий голос. Нежно трогала мои волосы на затылке холодная костлявая рука. И начал я задрёмывать, как во время обыска, и уже уносился куда-то воспарившим духом...

И проснулся...

ТЬфу! И наснитса же, прости-господи...

Сгинь, нечистая сила, пропади!

4. Не надо, люди, бояться!

... И Вика рассказывает. Нет, сперва необходимые объяснения. Жили они в Москве на этот раз не у Л., где Некрасовы привыкли останавливаться всегда подолгу, — большая старая квартира у самого Арбата, друзья-хозяева всегда оказывают радушный приём и ведут извечно безалаберный образ жизни, при котором приезжий друг не мешает хозяевам и не смущается сам. И вот Л. умудрились после обыска у Вики, о чём они узнали

немедленно, в течение месяца ни разу не позвонить: то ежедневно трезвонили, а тут — ни гу-гу. Вика молчал, откровенно проверял силу дружбы. А потом увиделись, произносились всякие: «Как ты мог подумать, просто мы замотались!» и «Мы не за себя опасались, мы тебе боялись повредить», — Некрасов подтрунивал и внешне простил, но внутренне был глубоко обижен и наказал (ой-ли, кажется, всё-таки обрадовал!) их тем, что поселился у киноактёра В., тоже старого друга — две комнаты, тоже на Арбате, хозяин все дни в разъездах на съёмках, дома одна жена. Прожили три недели — всё время в бегах, в театрах, в гостях. То проводы за границу писателя Максимова с настоящим молебном (да, при попе, только что без певчих); потом проводили туда же Павла Литвинова — рассказывая об этом, Ве-Пе сбивался и произносил вместо «проводы» — «поминки», ибо печально это было до крайности; то визит к жене и детям Солженицына, где словно дежурили и ждали Викиного прихода иностранные корреспонденты, чтобы получить от него заявление и немедля отстучать по телетайпам в свои офисы; оттуда же, от жены, беседа по телефону с самим Солженцыным, трёп ни о чём. (Рассказывает Ве-Пе о Солженицыне по-прежнему с оттенком иронии, подчёркивая комические несолидности и разные «неотмирасевосинки», в частности, наклонности «нобелевского лауреата» к моральному проповедничеству, — что, естественно, не мешает ему восторгаться творчеством и восхвалять общую деятельность.)

Прожили в Москве три недели. И 22 марта — сегодня т. е. утром, только поднялись и принял Вика душ, — звонок и заходят трое: участковый инспектор, комендант дома и молодой человек в штатском. Ваши паспорта, почему живёте без прописки, нарушаете паспортный режим (по закону можно гостить три дня, больше — хозяин прописать обязан вас как гостя, чего никогда не делают и никто не придирается, пока всё нормально). И следующая фраза:

— Вам надлежит немедленно покинуть Москву. Езжайте домой.

Мы все — Катя, Илья — в один голос спросили:

— И ты не сопротивлялся, не сказал — никуда не поеду?

— К чему? Как Солженицын? Тот демонстративно уселся на стул посреди комнаты и заявил: берите силой. И те сказали: возьмём силой, Александр Исаевич, лучше пойдёте. И он пошёл. Только нацепил на себя своё лагерное старое одеяние: сапоги, ватные штаны, полосатую рубашку, бушлат, колпак, — так и вышел из дому.

(На полях нарисован тип в полосатой рубашке и колпаке.)

— И в самолёте летел так?

— Нет, там его переодели. Костюм дали, пальто, на прощание этот... как его, Андропов, что ли, — лично сам пыжиковую шапку нахлобучил, так он и сфотографирован во Франкфурте у самолёта, первый снимок — только что вышел и стоит над чемоданами.

Одним словом, спросили Вику, чем он желает убывать из столицы родины в столицу Украины — поездом или самолётом, ответил — самолётом; штатский взял паспорта, исчез, через полчаса вернулся с билетами и ещё через час помахал ручкой вслед вырулившему самолёту. Вика на прощание спросил у него, молодого и милого провожатого:

— Скажите, вас случайно зовут не Витя?

Имел в виду того обобщённого образного Витю, о котором он сказал в конце своего заявления на Запад: я дрался в окопах Сталинграда за жизнь и будущее мальчика Вити, моего тёзки, но не за то, чтобы этот мальчик стал, когда вырастет, сотрудником КГБ, душителем свободы*. Вот так. И вот Ве-Пе здесь, в наших объятиях. Пока мы с Ильёй доставляли ключи, а Катя грела борщ, он тут же от нас позвонил в Москву Володе Войновичу (из Москвы не успел, да, кажется, и не позволили), сообщил о своей высылке. А там у Володи сидел в это время некий Боб, корреспондент английской газеты. Боб взял трубку и Вика извинился перед ним по поводу того, что назначил ему, Бобу, свидание в три часа на Кузнецком, а прибыть не смог, поскольку вот уже три часа, а он не в Москве, а в Киеве. Меня слегка, признаюсь, покорило от этого звоночка — сам не знаю, то ли трусость, то ли нормальная советская осторожность (опять же — переходящая в трусость), — как бы за подобные телефонные услуги не отрезали телефон. Говорить я Вике об этом не стал.

Небольшая интермедия. В аэропорту Внуково Ве-Пе спросил юношу в штатском:

— Вас зовут не Витя?

И милый юноша ответил:

— Извините, я не представился, вот моё удостоверение. Меня зовут Валерий Петрович Королёв.

— Не надо удостоверения, я вам верю, — важно отвечал классик, — это вы мне не верите, паспорт первым делом требуете, а я вам верю.

Так вот с Валерием Петровичем, как мы на другой день прикинули, обязательно произошёл скандал: надо полагать, сорвали с него лейте-

* *Всё в этом мире сложно. Хорошая Викина приятельница-журналистка рассказала, что на днях на работе её пригласили в кабинет начальника отдела кадров и там с ней беседовали двое очень интеллигентных молодых людей. Вопросы задавались в основном о Вике. Причём один из милых интеллигентных проявил весьма солидную глубину познаний некрасовского творчества и жизненного пути. Знал и помнил названия книг и даты, называл имена критиков, писавших о Некрасове, и даже оперировал данными из опубликованных у нас дневников тётки Некрасова — Софьи Николаевны Мотовиловой.*

Так я вас спрашиваю: завтра этот мальчик-кагебальчик станет сотрудником института литературы и защитит вполне достойную, ничуть не хуже иных, диссертацию «Жизнь и творчество моего подопечного по КГБ».

Вот и издевайся над мальчиком Витей!

нантские погоны и поспешили в рядовые стукачи. Получилось так. Он не на дом принёс самолётные билеты, а только заказал. Приехали на аэродром, он помог переташить в зал ожидания чемоданы и отлучился в сторону касс. Вернулся, ни слова не сказал, и все трое молча занялись чтением газет.

— Я купил «За рубежом», — повествует Ве-Пе, — сижу, уткнулся, Галка делает вид, будто изучает объявления во вчерашней «Вечерней Москве», наш провожатый отошёл тоже, купил в киоске «За рубежом», места все заняты, расхаживает передо мной и читает. Я думаю: когда же он за билетами пойдёт, давать ему деньги или не давать? Пока молчу. Объявляю посадку, он подхватывает чемоданы, мы следом, стали в очередь у контроля. Я соображаю, билеты уже у него, успел. И мне бы тут сказать: «Ну, давайте билетики, что ли?» — так Галка дёргает за рукав и шепчет: «Деньги, дай ему деньги!» И я, как последний идиот, лезу в карман, говорю: «Что ж, давайте рассчитаемся?» Он молчит, но согласно жмёт плечами, я даю ему 30 рублей, ишу в кармане шестьдесят копеек мелочи — он: «Не беспокойтесь, не надо!», прячет три красненькие и вручает мне два билета. Ты ж понимаешь, мне их к финансовому отчёту прикладывать! Вот так, Галка, из-за тебя накрылись 30 рублей, жалко, гадам подарили!

Мы пускаемся в рассуждения о том, что конечно же для проведения операции мальчику Валерику Королёву, — вполне возможно, любимому внуку того великого звёздпокорителя Королёва, — выдали в бухгалтерии под отчёт денежку; надо полагать, документов, слишком уж строго подтверждающих целесообразность расходов, требовать не станут: напишет сам своей собственной рукой — «Самолёт Москва-Киев, 2 билета, 30 руб. 60 коп.» — и довольно, поверят, главное — выставили вон, дело само за себя говорит. Короче, заслуженно и преспокойно положил мальчик денежку в карман. Так надо же! Завтра, 23 марта, американский «Голос» очень подробно передаст, как Некрасова с женой выслали из Москвы: как пришли на квартиру к другу, придрались к нарушению паспортного режима, отвезли в аэропорт в милицейской машине... А в конце скажут:

«В аэропорту молодой человек в штатском вручил ему билеты на самолёт — купленные, конечно, за деньги высылаемого Некрасова!»

И влип мальчик Витя, то есть Валерик Королёв. А может, и не влип, мы очень живо тут же наимпровизировали себе, как...

вызывает его грозный Начальник и вопрошает:

— Что же это ты, сук-кин сын, родные органы обманывать?

— Что-о? Где доказательства? — возмущается тот.

— Да вот «Голос» передал, что ты взял у него тридцатку, о шестидесяти копейках не сказали.

— Ложь! Клевещут отвратительные империалисты!

— Брось, они не клеветают, зачем им клеветать!.. М-м? Так как же это ты, товарищ Королёв? А ещё такую фамилию носишь?

И мальчик переходит в наступление:

— А что? Подумаешь — ну, взял! Разве не заслужил? Да за такую операцию могли бы ещё столько же выписать, и то мало! Да меня жена уже дома измочалила, говорит — занялся грязным делом, так хоть деньги в дом неси!

Мальчик размазывает кулаком слезу по скуле:

— Я бы, может, тоже Королёвым стал, я, может, тоже талант имею!

Начальник и себе шмыгает носом.

— Ладно, не реви. Туда же — Королёв, не всем Королёвым к звёздам путь, тебе вот выпало с метлою спину гнуть...

Пошутить в рифму удалось начальнику, а с ритмом не совладал, бедняга.

— Ладно, за операцию неделю получишь. А денежку — слышь? — Начальник выдвигает ящик стола и выразительно указывает внутрь ящика перстом.

— Половину — ложи сюда.

Так и сказал: ложи. И конец интермедии...

... И я прикидывал: а может, нужно и должно посвятить Вику в свою работу? Мол, пишу-сочиняю, читать отрывочки, советоваться. Хорошо бы. А может — и не хорошо: в такой работе в одиночку есть свой шарм. И я опять решил: нет, не посвящу и не скажу. Если дойдёт до преследования, до охоты за мной — каждый намёк и полуфраза окажутся опасными. Надо молчать.

Потом Илья и Некрасовы ушли, я уложил своего Филху. И опять созвонились и встретились на углу улицы Ленина у гастронома. Мы с Ильёй ждали на улице, а Вика запасался булками, сахаром и колбасой. И подошёл к нам седой лингвист Володя Х., стал расспрашивать меня о здоровье и делах вообще, потом справился о делах Ве-Пе, с которым он некогда был дружен.

— А Вика в гастрономе, сейчас выйдет.

И Володя скоренько попрощался. А я рассказал Илье, что лет десять назад ходили упорные слухи, что этот Володя — стукач и подослан охранкой в друзья к Ве-Пе, и Ве-Пе, не веря в эти слухи, но и не желая их проверять, просто отдалил от себя Х.

— Очень страшно это, подозревать человека в таком, — сказал Илья. — И человеку тому страшно. Ведь вот он сейчас отошёл — и прекрасно знает, что мы о нём это знаем, и даже говорим сейчас, а поспешил он уйти, чтобы не встретиться с Викой.

Да, страшно.

... И ещё одно хочу записать сегодня. Было это вчера вечером. Стоит перед глазами и не уходит, надо отдать бумаге.

Дня три назад Илья мне рассказывал о делах Тани Плющ. А вчера вечером я её у Ильи застал. Круглолицая и рыхлая, медлительная до неуклюжести, в осяпах, странная, на первый взгляд — некрасивая. Женщина страшной судьбы и потрясающей выдержки. Муж её — Леонид Плющ, фигура, известная во всем мире. Между прочим, он украинец, она — еврейка.

Два года назад его, экономиста по образованию, арестовали за статьи, опубликованные на Западе. Я не читал этих статей, говорят — нечто значительное и нашу страну громящее. Там были не только статьи. Суд шёл закрыто, никто на суде не был, всё похоронено во мраке. Но был Леонид связан с генералом Григоренко и входил, кажется, в «инициативный комитет» по выпуску и распространению знаменитых «Хроник» и самиздата вообще, и говорят, был Плющ эмиссаром высланных крымских татар. Его подвергли медицинской экспертизе, и тюремщики от медицины дали заключение о шизофрении: маниакальный комплекс изобретательства и реформаторских идей. Вы слышите? Говорят, что когда в прошлом году происходил у нас в СССР всемирный симпозиум психиатров и некое английское светило, знавшее о скандальном упрятании Плюща в «психушку», услышало о таком диагнозе — комплекс изобретательства и реформаторских идей, — оно, английское светило, произнесло:

— А вы знаете, что ваш диагноз не нов, он давно получил в психиатрии наименование «комплекса Леонардо»? Да, в своё время точно такой приговор был произнесён Леонардо да Винчи.

Словом, Лёня Плющ в «психушке», психиатрической лечебнице закрытого типа в Днепропетровске. Уже полтора года. Таня осталась с двумя мальчишками — уже взрослые, младшему 11. Два раза в месяц ей разрешено свидание с мужем. И вот год назад его принудительно, не спрашивая разрешения ни у него, ни у неё, стали лечить аминазином и галоперидолом, препаратами, которые легко превращаются в свою противоположность и окончательно сводят с ума, особенно если вводить их человеку здоровому (что Плющ здоров — ни у кого из его знакомых нет сомнения). Два или три месяца назад Таню дважды подряд к мужу не пустили, не показали ей мужа. Причина может быть единственная: его «долечили» до того, что сам его вид — свидетельство преступления тюремщиков-лекарей. Тем временем Таню таскали в КГБ, всё время за ней слежка, только вот я никак не мог понять по рассказам Ильи, чего от неё добиваются. Так я понимал — чтобы она признала, что муж и в самом деле сумасшедший, и перестала скандалить, сигнализировать на Запад.

После этих неразрешённых свиданий Таня стала везде требовать, чтобы мужа отдали ей из больницы и выпустили с ней и детьми из СССР. Тогда КГБ натравило на неё её родителей, которые, — то ли искренние идиоты, то ли их соответственно напугали, — заявили: не отдадим тебе и твоему идиоту детей, да и тебе не разрешим уехать. И всё это с бранью, с побоями,

отвратительно настолько, что друзья её опасались, как бы она, при всём её героизме и железном умении собой владеть, не наложила на себя руки.

Наконец, дали свидание. Она вернулась совершенно убитая: ей показали распухший, лишённый эмоций манекен, который даже внешне едва был похож на её Лёню — еле узнал её, произносил безжизненные «да», «нет», смотрел в одну точку. Из Москвы поступили сведения, что в Днепропетровск срочно вылетел важный психиатрический консилиум, страшная догадка — Лёня совсем плох, погибает. Но вот неделю назад к Тане приехало высокое начальство КГБ, было приветливо, обещало блага и само предложило вне очереди съездить к мужу. Она поехала и вчера вернулась. Через несколько часов после приезда я её видел.

Лёня лучше. Страшен, но уже осмыслен. Тот препарат отменили, а назначили инсулин, хотя об инсулиновых шоках (кажется, так) тоже толкуют всякое ужасное. Он рассказал, что от него требуют признания в собственном сумасшествии, тогда, мол, ему пойдут на уступки. Она велела — подписывая всё, дальше погибать нельзя.

Это вчера я впервые сидел один на один с Таней Плющ. Лёню я не знал, о его истории подробного и толкового рассказа не слышал. И я сказал:

— Танечка, вы простите — если вопросы мои некстати и вам тяжело — скажите прямо.

— Нет, нет, я могу...

И я спросил: за что, собственно, в чём он отказался сдаться, чем он так насолил, что его засадили в психи? И ещё: чего же хотят сейчас от него — от неё?

Она стала рассказывать — не спеша — певуче и очень зримо. Никогда Лёня даже на консультациях по поводу умственных расстройств не бывал, а когда арестовали — полностью отказался давать какие бы то ни было показания, не разговаривал со следователями. Те озлились (мотать себе на ус!) и нанесли этот страшный удар.

Таня рассказывала и, когда заговорила о нынешнем, чего добиваются и что в обмен на что обещают, вдруг пристально взглянула на меня сквозь свои сильные очки — очень сильные, почти как у Катерины, — и глаза поползли, расширились, как словно бы увидели страшное. Она спрятала от меня глаза и стала медленно, очень медленно склоняться. Мы сидели на диванчике — она стала медленно клонить голову к груди и вся как-то собираться к животу. Это было точным зримым воплощением понятия «уходить в себя», и рассказ её всё замедлялся, в слова втискивались паузы, росли, и, наконец, Таня вовсе умолкла. Так она сидела, вся согнувшись, вобравшись головой, руками, коленями себе в живот — и молчала. Я растерялся, коснулся ладонью её плеча.

— Танечка, вам плохо? Больно вам?

Она коротко встряхнула головой. И вдруг я понял.

Посреди рассказа, на полуслове она вдруг сообразила, что мало знает меня и выдаёт мне лишнее. И её мгновенно парализовал страх. Она бывала у меня дома, она знает меня как лучшего друга Ве-Пе и Ильи. Но... но верить нельзя никому. Никому, конечно, никому, если даже отец и мать...

Я сидел возле неё и весь пылал и вспотел. От стыда. Да, от стыда. Мне было стыдно от того, что Таня, бесстрашная и героическая женщина с железными нервами, — Таня подумала такое обо мне! Доведена до того, что подумала такое, что думает такое о тех, в кого нужно верить, нельзя не верить. Я в полном смятении смотрел на её голову, вжатую в плечи, и чувствовал, как ей тоже стыдно, ужасно стыдно — и страшно. Сильнее — страшно. Ничего сильнее страха!

Я пробормотал: «Ничего, Танечка, ничего!» — и отошёл.

Неделю назад Илья, которому Вика оставил ключи от квартиры, собрался заночевать там в пассаже. В 10 часов вечера позвонила и пришла Таня. В начале двенадцатого собралась уходить, когда раздался звонок и в квартиру буквально ворвались милиция с понятыми. Кто такие, почему в чужой квартире? Составили протокол и ушли. Через два дня жену Ильи соседка позвала к телефону (собственный их телефон отключили, как только они отнесли заявление на выезд), и неизвестная «доброжелательница» сообщила ей, что муж её в квартире Некрасова предаётся любовным утехам с женщинами. В тот же день Танина мать устроила ей очередной грязный скандал, при этом поносила её за то, что она путается с кем попало и, следовательно, никакая жена и мать, и нечего ей добиваться освобождения Лёни.

Таковы методы физического и разного прочего уничтожения людей этой державой.

Часть четвёртая. В ОСАДКЕ.

1. Крах.

... Позавчера, по Крещатику идя, вдруг надумал-сообразил такое. Заканчиваю я свой роман-донос, переплетаю в 8-ми экземплярах с наклейками — фотографиями героев. И несу один экземпляр наверх и говорю:

— Вот почитайте. И давайте команду работать над изданием книги — или остальные экземпляры (не мог же я, как письмо Раскольникова, печатать свой роман в одном!) тотчас будут на Западе. Репрессируете — тем лучше, тем громче будет слава. Обратите внимание на главу «Вещий сон».

И как они завертятся-запрыгают, словно карасики на сковороде! И залебезят.

— Да мы — нет, да мы — да, да дайте срок, да помилосердствуйте!

А я им:

— Вот так! Издавайте — и кончайте в связи с этим добровольно вашу жандармскую диктатуру!

И кончится диктатура. А я — останусь в веках. А что?..

... 4. Гоните? Ну-ну!

Да, в эти дни приходили ко мне сюжеты. Странные сюжеты. Живые сюжеты. Вот один. Невыдуманный, не меняю я в нём ни единого слова. Только действие перенёс с родной моей киностудии в другую контору.

К вопросу о борьбе с антисемитизмом на нынешнем этапе.

(Монолог молоденькой сотрудницы нормального советского учреждения)

— Ой, девочки, ну, в общем, наш Сашка, Александр Павлович, партторг задрипанный, без году неделя, говорит:

— Садитесь, товарищ Файнциммер... Мария — как ваше отчество?

— Исаковна.

— Мария Исаковна... И повторил: — Итак — Мария Исаковна Файнциммер.

Вы ж понимаете, когда ему надо срочно справку отстучать — Машенька, Марусенька меня называет, за плечики трогает, по спинке поглаживает и глазами на мой бюст блещит — слава богу, есть на что блеснуть.

Сидят они. Этот главный наш специалист, Мужук этот, Черпенко Ольга, профкомовская наша, глубокомысленно чёркает в блокноте старый этот жид Изя Гофштейн, Сашка стоит, на стол вот так руками опёрся — заседание ведёт, и в уголке маленький незаметный товарищ, безразлично на каштаны в цвету смотрит; из райкома товарищ, безразлично смотрит, будто он вообще, ты ж понимаешь, тут случайно, а только Сашка всё в его сторону откашливается, и все остальные почему-то очень даже его усекают. Ну, и я стою, на спинку пустого стула руки свои положила, — не пригласили сесть, не сажусь, — красный маникюрчик и золотишко своё показываю и бюст свой поворачиваю к тому, кто говорит и кого я слушаю — слава богу, есть что поворачивать.

— Мы вас пригласили, Мария Исаковна, на заседание партбюро, — говорит Сашка, — по поводу вашего заявления насчёт выдачи вам характеристики для поездки в Польскую Социалистическую Республику...

Изя так, не отрываясь от блокнота:

— Народную.

— ...народную республику, — Сашка подхватил и на того в углу откашлялся.

— Итак, товарищ Файнциммер, вы просите характеристику... Так?

— Так.

И помолчал. Пальцами по столу твист отгарабанил. Давай, давай, думаю, мне ж уже всё ясно, все наши давно говорили — не дадут они тебе характеристику, и не жди. Ну, думаю, я же над вами хоть поиздеваюсь.

И он спрашивает:

— А... — протянул так: а-аа... — А к кому вы едете... м-мм... хотите поехать?

А я уже заранее ответ придумала.

— К родной сестре родной матери.

Все ко мне рожи поворотили, даже тот в углу безразличные свои глазки от белых свечей каштановых отворотил.

— Это... — Сашка лоб морщит, — это — к тётке, что ли?

— Да.

— Двоюродной или троюродной?

Я на него слегка посмотрела, выдала улыбочку на шестнадцать зубей и говорю:

— Если она родная сестра моей родной матери — то какая она мне тётя?

— Родная, что ли?

— Именно, родная.

— Угу, — он многозначительно и торжествующе всех оглянул, — вот, мол, как я её разоблачил. — А как её фамилия?

— В моём, — говорю, — заявлении проставлена её фамилия, Зильберштейн её фамилия.

— Угу... А ваша фамилия — Файнциммер?

— Файнциммер.

— А почему же она — Зильберштейн?

— А у меня папина фамилия. А у тётки Ривы — мужа фамилия, она по мужу Зильберштейн.

И молчу. Знаю, что он сейчас же обязательно спросит. И он — точно:

— А... это... а как вашей мамы эта... девичья фамилия?

— Да, — говорю, — и девичья — тоже.

И смотрю на него, и помолчала.

— Девичья — Аронович. И мама — Аронович, и тётка Рива, к которой я еду... хочу поехать, — тоже Аронович, была Аронович, а теперь — Зильберштейн. А папина фамилия Файнциммер, и я — Файнциммер.

И так, знаете, приятно мне, просто жутко приятно фамилии эти им в уши ввинчивать.

— Угу-у, — Сашка тянет. — Ну, товарищи, какие есть вопросы к тов. Зильберштейн — и в бумажку перед собой посмотрел, — простите, к тов. Файнциммер Марии Исаковне?

Помолчали. Потом Ольга, профоргша наша, головой так повертела, парик свой французский за 120 ре всем со всех сторон показала и спрашивает:

— Ты у себя в отделе — профорг, да?

— Да, профорг.

— А ты... вы, простите, — поправляется она, — как вы попали в профорги?

Я сразу усекала, чесался язык подсечь — «Вы хотите сказать, как я пролезла?» — думаю, не стоит зарываться, а вдруг всё-таки дадут.

— Как, — говорю, — попала? — И полный наив выдаю. — Избрали меня.

— Кто избрал? — главспец Мужук вылез.

— Собрание членов профсоюза нашего отдела, — отвечаю.

Тот, из угла, маленький, незаметный — Сашке вопрос глазами. Сашка в его сторону сгибается:

— Наше машбюро.

А тот ему глазами — новый вопрос. Сашка к Мужуку на ухо, слышу только: — Сколько там ш-ш-ш-ш...

Тот ему громко:

— Одна.

А Сашка через весь стол туда в угол перегнулся и райкомовцу тому тоже на ухо — ш-ш-ш... И тот губы оттопырил, на Сашку взглянул и покачал головой — так осуждающе покачал, что Сашка, бедный, распрямился и столбом застыл. А я чуть от смеха не подыхаю. В машбюро нас четверо, три — жиловки, а одна — старушка, никак её профоргом не выберешь да и происхождения, опять же, какого-то непонятного: русская, а фамилия Манович.

Помолчали они. Сашка опомнился от испуга, пришёл в себя, опять над столом навис, барабанит.

— Ну, товарищи, есть ещё вопросы к това... к Ароно..., — в бумажку глянул, — к Файнциммер Марии Исаковне?

И «товарища» не договорил, а? Как-то оно в один шрифт не ложится: и они товарищи, и я — товарищ.

— Какие социалистические обязательства вашего отдела? — старый этот жид Изя Гофштейн.

Ах, девчонки, великолепно ответ я рожала — блеск! Вспомню — самой приятно!

— Печатать, — отвечаю, — без ошибок.

Съели! Опять помолчали. Я себе стою, глаза потупила, бюстом покачиваю, слава богу, есть чем покачивать.

Ну, бекицер. Мужук вылезит:

— Какое важное событие происходило недавно в столице нашей Родины — Москве?

— Товарищ Брежнев выступал на заводе им. Лихачёва, — отвечаю. Я специально за неделю газеты вечером перелистала.

— О чём говорил товарищ Брежнев?

— О том, что надо лучше работать.

И Мужук заткнулся, не заготовил загода вопросиков. Тут Сашка:

— А с какой целью выступал т. Брежнев?

— Чтобы повисить, — отвечаю, — уровень труда.

— Вы хотите сказать, — вдруг, сладким таким тенорочком, тот из угла, — уровень производительности труда.

— Именно это я хочу сказать, — залыбилась я ему туда в угол, и бьют на него навозу. Он заморгал и скис. Тут Сашка за него вскинулся:

— Так всё-таки с какой целью выступал тов. Брежнев?

И я им чётко докладывала:

— Чтобы трудящиеся автозавода имени Лихачёва лучше работали, а остальные трудящиеся нашей Родины брали с них пример и тоже ещё лучше работали.

Порю им эту чушь, а сама думаю — да, ждите, фигу с маком они вам наработают из-за того, что товарищ Брежнев перед ними потрехался. И тут Изя:

— Чьё имя носит автозавод в Москве?

— Лихачёва, — отвечаю.

— А кто такой Лихачёв?

Ну, гадина!.. Кто ж он, думаю, такой?

— Известный герой Великой Отечественной войны, — выпаливаю, — защитник столицы нашей Родины Москвы.

И тут они башками закрутили, заулыбались, довольные такие...

— Не-ет, — Изя поёт, — врё-ошь, деточка...

А кто он такой, в самом деле, девчонки, этот Лихачёв — хоть теперь узнать, из-за какого старого хрыча мне Варшавы не видать? А? Ну, они все торжествуют, рожи обрадованные.

— А раньше какое важнейшее событие происходило?

— Съезд Коммунистической партии Советского Союза, — сообщаю.

— Какой съезд?

— Исторический.

— Ну, да, — Сашка вмешивается, — исторический, а ещё какой?

— Съезд победителей, — говорю.

— Да, верно, победителей, но...

— Строителей коммунизма...

— Да, а какой?

Я уже понимаю, о чём он, а на полном наиве горожу муть — и не улыбнусь.

— Решающий, завершающий и основополагающий форум руководителей коммунистических партий свободолюбивых стран, народов.

Тут Изе надоело.

— Да тебя не о том спрашивают. По счёту, по порядку — какой?

— Ну, как же, двадцать пятый.

Это я запомнила, тогда как раз хохму пустили «Опять двадцать пять».

И Изя тут же:

— А когда был первый?

А хрен его знает, когда он был!

— В самом начале нашего века, — говорю.

— А точнее?

— В 1903 году.

И опять у них рожи довольные, торжествуют почём зря. А когда он был, девки? А ну его к...

Опять Сашка:

— В чём состоит основная программа, намеченная 25-м съездом нашей партии?

И я — с ходу:

— Перевыполнить и перегнать.

— Кого?

— Что, — спрашиваю, — кого перевыполнить или кого перегнать?

— Ну, и то, и другое.

— Перевыполнить намеченные планы роста и размаха, перегнать — капиталистические страны.

Только помолчали — и Изя тут — бац! — и пришиб меня, как муху:

— Контрольные цифры съезда.

Я поразились абсолютно, такого даже от него, старпёра старого, не ждала.

— Чего-о? — спрашиваю, и аж бюст у меня вобрался.

Они зашевелились, вполне уже торжествуют, и Сашка говорит:

— Понятно, това... Мария Исаковна. Выйдите, пожалуйста. Мы вас позовём.

Вышла, стою, и мне всё понятно. И ей-богу, девки, ни горечи, ни расстройства.

Зовут, захожу. Сидят все, носами уткнулись.

И Сашка говорит:

— Так вот, Мария Исаковна, члены партбюро посовещались и пришли к выводу, что характеристику мы вам выдать не можем.

— Как? — Я так удивлённо: — Никакой?

— Да, никакой.

— Даже, — говорю, — плохой?

Он обалдел на секунду, поморгал на того в углу.

— А... да, и плохой.

Изя и тут ему помог — находчивый, старый жидюга!

— Плохая тебе не нужна. Партбюро не может дать тебе характеристики, на основании которой тебе разрешат выезд за границу.

— Почему?

Сашка опять:

— Мы не считаем, что вы достойны представлять нашу великую Родину в зарубежных странах.

А я опять:

— Почему?

— М-м-м... это... Мы не можем поручиться, что у вас не чуждая нам идеология.

И тут, девчонки, обвела я их всех взглядом — знаете, как я умею, — поддерживала каждого под прицелом своего бюста, слава богу, есть под чем держать, и говорю:

— Да ваша у меня идеология, ваша! И у вас — моя идеология.

Они прямо все обалдели. А я —

— Ладно, — говорю, — извините за беспокойство.

И вышла.

Ну, слегка расстроилась, конечно, вы ж понимаете. Хотя и поиздевалась над ними, хоть и знала заранее, а расстроилась. Очень хочется к тётке Ривке в Варшаву. Сейчас ещё вот по «Голосу» передача была — Варшаву называют Парижем восточного блока. Конечно, хотелось. Но это чёрт с ними, с гадами. А в тот же день я по-настоящему уже расстроилась, прямо расплакалась. Ну, девки, вы же знаете Лорда, лапку мою дорогую! Выставка городская через неделю, и все специалисты-кинологи ему предрекают золотую медаль для эрделей первого года, ну, Лордик и правда же прелесть, вы же видели. И — кретинка! — заполняла документы — поставила имя хозяина собаки своё — Файнциммер! Что стоило хотя бы бабкину вписать, папиной матери, — она Кравец, тоже жидовка, но пойдёшь по фамилии пойми.

Вчера после этого партбюро иду в комитет выставки — увидеть, где и когда последний сбор, наставления и прочее — ну, ни на секунду не сомневаюсь же! И — представляете? — мне отказано. Мой Лорд не прошёл на выставку. Почему, что? Такое заключение комиссии. Мне сперва даже в голову не пришло, а потом тут же встретила знакомую, у неё — колли чистопороднейшая, умница, красавица изумительная. Так она мне сказала — ещё три собаки-евреи на выставку не прошли, и её Пегги тоже. Ну?

За себя мне не обидно, а тут за собаку — прямо разревелась!

... Эпилог.

... Кстати, так и не придумалось для моих стандартных заглавия. То посоветовал приятель «Как меня делали диссидентом» и я долго носился с перевёртышем на тему «Как закалялась сталь». Ибо правда же, читатель, чувствуется, что автор последних глав весьма не тот, что был изначально, а? То вертел корень «раб»: «Рабы», «Рабыя кровь», «Доноры рабьей крови», — имея в виду поставить в эпиграф чеховское насчёт выдавливания из себя по капле этой самой рабьей жижицы. Всё не то. Ладно, шут с ним. Есть подзаголовки, в нём же — не только определение жанра, мол, роман-донос, во! В нём и смысл заложен. Погодите, а может — это и есть заглавие? Ну, поглядим ещё.

Пожалуй, третьим важнейшим событием последних лет — 1974-1977 — надо считать то, что из-под пера моего, пока я ещё умел следить за его движением по бумаге, кроме этих глав, вышла «Мама». Так сам для себя

и для дюжины друзей, которые прочитали, называю я десяток печатных листов, мной написанных. Что оно такое, эти листы — я толком не знаю. Кто-то сказал, что очень здорово и бьёт под дых. Кто-то сказал — непозволительно, никому не нужно. Естественно, как всякий автор, верю первому, хвалебному. Покажет время. Во всяком случае это был труд, так я считаю, от Бога мне завещанный, и как я мог, так его и исполнил. Ныне, когда диктую эти строки, «Мама» уже за рубежом с моим сопроводительным разрешением — печатать. И в предисловии прямо сказано, что отправлена она лично самим автором, безо всяких вывертов, что, мол, не знаю, как просочилась. Слава Богу, хоть есть какие-то, пусть узенькие, каналы, чтобы умудриться передать и саму вещь, и подобные указания. Представляется мне, что читатель-украинец — канадский, американский, да мало ли на всех материках нас разбросано! — заинтересуется.

... У остальных, кто так или иначе возникал из синего красителя, тоже всё в основном благополучно. Тишь-гладь и затхлая тина. Стремятся получше жить, делают ремонты и покупают ковры, любят и не любят своих жён, пасут своих детей. И все полны отвращения к тому, что творится вокруг. И на что-то надеются и не надеются ни на что. А в чём дело? Нет сервелата и краковской колбасы, и даже исконно-украинское сало исчезло, а где-то там на Руси, в Рязани да в Казани, доходят чёрные слухи, — и вовсе чуть не голод? Это пустяк, это друзья мои переживут. Так что же? Ах, не хочу об этом опять да опять. Перелистнулись перед Тобой стандартные мои — в них всё и нацарапано. Скажу Тебе только, что год назад в крупных городах, кроме существовавших до сих пор городских отделений КГБ, созданы ещё и районные. И архитектурный ансамбль республиканского КГБ на Ирининской, в котором я некогда побывал (никогда не забуду тот светлый высокостенный, просторный и совершенно пустой сортир!), расширяется, уходит новым, высоким и светлым, новаторским по архитектурному стилю корпусом туда к Крещатику. И когда, проходя, спросил я у важно-сонного сторожа в штатском (там ещё не готово, идут отделочные работы) — а что это такое построили? — он загадочно ответил:

— Что надо, то и построили.

Надо! Чтобы оставалась и впредь эта держава самой могущественной и несокрушимой тюрьмой народов. И не только родных своих народов. А если удастся — а вдруг да и в самом деле удастся, ведь народы мира явственно и зримо тяготеют отпущенной им свободой! — то и всё как есть человечество оковать теми же кандалами. Недавно представитель Китая в ООН сказал, что СССР — «самый крупный мошенник в вопросах мира и самая большая опасность войны». Прав он или нет в оценке деятельности нашей Сверхдержавы?

Сверхдержаве нашей бесконечно везёт. Во всём везёт. Богата она — неистощимо, сколько не уничтожаем мы её богатства. Весь мир задыхается в астме нефтяного кризиса — мы открываем новые месторождения, взвинчиваем цены, переплавляем нефть в валюту: и нам уже плевать на неурожаи казахстанской целины, где хлеб обходится подчас дороже, чем привезённый из Америки и Канады за золото, — лишь бы золото было, а мы его сделали из нефти. Мы отстаём на несколько порядков в машино- и приборостроении (читай — в изготовлении самых совершенных видов оружия) — американцы, японцы, немцы помогают нам оттачивать оружие против самих себя, потому что таковы законы их общественно-экономического развития: Америка и Япония движимы законами экономики, они вынуждены торговать, и мы для них — рынок сбыта; а что экономика и торговля переваливают в иную сферу, сферу сражения враждующих идеологий, сферу войны — этого они вынуждены не учитывать. Безумие! В самом деле: народы, сохранившие ещё свободу, тяготеют своей свободой!

... Недавно один мой друг сказал мне:

— Извини меня, но я считаю себя человеком порядочным, непродавшимся, не совершившим подлости. Да, я — коммунист, член КПСС, но я никогда не продал и не предал, даже могу сказать — ни в одном слове никогда не солгал.

В слове? Может быть, хотя верю с трудом. А в молчании? Сколько раз в твоей жизни ты промолчал, хотя должен был сказать? А сколько раз ты молча проголосовал, подняв руку на партсобрании, когда надо было не поднимать её? Ах, ты в момент голосования умудрялся выскользнуть за дверь покурить? Нет, милый мой, все мы — г... и ты такое же.

Все мы? И — я? Да, читатель. Извини меня, но и Я. Впрочем, мне кажется, это Ты уже понял и без моего признания.

Я служил. В 53-м сталинском, траурном, вступил в партию, честно и преданно занимался идеологическим блядством, отлично сознавая, что именно им занимаюсь. Занимаюсь ради благополучия, ради карьеры. Ради ещё одной сотни денег, ради «детिशкам на молочишко» и ради вон той блестящей безделушки для любимой женщины.

Вот сочиняется этот эпилог моего романа-доноса, я сослепу диктую жене моей эти слова, и она, человек, не слишком разбирающийся в политике, несколько наивный в оценке общественно-идеологических явлений, спрашивает:

— Я не понимаю, а чего ты во всей этой истории добивался? Вот ты жаловался на то, что тебя исключают из партии, что тебе запрещают работать режиссёром. А чего ты хотел? Если бы тебя восстановили в партии, разрешили бы работать режиссёром, что бы ты делал? Ты бы

продолжал дружить с Некрасовым, защищал бы его? Ты бы протестовал против всего того, что тебе кажется плохим и вредным?

И я отвечаю: — Да нет... если бы меня восстановили и разрешили бы работать — то я бы уж пикнуть не смел... Дружить с Некрасовым? Н-не знаю... не знаю. Знаешь, по всей вероятности, если бы меня восстановили, и я бы делал своё кино, — то я бы, пожалуй, и переписывался с ним сейчас не очень. Как это делают все мои и наши с ним друзья-приятели, которых не исключили и которые ходят на службу...

И она опять спрашивает:

— Нет, не понимаю. Значит, ты бы опять продолжал своим пребыванием в партии и своей работой содействовать тому, что плохо и вредно и против чего, по твоим понятиям, надо восставать?

И я отвечаю:

— Видишь ли, всё сложно... Да, если бы восстановили, было бы так... Но я же тебе уже много раз твердил. Я счастлив, что всё так обернулось. Что я лишён возможности заниматься идеологической проституцией, зарабатывать таким путём деньги, ради новых и новых денег опять и опять проституировать...

А она опять:

— Всё-таки — не понимаю. Ведь ты же вполне серьёзно хотел, чтобы тебя простили, восстановили и допустили опять к киноплёнке и перу?

Ах, дорогая моя, теперь я уже и сам не пойму, всерьёз или нет. Теперь мне часто кажется, что я посещал эти горкомы, обкомы и парткомиссии, как брал, журналистом будучи, интервью для своих писаний. Теперь мне часто кажется, будто с того вечера 17 января 1974 года, когда я сказал себе, жене и друзьям: «Да, завтра иду!» — с того вечера отправился я в творческую писательскую командировку для изучения куска жизни, описанного мной на этих вот белых-стандартных. Так мне мерещится теперь.

Но тогда, читатель, посещая обкомы-горкомы, даже тогда, когда рисковал сунуть с собой в портфель магнитофон, — я... да, я хотел быть восстановленным и допущенным к плёнке и перу. Я боялся. Боялся за детей, которых надо кормить. Боялся, что не будет квартиры и машины. Боялся всего того, чего боится и должен бояться советский человек. И потому я повторяю: всё мы — и ты, мой друг, который во время голосования выходил покурить, — г...!

(На полях начертана рожа с сигаретой.)

Итак — финита, последняя точка близка. Только что во Владимирском соборе догорела свеча. И я глядел, по йоговской плюс собственной методе медитируя, как она горела. И возносился духом к Тому, кто благословляет всё сущее...

— Да будут счастливы, мирны и блаженны все жившие, живущие и кому предстоит...

И воздал благодарение за то, что даровано мне было завершить свой труд.

И обратился к близким своим, с которыми на страницах этих повторил пройденные наши пути-перекрёстки...

— Простите, други, попытайтесь не прогневаться, если сочтёте, будто слишком распластал, вывернул нашу изнанку. Надеюсь, други, никто не бросит в меня камнем за то, что из себя, любимого, отбил бифштекс менее кровавый, нежели из вас...

И к врагам обратился я...

— Ну-те-с, страх-стресс-Легион, где же твоя карающая длань? Так и не прошлёпали по лестнице неспешные шаги твоих грузчиков-опричников в штатском? А? Прозевали? Выпустили меня? А, ещё протянется длань, прошлёпают шаги? Поздно, голубчики! Теперь шлёпайте, сколько угодно — хоть вверх, хоть вниз: донос мой вы прошляпили. И сегодня вентилирую уже задумку: а не послать ли вам заказной бандеролью экземплярчик его? Верно, подумываю. Черпулёры вы — и век вам быть черпулёрами, не стоять вам на подхвате!

Догорела свеча, догорела...

И ещё один финал, конца им не будет. Нет, пора начинать второй том доноса. Так и сделаю: вот ещё пару документцев — и баста. Начинаю второй том доноса — если даст Господь время-возможности, т. е., попросту говоря — если вот на днях не сяду («раньше сядешь — раньше выйдешь!» — ага, вот и отыгралась в финале штучка-хохмочка, с которой начиналось).

Так вот. Друзья, коим документы эти стали из моих рук известны, говорят, что они, документы, — свидетельство моего делириума-абстиненции, и вообще меня теперь уже за них запросто можно сажать в психушку — и никакой всемирный конгресс психиатров в Гонолулу мне не поможет. В самом деле: куда полез? чего и кому сочиняешь? что себе мыслишь?

Да, друзья. Псих — псих и есть. Вот и полез, и кому, и куда — и тем не менее написал. И в первых числах апреля 1977-го года первое письмо ушло. И попутного тебе, голубь, ветра, и лишних перьев тебе в хвостовое оперение. Лети. А вот мне на днях гадалка нагадала... Стоп, гадалка — это уже точно из второго тома, не лезь сюда, гадалка моя тётя Феня.

Собственно, письма-то тоже — явный факт! — из второго тома. И як пан Біг дадуть-таки этот второй том разворачивать, ежели будет мне ещё отпущено времени — то я их из этой папки выну, а туда, во вторую, перенесу. Потому что с ними, с письмами, связано многое. Одни только многочисленные варианты, работа над ними, передумки и переделки, консультации-советы по поводу них заберут немало страниц нового доноса-детектива. Да, на этот раз — детектива, потому что в нём, во втором томе, будут и агенты ЦРУ, и тайники, и погони, и слежка, и... и... и окончится

он, вероятно, дописанный уже не мной, а ЕЁ Величеством жизнью с помощью всё того же вначале упомянутого Легиона (Страх-Стресс-Легион — помнишь, читатель?).

А пока сего числа, апреля месяца 11 дня года одна тысяча девятьсот семьдесят седьмого, вкладываю этот последний финал, эти документы, эти письма в папку, несу эту папку в надёжное (ой ли?!) укryвище, как именует это дело Исаич, и — всё. Баста. Кончен первый том.

ПРЕЗИДЕНТУ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
господину Дж. КАРТЕРУ

УВАЖАЕМЫЙ ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ!

Письмо это рождалось в беседах и спорах. Подписал его я один, но в нём — настроения и надежды многих людей.

Полагаю, что в письме не заложено новой для Вас информации. Обращаюсь к Вам лишь для того, чтобы мнение многих и многих граждан моей страны легло на ту чашу весов, где находится торжество Человеческого Разума.

Убеждён в том, что:

настал час, решающий, одержит ли окончательный верх над Человеческим Разумом общественно-политический урод, именуемый Социалистической Сверхдержавой, — или победит Человеческий Разум; решающий этот час — короток;

зависит всё от того, окажется ли Вы, г-н Президент, — Вы лично, к Вашему предшественнику г-ну Форду не стал бы обращаться, — так же прочны в своих действиях, как о том заявили.

Только вовсе близорукие люди способны видеть в схватке между Вами и Брежневым спор о правах человека в чистом, так сказать, виде. Эта схватка, — кулак в кулак, локти в дубовый стол, жилы и кости до хруста, — бой за существование государственных устройств.

В программной своей речи 21 марта с. г. Брежнев, как ни вилял и ни крутил, вынужден был заявить: будете настаивать на правах человека («прямые попытки американских инстанций вмешиваться во внутренние дела Советского Союза») — мы откажемся от переговоров о сдерживании гонки вооружений («нормальное развитие отношений, конечно, не мыслимо»). Это — позорное признание. Брежнев вынужден был его сделать. И вынудили его Вы — вынудили совсем незначительным, казалось бы, нажимом на права человека. А весь смысл нажима в том, что Вы потребовали правды. Существовать по правде социалистический урод не может. Брежнев и иже с ним не наделены, мягко выражаясь, выдаю-

щимся разумом, но они соображают: уступят своих пятерых (Гинзбург, Орлов, Руденко, Тихий, Щаранский — только эти пятеро!) — и кулак их прижат. Уступите Вы — и урод вознесётся над миром.

Не уступайте, Джимми Картер! Напрягайте Ваши мышцы и волю. Не слушайте трусливых советов. Пусть трусы лезут под стол, дрожат и ждут — лишь бы не помогали уроду.

Полагаю, г-н Президент, Вы отлично осведомлены о подлинном запасе прочности нашей Сверхдержавы. Но позволю себе лишний раз сказать об этом. Без статистических выкладок и выводов, просто — наблюденное, хорошо известное.

Наша Сверхдержава представляется мне мчащейся под укос колымагой. Вzbесились кони, понесли по рытвинам под уклон, грохочет расхлябанный неуправляемый шарабан. В шарабане — полно взрывчатки. А внизу под горой — мирные дома, и на них мчится смертоносный груз. Сидит словно бы возница, но не держит он вожжи в руках, а вцепился пятернями за сидение под задницей, чтоб не вышвырнуло на ухабе, — предыдущего ведь скинуло. Несётся чёрная телега, трещит, разваливается. А впереди — мирная долина. И бегут рядом с телегой добры молодцы. И чем они заняты? А они крепят на ходу колёса, затыкают дыры, дорогу впереди подмащивают. А надо — лошадей обезумевших за узду хватать, бревно под колёса кинуть. Возница за колымагу уже не ответственен, неуправляема она.

Почему неуправляема? Да потому, что ни Провидение, ни непреложные законы экономического развития не управляют нашей страной.

Главное у нас — идеология, ей — нелепой, безумной — подчинено развитие советского общества.

И что может быть разительнее и ужаснее цифры, которую наша идеология породила: площади приусадебных хозяйств составляют в СССР 1% от площадей совхозно-колхозных угодий, и даёт этот 1% — треть продуктов питания всей страны, а колхозно-совхозные 99% — остальные две трети...

Мы вопим о невмешательстве в наши внутренние проблемы. А это — внутреннее или общечеловеческое? — то, что на шестой части Земного шара плодороднейшие почвы дают лишь какую-то (четвёртую? десятую?) часть тех продуктов питания, которые способны дать при разумном ведении хозяйства; из-за регулярных недородов СССР скупает на мировом рынке зерно (вместо того, чтобы выбрасывать излишки своего собственного) и голодные народы слаборазвитых стран остаются без хлеба.

Из года в год, из пятилетки в пятилетку намечаем мы грандиозные народно-хозяйственные планы — и из года в год не выполняем их...

Нигде, ни в одной слаборазвитой стране нет столь низкого уровня производительности труда, как у нас...

В государстве не занято сколько-то там (сколько?) миллионов рабочих мест, а сколько-то (сколько?) миллионов рабочих рук тунеядствуют под ружьём...

Строим промышленные и научные объекты, всякий раз не влезает ни в сроки, ни в сметы, и морально устаревают те объекты ранее, чем пущены в эксплуатацию...

Во главе каждого участка в нашей стране (колхоза, завода, района, области — до верхушки ЦК) стоит назначенный временщик, задача которого — сегодня отчитаться перед начальством, иначе завтра снимут; его обязанность — лгать (начальству, народу), что дела идут превосходно, и выжимать пот из людей и соки из земли (защита среды обитания?); лозунг временщика: «После меня — хоть потоп!»...

А народ нашей страны? К сожалению, это внутренняя проблема...

...народ унижен подневольным, нищенски оплачиваемым трудом; лозунг, орущий с каждой стены: «Труд у нас — дело чести, доблести и геройства!»

...народ 60 лет стоит в очередях и, благодарный, привык произносить унижительное — «дают»: дают хлеб, мясо, ботинки, мыло

...народ сплошь ворует у государства, доворовывает хоть часть того, что ему государство не доплатило; лозунги: «Повышение благосостояния трудящихся — основной закон социализма!» и «Всё — для блага человека!»

...каждый советский человек с утра до вечера озабочен тем, как ему обмануть государство, которое без конца обманывает его, как обойти препоны законоуложений, понатыканные государством на каждом шагу, поскольку государство гражданину своему ни на грош не доверяет

...народ изолгался, морально искалечен, никто не смеет произнести вслух то, что думает, да и думать большинство отучено

...народ не верит правительству, не поддерживает его, насмехается над ним, презирает и боится; лозунг: «Народ и партия — едины!»

...народ не рождает: нынешний день — не устроен, завтрашний — пугает

...народ спивается, заливая самогоном украденную у него совесть; статистика наша о потреблении спиртного, как и всякая наша статистика, лжёт, она не учитывает самогон, а любой крестьянский двор, любая городская квартира — самогонный заводик; и ликвидировать самогон, который не только разлагает людей, но и успешно ставит палки в колёса госбюджету, Сверхдержава не способна ни политикой цен, ни тюрьмой...

Куда ни кинь, кого ни спроси — инженер ли, учитель, рабочий, врач, учёный, студент, солдат и офицер, колхозник, — от всех услышишь: неразбериха, ложь, воровство, пьянка, кумовство, чванство тупых начальников, отвратительная организация труда, учёбы, службы.

Это ли всё не признаки неуправляемости!

На одну только отрасль хватает у нас средств и организационных способностей. На наращивание военной мощи. Громоздкая колымага, нелепая, поразительно дорогостоящая — но мощная и страшная. И все силы и средства — туда, в военный котёл. Арьергардные идеологические основы — на воспитание патриотического духа у молодёжи, чтобы вдохновенно чувствовала себя пушечным мясом (плюёт молодёжь на тот дух, ничему не верит!). Безудержно, по непреодолимой уже инерции наращивается военный потенциал — в ущерб, в невозместимый урон для дел мирных.

Недавно представитель Китая в ООН назвал Советский Союз главным мошенником в вопросах мира и главной опасностью войны. Не китайцам судить-рядить, сами хороши, но в данном случае оценка абсолютно правильная. Мы мошенничаем, лжём, а Запад притворяется, будто верит нам, и отпускает в кредит ту предсказанную Лениным верёвку, на которой капитализм будет вздёрнут социализмом. Запад крепит наше военное могущество кредитами, новейшими приборами, зерном по дешёвке. Мы наращиваем при активной помощи Запада атомно-подводный и всякий прочий военный флот, накапливаем танковые дивизии на рубежах Европы, а Европа задумчиво вычисляет, сработает ли система оповещения, способны ли мы вероломно напасть и сумеем ли проутюжить Европу танками. Пусть не сомневается, способны и сумеем, нападём и проутюжим, потому что в мирном и честном соревновании с Западом нам не добежать до финишной ленты — сдохнем.

Советские правители — лгут. Лозунги об укреплении мира — ложь. Во имя чего им крепить мир? Во имя счастья своего народа, во имя будущих поколений всех народов? Плевали советские руководители на свой народ и на все народы. Несокрушимое твердолобое властолюбие да опять же инерция принятой на вооружение идеологии руководят ими. Властолюбие и идеология уничтожили в 20-30-х годах 15 (или более?) миллионов лучших крестьян; за 60 лет советской власти расстреляны и сгноены в тюрьмах-лагерях 20 (или более?) миллионов лучших граждан; победа над Германией завоёвана реками преступно-бездарно пролитой крови — так заботятся советские правители о народе. То не нынешние правители, предыдущие? Руки нынешних в той же крови, нынешние ничуть не пожелали омыть руки от крови, пролитой предшественниками. Когда при встрече с Вами, г-н Президент, наш руководитель протянет Вам руку — помните, что на его руке неомытая кровь миллионов, уничтоженных так называемым сталинизмом. Руки эти, не смывшие старую кровь, готовы проливать моря новой крови — всех народов во всём мире. Только грозя войной, размахивая мегатоннами способны наши правители уберечь свою власть, уберечь идеологию. Скорее всего, Советский Союз не начнёт войну первым. Он

поступит иначе. Он наращиванием своей военной мощи раздует военную историю до таких пределов, что война, его стараниями тлеющая по закоулкам всё время, запылывает на весь мир.

Г-н Президент! Почему бы Вам при встрече не задать своему коллеге, нашему генеральному секретарю вопрос:

— Вы когда-нибудь прекратите лгать?

Я проделал такой эксперимент. Изучил уже упоминавшуюся речь Брежнева на съезде профсоюзов с целью отделить в ней правду от лжи — и не нашёл ни единого нелжвого утверждения. Ни о делах страны, ни насчёт внешней политики. Ни единого! Попросите Ваших советников по делам СССР проделать подобный анализ этой речи Брежнева или любого иного его выступления — и Вы убедитесь воочию.

До сих пор никто открыто не заявил в глаза могущественному партнёру-противнику — ПРЕКРАТИТЕ ЛГАТЫ! Никто до сих пор чётко и прямо не сказал хотя бы по поводу тех же прав человека следующее:

— Права вашего человека — не ваше внутреннее дело. Человек-то ваш, а дело — общее. И не потому прежде всего общее, что ваш человек — представитель всего человечества, и вы, объявившие себя самым передовым и гуманным строем, не смеете его поработать. А потому прежде всего дело это общее, а не ваше внутреннее, что, **ЕСЛИ МЫ ПОЗВОЛИМ НАДУВАТЬ НАС В ВОПРОСАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, ВЫ НАДУЕТЕ НАС И В ОСТАЛЬНОМ.**

Ведь это — аксиома.

Дела Первой корзины — разрядка — проверяются временем: обещания разоружаться подписаны, а как стороны выполняют обязательства — покажет время: сиди, жди и пытайся проверить, когда тебя к проверке не допускают;

дела Второй корзины — торговля, кредиты — проверяются временем: договоры подписаны, кредиты (вы — нам) выдали, товары (в основном вы — нам) отпустили, рассчитаемся ли, как обещали (мы — с вами) — покажет время, сиди и надейся;

дела Третьей корзины — видны тотчас, сразу, вот они. Раструбили, заверили, высокими подписями скрепили «Декларацию» и документы Хельсинки — и тут же... нет смысла повторять, что происходит тут же. В делах Третьей корзины проверка временем не нужна. Сразу видно: обман.

И как же можно после этого верить Советскому Союзу в вопросах разрядки и кредитов?

Требуйте ПРАВДЫ! Вы один, г-н Президент, можете это: потребовать и добиться от нашего правительства Правды!

Не бойтесь схватки!

Могучего Вам здоровья, успехов в Вашей многотрудной работе.

Дай Вам Бог остановить чёрную колымагу.

28 марта 1977 г.

Гелий СНЕГИРЁВ, писатель,
бывший член Союза писателей Украины

252033, Киев-33, ул. Тарасовская, №8, кв. 43

Гелий Иванович Снегирёв

P.S. Если Вы сочтёте полезным предание этого письма гласности — предоставляю Вам право на это.

P.P.S. Сегодня уехал из Москвы гос. секретарь С. Венс. Советское правительство от переговоров о разоружении отказалось. Что за тем стоит? Очень просто: советские правители не могут принять американских предложений о разоружении, потому что их, предложения эти, надо принимать по правде.

Их надо выполнить, тут не удастся смошенничать, спрятавшись за громкой демагогией о всеобщем запрещении, о неприменении первым и пр. и пр. И правители СССР отказались.

И весь мир понимает причины отказа: отказались от переговоров о разоружении, поскольку не удалось бы надуть. И что же весь мир? В страхе смолчит? И не предаст позору циничную политику СССР?

Вот сидим мы, советские люди, и слушаем пресс-конференцию Громыко. И переглядываемся, и там, где все свои, — ни сосед не зашёл, ни друг с собой приятеля не привёл, — говорим, прикрыв подушкой телефонный аппарат:

— Всё лжёт! Да как грубо лжёт, на дураков рассчитано!

И сидят в зале, слушают Громыко — журналисты, представляющие весь мир. И они тоже знают, что лжёт Громыко. А сообщат они об этом своим народам? Нет, не сообщат. Да и чего от журналистов ждать, когда сегодня в Бонне гос. секретарь Венс скрепил своим весомым словом советскую ложь, заявив:

— Я не сомневаюсь, что правительство СССР заинтересовано в разрядке и упрочении мира...

Похоже, г-н Президент, что народы мира тяготеют свободой. Готовы народы мира устроить Свободе тихие похороны и с песнями отправиться в рабство.

Дай Вам Бог остановить колымагу.

Г. С.

И — второй документ.

Открытое письмо
ПРАВИТЕЛЬСТВУ СССР

Настоящим заявлением я отказываюсь от советского гражданства.

Данное решение я принял в те дни, когда вы проводите так называемое обсуждение проекта новой конституции. Газеты, радио, митинги кричат о единодушном всестороннем одобрении. В ближайшее время проект станет законом под всеобщее «ура!» Пусть попытается кто-то не крикнуть «ура!» — за каждым митингом и каждым участником пристально следит КГБ и его верные слуги — партработники.

Ваша конституция — ложь от начала до конца. Ложь, что ваше государство выражает волю и интересы народа, что вся власть принадлежит народу. Ложь, что высшая цель вашего государства — повышение материального и культурного уровня жизни народа. Ложь, что вы проводите политику мира и боретесь за укрепление безопасности народов. Ложь — заявления о свободном развитии наций и о праве республик на свободный выход из СССР. Ложь и позор — ваша избирательная система, над которой потешается весь народ, ложь и позор — ваш герб, колосья для которого вы экспортируете из США, ложь и позор — ваш гимн, в котором Сталина вы заменили на Ленина.

Вы заявляете, что создали общество подлинной демократии. Граждане СССР, утверждаете вы, обладают всей полнотой социально-экономических и политических прав и свобод (ст. 39), гражданам СССР гарантирована свобода слова, печати, собраний, митингов (ст. 50). И тут же:

— Использование гражданских прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства.

Беззастенчиво перечеркнули вы права и свободы своего гражданина. Беззастенчиво обеспечили вы себе закрытый суд над каждым своим гражданином. Статья 156 гласит:

— Разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дел в закрытом заседании суда производится только в случае, установленном законом.

И прежде вы лишали меня прав и свобод, и когда боялись голоса правды — а боялись вы его всегда, — судили закрытым судом. Но прежде, даже называя себя диктатурой, вы не решались на откровенный цинизм, у меня оставалась возможность потрясать Конституцией и требовать соблюдения гарантированных прав, открытого суда. Сегодня вы, сбросив вывеску диктатуры и объявив себя общенародным государством, грубо одёргиваете меня: довольно ссылок на Конституцию, права и свободы твои до тех пор, покуда мы, государство, не решим, что они нам, государству, в ущерб, — и тогда мы будем судить тебя закрытым судом по установленному нами,

государством, закону! Протестуешь? — попробуй, так записано в Конституции, её утвердил народ и ты в том числе.

Не хочу быть в том числе. Ваша Конституция продиктована политической охранкой, которой в СССР подвластно всё, без которой и дня не протянет ваш лагерный режим.

Не хочу быть гражданином государства, которое за 60 лет своего существования дохозяйничалось до того, что вынуждено на высокие скрижали Основного Закона персонально выводить скот и птицу, содержащиеся в подсобном хозяйстве граждан. 1% земельных угодий отвели вы подсобным хозяйствам, 99% — колхозам и совхозам, и этот 1% даёт треть продуктов питания страны! А как вы грабили гражданина своего на этом 1% — сводили со двора корову, облагали диким налогом каждую курицу, каждую яблоньку и куст клубники! Сегодня поняли, что не прокормят страну ваши колхозы и совхозы, задабриваете гражданина, подлизываетесь, гарантируете — не бойся больше, разводи свинок-курочек, обещаем: не тронем, вот и в конституцию записали, корми нас со своего одного процента, давай нам теперь не треть, а две трети, потому что надежда на колхозы-совхозы — дело гиблое, эти памятники во славу гнилой идеологии — слеплены из навоза.

Наконец, я не желаю более оставаться гражданином государства, которое уничтожило элиту моего украинского народа, лучшую часть крестьянства и интеллигенции, извратило и оболгало наше историческое прошлое, унизило наше настоящее. Вы лишили моих соотечественников-украинцев национального достоинства, вы добились от нас того, что мы боимся и не хотим называться украинцами. И вы в вашей Конституции смеее трубить о развитии наций? У вас хватает цинизма глумиться над моим народом и записывать в Конституции статью о праве на свободный выход из СССР?

Миллионы забитых и запуганных вами граждан покорно и безразлично поднимут руки за вашу Конституцию. Таких, кто подобно мне открыто заявит о нежелании принять ваш основной закон, будут единицы. Полностью отдаю себе отчёт в том, что поступок мой будет расценён вами как тягчайшее преступление: я воспользовался правом на свободу слова в ущерб нашему государству — судить меня по установленному вами закону вы будете закрытым судом.

Впрочем, Конституция ваша пока только проект? Придётся вам для расправы надо мной дожидаться её всенародного принятия и только тогда применять ко мне её статьи? Морока! Не проще — психушка? Или

обвинение в уголовщине? Или самосуд оскорблённых патриотов в штатском? Или дорожная авария? Какие там в вашем арсенале ещё варианты скорых расправ?

Действуйте.

Сегодня, 1977 года, я направляю свой паспорт в РОВД Ленинского района г. Киева и с этого дня перестаю считать себя гражданином СССР.

Г. СНЕГИРЁВ, писатель.

..... 1977 года
КИЕВ-33, Тарасовская, 8, кв. 43,
Снегирёв Гелий Иванович

Ну, и как?

Адью, читатель!

Г. С.

1974-1977

Киев — Железный Порт

Путь чести и правды

От публикатора

... Господи, да можно ли так писать?

Да что же это за творчество? А, Господи?

А может, только так и можно писать? Только это и творчество? Когда каждую строчку, как самую последнюю в жизни?

Может, только так и должна рождаться каждая строчка — рукой, ещё свободной, но уже ощущающей стальной щелчок наручника?

Гелий Снегирёв

Гелий Снегирёв... Писатель, кинодокументалист, диссидент.

Сегодня это имя не на слуху у нашего согражданина. Между тем писатель Микола Руденко, старейший украинский диссидент, в своих воспоминаниях называет Гелия Снегирёва Національним Героєм України — именно так, с заглавных литер. Трудно заподозрить Руденко — человека, много лет отсидевшего в мордовских и уральских лагерях за открытый протест против брежневского режима и активную правозащитную деятельность, — в неуместном пафосе или неискренности.

Гелий Иванович Снегирёв родился в Харькове 14 октября 1927 года. Отец — малоизвестный советский писатель и драматург Иван Тимофеевич Снегирёв, мать, Наталья Николаевна Собко, — преподаватель украинского языка и литературы. Дядя, Вадим Николаевич Собко, в послевоенные годы станет известным советским прозаиком.

Рос в среде украинской творческой интеллигенции, окончил Харьковский театральный институт. Профессиональная и творческая судьба Г. Снегирёва складывалась ровно и удачно: после учительствования на селе — преподавал в столичном вузе, работал в редакции газеты «Літературна Україна», затем — режиссёром и главным редактором Киевской студии Укркинохроніки. Печатался в центральной прессе, писал сценарии и снимал фильмы, издал несколько сборников новелл, стал членом Союзов писателей и кинематографистов. Как прозаик получил известность в СССР и за рубежом в 1967 году благодаря своему рассказу «Роди мне три сына», напечатанному Твардовским в тогда уже полукрамольном «Новом мире» (новелла была переведена на несколько языков и издана в ряде европейских стран).

В 1974 году Гелий Снегирёв узнаёт от В. Собко о том, что покойная мать в юности была близка к украинским творческим кругам националистического толка (СУМ — Спілка Української Молоді); он начинает собственное расследование событий, связанных с нашумевшим в своё время «процессом СВУ» (Спілка Визволення України) — судилищем, инспирированным сталинским режимом и преследовавшим цель истребления украинской интеллектуальной элиты. Последствия этого процесса, как выяснил для себя Г. С., оказались роковыми не только для деятелей науки и культуры, но для многих и многих представителей всех слоёв украинского народа. Болезненно пережитая автором история матери, ставшей невольным соучастником обвинения в этом политическом фарсе, погубившем массу невинных людей, нашла отражение на страницах лирико-публицистического исследования «Мама моя, мама... или Патроны для расстрела». В этом эссе Г. С., оперируя сведениями о процессе СВУ, почерпнутыми из советской прессы 1929–30 годов, а также воспоминаниями уцелевших очевидцев и участников тех событий, убедительно доказывает, что никакого СВУ попросту не было!.. А то, что было, — «интеллектоцид и голодомор»* украинской интеллигенции, рабочих, крестьян — по сути продолжается и на момент написания книги, только приняв несколько иные формы...

Рукопись «Мамы...» была передана на Запад и — при участии старого друга, писателя Виктора Некрасова, который к тому времени уже жил во Франции и был заместителем редактора парижского журнала «Континент», — была там опубликована. Тем самым автор решительно преступил черту,

* В. Скуратовский. «Гелий Снегирёв...». «Книжник», 1990, № 3

отграничивающую существование законопослушного советского гражданина от всего того, с чем связана жизнь инакомыслящего в этой стране: последовали исключение из партии и творческих Союзов, лишение работы, преследования, слежка, арест, тюрьма... (Впрочем, «деклассация» последовала несколько позже, а началась травля Снегирёва с того, что он отказался осудить своего опального друга — уже упомянутого писателя-фронтовика В. П. Некрасова; связанные с этим события и легли в основу «Романа-доноса».)

В 1974 году, уже вполне испытывая к себе интерес компетентных органов, Г. С. начинает писать свой «Роман-донос», «РД» — как полунежно, полуконспиративно называл его автор. Изобретённый им новый литературный жанр — «роман-донос», документальный «антироман», в котором сам автор выступает в роли «антигероя», — в итоге стал названием книги. Это центральное, главное, по сути — краеугольное произведение Гелия Снегирёва. И — единственный роман писателя-новеллиста.

В этой книге поразительно рельефно предстаёт жизнь целой эпохи — поколения «постшестидесятников». «Античная» мысль о том, что всё творившееся и творимое советской властью («кудрявой блондинкой», как называли её между собой свободомыслящие киевские литераторы-«солженицынцы») суть враньё и издевательство над людьми, была в общем не нова. Уродливое устройство жизни в «совке» втихаря поносило всё народонаселение, но на десятки миллионов народу находились почему-то лишь единицы, позволявшие себе высказать режиму правду о нём.

А этот режим — всегда боялся правды...

Стержень романа — психологический излом человека, поставленного перед выбором: пойти на сделку с совестью, в угоду власти-мутанту продать друга (читай — собственные убеждения) и, сохранив «блага», перестать считать себя порядочным человеком — либо претерпеть «поражение в правах», но остаться с чистыми руками. Главный герой (автор) не только избирает последнее, но и со всей мыслимой правдивостью описывает свои метания и сомнения при выборе между подлостью и совестью. При этом он совершенно не рядится в Герои, представляя себя на суд читателя в роли «антигероя» — со всеми человеческими слабостями и шатаниями «шаг вправо-шаг влево». Даже вполне естественное своё опасение за собственную судьбу и судьбы своих близких автор беспощадно именует трусостью: «...да, когда страшно — боишься!..» В этом смысле — со всей полнотой «автоиронии» (одно из любимых словеч Г. С., характеризующее его душевный склад) — он не шадит ни себя, ни других, а в эпилоге ещё и просит прощения у друзей, ставших персонажами романа, «...за то, что из себя, любимого, отбил бифштекс менее кровавый, нежели из вас...»

Путь чести и правды, избранный автором, приводит его к убеждению: так дальше продолжаться не должно и не может... Альтернатива «предать друга — утратить благополучие» перерастает в гамлетовское «быть — не быть». Мятущийся, загнанный в угол человек превращается в личность, осознанно и во всеуслышанье противопоставляющую себя давящему тоталитарному механизму.

Осмысленно ступив на этот путь, человек должен идти по нему до конца. И Гелий Снегирёв это сделал. Прекрасно отдавая себе отчёт в гибельности последствий, вслед за изданием на Западе глубоко антисоветского по своей сути эссе «Патроны для расстрела», его автор бросает открытое дерзкий, открытый вызов властям. Написав и предав широкой огласке свои обличительные «Открытые письма» советскому правительству и президенту США (текстами этих писем завершается «РД»), отказавшись перед телекамерами зарубежных журналистов от советского гражданства, — он фактически подписывает себе приговор. С советской властью так ещё никто не разговаривал...

Отлично понимая, что гибель неминуема, он с нетерпением ждал скорейшей развязки, громко призывал её, дабы она стала подтверждением правоты его обличений: люди, вам нужны доказательства? вот, я открыто выступил против НИХ — теперь смотрите, что ОНИ со мной за это делают!!

И ОНИ сделали, за НИМИ не заржавело... В сентябре 1977 года изгнанного из партии и «творчих спілок», безработного Снегирёва арестовали.

Хронику тюремных месяцев он описал в своих дневниках, которые уже после смерти автора были переданы за рубеж его старшим сыном и напечатаны в «Континенте», других западных изданиях. Описал свою 24-дневную голодовку протеста «против 60-летия Октября, 60 лет насилия и лжи, против новой Конституции, за критику политики Советской власти и отказ от гражданства» и то, как эта голодовка закончилась — насильственным кормлением «...в наручниках, с выламыванием рук, до хруста в позвоночнике». Описал, как после непонятных «успокоительных» и «сердечных» уколов, производимых тюремными медиками, резко ухудшилось физическое состояние, в считанные недели развился паралич нижней части тела... Описал и то, как под «медицинской пыткой» (такую формулировку методов брежневской охраны Г. С. даёт в тюремных дневниках) его заставили подписать покаянное письмо «Стыжусь и осуждаю...», которое вскоре напечатает «Литературная газета»: «...еле читал, не видел ничего от боли, сливалось. На мгновение прояснилось — упёрся взгляд в эпитет «бесчестные» перед Некрасовым и Григоренко. Выбросил. Они потом всё равно восставили...»

Сотрудники ГБ и партийных органов посчитали, что, облив грязью, сфабриковав предательство, они уничтожили диссидента, вырвали у него жало. Но они жестоко ошиблись: все нормальные люди на воле — и в СССР, и за рубежом — отлично поняли и по тону, и по стилю «раскаяния», что Снегирёв НЕ МОГ ЭТО НАПИСАТЬ!

«Гуманно помилованный» советским правительством, — полностью парализованный, практически ослепший, заживо мумифицировавшийся Гелий Снегирёв в жутких физических страданиях доживает последние месяцы своей жизни «на свободе» — в прослушиваемой гэбистами палате киевской Октябрьской больницы. Но до последних минут он казнится другим: «...весь ужас, всё омерзение, и как я сломался. Не моральных — физических сил не хватило. И кончен бал...» Мучается тем, что там, на воле — его считают предателем и подонком. «Я никого не предал, никого не продал. Как на духу. И всё. И — точка» — диктует он жене и старшему сыну свои предсмертные записки.

Гелий Иванович Снегирёв умер 28 декабря 1978 года. За какой-то десяток лет до начала крушения коммунистической империи.

«Страна — хищник, страна — уничтожитель всего живого», «издыхающая гидра дёргает хвостом, бессмысленно крушит», «страна, в которой все без исключения, снизу доверху — говорят не то, что думают», «чтобы оставалась и впредь эта держава самой могущественной и несокрушимой тюрьмой народов», «таковы методы физического и разного прочего уничтожения людей этой державой» — так не побоялся говорить о ней (империи) писатель и человек, который мог прожить долгую спокойную жизнь и, окружённый сыновьями и внуками, умереть в своей постели (приходят на слух строчки Александра Галича, посвящённые Борису Пастернаку: «Как гордимся мы, современники, что он умер в своей постели!»). Но Гелий Снегирёв выбрал другое:

«Ради моей родины, ради нашей с вами родины, граждане судьи и вы, люди в зале. Пусть я стану первой ласточкой, которая возвестит всему миру, что на нашу родину идёт Весна Свободы! Надо же как-то начинать — начнём с меня. Пусть весь мир увидит, что родина моя готова, наконец, сбросить с себя тесное идеологическое рубище, задубевшее от слёз, крови и пота!» («Патроны для расстрела», 1977 г.).

Долгие годы рукопись «РД», изъятая при обыске у одного из верных друзей, находилась в спецхране КГБ в качестве «вещдока» преступления против государства. Сегодня — хвала неусыпному оку пристальных литературоведов при погонах, тружеников Органов Государственной Бдительности, — эта книга наконец обретает своего читателя. Того самого «своего русского читателя», которого автор неизменно величает уважительно-эпистолярным «Ты» и без особого оптимизма добавляет: «...если всё-таки суждено Тебе состояться...»

Суждено.*
Четверть века спустя.
Лучше — поздно...

Думается, о «Роман-доносе» нет смысла писать мудрёные литературоведческие статьи. Его следует читать. Эта книга из тех, что оказывают влияние на мировоззрение людей.

Это мощная — в меру пафосная, в меру ироничная проза.

Это историко-культурный памятник — «репортаж с петлёй на шее» семидесятых.

Это пронзительно искренняя книжка, автор которой, наверное, достиг предела честности в литературе. Честности перед собой, Богом и людьми...

Филипп Снегирёв

* Издание книги стало возможным благодаря личному участию Леонида Финберга.
— Ф. С.

Марк Соколянский

КОСМОЛОГИЯ ПАМЯТИ

В художественном мире Григория Кановича

В нашей памяти ещё живы не столь уж отдалённые времена, когда в республиканских и даже периферийных издательствах бывшего СССР тиражи книг обозначались пятизначными числами. Благодаря таким тиражам пытливый читатель узнавал о талантливых писателях, живших и творивших не только у него под боком и не только в столицах. Так, в конце 1970-х годов в разных концах страны очень быстро нашёл своего читателя изданный в Вильнюсе роман Григория Кановича «Свечи на ветру».

Несомненно, особый интерес он вызвал у тех книголюбцев, которым уже в силу собственного происхождения были далеко не безразличны проблемы еврейского этноса на просторах одной шестой части света. Ведь, чего греха таить: у хваленного массового советского читателя интерес к теме сплошь и рядом опережал работу собственно эстетических критериев; тем паче, когда сама тема была долгое время практически табуирована в «многонациональной советской литературе». Роман о судьбах провинциального местечка в драматические и более того — трагические не только для литовских евреев, но и для всей Европы, времена (1930-е — начало 1940-х годов) жадно читался и в Литве, и далеко за её пределами. Конечно же, дело было не только и даже не столько в теме, сколько в глубине её разработки. Книга эта открыла взыскательным читателям неизвестного им дотоле мастера художественной прозы, проницательного и талантливого.

Между тем «Свечи на ветру» принадлежали отнюдь не новичку в литературе. Писательский путь Г.Кановича, родившегося в 1929 году, начался ещё в середине пятидесятых, а к семидесятым годам в его «послужном списке» были уже книги стихов и прозы, художественные переводы, пьесы... Писал он вначале и по-литовски, затем полностью перешёл на русский язык. Признание пришло сперва в родной Литве, а после «Свеч на ветру» число и география его читателей резко расширились. Эта и последующие книги писателя выходили уже и в Вильнюсе, и в Москве, инсценировки его лучших произведений ставились на сцене ведущими литовскими режиссёрами, имевшими европейскую известность. В 1990-е годы, поселившись в Израиле, он стал довольно частым гостем и на страницах московских литературных журналов.

Действие всех книг Кановича развивается в его родной Литве, чаще всего — в Жемайтии. Все события, происходящие в «Свечах на ветру» и двух следовавших дилогиях, ещё более локализованы и совершаются в литовско-еврейских местечках. Веси названные и не названные, с реальными и вымышленными именами, включённые в один известный (Россиенский) уезд

одной не менее известной (Ковенской) губернии, входившей до поры — до времени в состав одной небезызвестной империи.

Это так хорошо знакомое автору пространство, при всей ограниченности, обладает своей художественной автономией, представляя читателю определённую модель жизни еврейского населения на территории, отведённой ему некогда для существования имперской властью. Правда, для многих героев, в силу естественных человеческих привязанностей к тому краю, где довелось родиться и жить, местечко — это не просто некий пункт в черте оседлости, а поистине малая родина. «Моим государством были местечко и кладбище», — признаётся в «Свечах на ветру» герой-повествователь Даниил, с юных лет работавший могильщиком; наверняка, так же мог сказать и другой могильщик — Иаков Дудак из книги «Не отврати лица от смерти».

Образ кладбища магистралей в прозе зрелого Кановича. «Птицы над кладбищем» — так называется первая часть «Свеч на ветру». На кладбище живёт и рабби Ури из романа «Слезы и молитвы дураков». Эфраим Дудак («Козлёнок за два гроша») — каменотёс, мастер надгробий. Его внук Иаков унаследовал профессию деда, да и вся семья Дудаков живёт в доме на еврейском кладбище. Не исчезает этот образ и из книг, действие которых максимально приближено к нашему времени: в «Парке забытых евреев» часто вспоминается трагедия литовского еврейства 1941-44 годов и кладбище в Понарах, а «продавец снов» в одноимённой повести Кановича рассказывает старому литваку в Париже о кладбище в Телже (Тельшяй).

Помнится, как примерно в ту же «застойную» пору, когда завершались и печатались «Свечи на ветру», в московском Театре на Таганке с большим успехом шёл чеховский «Вишнёвый сад». Постановщик спектакля Анатолий Эфрос сделал центром сценического пространства не сад в имении и не господский дом, а... кладбище. Такой центр служил в первую очередь **символом**: как бы там ни разрешилось дело с садом — сохранят ли его бездеятельные Раневская с Гаевым, купит ли предприимчивый Лопухин — всё равно глубоко трагична судьба всех этих людей, и „неотвратим конец пути“. В чём-то похожее, центральное положение кладбища в романах Кановича несёт, пожалуй, несколько иную смысловую нагрузку.

«Разве мир не огромное кладбище?» — таким философским вопросом задаётся старый могильщик Иосиф в романе «Свечи на ветру», да и в других книгах писателя частенько выстраивается та же самая параллель. Смысл её никак не сводится к утверждению полного спокойствия и безжизненности мира. Вовсе нет; кладбище, как это ни парадоксально, ассоциируется с жизнью. «Кладбище живо, пока его хоть один человек посещает», — читаем в той же книге. Оно видится как своего рода вместительная кладовая человеческой памяти, в которой присутствуют не одно и не два поколения.

Память сопрягает, связывает воедино не только судьбы разных героев, но и разные темы в творчестве художника. Взять, к примеру, стержневую тему: исторически укоренившееся в империи бесправие евреев. Страх перед насилием,

кровью, погромами давно поселился в мире запечатленных местечек и прочно сидит в генетической памяти людей, по выражению Хаима-Нахмана Бялика, «рождённых под бичом и бичом вскормленных». Этот страх имеет под собою самые серьёзные основания. Старый русский адвокат Пушкарёв (персонаж романа «И нет рабам рая») с основательностью и опытом авторитетного и объективного эксперта признаёт, что с евреев, как с козлов отпущения, «обычно взыскивают за всё сразу», не останавливаясь перед ложью, наветами, беззаконием. Старый адвокат опирается на историю и судебную практику, как на память.

Обращаясь к изображению прошедших эпох, будь то, например, 1870-е годы («Слёзы и молитвы дураков»), 1880-е («И нет рабам рая») или 1900-е («Козлёнок за два гроша»), Канович не пытается представить юдофобские настроения как некую непостижимую для человеческого разума дьявольскую силу. В памяти многих поколений зафиксирован достаточно широкий диапазон вариантов и оттенков антисемитизма, порождённого иногда невежеством, иногда приверженностью к жестокой традиции, иногда личной или политической заинтересованностью. Так, россиенский исправник Нуйкин «и даже батюшка в церкви» («Слёзы и молитвы дураков») говорят о евреях, что это «одна шайка», и дай им волю, они «всю Русь к рукам приберут и германцу под хорошие проценты сдадут». Былший местечковый урядник полагал, что «господь бог за всю службу сделал один промах — создал евреев».

В отличие от предшественника, урядник Нестерович держится иного мнения: «Люди, говорю, как люди. Надобно только указ издать и окрестить всех».

Из спектра такого рода разношёрстных идей складывается довольно прочный фундамент погромной стихии, которая наглядно изображена в романе «И нет рабам рая». Пьяницы-погромики, собравшись у закрытой корчмы и требуя водки, готовы избить убогого Семёна Манделя. У погромиков нет страха, их вдохновляет полнейшая безнаказанность расправы над «пархатыми». Здесь им всё дозволено; ведь и власти действуют с той же самой логикой, огульно обвиняя нескольких жителей местечка в ритуальном убийстве христианского мальчика.

Разумеется, еврейство в книгах Кановича представлено отнюдь не монолитно и не однородно. У нищего Авнера или сторожа Рахмизла найдётся не много общего с хозяином корчмы или владельцем скобяной лавки; простого лесоруба Ицика Магида отделяет от состоятельного лесоторговца Фрадкина дистанция огромного размера. Но в экстремальные моменты истории опасность нависает над ними всеми. О южнороссийских погромах 1880-х и 1900-х годов не на шутку задумываются все евреи — богатые и бедные, прагматичные и неприкаянные. В «Свечах на ветру» воссоздана ещё более страшная и тотальная опасность — систематическое истребление евреев фашистами; на этой стадии уже нет евреев привилегированных, бесправны и обречены все.

В трагически окрашенной исторической ретроспективе жизни целого народа резко возрастает роль памяти как своеобразного аналога истории.

«Другой страны у евреев нет... Кроме памяти», — раздумчиво говорит водовоз Шмеле-Сендер в романе «Козлёнок за два гроша». Ключевой образ кладбища часто сопрягается с образом памяти, той памяти, что подпитывается любовью и печалью, а, как пишет прозаик в одной из последних своих книг, «то, что восходит из любви и произрастает из печали, ни топору, ни пиле неподвластно». На кладбищах эта память не покоится, а живёт. «Когда опустеют наши кладбища, кончится народ Израиля», — спокойно, без надрыва, но уверенно утверждает старый мастер кладбищенских памятников Эфраим.

Память в книгах писателя обладает удивительной содержательной ёмкостью; притом её художественное воплощение в романах достаточно вариативно. Она проявляется в ретроспекциях отдельных героев, или медитациях мудрых стариков, так много повидавших на своём веку, а то и в фантазиях, из правды вырастающих и на правду очень похожих (в повести «Продавец снов» такого типа фантазии очень метко названы «снами»).

На каждом историческом срезе, в каждой книге Кановича перед читателем предстаёт мир, интересный многообразием своих обитателей. Широта взгляда и тяготение к художественному анализу уберегают прозаика от впадения в крайности: к своим героям он относится и с симпатией, и с сочувствием, а вместе с тем и с *ut grano salis*. «Что за народ?! — думает о своих соплеменниках дочь раввина Нехам. — Целыми днями вздыхают или умничают — тачают ли они сапоги, мостят ли улицы, побираются ли, рождаются или умирают, идут ли к венцу или на дыбу. Вздыхают оттого, что скучно им в этом мире, а мудрствуют оттого, что пытаются своим умом выжечь просеку в дремучем бору ненависти, шумящей над ними день и ночь, день и ночь». Синой жизненной позиции, но как бы вторит ей принадлежащий к другой социальной среде, образованный человек — доктор Гаркави, осуждая безрассудство еврейской молодёжи начала XX века: «Сумасшедший народ... Если не сидят в тюрьмах, то гоняются не за шифкартами в Америку или Палестину — за таёжными медведями...».

Народ поистине многолик, даже если судить по действующим лицам книг Кановича.

Есть в нем люди зажиточные и бедствующие, мудрые и глуповатые, здоровые и больные, добрые и злые — словом, просто люди, а не ангелы или демоны во плоти. Частенько просматриваются за их обличьями или судьбами библейские проекции, иногда подкрепляемые лаконичными реминисценциями либо даже цитатами из Ветхого Завета; библейскому плану как нельзя лучше отвечает своеобразная повествовательная манера Григория Кановича — неторопливая, несуетная, тяготеющая к эпической размеренности. Однако имплицитный библейский фон не снимает острого ощущения реальности изображаемых событий, лиц, ситуаций.

Вековая мудрость народа, продиктованная, казалось бы, исключительно печальной памятью, представлена у Кановича разными тенденциями. Одну

из них вычитывает в газетной статье резник Генех: «Мы, евреи, должны научиться жить в тени.., чтобы не застить другим свет солнца...». У такой осторожной позиции находится достаточно много сторонников. На другом полюсе — борцы против насилия с помощью... насилия, вроде Гириша Дудака, покушающегося на жизнь генерал-губернатора и кончающего свою жизнь на виселице. Собственное недоверие к такой жизненной стратегии автор выражает репликой рассудительного адвоката Эльяшева: «Стоит ли разрывать цепи на себе, чтобы тут же сковать ими других?..»

Справедливость такого суждения подтверждают (от противоположного) сниженные, гротескные, отчасти нелепые отражения Гириша Дудака — «комиссары», насаждающие советскую власть в Литве в 1940–41 годах — Мейлах Блох и Аарон Дудак («Не отврати лица от смерти»). Совершенно очевидно, что автору намного ближе жизненная логика других, далёких от политики людей: лесоруба Ицика Магида, защищающего роженицу Морту от погромщиков, балагулы Хаима-Янкла, не оставляющего в беде увечного Семёна, старого Эфраима, готового и в преклонном возрасте броситься на помощь каждому из своих детей.

Драматизм изображённой жизни, в значительной мере обусловленный социально-историческими причинами, особенно интересен выносимыми на первый план внутриллическими конфликтами. Многие персонажи склонны к рефлексии, испытывая нередко самые тяжёлые «боренья» — «с самим собой». Крайние случаи такого внутреннего «боренья» выразительно представлены в очень нестандартных судьбах двух героев Кановича.

Один из них — преуспевающий виленский адвокат Мирон Дорский («И нет рабам рая»), урождённый Мейлах Вайнштейн, поменявший ради карьеры фамилию, имя и веру, совершенно забывший свою малую родину. Но прошлое, как внезапно ожившая память, настигает Вайнштейна-Дорского не только в тяжёлых снах. Уходит из родительского дома его единственный сын, из принципиальных соображений вернувший себе еврейское имя. Родное местечко находит Дорского как земляка и адвоката, и ему после некоторых колебаний приходится взять на себя защиту невинно арестованных людей. Раздвоенность порождает физическую немощь и душевное смятение, заканчивающееся пусть неуместным, пусть предсмертным, но **бунтом** вчерашнего конформиста.

Не менее сложна судьба Шахны, самого одарённого и образованного из детей Эфраима Дудака («Козлёнок за два гроша»). Волею случая становится он, бывший ученик раввинского училища, толмачом жандармского управления; не выкрестившись, обретает новое имя — Семён Ефремович Дудак. Трагической кульминацией его карьеры становится необходимость быть посредником между жандармским полковником и собственным братом Гиришем, «государственным преступником».

Раздвоение личности Шахны логически приводит его к помрачению разума. Лекарств от такого заболевания не знают ни раввины, ни многоопытный

терапевт Гаркави, ни психиатр Брукман, дающий Шахне совсем неожиданную рекомендацию — «обратиться к доктору Герцлю».

Авторское отношение к сотканным из разительных противоречий персонажам вовсе не обусловлено их национальной принадлежностью. Польша Данута или литовцы Пранас и Морта претендуют на читательские симпатии наравне с евреями Даниилом, Ициком Магидом, Эфраимом и Иаковом Дудаками. Героиня одной из дилогий Данута — дочь польского дворянина, сосланного в Сибирь за участие в восстании 1863 года, и мать двоих сыновей от двух мужей-евреев. В романе «Не отврати лица от смерти» она живёт на еврейском кладбище, оставаясь его самым преданным хранителем и смотрителем. Подобно тому, как её свёкор Эфраим был, по выражению рабби Авиэзера, «сторожем памяти», Данута сохраняет очаг памяти и в семье, и на еврейском кладбище, молясь и в костёле, и в синагоге.

Судьбы подобных персонажей помогают точнее осознать шкалу человеческих ценностей, которой верен писатель. На самом верху этой шкалы располагаются честь, совесть, порядочность, человеколюбие. «Можно отменить один строй и объявить другой, — просто и чётко формулирует свою максиму портной Гедадь в романе «Не отврати лица от смерти». — Но совесть отменить нельзя, как нельзя отменить восход солнца». Нравственным заповедям, хранимым в памяти многих поколений, любимые герои автора служат в первую очередь.

Значение нравственных законов не убывает оттого, что географические масштабы изображаемого мира не так уж велики. Писателя вовсе не тяготит комплекс провинциализма, как не тяготил он многих художников XIX–XX веков в разных уголках мира. Имеется в виду не столько «областничество», стремление бытописать глубинку, сколько попытка увидеть в жизни этой самой глубинки явные приметы времени. Если над столичной жизнью нередко тяготеют условности, то в провинции проблемы человеческого бытия — социальные и нравственные — проявляются в более аутентичном, не стёртом виде, и талантливый писатель, знающий и остро чувствующий провинцию, может проникательнее судить о состоянии всего большого мира. «Как раз провинции становятся местами мировой литературы, — без экивоков заметил Генрих Бёль в своих «Франкфуртских лекциях», — а большому обществу недостаёт величия...».

Жизнь Россиенского уезда в книгах Кановича течёт неспешно. «Что такое семьдесят два года? — риторически вопрошает престарелый рабби Ури. — Это только долгая минута». Богатое выразительными деталями, неторопливое повествование как будто подтверждает глубокую правоту мудрого старца, но вместе с тем есть что-то от оксюморона в словосочетании «долгая минута». Уловить ход художественного времени и в рамках отдельных романов, и тем более — в целой серии книг Кановича, связанных общими географическими координатами и общими персонажами, можно лишь с учётом неразрывности, соотносённости **времени и пространства** в мире этой прозы.

По известному суждению М.М.Бахтина, «приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем». Эту нерасторжимую связь нетрудно, например, заметить в философических рассуждениях главного героя «Козлёнка за два гроша» Эфраима Дудака, перевалившего за рубеж восьмидесятилетия: «С тех пор он, Эфраим, как бы живёт в разных временах — в настоящем, прошлом и будущем, переносится из одного времени в другое, переходит, как из комнаты в комнату, как из леса — в поле, как с поля на большак, времена путаются, большак врезается в поле, поле подступает к лесу; времена наплывают, сливаются, как облака, несутся вместе, и от их слияния, от их соприкосновения, от их столкновения грохочет гром, сверкают молнии и на перекрёстке между молниями живёт человек...».

Чётко ограниченный топос в книгах Кановича, подобно фолкнеровской Йокнапатофе или Макондо у Гарсиа Маркеса, приобретает особую значительность, поскольку в нём протекает время — время поступков, проблем, коллизий, время фабульного действия и время исторической памяти. В романах писателя оно отсчитывается (совершенно в фолкнеровском ключе!) по жизни многообразных персонажей, которые рождаются, вырастают, женятся, попадают в житейские перипетии, умирают и нередко переходят из одной книги в другую. Поскольку все события происходят на ограниченном пространстве, движение времени особенно ощутимо. Тем более что писатель вовсе не стремится искусственно изолировать этот мир от более широкого контекста: хотя бы того персонажи или нет, обстоятельства литовской, имперской, мировой истории существенно влияют на их личные судьбы.

Эта история проступает в упоминании конкретных дат и событий (будь то польское восстание 1863 года или погромы 1880-х и 1900-х годов), в неназойливом историческом маркировании личных судеб героев, наконец, в многочисленных и разнообразных деталях. Как бы ни удалялось от единичной конкретности этическое, библейски ориентированное по ритму повествование Кановича, уживаются с ним и редкие откровенно публицистические акценты, например, в антропониимике: есть среди персонажей «россиенской» диалогии местечковый богач Маркус Фрадкин, лишь упоминаются «купец первой гильдии Юлиан Семёнов» или «лютый антисемит учитель латыни Кожжинов». Имена эти вызывают вполне конкретные ассоциации, хотя об уместности такой конкретики в художественном мире прозы писателя можно было бы и по дискутировать.

По мере приближения действия к временам нынешнего читателя, художественный мир Кановича становится всё более открыт для конкретно-исторических реалий и обстоятельств. Так, в романе «Не отврати лица от смерти», как и в «Свечах на ветру», история проступает на каждом шагу: обстоятельствами политической жизни межвоенной Литвы, упоминаниями об испанской войне, о гитлеризме, о Советском Союзе, вводом советских войск и советизацией Литвы, немецко-фашистской оккупацией.

В новейших произведениях писатель ещё более приблизился к современности, отчего — как это ни парадоксально — роль мира памяти только возросла. *Шемящее чувство вызывает само название романа «Парк забытых евреев» (1997). Несколько старых, одиноких людей регулярно встречаются в вильнюсском парке, обмениваются своими «новостями», беседуют, а главное — вспоминают. Некогда они ощущали себя частичками одного из самых представительных этносов Литвы, а сегодня их, старых евреев, можно там пересчитать по пальцам. Такая судьба заставляет всерьёз задуматься и о трагедии каждого из них, и о страданиях, выпавших на долю целого народа, и о том, что вымывание одного (пока?) национального пласта вряд ли улучшило нравственный климат в самой Литве (только ли в Литве?), равно как и её исторические перспективы. Вместе со стариками, забытыми и — увы! — никому не нужными, уходит их память, насыщенная событийностью и оттого — исторически ценная.*

Главный герой повести «Продавец снов» (1998), преуспевший во Франции, но уже неизлечимо больной математик Натан Идельсон находит своему гостю из Литвы «прибыльное» занятие — рассказывать состоятельным, но не утратившим ностальгии парижанам-литвакам о родных местах. Рассказы могут быть близки к историко-географическим реалиям или в значительной мере свободны от жёсткого повода памяти. Гость Идельсона, по определению автора, продает сны, но черпает материал для этих снов из той же памяти. И не случайно то, что новейшая, невымышленная повесть Кановича «Шелест срубленных деревьев» (1999), вышедшая в Израиле отдельным изданием в юбилейный для писателя год, носит откровенно мемуарный, автобиографический характер. Память остаётся главным хранилищем сюжетов и персонажей.

В своё время Н. Бердяев провёл тонкое различие между греческой и еврейской культурами, полагая, что миром греков был космос, а миром евреев — история. У героев Кановича их мир, их космос — это ёмкая, сложная, соотнесённая с историей память. В книгах писателя не просто прослежены судьбы людей на ограниченном пространстве за век с четвертью. Точнее было бы сказать, что их история собрана, сконцентрирована в мире памяти — той памяти, без которой нет будущего.

Мир этот по-своему структурирован, и по-своему же хаотичен. В нём находится место очень непохожим друг на друга характерам и событиям, переживаниям и размышлениям. Бродя по причудливому лабиринту этой памяти, вдумчивый читатель талантливых книг Григория Кановича соприкасается с миром авторских чувств, мыслей и обобщений, которые твердо покоятся на трёх китах — знании жизни, мудрости, доброте.

Для публикации в «Егупец» Григорий Канович предложил три эссе из будущей книги.

Григорий Канович

ЗВОН УЗДЕЧКИ НА ЗАКАТЕ

Уже над Йонавой по-хозяйски кружили чужие самолеты, но не с красными звездами, как обычно, а с другими зловещими знаками на крыльях; уже на окраинах местечка открыто гуртовались повстанцы, которые опоясывали рукава белыми повязками, еще не обрызганными еврейской кровью, и со дня на день ждали желанных, пускай и смертоносных, перемен — прихода передовых частей немецкой армии; уже тяжелые, крытые брезентом грузовики с номерами другой армии, набитые нехитрыми гарнизонными пожитками, комсоставскими женами и детьми, в спешном порядке покидали военный городок в Гайжюнай и отправлялись обратно на Восток — туда, откуда они, непрошенные, пришли; уже на улицах и в лавках нельзя было услышать ни одного звука входившей в моду русской речи; уже благоразумные и осмотрительные евреи, обладавшие проверенным в веках чутьем на резню и погромы, оставляли свои дома и — кто пешком, кто на велосипедах, кто на повозках — подтягивались к границам Белоруссии; только мой отец, прикованный к швейной машинке — несмотря на все грозные слухи и происшествия — ничего не замечал и продолжал себе, как и прежде, продевать в игольное ушко нитку, строчить и напевать под нос старинную еврейскую песню про портного, который шьет и шьет, но не может залатать свою недолю. Не замечал он ничего не потому, что не догадывался об опасности, и не потому, что бывший его подмастерье — дядя Шмуле Дудак, в начале сорок первого года благополучно отбывший в командировку на высшие чекистские курсы в Москву, своими рассказами задурил родне и не родне голову о мощи и непобедимости Красной Армии, а потому, что отец отказывался верить в то, что немцы такие изверги, какими их размахисто малевал неистовый Шмуле-большевик.

Сам же отец немцев в жизни не видел, слышал о них только в юности от своего первого учителя Шаи Рабинера, забиравшегося на заработки аж в Дрезден и Магдебург и всегда отзывавшегося о тамошних жителях с завистливым почтением. Ничего, мол, не скажешь — великие мастера и кудесники!..

— Бог немца — работа, он не Всевышнему молится, а игле и рубанку, — с чужих слов спокойно и вразумительно старался втолковать мой отец и маме, и Шмуле-большевику, бросившему портновство ради командирских погон и форменной фуражки. — Нам бы, евреям, так... Если кто-нибудь и должен их бояться, то это лоботрясы и дармоеды, придумавшие себе такое легкое ремесло, как сажать людей в тюрьму или ни за что ни про что убивать. А нам-то чего их бояться?

— Нам чего бояться?! — срывалась на крик мама. — А ты бы этого «поляка» — сапожника Велвл — послушал! Он в тюрьму никого не сажал, — ополчалась она на отца. — Велвл всю жизнь шилом в чужие подошвы тыкал. Не поленись, сходи к нему и расспроси. Он тебе расскажет, как из Польши еле ноги унес!

Велвл был беженцем из Белостока. В начале сорокового он появился в местечке с маленьким рыжеволосым сыном Менделем и миловидной богомольной женой Эсфирью, нанявшейся нянькой в многодетную семью нашего местечкового раввина Йехезкиля Вайса.

— У меня своя голова на плечах, — сердито отвечал отец. — Откуда ты знаешь, что Велвл бежал из Польши от немцев, а не от должников? И потом я уже назначил на четверг последнюю примерку костюма рабби Йехезкиля.

— Война на пороге, а ты своё — на четверг примерку назначил...

— Война, не война, каждый, Хена, должен своим делом заниматься: солдат — стрелять, портной — шить и приглашать заказчика на последнюю примерку. Рабби Йехезкиль придёт в четверг, — как ни в чем не бывало продолжал отец, — и что я ему скажу? Что из-за этого переполоха примерка отменяется? Что сапожник Велвл советует всем евреям и вам, рабби, немедленно убираться отсюда, чтобы не пришлось примерять на себя беду?

— Да ты совсем рехнулся! Оглянись вокруг! Все нормальные люди бегут. И нам засиживаться нечего. Пора убираться. И чем быстрее, тем лучше, пока нас эти твои хваленые немецкие мастера не перерезали или не вздёрнули на рыночной площади.

— Ну зачем же, Хена, такую панику разводить? — уже с меньшим пылом защищал себя и немцев времён своего учителя Шаи Рабинера мой отец.

— Ты, голубчик, как хочешь, а я завтра же беру Гиршке и убираюсь отсюда. Сын мне дороже, чем панталоны рабби Йехезкиля.

В одном он, упрямец, истый литвак, всё же ей уступил — перед самой первой бомбёжкой военного полигона в Гайжюнай, вблизи Йонавы, всё-таки наведался к беглецу из Польши.

— Ты, Велвл, мне объясни, что там у вас с евреями произошло? Это правда, что немцы их там и травят, и режут?

— Неправда, — сказал Велвл. — Там евреев травят и режут не только немцы, но и поляки... Слава Богу, мы с Эсфирью и Менделем вовремя отсюда рванули.

— Хена говорит, что и нам пора сматываться. Мой покойный тесть, да будет благословенна его память, бывало, в назидание говорил: в постели с женой не пререкайся, в постели прими все её советы, но на людях, при свете дня, всегда поступай наоборот, ибо ум женщины — ум ночной.

— Тесть твой ошибался, — вздохнул Велвл. — Господь Бог, наш заступник и покровитель, и тот нет-нет да и даст промашку. Разве это не

Его ошибка, что наряду с нами Он сотворил ещё и немцев? Твоя женщина тысячу раз права. Бежать надо... Но я боюсь, Шлейме, что евреи вряд ли уже от них где-нибудь укроются. Страшно вымолвить, но чувствует моё сердце, что они нас всюду достанут.

— Ну? — спросила мама, когда отец вернулся от сапожника.

— К страху в гости лучше не ходить. Страх тебя встречает, страх тебя и провожает. Твой Велвл меня такими ужасами угостил!..

— Даже если тебе захочется ещё раз угоститься, то у тебя ничего уже не получится. Я договорилась с Пинхасом. Телега у него большая, все уместится...

Хотя отец и почитал себя главой семейства, последнее слово всегда принадлежало матери. Одолела она своего избранника и на сей раз. Всю ночь они о чем-то шептались в спальне, не раздеваясь и не ложась спать. Не мог уснуть и я. Сон, как мушиная липучка, манил меня своим медовым цветом; я каждую минуту был готов поддаться искушению и прилипнуть к нему, но тщетно. Несколько раз я вставал и, стараясь не скрипеть половицами, подходил к родительской спальне, прикладывал к приоткрытой двери свое утомленное любопытством ухо, но оттуда, из теплой, залитой звездным сиянием глубины, до моего слуха доносилось только невнятное шу-шу-шу, как будто жучки шебуршили в копне или что-то медленно просеивалось через решето.

Я изо всех сил старался предугадать, что наутро собираются предпринять мои родители, куда балагула Пинхас, исколесивший вдоль и поперёк всю Литву, повезет нашу семью; и у меня из головы не выходили слова сапожника Велвла, у которого в глазах никогда не гас влажный фитилек задумчивости и печали: «Вряд ли мы от них где-нибудь укроемся...» Мне было невдомек, почему немцы так охотятся за евреями по всему миру. Чем их обидел мой отец, который всё человечество делил только на два племени — на тех, кто шьет себе одежду у мужских портных, и тех, кто шьет ее у дамских, как у его брата Мотла? Чем этих немцев так обидел старый холостяк Пинхас, у которого и лошадь, как уверял дядя Шмуле-большевик, была девственницей — возница к своей гневной жеребцов и за версту не подпускал? Чем их обидел пекарь Файн или почтенный рабби Иехезкиль, который в нашем местечке столько лет терпеливо и честно замещал Бога и отдувался за все Его промахи, а сейчас и за то, что Тот, будучи Всесильным и Всемиловитвейшим, создал на горе всем евреям ещё и немцев?

Я чувствовал: случится что-то непредвиденное — такое, что перевернет вверх дном всю нашу прежнюю жизнь: наступит утро, и у меня, например, навсегда отнимут мою реку; мою рыночную площадь; мой клен, на верхушку которого я, к ужасу моей бабушки Рохи, забирался по несколько раз на дню, чтобы за крышами домов разглядеть не только парящего в небе коршуна, не только проплывающие над головой облака, но и то,

что ни в какой бинокль не увидишь — самого себя через десять-пятнадцать лет, взрослого, в фетровой, как у доктора Рана, шляпе, с кожаным чемоданчиком под мышкой, в лакированных ботинках и обязательно под руку с единственной дочерью мельника Вайнштейна — Рейзеле, которая день-деньской играет на пианино — сидит за большим чёрным ящиком, нажимает своими пальчиками на черные и белые, как головки рафинада, клавиши, и из открытых окон дома над местечком плывут неземные звуки.

Господи, разве на фуру Пинхаса уместить эту реку, этот ветвистый клён, эту Рейзеле, всех этих шумных, бестолковых и многомудрых евреев? Вон их сколько в одном маленьком нашем местечке! А телега у Пинхаса одна. И лошадь одна...

Под утро отец не сел за швейную машинку, и мы с мамой бросились вынимать из шкафа, снимать с манекенов недошитые пиджаки, развешивать их на деревянные, замусоленные плечики, доставать с полок полуготовые брюки. Рассортировав все заказы, отец и мама отправились разносить их давним заказчикам.

Первым в прощальном списке отца значился его друг, пекарь и полусредний йонавского «Маккаби» Дов-Бер Файн. Когда отец поднялся на крыльцо его кондитерской, то ткнулся носом в огромный, похожий на заржавевший полумесяц замок. Окна были заколочены крест-накрест. Кругом не было ни живой души. На крыльце сидела избалованная Файнами осиротевшая кошка и тёрла лапками глаза.

— Кис-кис-кис, — сочувственно позвала её мама.

Но кошка в чужом сочувствии, видно, не нуждалась. Чужое сочувствие, как спичка — польхнёт на миг и, не успев стать пламенем, тут же погаснет.

После Дов-Бер Файна отец отправился к шорнику Файвушу, с которым он когда-то служил в уланском полку в Алитусе и который в местечке слыл человеком с большими странностями. Незадолго до прихода красных у Файвуша померла жена — Хая.

— Ты уж на меня не сердись, — промямлил отец, возвращая ему раскроенный отрез. — Если буду жив, дошью.

— Что поделаешь, Шлейме, — вздохнул шорник. — Сейчас весь мир раскроен на кусочки, а сшить его некому. Все только и пекутся о том, как бы поострей наточить ножницы и часть раскроенного присвоить себе.

— А ты что — никуда не собираешься? — оборвал его рассуждения отец. — Все бегут, как будто с ума посходили.

— Собираюсь, — ответил Файвуш. — Туда, где Хая. Куда ж мне ещё, Шлейме? Когда в доме пожар, нечего переселяться на чердак. Перед Хаиной смертью я дал ей слово, что одну её на кладбище не оставлю...

С другими заказчиками отцу не повезло — они всё бросили и покинули Йонаву.

Возле заколоченных домов, молча переглядываясь, расхаживали дюжие, незнакомые мужчины в застегнутых на все пуговицы пиджаках, подозри-

тельно топорщившихся на поясище (не от припрятанного ли впрок оружия?).

Отец опасливо покосился на слоняющихся по улице и следящих за каждым прохожим незнакомцев и, подавленный, вернулся восвояси.

Прощание с тем, что высокопарно называют отчим домом, далось мне против всех ожиданий легче, чем я думал. Может, потому, что собственного дома у родителей не было. Они снимали двухкомнатную квартиру с крохотной детской в доме богача Капера напротив костела, настоятели которого партикулярные платья шили почему-то не у своих прихожан-литовцев, владевших иглой, а у еврея. Видно, только веру свою считали лучшей, но не ремесло.

Мама снова напялила на манекен пиджак рабби Иехезкиля, а остальное шитье завернула, как в саван, в большую белую наволочку и сунула в шкаф.

В дорогу отец приготовил утыканную иголками бархатную подушечку, привезенную ему в дар мельником Вайнштейном из Германии, в те годы ещё не охотившейся за евреями; свои любимые ножницы; четыре мотка ниток и два отреза из аглицкой шерсти, купленные на тот случай, если какой-нибудь заказчик явится без материала. Мама аккуратно сложила в холщевую торбу еду на первые изгнанические дни, сунула в парусиновый чемоданчик платья: одно — простое, другое — выходное; связала веревочкой ключи от дома и спрятала их в лифчик; мне было позволено взять две пары коротких и две пары длинных штанов, одну тёплую рубашку, другую — летнюю, шапочку от солнца и легкие сандалии, если вдруг придётся долго идти пешком.

— А теперь спать! — приказала мама. — Говорят, пророк Моисей перед тем, как вывести евреев из Египета, спал подряд целую неделю.

— Нам с тобой, Хена, и одной ночи хватит. Но вот успеем ли убежать от фараона?

Все улеглись, но в ту короткую июньскую ночь никому не спалось. Где-то вдали, как весенний гром, ворчала канонада. За окнами в небо взлетали одна за другой ракеты, и их светящийся хвост вился над знакомыми, хоженными-перехоженными сосновыми перелесками, где, убегая из дому, я собирал со своими друзьями ягоды. Соберешь горсть и — в рот, и от каждой веточки земляники сама душа пела.

Я притворялся, что сплю. Мама и впрямь дремала, но дремота ее была чуткой, как у сторожевой собаки. Она то и дело просыпалась, испуганно оглядывалась и, отыскав взглядом меня и отца, снова закрывала глаза.

Отец сидел за швейной машиной. Сперва — прямо, потом, сгорбившись, Он смотрел на светящуюся, как тающая в ночи ракета, надпись — «Zinger» и тихо, почти неслышно нажимал на педали.

До той памятной, прощальной ночи я ни разу не видел, чтобы он так работал — без ниток, без сукна, вслепую, наугад. Швейная машина

строчила июньский воздух, струившийся в окно, отец, однако, не вставал со стула, и его склоненная спина смахивала на серую могильную плиту — только без высеченной надписи и без хвоинок, упавших на неё со старой, слезливой сосны.

И так длилось до самого утра, пока его сгорбленную спину не позолотили лучи восхода и пока не затупилась словно рехнувшаяся стальная игла. Наконец он встал, погладил «Zinger» и тихо прошептал:

— Прощай. Спасибо...

Постоял над машинкой с облупившейся краской, оглянулся и ещё раз выдохнул:

— Прощай.

— Прощай... — почудилось в тишине.

Наверно, почудилось или, может быть, просто во мне, откликнулся отцовский голос. Недаром позже, когда повзрослел, я частенько ловил себя на мысли, что за долгие годы работы отец научил говорить по-еврейски и швейную машину — свою неразлучную подругу и тайную исповедницу, советницу и защитницу, но кроме него, никто никогда в доме не знал, о чём они оба говорят, какие сокровенные тайны он ей, единственной, поверяет и что именно слышит от неё в ответ.

На телегу Пинхаса мы погрузились на рассвете, когда в полноводной Вилии, как сбжавшая голышом с мостков крестьянская девка, только-только начало купаться солнце. Отец и сапожник Велвл примостились впереди, я и сын польского беженца Мендель — посередке, сапожничиха Эсфирь с баулами и моя мама — сзади.

За местечком телега выкатила на дорогу, запруженную отступающими красноармейцами и земляками-беженцами, снявшимися с насиженных мест и улепётывавшими куда глаза глядят — только бы не догнали немцы, которые, не встречая никакого сопротивления, легко и успешно продвигались всё дальше и дальше на Восток.

Балагула Пинхас лениво помахивал кнутом, что-то по обыкновению тихо насвистывал, время от времени доставал из кисета махорку, сворачивал козью ножку, но в разговоры не вступал; молчали и другие; над повозкой вился едкий махорочный дымок, и как болезненный Велвл ни отгонял его руками, неслух портновской ниткой висел в синем и прозрачном воздухе. Порой гнедая Пинхаса заливалась тревожным ржанием, и все невольно съеживались в ожидании близкой беды.

Беда на первых порах обходила наш воз стороной; на подступах к Паневежису Пинхас сделал в лесной просеке, пропахшей земляникой, привал, распряг лошадь, задал ей овса, и лошадь уткнула в замусоленную торбу свою усталую и умную морду; сёдоки размяли затекшие ноги, всласть повалялись на мягкой, насквозь простреленной кузнечиками траве, подкрепились чем Бог послал и в сизых сумерках двинулись дальше — к Двинску.

Ехать ночью было небезопасно, но Пинхас наотрез отказался заночевать в лесу: мол, надо торопиться, использовать каждую минуту, пока дорога свободна, к утру можно и до самой латышской границы доехать. Бог милостив — не даст в обиду ни лошадь, ни детей.

Колыхался небосвод, колыхалась пронзившая лес дорога, колыхались утратившие очертания фигуры седоков; бесшумно колыхалось и само зыбкое вселенское время. Казалось, телега продиралась сквозь него в иное, неведомое, расположенное за горизонтом время, в котором нет ни немцев, ни красноармейцев, ни литовцев и ни евреев. Но чем резвее крутились смазанные дёгтем колёса, тем больше оно, это вожделенное, очищенное от ненависти и мести время, отдалялось и отдалялось.

Воз негромко тарыхтел во тьме, забеленной светом луны, как свекольник сметаной. Изредка во сне вскрикивал Мендель, и Эсфирь прижималась к нему теплой щекой, что-то шептала и ерошила, как весенний ветерок листву, его густые кудри.

Каждое утро балагула Пинхас, волосатый, приземистый, крепкий, как замшелый дубовый пенёк, слезал с облучка, отходил в сторонку, поворачивался лицом к Востоку и, забыв обо всем на свете, предавался молитве. Над его странной набожностью в местечке подтрунивали, а рабби Иехезкиль Вайс и вовсе считал его безбожником — в синагогу балагула не ходил, по субботам покуривал папиросы, без всякого стеснения на пасху ел ржаной хлеб, но всегда перед тем, как отправиться на своей колымаге в дорогу, вытаскивал из комода семейный молитвенник и принимался шепелявой скороговоркой молиться и просить Всевышнего, чтобы Он благословил гнедую, сегодняшних и будущих седоков и его, грешника. Не раз беспокоил Пинхас занятого Господа и по дороге, когда у его лошади из-за ржавого ухнала ни с того, ни с сего отлетала подкова или ломалась спица в колесе.

Унаследованная от отца-балагулы привычка молиться не только перед дорогой, но и в дороге, чтобы конокрады гнедую не увели и чтобы седоки от разбойников не пострадали, чуть его и не погубила.

За Паневежисом Пинхас прыгнул с облучка, вытащил из-за пазухи заветный молитвенник и направился в дубовую рощу, которая подступала к самому большаку. Пока балагула, раскачиваясь из стороны в сторону, бормотал под языческим дубом молитву, к телеге — откуда ни возьмись — подошли трое в запыленных красноармейских шинелях и с выгоревшими звёздочками на помятых пилотках.

— Это ваша телега? — спросил старший из них у моего отца.

— Нет, товарищ сержант, — отрапортовал отец, который, оказывается, разбирался не только в фасонах мужской одежды, но и в воинских званиях.

— Стало быть, не ваша — обрадовался незнакомец.

— Эта телега — Пинхаса Шварца, — и отец взглядом показал на балагулу, который раскачивался под дубом, забыв про всё на свете.

— Позовите его! — приказал сержант как бы всему возу.

— Пинхас! Пинхас! — закричала мама. — Идите сюда! Скорей! Потом помолитесь! Сейчас он подойдет, — успокоила она сержанта. — Кончит молиться и подойдет.

— Молиться — не мочиться. Можно и прерваться, — буркнул не успокоившийся сержант.

Пинхас спрятал книжицу и, словно умытый молитвой, не спеша, зашагал к телеге.

— Сержант Улюкаев, — представился незнакомец в шинели. — По приказу главного командования все повозки и лошади реквизируются для нужд Красной Армии, — сказал служивый. — Вот ордер! Слазьте!

Велвл и Эсфирь засуетились, малолетний Мендель, приученный в Польше бояться всех людей в солдатских шинелях и с оружием в руках, вдруг зарыдал в голос.

— Пусть ордер покажет! — сказала мама на идише. — А вдруг фальшивый?

Что-то смекнув, красноармеец взял гнедую под уздцы и повёл было к лесу.

— Что вы делаете? — закричал Пинхас. — Вы не имеете права! Это моя лошадь. Двадцать лет, как мы вместе! Я купил её, когда она ещё была жеребёнком. Вас ещё на свете не было.

— Ну и что? Побыли два десятка вместе, и хватит, — огрызнулся сержант, не оборачиваясь.

— Не отдавай её, не отдавай! — снова закричала мама на идише. — Господи, кто мы без лошади? Люди, люди, лошадь уводят! Лошадь!

Ее крик привлек внимание других беженцев, которые понуро брели по большаку. Они остановились, из любопытства окружили телегу и лошадь живой изгородью.

Сержант, неожиданно очутившийся в еврейском окружении, на миг оробел, замедлил шаг, и этого короткого мига хватило, чтобы разъяренный Пинхас кинулся к нему, вцепился пудовыми лапами в горло и под одобрительный вой бездомной толпы принялся что есть мочи их сжимать. Сержант хрипел, вырывался, дрыгал ногами в заскоружлых кирзовых сапогах, пытаясь угодить носками возчику в пах, в причинное место, но Пинхас, смешно приплясывая, увёртывался от ударов и еще больней сдавливал вору железным обручем шею.

Лошадь, почуввав свободу, подбадривала хозяина звоном уздечки и, отпугивая хвостом слепней, наблюдала за схваткой.

— Убери лапы! — прохрипел сержант. — Эй, врежьте ему!..

Но однополчане не спешили на выручку своему командиру.

Пинхас расслабил руки, оттолкнул сержанта, подошёл к гнедой, потрепал её лохматую гриву и чмокнул в задумчивую морду.

— Да кому нужна твоя хлёбаная кляча? На кого, гад, руку поднял? — ошупывая кадык, пробурчал сержант. — На Красную Армию! А вы, дурни

стоеросовые, чего зенки вытаращили? — напустился он на своих по-дельников. — Почему его не прихлопнули, раззявы хлебанные?!

Когда Пинхас снова забрался на облучок, сержант издали прицелился в него из винтовки, нажал на курок, но выстрелил не в голову возницы, а для острастки или от досады поверх его головы. В голову он, видно, не отважился — вокруг слишком много глаз, да и про ордер сбrehнул. Просто немцы в двадцати верстах, пёхом от них далеко не уйдешь, в лесу не спрячешься, литовцы найдут и на первом же суку повесят; безлошадному солдату, отбившемуся от своей части, из этого треклятого края ни за что не выбраться и родную Смоленщину не увидеть...

— Он мог вас, реб Пинхас, убить, — тихо, не скрывая своего восхищения возницей, промолвил Велвл, когда телега взобралась на косогор, с которого открывался вид на занавешенную ивами, словно длинными, шёлковыми кистями штор, литовскую деревеньку.

Там, в непостижимой тишине, мирно поскрипывали колодезные журавли и в тёплых гнёздах, свитых на крышах риг и овинов, хлопали упругими крыльями молодые аисты, научившиеся летать по ещё довоенному, не проколотому зенитками небу наперегонки с юркими облаками.

— Ну и что? И я его мог... — признался Пинхас. — Это спасти кого-нибудь на этом свете трудно, а убить — проще простого.

Он помолчал и добавил:

— Бог нас, видно, обоих пожалел. Если бы этот русский, которому, как и нам, не хочется умирать, попросил по-людски: «Подвезите!», глядишь, мы бы и потеснились, может быть, и до Двинска вместе доехали, но он понадеялся больше на свою винтовку, чем на нашу совесть. — Пинхас стегнул лошадь. — Телега-то большая... Как хорошенько подумаешь, разве Божий мир не одна большая телега? Беда только в том, что каждый седок хочет, чтобы колеса крутились только в ту сторону, в какую он укажет, а сколько таких, кто норовит у кучера и вожжи вырвать...

Откуда-то потянуло сытным, утренним дымком.

Над плакучими ивами в небо взмыли молодые аисты.

Я с завистью следил за тем, как они летают, как садятся на скошенный луг, как вышагивают между копен своими тонкими, как сухие хворостинки, ногами. Порой и я совсем забывал про войну, про оставленный в Йонаве дом и невольно упивался тем, что впервые в жизни видел: синими озёрами, сверкающими в высоких лесных рамах; степенными стадами, пасущимися в ложбинах; древними языческими курганами.

— Далеко еще до этого Двинска? — спросила (не у самого ли Бога?) мама.

Никто ей не ответил.

— Может, Пинхас, снова сделать где-нибудь остановку? Вы только посмотрите — какая вокруг тишина! Что, если мой братец Шмуде правду

говорил, и русские уже справились с немцами? Может, эту суматоху, этот кавардак на самом деле удастся переждать в каком-нибудь медвежьем углу и живыми и здоровыми через недельку-другую вернуться домой — в Йонаву?

Тишина и впрямь была заволаживающей и непостижимой.

— Вы как хотите, но я обратно не вернусь. Под моей крышей уже, наверно, хозяйничает рыбак Пранас. Теперь, кроме этой телеги, у меня никакого дома нет. Я родился в дороге и, наверно, в дороге помру, как и мой отец, светлый ему рай. Выехал на рассвете в Каунас, шелкнул в тишине кнутом и затих, — пробасил Пинхас, помолчал и негромко добавил: — Только бы гнедая не подвела... Что-то она неважно тянет. Стара уже... Когда я был пацаном, то думал, что уж кто-то, а лошади не стареют. И птицы, и деревья, и камни... Мм-да... Всё стареет. Даже небо... Когда-нибудь и оно рухнет на землю.

Он замолк, и его молчание гулким, недобрый предвестьем отозвалось в душе каждого из седоков.

Лошадь и впрямь тянула неторопко и вяло: видно, немцы ей были не так страшны, как старость.

Забота о гнедой, не знавшей — которые уже сутки — отдыха, заставила Пинхаса сделать передышку и свернуть в небольшой городишко Обеляй.

Городишко и впрямь оправдывал свое название — Яблоневка — он весь утопал в яблоневом цвету. Белые кружевные пушинки носились по главной улице, падали на крыши ухоженных, ладных домиков с деревянными коньками и опрятными ставнями; на шпиль белого, словно осыпанного яблоневым цветом, костела; тем же благостным цветом был устлан притвор, где возвышался памятник какому-то прелату или епископу.

Знакомый Пинхаса, к которому возница нас привел на постой, долго разглядывал деньги — смятые, скукожившиеся русские рубли, мусолил пухлыми пальцами бородку Лснина, его лысину, как будто имел дело с фальшивомонетчиками, и не спешил прятать задаток в карман полотняных штанов. Он, видно, предпочел бы получить вместо советских банкнотов что-нибудь из серебра и золота, но, кроме обручальных колец Велва и Эсфири, никаких драгоценностей у беженцев не было.

Пока Пинхас расплачивался, отец озирался вокруг и что-то упорно искал взглядом. Наверно, швейную машинку. Хотя бы ручную. Он бы с удовольствием что-нибудь сшил. Может, даже даром, ради собственного удовольствия. Сшил бы из чего угодно — не только из двух отрезов, которые он прихватил в дорогу, но даже из обыкновенного рядна, из лоскутов, из яблоневых цветов...

Мама и Эсфирь, не мешкая, занялись готовкой. Тем паче, что хозяйка — Катре — принесла всякую всячину: свежие яйца, картошку, молоко и простоквашу, сыр, липовый мед.

— Ешьте, ешьте, — приговаривала Катре.

— А швейной машинки, скажите, у вас в доме случайно не найдется? Сгодится и ручная. Я портной, — осторожно, как иголку из подушечки, извлёк свой вопрос отец.

— Не держим, — смутилась Катре. — Но могу у соседок спросить. Но тут вам скорее косу или грабли одолжат.

В косе и граблях он не нуждался. В последний раз отец размахивал косой в литовской армии, на влажном приеманском лугу, когда служил уланом в Алитусе. С той поры в его памяти остался только запах сена, от которого, как от первого поцелуя, кружилась голова и клонило ко сну.

Про своё обещание Катре, видно, забыла, и отец был вынужден заниматься чем попало: чистил картошку, колол дрова, бродил — когда один, когда с сапожником Велвлем — по городишку. Во время своих хождений, раздражавших и пугавших маму, они набрали на маленькую, запертую на засов синагогу с разбитыми окнами и короткой надписью на литовском языке, выведенной старательным гимназическим почерком на входной двери: «Евреи! Ваш свинарник закрыт навеки!»

— А ты, Шлейме, ещё сомневался, надо ли бежать. Они ещё не такое напишут... — сказал Велвл.

По вечерам томившиеся от безделья отец и Велвл ходили с Пинхасом на озеро купать гнедую.

Лошадь фыркала от удовольствия. Из воды, как кочан диковинного растения, торчала её гривастая голова, а глаза в сумраке сияли на озёрной зыби, как два упавших созвездия.

Когда лошадь, разбрызгивая во все стороны благодать, выбиралась на берег, мужчины принимались расчесывать ей гриву, гладить по лоснящемуся крупу и выдергивать из хвоста застрявшие колючки. В мире, казалось, не было тогда более важного дела, чем прикосновение к этой почти забытой и столь доступной каждому благодати. Казалось, и Пинхас, и Велвл, и мой отец вот-вот сами зафыркают от этой нечаянной радости, от дарованной Господом Богом шемающей душу вольницы, пусть и недолговечной.

Я оставался сторожить привязанную к опрокинутой лодке лошадь, прислушиваясь, как барахтается в воде отец, как размашисто гребет к середине озера коротышка Пинхас, как, набирая полные пригоршни воды, обливает себя не умеющий плавать Велвл, и над нами всеми полыхал небосвод, и легко, демонстрируя своё умение Всевышнему, летали деревенские ангелы — домовитые, благодушные аисты в своих черно-белых, сшитых Главным Портным смокингах.

Это была первая ночь, когда мы снова спали в постелях.

Еще рассвет не забрезжил, как запели петухи.

Господи, неужели так будет каждое утро — петушиное кукареканье, верещание аистов, теплая от снов подушка, желтая, как водяная лилия на поверхности озера, яичница на столе, яблонева пурга за окном?

Но в полдень пришел хмурый хозяин, отозвал в сторонку Пинхаса и что-то прошептал ему на ухо...

— Хорошо, — сказал балагула.

Между тем ничего хорошего возница от него не услышал. Оказывается, в окрестностях Обеляй высадили десант — соседи, латыши-айзсарги, переодетые в форму энкаведистов, собираются выловить и перестрелять всех отступающих в одиночку красноармейцев, а с ними заодно и евреев.

— Но тут же Литва, — сказал сапожник Велвл.

— Сейчас ни Литвы, ни Латвии нет, ни Польши... — отрубил Пинхас.

— Но тут так тихо, — нетвёрдо возразил отец.

— На кладбище тоже тихо, — пробасил Пинхас. — Но там никто не живет.

— Куда же нам податься? — сдался отец.

— От Двинска недалеко и до России. Только там никто нас не тронет.

— А вы уверены? — Было время, евреи оттуда бежали в Америку, — усомнился сапожник Велвл.

— Уверен, не уверен... — бросил Пинхас и вышел во двор.

Он запряг лошадь, потрепал ее за холку, наклонил к себе широкое, как лопух, ухо и что-то тихо и доверительно пробормотал. Может, благочинил гнедую, может, просил прощения за то, что досталась она не пахарю и не жнецу, а такому завзятому бродяге и беспризорнику, как он.

До Двинска было неблизко, и Пинхас, желая сократить расстояние, решил двигаться не по большаку, а напрямик, по просёлкам, переправиться на пароме через реку и выйти к латышской границе.

— На пароме?.. — насторожился отец, не очень-то и суше доверявший. — А если паром не ходит?

— А если река высохла? — передразнил его возница. — В худшем случае вернёмся на большак. Но уж если повезет, то наша пешка пройдет в дамки.

— Мы с Эсфирью, пожалуй, останемся тут, — вдруг объявил Велвл. — Будь что будет... Я уже ни во что не верю. Стоит ли мотаться из страны в страну, чтобы сгнить где-нибудь на обочине. Сил больше нет.

— Велвл! — напустилась на него мама. — Ты как хочешь. Но Эсфирь и Мендель поедут с нами.

— Сил больше нет, — повторил тот и заплакал.

— Сейчас же прекрати! Мужчина ты или не мужчина? Чему детей учишь? — озлился и мой отец.

Обеляй мы покинули за полночь.

— Только бы не напороться на высадившихся латышей, только бы не напороться... — повторял Пинхас.

Время от времени он подкармливал гнедую, давал ей передышку, слезал с воза, закуривал и, окутанный махорочным дымом, молился, пытаясь заручиться защитой некурящего, милосердного Господа от айзсаргов. Но

поскольку ни Всевышний, ни он сам толком не понимали, что такое айзсарги, Пинхас ограничивался самыми обиходными словами:

— Господи, защити нас от всех сволочей, от любой мрази — литовской, латышской и русской. Не дай погибнуть сынам и дочерям Израиля. Ты слышишь меня, Господи? Ведь в такой тишине и глухой слышит...

На исходе вторых суток нашего странствия в низине сверкнула незнакомая река.

Еще издали Пинхас увидел натянутый над водой канат и небольшой, сколоченный из сосновых досок паромик с сигнальным колокольчиком под крохотным железным куполом, смахивающим на шляпку лесного боярина — боровика.

К паромику сверху, с осыпавшегося утеса, вел высланный валежником — видно, на случай дождя — пустой проселок.

Колокольчик молчал.

Не видно было и паромщика.

Телега съехала вниз. Пригорюнившийся Пинхас огляделся, в сердцах сплюнул, но тут же взял себя в руки и что есть мочи закричал:

— Эй, кто-нибудь!

— Эй! — возопила тишина. — Э-э-эй!

И вдруг из кустов вылез какой-то верзила с распатланными рыжими волосами.

— Чего орешь? — широко зевнул он.

— Ты паромщик? — Пинхас подождал, пока он всласть назевается.

— Я, — промолвил тот, не переставая зевать.

— Перевезешь на другой берег?

— Заплатишь — перевезу, — выкатилось у паромщика сквозь неодолимую зевоту. — Гони золото!

— Откуда я тебе его возьму.

— Еврей без золота — не еврей. — Верзила прикрыл ладонью рот, как булькающий чайник крышкой, и, подбирая штанины, зашагал к кустам.

— Постой! — закричал сапожник Велвл и стал сдирать с пальца обручальное кольцо.

— Только с одним условием — колечко наперед.

— Ладно, — выдавил сапожник.

— Что ты делаешь?! — ужаснулась мама.

Телега вкатила на настил; устав от дурашливых попыток надеть хотя бы на один из пяти своих корявых пальцев кольцо Велвла, верзила сунул его в карман штанов, дернул за проволоку сигнальный колокольчик, ржаво затренькавший в тишине, и паром со скрипом тронулся с места.

Когда паромщик вырулил на стремнину, в небе появился немецкий истребитель.

— Прямо на нас летит, — сказал отец и глянул вверх.

Не успел он от него отвести взгляд, как небо брызнуло пулями.

Самолёт то снижался, то взмывал ввысь. Казалось, пилот затеял с нами дьявольскую, доставляющую ему удовольствие игру — он метил не в пассажиров, не в гнедую Пинхаса, а в натянутый над рекой канат, стараясь его перерезать и насладиться тем, как паром, подхваченный течением, начнёт относить вниз по реке; пули чиркали по настилу, по воде, по бокам парома, но лётчик не унимался.

Накрытые родительскими телами, мы с Менделем лежали под телегой, боясь пошевелиться.

Наконец затея немца удалась; неуправляемый паром стало быстро относить вниз по течению, и вскоре он причалил к берегу, на котором мужики вилами грузили на возы сухое, прyanое сено.

Паромщик, босой, с закатанными штанинами, неподвижно лежал под замолкшим сигнальным колокольчиком, и по его небритому подбородку струилась тоненькая струйка крови; мой отец в поисках обручального кольца Велвла рылся в карманах его широких штанов; сапожника тошнило от страха, и он громко сблёвывал его в реку; Эсфирь судорожными поцелуями промывала глаза Менделя, а Пинхас сидел на корточках перед убитой лошадей и перебирал, как сломанные струны, ее мягкие, ещё живые волосы.

— Господи, господи, — приговаривал он. — В чём перед Тобой провинилась моя лошадь? В чём? В том, что ни одного светлого дня в жизни не видела? В том, что родилась не птицей, а лошадей?

Мужики, грузившие сено, побросали вилы, спустились по кособогу к воде, перекрестились и, не проронив ни слова, зашагали к деревне. Через некоторое время они вернулись с лопатами и помогли Пинхасу зарыть гнедую в теплую землю; возница снял с нее сбрую; хомут и постромки отдал за труд добровольцам-могильщикам, а уздечку накинуд себе на шею.

— А его?.. — стараясь не глядеть на убитого паромщика, спросила мама.

— Зароем и Йонаса, — прогундосил мужичонка с перевязанной шейкой. — Свезём сено и зароем. Человека всегда легче, чем лошадей... Лошадь в костёле отпевать не надо... Взял и засыпал.

Пинхас не слушал его. С накинудой на шею уздечкой он молча стоял на краю могилы, вглядываясь в безразмерную яму, и вдруг под шлепки падающей глины начал читать поминальную молитву — кадиш.

— Что он делает? — ужаснулась богомольная Эсфирь и шепнула мужу: — Господь запрещает читать по лошади или по другим животным кадиш.

— А кто, Эсфирь, сказал, что он читает по лошади? Кто сказал? Разве мы не животные? Животные, животные... Домашние, дикие, всякие...

На следующий день в закатных лучах солнца проступили очертания большого города. То был Двинск.

— Мазаль тов, — сказала мама Пинхасу.

Но в ответ все услышали только звон уздечки.

Закат багровел, как свежая рана, уздечка на жилистой шее возницы звякала и звякала, и от этого неумолчного звякания некуда было деться ни живым, ни мёртвым.

Дзинь-дзинь-дзинь...

СВЕТ НЕМЕРКНУЩЕЙ ПЕЧАЛИ

Я знал, что делать мне там нечего, и тем не менее, захлестнутый чувством непонятной, время от времени поскребывавшей душу тоски то ли по далекому детству, еще шумящему в застуженной памяти, как зеленеющее дерево; то ли по угасшей мальчишеской любви, когда-то одарившей меня своим великодушным сиянием и промелькнувшей, как чистая утренняя звезда, на подшитом мягким, голубоватым бархатом небосклоне; то ли по чему-то другому, не нареченному и глубоко засевшему в подсознании, я купил билет на ночной поезд и отправился в родное местечко, в котором, кроме его названия, уже вроде бы ничего — ни реку, ни прибрежные ракиты, ни даже небо — родным назвать нельзя было.

Отправился я туда не сразу, поезд опаздывал, я томился в полупустом зале ожидания, ерзая на большой выщербленной скамье, с вялым любопытством наблюдая, как напротив молодая цыганка убаюкивает запеленутое в отрепье свое кочевое счастье-не-счастье — жалобно, пощеньчи скулящего младенца. Она то вставала, то снова присаживалась не надолго, косясь, как дикушинная, случайно залетевшая в окно птица, на лавку, где, положив под головы Бог весть чем набитые котомки, посапывали еще двое ее птенцов — девушки в длинных платьицах.

Иногда я ловил ее загадочный взгляд и странно поеживался не столько от вокзального холода, сколько от внушаемой ею тревоги. Мне хотелось, чтобы скорей пришел поезд — пусть первым ее — но, к моему разочарованию, тишина, пованивавшая окурками и водочным перегаром, ничем не нарушалась — ни паровозными гудками, ни хрипылыми объявлениями из репродуктора о «прибытии» и «отправлении».

— Куришь? — вдруг услышал я.

— Курю.

— Дай.

Цыганка, как сверток, положила на скамью затихшего младенца и на цыпочках, словно танцовщица к кавалеру, подошла ко мне и соблазнительно надудла губы.

Я протянул ей «Приму», и она изящно, двумя смуглыми, тонкими, как стрелы лука, пальцами вынула из пачки сигарету, повертела ее в

окольцованной звонкими браслетами руке, размяла, впилась в гильзу острыми и безжалостными зубками и спросила:

— Далеко, красавец, едешь?

Чиркнула трофейной зажигалкой, затянулась.

— На родину, — сказал я, не сомневаясь в том, что одной только сигаретой ее интерес ко мне не ограничится, что через минуту-другую, вдоволь насладившись куревом, она за мелкую мзду предложит мне заглянуть в мое будущее, которое несмотря ни на какие предусмотренные линиями на ладони злоключения и испытания, в конце концов окажется безоблачным и светлым. Ведь за мзду, мелкую или крупную, никто никому на свете еще мрачного будущего не напроорочил.

Но я ошибся.

Она и не помышляла о гадании, полностью захваченная обрядом курения, и, как нарисованная оперная Кармен, смотрела поверх моей головы, уперев правую руку в бок. Волокнистый сигаретный дымок спокойно клубился над ее спящими детьми, как будто то был не зал ожидания, а привал, устроенный табором где-нибудь в степи или в чистом поле, и я невольно, сам не зная почему, позавидовал ее нищенской, горестной свободе, ее упоительному, самозабвенному легкомыслию, ее сладостному и разорительному пренебрежению ко всему на свете.

— А у нас нет родины... — произнесла она, выдув в воздух серебристое колечко — просто, без натуги. — Там, где цыган разбил шатер, там его родина. Сегодня — одна, завтра — другая, послезавтра — третья. Весь мир для цыгана родина и в то же время чужбина...

Она помолчала, озорно сверкнула глазами и выпалила:

— А ты кто?

— Еврей.

— О! — воскликнула она.

Я ждал, что же она еще дальше скажет, но тут снова зашевелился сверток, младенец заскулил, захрипел, и цыганка, не расставаясь с сигаретой, взяла его на руки и принялась качать с какой-то медлительной торжественностью, осыпая искрами, пеплом и любовью.

— Еврей, — равнодушно повторила она, когда дитя умолкло. — Один из ваших — тогда я была еще совсем молоденькой — обещал на мне жениться... Богатый такой... Хотел в Одессу увезти... Ты знаешь, где эта Одесса?

— Знаю. У Черного моря...

— Далеко?

— Далеко...

— Зачем цыгану Черное море?... Цыгану моря не нужны... — Она достала из кармана юбки гребень, расчесала черные, густые, как зимняя тьма, волосы и тихо рассмеялась. — Дай еще покурить!

Сигарет было не жаль.

— Всю пачку возьми. У меня еще есть...

— У евреев все есть... И сигареты, и деньги... Так говорил тот из Одессы... Самуил, кажется... Все, кроме родины, как и у цыган...

— Есть и родина, — заступился я за евреев.

— Деньги лучше, — промолвила она. — Родина что конура — сидишь на цепи, и — больше никуда...

За окнами на стыках загремел поезд.

— Мой, — засуетилась цыганка и стала будить дочерей, торопя их на непонятном, таком же густом, как ночная тьма, языке.

Не дожидаясь хриплого объявления по вокзалу, она подхватила на руки живой сверток, проснувшиеся дочери вцепились в котомки и нехотя поползли за ней на перрон.

Когда они ушли, за сигаретой потянулся и я.

Как я ни пытался сосредоточиться на своей поездке, как ни тщился избавиться от смутившего душу впечатления, навеянного неожиданной встречей со скитальцей, ее мудреные слова роились в моей воспаленной голове, а перед глазами мелькали ее жесты, ее роковая, искусительная улыбка, зажженная сигарета во рту, искры которой то гасли, то, лепясь одна к другой, превращались в охапки огня, как бы освещающего все закоулки моей прошлой и будущей жизни.

Я уже подумывал о том, чтобы сдать в кассу билет, не тащиться в стылом купе сквозь ночь сто с лишним километров, а вернуться домой, завалиться в теплую постель, зарыться с головой в теплую подушку, как в стог воспоминаний, а завтра для утоления своей тоски по детству и по мальчишеской любви найти какой-нибудь другой, менее обременительный, способ.

Но когда решение, подобно зеленоватому помидору на солнечном подоконнике, созрело, из глубины ночи, сверкая и подмигивая сонным полям своим огромным циклопым глазом, вынырнул мой поезд.

Когда я добрался до цели, солнце уже стояло над низкими, крытыми drankой крышами.

Я спрыгнул с подножки вагона и побрел куда глаза глядят.

По рассказам родителей я знал, что в местечке не осталось ни одной живой еврейской души.

— Кладбища, и того не найдешь, — предупредил меня отец.

Родители не хотели, чтобы я туда ехал, и всячески отговаривали от этой затеи. Может, жалели меня, а может, за меня боялись — время было послевоенное, беспоконное, неровен час — пальнет кто-нибудь из-за угла в приبلудившегося еврея. Но чем больше они отговаривали, тем упорней я туда стремился.

— Ты что там собираешься найти? — сокрушалась мама, морщины у нее на лбу змеились чуть ли не надгробными строками.

— Зайду к соседям и спрошу... — уклончиво отвечал я.

— Ну о чем ты у них спросишь? Разве тебе все и без спрашивания не ясно? — кипятилась она. — Всему миру ясно, только ему, нашему правдолюбцу, не ясно?

— Я задам только один невинный вопрос: куда девался наш «Зингер»? Пусть вернут хотя бы его...

— Пусть едет, — уступил отец. — Он уже взрослый мужчина...

Шагая по заросшим лопухами шпалам к местечку, я вспомнил и уговоры мамы, и печальную уступчивость отца, и будоражащие, жалящие, словно крапива, слова безымянной цыганки, не уехавшей, казалось бы, в ночь, а безропотно и освобожденно канувшей в небытие, как в раскинутый над землей скитальческий шатер, и только это перистое облачко, как бы сотканное из дешевой «Примы» и висящее сейчас над моей головой, напоминает о ее существовании, о ее трех птенцах, о ее женихе из Одессы, о ее молодости.

Я шел к местечку, частенько задирая к небу голову, словно на нем, на этом перистом облачке, которое послушно следовало за мной, было начертано что-то важное, как и на моей ладони, и это начертание не имело ничего общего с дурными предчувствиями моей матери и беспричинным прекраснотушением моего отца.

Иногда оттуда, с небес, до моего слуха долетало стрекотание «Зингера», и мне чудилось, что на облачке сидит мой молодой, довоенный отец и своими крепкими, как узловатые корни вяза, ногами, еще не поврежденными осколками в окопах на Курской дуге, легко и счастливо нажимает на педаль, и белая тонкая нитка — ни дать ни взять струйка парного молока — струится по Божьему велению в его руки, как в душу, и в душу, как в руки, а я стою рядом с ним, маленький, кудрявый, как барашек, и окунаю в эту благодать свои еще не приученные различать на свете ни зло, ни страдания глаза, у которых цвет спелой черники и которые без опаски мерцают в ранних сумерках, как запертый под стекло огонь домашней лампы.

Шаг мой утяжелялся от нахлынувших воспоминаний, но счета времени я не вел; мне было все равно, когда доберусь до главной улицы местечка; трофейные часы, купленные на Калварийском рынке в Вильнюсе, тикали тихо — им-то подавно было все равно, — их тиканье умиротворяло, как и негромкий щебет птиц, которых и послевоенная пальба не распугала.

Незаметно, думая то о случайно встретившейся мне цыганке, то о «Зингере», неизвестно кем присвоенном в войну, то об экзамене по диалектическому и историческому материализму, тайны которого, как лаз к сокровищам, открывал нам, студентам-филологам Вильнюсского университета, ссыльный профессор из братской Армении Генрих Габриэлян, называвший человеческую цивилизацию на свой, далеко не философский, лад сифилизацией, я дошел до реки, до того самого места, где когда-то с мостков удочкой-самоделкой ловил доверчивых плотвичек,

остановился и вперил взгляд в прозрачную, пахнущую босоногим детством воду. Нисколько не сообразуясь со временем, которое я себе отмерил для посещения родины-чужбины, как выразилась выдавшая виды цыганка, я стоял на мостках и неспешно закидывал в воду невидимую удочку в надежде извлечь из потока не мелкую рыбешку, но то, что раньше мне было так дорого и близко.

Не успела леска коснуться речной глади, а грузило пойти ко дну, как я за своей спиной услышал чей-то голос:

— Утро доброе, юноша! — поприветствовали меня по-литовски.

— Доброе, доброе, — почти в испуге ответил я и обернулся.

На берегу в легком полотняном пиджаке и таких же брюках, с бамбуковой удочкой в руке стоял тучный мужчина, отечное лицо которого показалось мне знакомым.

Господи, да это ж местный настоятель.

— Если память мне не изменяет, — пробормотал он, — вы сын портного Соломона.

— Да.

— Перед самой войной он сшил мне зимнее пальто из черной английской шерсти. Я его до сих пор ношу. Ваш отец жив?

— Жив.

— Слава Богу, — вздохнул настоятель и стал разматывать свою снасть.

Он разматывал ее долго-долго, молча распугивая какие-то узелочки, и это неловкое, безотчетное молчание тяготило душу, как будто мы оба были в чем-то виноваты друг перед другом. Может, и в самом деле были виноваты. Свою вину перед ним я знал — таскал из ксендзовского сада яблоки — тяжелые, как булыжники, антоновки. А чем передо мной провинился ксендз?

— Ваша домоправительница Марцеле поймала меня однажды и за ворованные яблоки докрасна надрала уши, — ни с того, ни с сего признался я.

— Марцеле, увы, умерла... Прошу за нее у Вас прощения... Что яблоки?

— настоятель достал из стеклянной баночки из-под сметаны червяка, наживил. — Ведь в вашем саду почти все деревья вырубili... Вот это впрямь страшная беда.

Никакого сада у нас не было, но я понял, о чем он говорит — недаром у ссыльного Генриха Габриэляна учил основы диалектического и исторического материализма.

От присутствия его преподаobia что-то неожиданно сломалось в моем горестно-приподнятом общении с рекой, но уйти сразу было неудобно. Тем более, что, следя за безмятежным поплавком на поверхности воды, настоятель как ни в чем ни бывало преуспевал и в другом ужении — ответов на скопившиеся за десять лет вопросы. Я старался удовлетворить его любопытство, рассказывал о Казахстане, приютившем нас, беженцев,

у подножия Ала-Тау; о воевавшем на Курской дуге отце; о своих занятиях русской классической литературой. Удильщик кивал головой, от него, давно презревшего суету мирскую, исходило стойкое пастырское спокойствие, а я смотрел на него и ловил себя на мысли, что и его нос с широко вырезанными ноздрями похож на поплавок, невозмутимо покачивающийся на водной глади.

— Надолго к нам?

— На денек.

— Может, заглянете на часок, — он сменил червяка и забросил удочку на новое место.

— Спасибо, — сказал я нетвердо. — Если время позволит.

— Заходите, заходите... Иудеи, конечно, в свой храм ходить должны, к рабби, а не в костел, но, к великому сожалению, ни одного сородича вы уже в местечке в живых не найдете... — Он сделал многозначительную паузу. — Не считите за хвастовство, но я дважды в год по невинно убиенным мессу служу. Печаль — своя ли, чужая ли — не меркнет. Как и солнце. Но в отличие от солнца она никогда не заходит... от нее рукой не заслониться...

Я слушал его и диву давался не его словам, а тому, что он мне, зеленому юнцу, у которого над губой только-только пушок пробился и для которого другого солнца, кроме того, совершавшего день-деньской свой круговорот в небе, не было, решил чуть ли не исповедаться.

Я вдруг припомнил, как он, этот толстяк в сутане, и местечковый рабби Иехезкиль, оба заядлые рыболовы, на досуге, пытаясь притушить вражду между паствами, рыбачили вон у той тихой шучьей заводи, в которой свои ветви купали девственницы-ракиты, а высыпавшие на косогор прихожане дружно кричали:

— Рабби, клюет!

— Святой отец, клюет!

И я, несмышленный, дерзкий, как воробей, тоже что есть мочи кричал:

— Клюет, клюет, клюет!

На какую же наживку клюнули в кровавом сорок первом убийцы рабби Иехезкеля или хромоногого Хаима, подмастерья моего отца, или черноглазой дочери мельника Вайнштейна? На венские стулья, которые Элиэзер привез из насквозь продутой вальсами Австрии, когда меня еще на свете не было? На швейную машинку «Зингер», которую Хаим под торжествующий грохот немецкой канонады пытался вынести, как живое существо, из нашего дома и за которой прилежно, на протяжении пяти лет постигал замысловатые премудрости портновского ремесла? На золотое колечко Фейгеле, которое подарил ей к пышной свадьбе, назначенной на воскресенье, двадцать второго июня, ее папа — богач Вайнштейн, чтобы она обручилась не с паршивой, вечно голодной смертью, а со своим суженым, сыном табачного фабриканта из Каунаса?

Журчала река, дул приятный ветерок, на прибрежных деревьях ликовали птицы, в стеклянной банке из-под сметаны копошились обреченные черви. Все ярче светило солнце, и чем выше оно поднималось, тем печальней — как ни странно — становилось на душе, тем сильнее хотелось, чтобы сверкавший пасхальной чистотой купол затянули тучи, и полил дождь. Но вверх бродяжничало только одно невесомое, отчаянное, неприкаянное облачко.

— Понадобится ночлег — милости просим, — сказал настоятель, когда я глянул на часы.

Я поблагодарил его за любезность и стал взбираться на косогор.

За косогором серела родина-чужбина.

Отсюда, с насыпи, можно было увидеть дом, где я родился.

Но дома не было. На том месте, где он прежде стоял и где в незапамятные времена возвел его мой дед — каменотес, разбили скверик и построили ясли.

Над яслями, свежавыкрашенными в цвет детского кала, красовался огромный транспарант, на котором заглавными буквами, неизвестно от чьего имени, по-литовски было начертано: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». От счастливого детства разило солодом, ибо в дальнем углу скверика разместился фанерный пивной бар, открытый, как гласила вывеска, до «20.00».

Я прошел мимо «товарища Сталина», не останавливаясь, и, к моему удивлению, никаких чувств — ни возмущения, ни сожаления — не испытывая. Как говорила бабушка, не каждому счастью надо завидовать.

Пора было что-то перекусить, со вчерашнего вечера у меня во рту маковой росинки не было, я только тянул одну сигарету за другой, но прежде, чем забежать в какую-нибудь столовку, я по пути завернул в школьный двор, где когда-то на переменах с гиканьем и восторгом гонял футбольный мяч.

Шел урок, и вокруг было непривычно тихо и пусто.

Из окон школы тоненьким ручейком лилась во двор литовская речь. Учитель что-то говорил про далекий и суровый Северный полюс, про отважных челюскинцев, про героический перелет Чкалова в Америку.

На миг мне почудилось, что это голос моего учителя Бальсера. Неужели он жив? Но безупречный, непогрешимый, как Господь Бог, Бальсер никогда не рассказывал про полюсы и про челюскинцев, а, смеясь, со слезами на глазах, читал наизусть занимательную повесть про мальчика по имени Мотл, сироту и горемыку, и про его приключения.

Какие бы нас ни ждали приключения, вдруг пронзила меня на школьном плацу простая и жуткая мысль: все мы сироты. И наше сиротство неизбежно. Там, где цыган разбил шатер, там его родина. А там, куда ступил еврей, там его сиротство. Нет такого уголка на свете, где можно было бы от него избавиться. Оно ходит за нами повсюду, плывет

неотступно, как то невесомое, отчаянное облачко. И не скажешь ему: стой, растай, пролейся дождем!..

— Ты кого-то, парень, ищешь? — обратилась ко мне женщина с толстой папкой под мышкой.

— Нет.

— А вид у тебя такой, как будто ты заблудился...

Нет, нет, я не заблудился, я никого не ищу, ибо то, что ищу, найти невозможно, даже если на поиски потратить год, десять лет, всю оставшуюся жизнь, даже если призвать на помощь всех чудом уцелевших своих сородичей, всех дочерей и сынов Израилевых. Почему же я ищу то, чего найти невозможно? Что с того, что я, скажем, найду тот довоенный, истрепанный, полинявший футбольный мяч, ту швейную машинку «Зингер», то золотое обручальное колечко? Разве от этого закатится моя печаль, разве не взойдет она завтра?

Моя поездка внезапно обесмыслилась, я озлился на самого себя: все, что я увидел, можно было себе представить, не садясь в поезд, не блуждая по улицам и задворкам местечка, без стояния у реки и душеспасительных бесед с настоятелем, который, кроме веры в бессильного Бога, ничего тут не выудил.

Мне захотелось вернуться назад — сесть на первый попавшийся автобус, идущий в Вильнюс, примоститься у окна и ехать, ехать, глядя в тусклое окно, как в свое полинявшее прошлое, из которого, как из футбольного мяча, выпустили воздух — воздух моего детства — и которое безнадежно сплюснлось у меня на глазах.

Но что-то все-таки меня удерживало. Я сам не мог взять в толк, что.

Может, это невесомое, отчаянное облачко, клубившееся надо мной, словно полузабытые мои сновидения? Может, надежда на то, что меня окликнет кто-нибудь из моих сверстников — пусть не еврей, пусть литовец, Вацис или Феликсас, свободно говорившие по-еврейски и приходившие в наш дом за мацой и медовыми пряниками.

Но никто меня не окликал. Казалось, все разъехались, разлетелись, спрятались. Ведь послевоенное лихолетье вихрем раскидало всех — кого в лес, кого в Красную Армию, кого на Колыму.

И все же я надеялся на встречу с кем-то из них, подолгу всматривался в понурые лица прохожих, особенно молодых. Те, однако, либо куда-то спешили, либо не узнавали меня, либо я их не узнавал. Чем дальше, тем больше я убеждался, что не туда приехал, что та — всамделишная — родина, которая жила в моих снах, в моем мягко выстеленном грезами, как колыбель перинками, воображении, осталась где-то за опущенными ставнями, за семью засовами и щеколдами. А тут вовсе не родина, а затерявшаяся в глухомани перевалочная станция для странников и скитальцев.

До летних сумерек было еще неблизко, голод меня донимал, и я решил перед обратной дорогой подкрепиться, съесть комплексный обед —

остывшую котлету с жареной в украинском подсолнечном масле картошкой, свекольник сомнительной свежести и компот из сухофруктов, в котором, как сваренные пиявки, плавали дольки чернослива.

Столовка, в которой я очутился, была битком набита рабочими-строителями, возводившими в Скаруляй, в густом, грибном сосняке неподалеку от местечка, завод химических удобрений. От рабочих пахло хвоей и глиной.

Я покорно встал у окошка раздачи обедов, комкая в руке пробитый дебелой кассиршей талончик.

— Простите, пожалуйста, — прошептал сзади меня мужчина в очках с толстыми, казался, пуленепробиваемыми стеклами, в твидовом пиджаке, на который словно щедро рассыпали просо, — вы случайно не... — он замялся и, еще больше понизив голос, выдавил: — еврей?

— Да, еврей, — нарочито громко ответил я шептуну.

— Очень приятно... Очень приятно... Ростислав Розенфельд... — представился соплеменник-сотрапезник.

Назвал свое имя и я.

Мы сели за один столик, покрытый дырявой клеенкой в луговых цветочках, и стали молча есть, словно были глухонемые, а, когда справились с безвкусной казенной едой, так же молча вышли на улицу.

— Меня сюда из Одессы прислали.

Не тот ли он богач-одессит, который обещал жениться на цыганке, подумал я про себя.

— Я инженер... Прислан литовским товарищам на подмогу... А вы, Григорий?..

— А я... я проездом...

У меня не было желания разводить с ним тары-бары.

— Жаль... — искренне посетовал Ростислав. — Не с кем в этом медвежьем углу словом перемолвиться. По-моему, кроме нас с вами, тут никого из наших нет.

— Живых — нет... Мертвых много...

— С мертвыми какой разговор? — прошептал Ростислав, без сомнения названный так в честь какого-нибудь русского князя, и, закулив, добавил: — И в Одессе их много. Но, слава Богу, в наличии еще и живые имеются... Что за жизнь без евреев?

— А с евреями? — улыбнулся я. — Что за жизнь с евреями?

— И то правда... Было очень приятно, очень. Может, еще свидимся, городок-то махонький...

И Розенфельд откланялся, смешавшись с ватагой тех, к кому он приехал на подмогу.

Невесомое, отчаянное облачко порозовело в лучах предзакатного солнца и застыло над белой колокольной костела.

Откуда-то с пастбища донеслось сытое мычание коров.

Скоро пастух Еронимас — если в войну не помер — пригонит их в местечко и во дворах начнется дойка.

В детстве я очень любил с бабушкиного крыльца наблюдать за их возвращением домой, за их неторопливым, царственным шествием и слушать перезвон колокольчиков, подвешенных к неуклюжим коровьим шеям. Так, думал я, перезваниваются в ночной тишине, когда весь мир засыпает, звезды, подбадривая запоздалых или заплутавших путников и указывая им, усталым, путь.

По правде говоря, я и сам себя сейчас чувствовал таким путником, попавшим Бог весть куда.

Наконец в сумерках из-за поворота показалась простодушная, пропахшая луговой травой морда первой буренки. За ней, трубно и нетерпеливо мыча, грузно вышагивала другая.

Стадо медленно и мощно приближалось.

Слышно было, как то тут, то там приветливо отворяют воротца и калитки.

— Марге! Марге! (Пеструха, Пеструха!) — любовно звал высокий старик и тянул вверх морщинистую руку.

— Му-у! Му-у! Му-у! — звучало в ответ.

— Линда, Линда, — приговаривала сухопарая баба в длинном фартуке, с подойником в руке.

— Чернуха, Чернуха! Ты куда, холера? Дом свой забыла, что ли? — по-русски сердилась босоногая молодуха.

Мычанье, топот, крики.

И вдруг сквозь шум, сквозь выкрики голос:

— Зара! Зара!

Не ослышался ли я?

— Зара! Зара!

Нет, не ослышался. Ведь так свою кормилицу — корову голландской породы с крупными звездами-яблоками во лбу окликал брат моей бабушки — вдовец Фроим-Менаше. Поначалу, правда, у нее была другая кличка — Сара, но рабби Йехезкиль воспротивился такому кощунству и чуть ли не с амвона синагоги запретил величать животное именем жены праотца Авраама и велел называть то ли по-цыгански, то ли по-турецки — Зара.

— Зара, Зара, — сорвалось с моих губ.

А, может, моим голосом говорил он — Менаше, убитый в сосняке, там, где сейчас строят завод химических удобрений? У него все отняли — дом, четверех детей, корову, но голос... может, голос пошадил?

Стадо рассыпалось, пастух Еронимас, переживший, как и его буренки, войну, заткнул за пояс кнут, нахлобучил на лоб соломенную шляпу и поплелся, насвистывая, домой; улица опустела; зазвенели подойники; хозяйшски взялись за коровьи соски, и потекла река сладкого, как сон, молока.

Кто-то доил Зару убитого Менаше.

Кто-то строчил на «Зингере» — швейной машинке моего отца.

Кто-то перед тем, как лечь, взбивал чужие подушки.

А я пялился в плеснувшую растопленным дегтем темноту.

Она снова кишела исчезающими стадами и толпами, снова звучала на все лады замолкшими, задушенными голосами, снова глядела на меня глазами тех, кого я искал и не нашел, и та темнота была моей родиной. Единственной на свете.

Как в детстве от обиды, першило в горле.

Надо мной, в моих давно нестриженных, дремучих волосах, как в большом удобном гнезде, спало невесомое, отчаянное облачко. Вокруг него горели поминальные звезды. От долгого смотрения вверх небо раскачивалось, как полное вымя; я припадал к его мерцающим соскам губами, и в меня парной струйкой тек и тек пронзительный свет немеркнушей, возвышающей душу печали.

— Зара! Зара!

— Му-у-у-у...

— Динь-динь-динь...

СОН ОБ ИСЧЕЗНУВШЕМ ИЕРУСАЛИМЕ

Он, кажется, снился мне еще в колыбели — задолго до того, как я впервые увидел его наяву; задолго до того, как в сорок пятом он принял меня в свои кровоточащие, задымленные войной объятия; задолго до того, как в нем вырос могильный холмик, глина которого заляпала все мои радости и навсегда окрасила в ядовито-желтый цвет все мои печали, ибо под ним нашла (нашла ли?) успокоение моя мама, да будет память о ней благословенна!

За свою уже некороткую жизнь я побывал во многих городах — в Нью-Йорке и Париже, Торонто и Женеве, Лондоне и Турине, в Праге и Варшаве, но ни один из них, величественных, неповторимых, желанных, не входил в мои сны.

Мне снился только он, единственный город на свете.

Мне снились его улицы и переулки, узенькие, как всревки, на которых веками сушилось еврейское белье — не просыхающее от пролитых слез, засиненное синькой несбывшихся надежд, дерзких и высоких, как утренние облака, мечтаний, ливнем обрушивавшихся на неокрепшие души дворовых девчонок и мальчишек со звучными царскими именами — Юдифь и Руфь, Соломон и Давид.

Мне снились его черепичные крыши, по которым кошки расхаживали, как ангелы, и ангелы, как кошки.

Мне снились его мостовые, где каждый булыжник был подобен обломку Моисеевой скрижали.

Мне снились его синагоги и базары — шепот жаркой, почти неистовой молитвы чередовался и перемежался в моих ночных видениях с испуганными выкриками:

— Кугл! Хейсе бейгелех! Фрише фиш!

Выкрики звучали грозно и проникновенно, как псалмы, а торговцы напоминали древних пророков — на ветру развевались их седые космы; глаза горели неземным огнем; от картофельной «бабки» пахло не прокопченной до черноты печкой где-нибудь на Завальной или Новогрудской, на Мясницкой или Рудницкой, а жертвенником, разложенным у подножия Хермона или Иудейских гор.

В моем детстве, которое уже само стало сном, сновидения о нем, об этом удивительном и недостижимом для меня городе, навевались бесконечными томительными рассказами домочадцев — бабушки и дедушки, дядьев и теток, никогда и никуда не выезжавших за пределы нашего местечка, но знавших обо всем на свете не меньше, чем сам Господь Бог, — вымыслами наших многочисленных соседей, словоохотливых и скорых на выдумку (выдумками мои земляки день-деньской вышивали серую холстину жизни), голодных странников, забредавших к нам на берега Вилии и щедро расплачивавшихся за ночлег и пищу всякими байками («майсес»).

Их неспешные повествования, их долгие, растягивавшиеся до рассвета истории, будоражили воображение, как пасхальная Агада. Господи, Господи, сколько хмеля было в том прекрасном, в том незабываемом вранье, в той ошеломляющей, благодатной полуправде! От них кружилась голова; дом переполнялся горестно-счастливыми вздохами и восклицаниями, в которых соединялись тоска и восторг, страсть и таинственные упования.

— О! — вскрикивала моя тетя Хава и тайком утирала слезу.

Ей, старой деве, он тоже снился. Может, чаще, чем мне. Он снился ей в виде огромной, разбитой на широком зеленом лугу хупы, под которой она, вся в белом, разморенная от собственного счастья, стоит рядом со своим избранником. Там, в том удивительном городе, даже последние дурнушки выходили замуж. Там каждый час и каждый божий день женихи и невесты обменивались золотыми колечками.

Вильно для моей тети Хавы и было таким затерянным во Вселенной золотым колечком.

— Ох! — стонал как в бане от восторга при упоминании его имени дядя Лейзер.

Ему он тоже являлся во сне. Дяде Лейзеру снилось, что его избрали старостой Большой Синагоги, что у него вышитая бисером кипа, от

которой голова светится в сумерках, как звезда на небосклоне. Лейзер мечтал, чтобы его похоронили рядом с Гаоном рабби Элиягу, праведником из праведников, мудрецом из мудрецов.

— Да-а-а! — смачно, в растяжку, гундосил пекарь Рахмиэль, родившийся в том удивительном городе, но младенцем привезенный в языческую Литву.

Он выпекал другие мечты — ему никакого дела не было до вышитой бисером кипы; он был согласен лежать на кладбище с кем угодно: кладбище — не супружеское ложе; но всякий раз, когда заговаривали о Вильно, он видел себя владельцем кондитерской лавки напротив Большой Синагоги, где с утра до вечера продавал пахнущие раем булочки с изюмом и корицей. Сам Всевышний после утренней молитвы заглядывал к нему, чтобы их отведать.

Из этих баек, заросших преувеличениями, как непаханное поле диковинными цветами; из этих рассказов, повергавших то в уныние, то в трепет, граничивший с лихоманкой; из этих воздыханий и восклицаний, из этих намеков и полунамеков вырастало то, чего ни под одной местечковой крышей не было, чего нельзя было узреть ни за одним окном, будь оно даже в позолоченной раме. Из них складывался образ Города городов, еврейского острова в бурном океане ненависти и чужести, образ столицы еврейского благочестия и премудрости. Из них, словно сверкающий огнями корабль, vyplывал он, город наших снов.

То был удивительный корабль — он плыл одновременно по воде, по суше и по воздуху. Он заходил, как в гавань, в каждый дом, в каждую избу. Трюмы его были полны драгоценностей и сокровищ и всегда открыты для всех — бери, насыпай в карманы и душу, богач и бедняк, умный и глупец, счастливый и несчастный.

До сих пор в моих заложенных галькой воспоминаний ушах звучит его протяжный гудок, который, наверно, не умолкнет до моего смертного часа. Он будит живых и мертвых.

От сна до яви было сто тридцать километров. Что значит сейчас, в эпоху сверхзвуковых лайнеров и мощных «Мицубиши» такое расстояние? Но тогда!.. Тогда путь от нашего местечка до Вильно казался таким же далеким, как до Большой Медведицы.

Недосыгаемость умножала тоску и любовь. Как говорила моя бабушка, светлый ей рай, рафинад слаще в мыслях, чем во рту: во рту он тает, в мыслях — никогда.

Вильно никогда не таяло в мыслях тех, кого испокон веков принято называть литваками.

Помню, как мой дед — сапожник Шимен Дудак, закатывая свои маленькие, как щелочки в амбарном замке, глаза и поднимая к лысому, гладкому, как бита, черепу мохнатые брови, восклицал:

— Господи! Какие там сапожники! Их шила выточил сам Всевышний!

Помню, как портной Шимшон Банквечер, почесывая свои шляхетские усы, припадая на укороченную правую ногу, открыто выхвалялся:

— Я учился шить в Вильне. Таких портных, как там, свет не видывал. Они выпрямляют горбатых!

Помню, как наш местечковый сумасшедший Мотэле, кроткий, всегда одетый в белое, как в саван, говорил:

— Вот это город! Там все — сумасшедшие. Все!

И в знак согласия с самим собой причмокивал языком.

Моя бабушка, прозванная за свою набожность Боговой невестой, равнявшаяся туда изо всех сил, шептала его имя, как шепчут имя возлюбленного, и готовилась если не к встрече, то хотя бы к короткому свиданию с ним — поднимется на второй ярус Большой Синагоги, пробормочет молитву, и Господь Бог услышит ее, простит все прегрешения, задует, как свечу, ее старость и снова возжет ее молодость.

Но мечте ее не суждено было сбыться. Как не суждено было сбыться мечтам ее сородичей и земляков, скромных и не очень удачливых тружеников — торговков рыбой, повивальных бабок, портных и сапожников, шорников и столяров, лавочников и лудильщиков, завершивших круг земной по воле Всевышнего или по воле Дьявола.

Я не могу сказать ей, моей бабушке, Боговой невесте, правду о Большой Синагоге. Я не могу сказать об этом ни одному из более двухсот тысяч евреев, погибших во Второй мировой войне в Литве, — ни младенцу, заживо брошенному в яму; ни старику, бормотавшему не то в огне, не то под огнем затверженное с детства «Шма, Исраэль».

Мертвые, как и живые, не верят в правду, не оставляющую им надежды. Как это так — нет Большой Синагоги? Кто говорит, что от нее и следа не осталось? Придет Мессия, и мы, мертвые, встав из могил, первыми поспешим туда молиться!..

Она, моя бабушка, еще задолго до неслыханной резни, до чудовищной косовицы, не оставившей в литовских местечках ни одного всхода, ни одного саженца, ни одной веточки на Древе Израилевом, не давала и соринке упасть на ее грезу, на ее сон, на ее любимый город. Он сиял для нее во всем своем ослепительном блеске и красоте.

До войны только один человек в нашем местечке сподобился чести побывать в нем — балагула Пейсах-Цимес, дальний родственник моего деда.

Когда он вернулся из Вильно, бабушка спросила его:

— Ну, как? Что скажешь?

Она ждала от него слов, которых до сих пор не слышала, слов, от которых в измученной душе, затянутой непроницаемыми тучами, вдруг расцветет радуга, но балагула Пейсах, зная нрав старухи, мялся, долго шмыгал красной морковкой носа, переминался с ноги на ногу, словно стоял не на деревянных половицах, а на плоту в штормовую качку.

— Город как город. Ор, толкотня, грязь... На каждом шагу евреи. А уж балагул — как собак нерезаных.

— И всё?! — ужаснулась старуха.

— Всё, — искренне пробурчал Пейсах.

— А Большая Синагога?! А могила Гаона?! А... А... А... — все звуки, жившие у нее внутри, вдруг рассыпались, улетучились, исчезли.

Бабушка закашлялась, пытаясь вытолкнуть из горла не то удивление, не то презрение к Пейсаху. Тот смешался, заморгал своими разноразмерными, как две неодинакового достоинства монеты, глазами и примитивно бросил:

— Не веришь? Съезди сама!.. После Йом-Кипура могу тебя взять с собой.

Но тут бабушка еще больше рассердилась.

— Ни за что, — прошипела она.

С кем угодно поедет — только не с ним. Ни после Йом-Кипура, ни на Хануку, никогда. Она лучше пешком пойдет, одна, без всяких попутчиков, чем сядет в его задрипанную телегу, воняющую мочой и сырыми кожами. С кем угодно, но не с Пейсахом, этим мужланом, этим обжорой и выпивохой, который кроме корчмы, лошадей и дорожной грязи ничего на свете не видит. Ни-че-го!..

Спасибо ей за гнев и обиду — она уберегла от порчи мои сны, не позволила законопатить трюмы плившего по нашему тихому омуту корабля с его драгоценностями и несметными сокровищами. Благодаря ей мое детство до рокового двадцать второго июня сорок первого года еще заливало светом, струившимся из окон Большой Синагоги — светом веры и святости; благодаря ей оно продолжало пахнуть не извозчичьей правдой, грубой и зловонной, как конская моча или сырые кожи, а благовониями вымысла, который возвышал душу и переносил ее в иные, недоступные и прекрасные пределы; благодаря ей у меня был неосязаемый, верный талисман, оберегавший меня от зла и отчаяния.

Война не разлучила меня с городом моих снов.

Правда, я все реже и реже видел его в своих сновидениях, но жизнь то и дело сталкивала меня с людьми Оттуда.

— Я из Вильно. Ерушалаима де Литва.

Я забыл лицо своего соседа по шершавым, занозистым нарам, впившимся, как полевые слепни, в мое отошавшее тело, в товарном поезде, мчавшем нас на Восток, но голос его, горестно-приглушенный, хриплый, сохранил в памяти навеки.

Я не знаю, кто был этот мой попутчик — может, он был пекарем, державшим лавку напротив Большой Синагоги; может, портным, выпрямлявшим своим искусством горбатых; может, наборщиком в типографии, где на дешевой бумаге печатались еврейские буквари; может, переписчиком Торы, не сделавшим за свою долгую жизнь ни одной ошибки.

Его вынесли из душного, пропитанного потом и горем вагона товарняка на полустанке недалеко от Свердловска, положили на чужую, холодную землю, и ранняя русская вьюга замела его крупными хлопьями, укутывая, как в погребальное покрывало.

Под стук безжалостных колес, увозивших нас в неизвестность, я по слогам повторял:

— Ие-ру-ша-ла-им де-Ли-та. Ие-ру-ша-ла-им де-Ли-та...

Что это было — бред или заклинание? Наверно, все-таки заклинание. Я заклинал свой страх, свою беспомощность, я заклинал русскую вьюгу, бесконечные русские просторы, встречные русские поезда, безостановочно мчавшиеся в противоположную сторону, на войну, и обдававшие наш состав горячим паровозным паром, громкими солдатскими песнями и студеными волнами безысходности.

Возвращаясь к тем дням, я ловлю себя на мысли, что смерть моего попутчика была предвестием чего-то большего, чем уход отдельного человека. Вместе с ним вьюга на полустанке заметала не только дорогу назад, в Иерушалаим де Лита, но и сам Иерушалаим де Лита; она укутывала в саван его черепичные крыши, по которым кошки расхаживали, как ангелы, и ангелы, как кошки; его мостовые, где каждый булыжник был подобен обломку Моисеевой скрижали; Большую Синагогу с ее аронкой-дешем; она заметала непролазными сугробами мои сны.

Нет, нет, подбадривал я себя, нет на свете вьюги, способной замести город, к которому тянулись сердца всех евреев Литвы; нет такого ветра, который сдул бы в море забвения этот остров еврейской мудрости и благочестия. Он вечен, он пребудет во веки веков! Бог, наш милосердный, наш всемогущий Бог, не допустит, чтобы свершилась такая неслыханная несправедливость.

Стыдно признаться, но я в своих мыслях, в своих снах норовил не столько быть рядом с отцом и матерью, сколько с ним, Всевышним. Что могли родители? Они могли одеть и накормить, и то не досыта. Создатель же мог спасти город моих снов, сделать так, чтобы все вьюги утихли и все сугробы растаяли.

— Гот из а тате. Бог — наш отец, — наплывало откуда-то благое утешение.

Кто мог тогда в бескрайней казахской степи, в зачуханном кишлаке, где мы с мамой жили, да какое там жили — каждый день с голоду подыхали, где даже ослы и овцы с любопытством и нескрываемым превосходством глазели на беженцев-евреев, как на инопланетян, кто мог подумать, что вьюга — русская, немецкая, литовская — окажется сильнее самого Господа?!

Кто мог подумать!

Но даже там, среди пустынных степей, по которым рыскали прожорливые шакалы и над которыми кружили всевидящие беркуты,

подстерегавшие свою добычу, даже там, у подножия Ала-Тау, в дымной мазанке, еще посверкивал драгоценный камешек, отколотый от его, Иерушалаима де Литы, короны.

В той мазанке жил товарищ Ицхак, работавший в колхозной бухгалтерии счетоводом. В то время счетоводы в казахской сельской местности были такой же редкостью, как и звездочеты. Как выяснилось позже, товарищ Ицхак не был ни счетоводом, ни звездочетом. До войны Ицхак служил на Садовой улице раввином. Единственным свидетельством его раввинского сана была черная потертая ермолка, которую он никогда — даже в страшную жару — не снимал и которую председатель колхоза Нурсултан принимал за тюбетейку. Нурсултан не раз предлагал счетоводу новую, цветастую, из отменной ткани, но Ицхак упорно отказывался от дара.

Прощал ему председатель колхоза и другую странность. По вечерам Ицхак собирал беженских детишек, ходивших в казахскую школу, и тайно обучал их еврейской грамоте. Были среди его учеников мальчишки из Бобруйска и Борисова, Слонима и Молодечно, Каунаса и даже два мальчика из блокадного Ленинграда...

Он учил нас грамоте, учил соблюдать субботу и все еврейские праздники. На праздники жена Ицхака Этель раздавала подарки — котлеты из пескарей и ячменевые лепешки.

Но не пескаринные котлеты и не ячменевые лепешки влекли к нему детвору. Главной приманкой были рассказы о его родном городе — Вильно.

Он рассказывал про Гаона рабби Элиягу, праведника из праведников, мудреца из мудрецов; про знаменитых еврейских ученых и издателей; про поэтов, воспевших Иерушалаим де Литы, и про богачей, одаривших его своей милостью. Их имена в тесной мазанке звучали как названия звезд — все вокруг светлело, и у каждого из нас над головой появлялся нимб этого невидимого света; за окнами открывался не кишлак с его глинобитными избами, а город, где он, Ицхак, родился и где, как ему казалось, никогда не пропадет ни один след — еврейской мысли, еврейской стопы, еврейского резца, еврейского голоса.

Чего греха таить, я в Ицхаке, согбенном, хилом, слегка заикавшемся, видел не колхозного счетовода, не раввина, а наместника Бога в неприютной казахской степи.

Я был уверен, что он вернется в свой Иерушалаим и, может быть, вместе с ним вернемся и мы — если не наяву, то во снах. Во сне путь всегда короче.

Но, когда я однажды вернулся домой из казахской школы, мама мне сказала:

— Горе... Ицхак скончался.

Одни говорили, что он покончил с собой, другие — что умер от брюшного тифа, третьи — что у него остановилось сердце. Шло, шло на

родину, в Вильно, в Иерушалаим де Лита, и остановилось. Ноги, мол, еще продолжали двигаться, а вот сердце остановилось.

Вскоре ушла и Этель.

Их похоронили за кишлаком, там, где огороды переходят в шакалью степь.

Председатель Нурсултан произнес над его могилой речь. Он говорил по-казахски, и никто его толком не понял.

Ицхаку, видно, хотелось услышать кадиш. Но кадиш некому было говорить: все мужчины-евреи были призваны в армию — вьюга вовлекла их в свою смертельную белизну.

В тот день я, по-моему, стал взрослым.

В тот день меня ошпарило страшное сомнение:

только ли по раввину-счетоводу надо говорить поминальную молитву?

Может, по моим снам?

А, может?..

Но, как не раз предостерегал дед, нельзя произносить вслух то, что еще не случилось. Произнесешь — и непременно произойдет.

* * *

В Вильно-Вильнюс я приехал в начале сорок пятого года. Кончался февраль. Мело обильно, густо, и заснеженный город был похож на больного, лежащего в постели на высоких подушках, набитых гусиными перьями. Дома с сорванными крышами; улицы, развороченные тяжелыми гусеницами танков; толпы красноармейцев в задубевших от мороза шинелях и ушанках, надвинутых на лоб; редкие прохожие с буханками хлеба под мышкой; одинокий извозчик на привокзальной площади, дожидавшийся седока; лошадь, прядавшая своими огромными пергаментными ушами; шпили костелов, дырявившие обложенное свинцовыми тучами небо, и окна, окна, окна с выбитыми стеклами, без занавесок, без лиц, без голосов; покореженная вывеска на немецком языке с едва различимыми буквами — все было чужое, непонятное, внушавшее страх и подозрения. Взгляд напрасно искал какой-нибудь штрих, какую-нибудь деталь, слух напрасно старался уловить какой-нибудь звук, роднившие город с тем, о котором я столько слышал и который входил в мои мальчишеские сновидения.

Неужели это он — Иерушалаим де Лита?

Разве в нем моя тетя Хава, старая дева, найдет своего суженого?

Разве в нем пекарь Рахмиэль откроет напротив Большой Синагоги лавочку, куда поутру заглянет сам Всевышний, чтобы отведать слоеный пирожок с маком, легкий, похожий на бабочку?

Разве в нем дядя Лейзер почует по соседству с могилой мудрейшего из мудрых рабби Элиягу?

Где она, Большая Синагога?

Где оно, кладбище, на котором покоится прах Гаона?

Где они — Лейзеры, Хавы, Рахмиэли, Шимшоны, Мотэле, где они, девочки и мальчики со звучными царскими именами — Юдифь и Руфь, Соломон и Давид?

Кругом только снег, только снег, только снег.

Может, мама меня не туда привезла? Может, мы попали совсем в другой город, заурядный, неприметный, унылый — не в Вильно, не в Иерушалаим де Литва? Может, в спешке перепутали и купили билеты не в ту сторону?

— В ту, — сказала мама.

— Да... Но где же... где же все?..

— Кто — все?

— Евреи.

— Евреи, Гиршеле, там... — вздохнула она и ткнула рукой в снег.

За пеленой снега ничего не было видно. Ничего, кроме серых домов, безжизненных и молчаливых, как надгробия.

Весной, когда зазеленели деревья, я отправился туда — в Понары.

Воздух был чист и свеж. Как сто лет тому назад, в Понарах пели птицы. Они заливались так неистово, так громко, что, казалось, их ликующее щебетание слышали и мертвые. Восемьдесят тысяч мертвых.

Иногда птицы покидали еще пахнувшие горелой человечьиной деревья, садились на землю, на весеннюю глину и своими клювиками выковыривали из насыпи нерасторопного червячка.

Я смотрел на них, и от ужаса у меня сжималось сердце. Казалось, они выколупывают не червячка, склевывают не зазевавшуюся мошку, а зрачок сорвиголовы Хаимеле или черноглазой дикарки Ханеле.

Понары были весной, а до того была Большая Синагога, та самая, в которой витал бессмертный дух рабби Элиягу и напротив которой пекарь Рахмиэль мечтал открыть свою доходную лавочку.

Я стоял у руин синагоги, и меня не оставляло ощущение, что вот-вот, через минуту-другую, через короткий миг из груды щебня, из этой смеси вечности и бренности, из-под этого поверженного, бессильного железа восстанет он, рабби Элиягу, и во весь голос, на весь город, на всю Литву, на весь мир возгласит:

— Евреи! Мертвые и живые! Берите ломы и кирки, топоры и стамески! Спешите отовсюду — из местечек и городов, из домов и могил! Большая Синагога не должна лежать в развалинах! Кровельщики, накрывайте крышу! Столяры, выстилайте новыми половицами пол! Стекольщики, застеклите окна! Кузнецы, отлейте подсвечники! Портные, сшейте талиты! Скоро праздник — Песах. Праздник освобождения из египетской неволи! Спешите, спешите, ибо нет страшней неволи, чем беспмятство и забвение!

Увы, не пришли ни кровельщики, ни портные, ни кузнецы, ни столяры.

Живые глазели на руины и проходили мимо. Никто не набирал в горсть щебня, не просеивал его на ладони и не посыпал им, как пеплом, голову.

Советская неволя превзошла египетскую.

В студенческие годы, как и многие мои погодки, я работал на восстановлении города — расчищал дороги, разбивал парки, высаживал деревья.

Милость победителей распространялась на всё, кроме еврейских ценностей.

В ешивах, где над разгадкой тайны мироздания и предназначения Человека столетиями бились юные маймониды, где в винограднике пейзаев рождалась истина, разместились советские учреждения, занимавшиеся сбором не откровений о путях человечества, а утильсырья.

В еврейских школах хозяйничали безликие, мыслеупорные чиновники, выдававшие паспорта с серпом и молотом или подшивавшие листки к личным делам неблагонадежных, полунадежных и надежных граждан.

В закрытых большевиками типографиях, пользовавшихся в довоенные годы прочной славой во всем еврейском мире, печатались жалкие двойники московской «Правды» и «Коммуниста», избирательные бюллетени, не отставлявшие никакого выбора и «великие» произведения «гения всех времен и народов» Иосифа Сталина.

В этом мраке, сгустившемся над Иерушалаимом де Лита, еще теплился еврейский сиротский дом, приютивший уцелевших от недавней резни детей; мерцала еврейская школа, в которой еще звучали буквы тысячелетней азбуки; в бывшей тюрьме, созданной немцами в гетто, существовал обреченный на скорую гибель еврейский музей, где экспонатами были не только сохранившиеся документы, но и его директор Гудкович и немногочисленные сотрудники.

Я прожил в Вильнюсе без малого пятьдесят лет, застав еще клочья того, подлинного, сшившегося мне ночами Иерушалаима де Лита, дуновения его высокого и непреклонного духа.

Почти обрусевшие, говорившие на изуродованном чужбиной идише, выброшенные смерчем войны в иные пределы, где в слове «жид» умещались все познания о нашем народе, мы, его молодая, озябшая, изголодавшаяся поросль, бегали на еврейские литературные вечера, устраиваемые в послевоенном Вильно, восторженно принимали гостей из Москвы — Переца Маркиша и Арона Кушнирова, гордились тем, что рядом с нами живут такие замечательные поэты, как Авраам Суцкевер и Гирш Ошерович.

Из моей памяти никогда не изгладится ни с чем не сравнимое впечатление, которое на меня произвела читка поэмы Суцкевера «Кол Нидрей» моим дядей — дамским портным Мотелем Кановичем. В его доме на проспекте Сталина собрались любители еврейского театра и словесности: большеголовый, величественный, похожий на римского сенатора, глуховатый учитель Розенталис; черный, словно обугленный, резкий, как звук пожарной sireны, портной Догим; тишайший бухгалтер Упницкий, продолжавший везде и всюду что-то подсчитывать и проверять. Дядя Мотл,

тщедушный, улыбчивый (дамским портным улыбка на роду написана), с выражением и несвойственной ему страстью читал поэму, только-только вышедшую из печати. Маленькая гостиная, в которой происходила читка, напоминала партер древнегреческого амфитеатра, а чтец — не шуплого портного, а античного оракула.

От его голоса дрожал воздух, дрожала вишневая настойка в графине, дрожали, как лилии, хрустальные фужеры, дрожала душа.

Слезы текли по щекам примолкших слушателей.

Плакал и я, хотя не очень-то понимал над чем.

Слез в те времена хватало, и повод для них давали не только стихи.

Каждый новый год оборачивался новыми бедами.

Пришел страшный пятьдесят третий, грозивший всем евреям высылкой в Сибирь.

В еврейских домах сушили на дорогу сухари.

Из еврейских домов, как покойников, выносили еврейские книги.

Наспех, в сумерках, на пустыре недалеко от Лукишской тюрьмы наши насмерть перепуганные соседи сжигали все еврейское, начиная от невинного, прекраснородного Мапу и кончая хмурым и суровым Давидом Бергельсоном.

Шестнадцать томов дореволюционной еврейской энциклопедии уносили в ночь, как шестнадцать гробиков.

То были костры избавления от возможных улик, от вещественных доказательств вины, хотя виной была сама причастность к еврейству, сам факт рождения под еврейской крышей.

Чад от этих костров плыл над моей юностью, отравляя мое дыхание и Будущее.

А что может быть хуже, чем угоревшее от страха и унижения Будущее?

Тогда я еще не осознавал до конца, что горела не бумага, а город моих снов — Иерушалаим де Лита и что я сам был не более чем головешка, в лучшем случае — тлеющий уголёк.

Сколько их было! Сколько погасло на ветру!

Иногда от них зажигались звезды — такие, как Нехам Лившицайте.

Но звезды недолго задерживались на том небосклоне, ибо его то и дело затягивало тучами.

Начался отъезд — трудный, но неотвратимый.

Город моих снов, Иерушалаим де Лита, сжимался, как шагреневая кожа.

Евреи с настойчивостью и решимостью, достойной маккавеев, спешили в ОВИР, в отдел выдачи виз и регистрации, как когда-то на молебен в Большую Синагогу.

Единственным и самым желанным местом встреч стала выщербленная, в разводах мазута и грязи, платформа вильнюсского вокзала, первый, как говорили железнодорожники, и самый верный, как добавляли евреи, путь.

Путь из Иерушалаима де Лита в подлинный Иерусалим, вечный и незаменимый.

В середине семидесятых я провожал своего старого друга. Когда он поднялся по ступенькам в вагон, я обратил его внимание на номер — «0».

Нулевой вагон, нулевая отметка.

— Ну и что, что ноль? — спокойно сказал он. — Как только приедем туда, перед ноликом появится единица.

— Какая? — полюбопытствовал я.

— Родина, — высокопарно ответил мой друг. — Высшая единица измерения для каждого еврея.

Не знаю, хватило ли ему, человеку, склонному к идеализации предмета своей любви, той самой единицы, не испытал ли он позже горького разочарования, но тогда, на перроне, где молодые парни лихо отплясывали «хойру!», ответ его звучал более чем убедительно.

— Нельзя жить с призраками. Как ни хороши сны, они все равно когда-нибудь да кончатся.

Как же мне это в голову не пришло? Ведь мой друг, пожалуй, прав: кто живет среди призраков, тот сам понемногу в призрак превращается. Большая Синагога — призрак, еврейский музей — призрак, дома — призраки. Призраки в прошлом, в настоящем и, может статься, в будущем. Тетя Хава, пекарь Рахмиэл, дядя Мотл, взхлеб, с завываниями читающий «Кол Нидрей», мудрейший из мудрых Гаон Элиягу, вдова Ромм...

Даже самый родной человек — мой отец, портной Божьей милостью, обшивший полгорода, вдруг превратился в призрак.

Каждый день — пока он мог самостоятельно передвигаться — в свои восемьдесят с лишним несчастий (так он называл свои годы) он с утра пораньше отправлялся на охоту.

— Ты куда? — спрашивал я его.

И он серьезно отвечал:

— Попытаюсь поймать еврея.

Он их «ловил» в Бернардинском саду; на площади, еще — до провозглашения независимости — носившей имя нетленного Ленина; на берегу Вилии; возле новой центральной почты.

— Вчера двоих поймал, — хвастался он. — Златокузнец Шолема и сапожника... как его... Нисона.

— А позавчера?

Позавчера только одного — парикмахера Менаше. У его дочери «Жи-гули». Она обещала подвезти нас на кладбище... На кладбище по воскресеньям полно евреев... бродят... присматриваются...

Были дни, когда никакого улова не было. Тогда отец приходил домой грустный, неразговорчивый, обиженный на свою старость, на судьбу, на весь белый свет.

Добыча уменьшалась с каждым днем. Уехал с детьми златокузнец Шолем, попросил вызов сапожник Нисон...

А моему отцу нужен был хоть один еврей — одногодок, не одногодок — не важно. Главное — найти свободную скамейку в Бернардинском саду, сесть и окунуться в теплые струи воспоминаний. И вспоминать, вспоминать, вспоминать: «бар-мицву» — совершеннолетие, свадьбу, службу в армии — литовской, польской, русской, — День Победы в Тильзите или Люблине...

И сегодня там, наверное, по площадям и паркам, по набережным и пригородным перелескам бродят такие старики, как мой отец Соломон.

Бродят и не находят того, что было, и того, чего не было. Утомленные, забытые Богом, они невольно засыпают под липами и кленами.

И им, как мне, снятся сны о Иерушалаиме де Литы, о городе, в котором они родились или о котором от кого-нибудь слышали в далеком детстве.

Не надо их будить. У них уже не осталось сил, чтобы жить наяву, и уже немного сил, чтобы жить во сне.

Негоже говорить поминальную молитву — кадиш по городу. Особенно, если в нем есть хотя бы один еврей — молодой или старый, бодрствующий или спящий.

Я не хочу хоронить его улицы и переулки — узенькие, как веревки, на которых веками сушилось еврейское белье. Я развешиваю на них свою горечь и печаль; я не хочу хоронить его черепичные крыши, по которым кошки расхаживали, как ангелы, и ангелы, как кошки — я поднимаюсь на верхотуру и мурлыкаю о своей любви к этому небу, к этой луне, которая светила многим поколениям моих братьев и сестёр; я не хочу хоронить его мостовые, где каждый булыжник подобен обломку Моисеевой скрижали — я вмуровываю в них свой памятный камень, который будет жечь каждую стопу и напоминать о Резне, о гибели тысяч и тысяч ни в чем неповинных жизней.

Я не хочу хоронить Большую Синагогу — я всегда буду молиться в ней, и, пока я буду молиться, никто не сотрет ее с лица земли, ибо лицо земли — это мое и твое лицо.

Я не хочу хоронить свои сны.

Кто говорит, что они рассеиваются с первыми лучами солнца? Они — единственное солнце для тех, кто потерял то, что любил.

*Светлана Алексиевич — автор знаменитых книг:
«У войны не женское лицо», «Последние свидетели»,
«Цинковые мальчики», «Зачарованные смертью»,
«Чернобыльская молитва».*

*Сейчас она работает над новой книгой — «Чудный олень вечной охоты
(книга любви)», один раздел из которой и авторский комментарий к нему
предложила «Егупцу».*

ЧУДНЫЙ ОЛЕНЬ ВЕЧНОЙ ОХОТЫ (книга любви)

*Плоть печальна, уввы
С. Маларик*

Авторский комментарий к истории историй. О чем читатель прочтет в этой книге?

О том, что все превращается в воспоминание. О том, как интересна жизнь каждого из нас. О том, что без мысли о смерти ничего нельзя понять. О том, как любовь бросает нас вглубь самих себя. О том, что человек не святой и не сатана, посередине — небесное животное. О том, что невозможно что-то делать нашим знанием. О том, что в любви человек ищет то же, что на войне и в преступлении. О том, что в каждом из нас притаилось два человека — мужчина и женщина. О том, что мы живем среди теней, среди невозможного и несбывшегося. О том, что в любви исчезаешь, как в смерти. О том, что на самом деле происходит между мужчиной и женщиной. О том, что нам недоступна жизнь и память тела. О том, что Христос тоже был мужчина. О том, что умереть от любви можно и на войне. О том, что каждый может вспомнить то, о чем он не хочет говорить. О том, что в мире все любят друг друга — цветы, деревья, бабочки, червяки, птицы. О том, что никакая техника не освободит нас от того, что мы должны любить, чувствовать, страдать. О том, что нельзя привыкнуть к мысли, что все исчерпывается пределами нашей жизни. О том, что есть мужчины, которые знают: интересно быть женщиной. О том, что есть время любви, и оно течет иначе, чем обычное время нашей жизни. О том, как тоскует человек о бессмертии. О том, что тайна нежна и беспощадна. О том, что боль — это искусство. О том, что маленькая смерть безумно близка. О том, что все русское печально.

Голоса из хора
(рассказы о русской любви)

Двадцать лет я писала, а сейчас дописываю историю людей Утопии (несколько десятков советских поколений), о черной магии великих обманов. Но это ещё была и просто человеческая жизнь. Я вела летопись (из книги в книгу) обыкновенного социализма и русской истории — торопилась уследить, зарисовать знакомые лица — поколения революций, войн, оттепелей, застоев, перестроек... Музыку веры. И музыку распада.

Позади уже пять книг — «У войны не женское лицо» и «Последние свидетели» — война Вторая мировая глазами женщин и детей, «Цинковые мальчики» — преступная война со стороны Советского Союза в Афганистане, «Зачарованные смертью» (рассказы русских самоубийц) — распад гигантской социалистической империи, «Чернобыльская молитва» (хроника будущего) — мир после Чернобыля. В этих книгах на первом плане было событие, громадное эпическое событие, коллективная история, которая в какой-то степени заслоняла человека, стирала, перемалывала отдельную судьбу. Главным было — время. Эпоха. Идея. Сейчас Россия переживает новую судьбу... Всё чаще слышен отдельный человеческий голос, он ещё слаб, не защищен. Это голос человека, который всегда пел в хоре, а сейчас учится говорить один... От себя... За себя... Люди уходят с баррикад, малочисленные стали митинги и демонстрации, они разочарованы жить только с идеей, на улице. Они возвращаются домой. Я слышу в исповедях — рассказах для новой книги, а это рассказы мужчин и женщин о любви, о своей личной истории, и я слышу в них, как нигде, что русский мир и русская жизнь меняется, и то, что называется русская душа. Если сегодня в России и в бывших советских республиках происходят революционные изменения, то они происходят не на улице, не на баррикадах и не в Госдуме или Кремле, а у человека дома. Частный человек делает революцию. Ее творят не в толпе, а в одиночестве. Столько надо было крови пролить, чтобы это понять. Русский человек никогда так не жил, это новый опыт для нашей истории...

В книге (и в радиопьесе) будут звучать женские и мужские рассказы. Личная история переплетается с общей, общая с личной — современные истории любви, любовь на войне, любовь в сталинском лагере, как сегодняшняя девочка искала и спасала любимого, которого послали воевать в Чечне... Откровением звучат признания: у одной муж — после сталинской ссылки, другая после Афганистана. Третий — был в Чернобыле... И одна из женщин за всех сказала: «У русской женщины никогда не было нормального мужчины, всегда или после войны, или после тюрьмы». Новые истории... Недавний майор авиации, командир эскадрильи — демобилизован, в 40 лет надо начинать опять... Семью содержит жена, а он должен учить уроки с сыном, пылесосить дом... «Разве это жизнь? —

говорит. — Родина нас предала». Готов поехать на войну, в Чернобыль, а быть просто отцом и мужем не умеет, не хочет. Потеря той Родины и той идеи военного социализма прежде всего – поражение мужчины. Вместо героев требуются хорошие отцы и мужья, а никто этому никогда не учил. И дом никогда не был ценностью в русской истории.

Или рассказ семнадцатилетней девочки, студентки: «Эти темные бунинские аллеи, а мне хочется света. К свету! Света хочу! Солнца. Радости. Я не хочу умереть на баррикадах, если страдать, то только от любви. Хочу быть счастливой». А ей отвечает другая, из другого поколения: «Я всю войну прошла... Я такая маленькая пошла на фронт, что за войну даже подросла. Пусть война, а я любила. Я всё равно была счастлива...».

Звучат голоса... Каждый рассказывает свою историю... А тот, кто их слушает, начинает больше понимать — что такое Россия, русский человек. И что там в России происходит... Или не происходит, не получается... Маленький человек рассказывает свою маленькую историю, а за ней — большая история. Наше время... Конец века... И тысячелетия... Конец одних идей и начало, предчувствие новых идей...

Светлана Алексиевич

О том, что без мысли о смерти ничего нельзя понять

Он:

Человек же слепой, без тайны слабый. Слова поднимаются, слова цепляются друг за друга, но это дыхание чего-то иного, стоит человеку узнать любовь, как он узнает все, всю правду. С одной стороны, вариации на одну и ту же тему, а с другой — стояние перед загадочной вещью, люди, у которых это есть или было, их ни с кем не спутаешь, то есть это материально и нематериально одновременно. Фотография в тумане... *(Неожиданно спрашивает.)* А почему вдруг о любви? Никто не говорит сегодня о любви. Говорят о войне, о политике... *(И тут же сам отвечает.)* Я понимаю, хочется о главном... Другая жизнь... Другой жизни у нас скоро не будет, всегда среди крови и руин... Всегда... А мне нравится быть с собой... И всегда это о себе знал, даже в детстве. Маме жаловался, что мне на ухо кто-то шепчет, она водила к врачу: все ли в порядке с моими ушами, то есть уши были нормальные, а я сам с собой беседовал, что там внутри у меня происходит. Мне всегда интересно с собой, интереснее, чем с другими. Никакое это не убежище и не игра, а рабочая мастерская, я хочу узнавать свою жизнь, я сижу на этом острове. И если эту нитку вытянуть, то есть признать, что все сказки на наших глазах рассыпались, старые и новые, ни одной не осталось, я хочу быть участником хотя бы собственной жизни. Наконец я свободен, я один, я открываю мир по опыту в себе и мне — не интересно надеть солдатскую шинель, эти глупые сапоги и взять автомат. Стоять на баррикаде и размахивать флагом, нести чей-то портрет... неинтересно... Хотя я догадываюсь, что война и любовь —

это как бы из одного костра, то есть это одна ткань, та же материя. Человек с автоматом или тот, кто на Эльбрус взобрался, кто воевал до Победы, строил социалистический рай, — все та же история, тот самый магнит и то же самое электричество. Вы понимаете, о чем я? Я говорю о человеческой тоске, чего-то человек не может, чего-то нельзя купить, выиграть в лотерею, получить по наследству, оно есть или его нет, случилось или не случилось. А он этого хочет... Тоскует... И не разберется — как? где? То есть все это со мной было...

Это почти рождение... Начинается с удара... Когда человек приходит в сознание, он говорит себе: ну вот, наверное, я об этом думал, я это видел. А все ли он вспомнил, что с ним было? То есть никакой формулы из этого не получится, одна синтетика, копия. Вы понимаете о чем я? Иногда во мне желание пройти по земле просто так, как проходят растения и животные. Беспамятно. Просто так. А, может, любовь нам дана, чтобы не страшно было умирать? То есть прыгнуть и достать... Или не надо эти тайны разгадывать, а просто с ними жить? Просто жить...

Первый день... Прихожу к своему знакомому, у него компания, у вешалки в прихожей снимаю пальто, кто-то идет с кухни и надо пропустить, оборачиваюсь — она! — у меня произошло короткое замыкание, как будто во всем доме выключили свет. И вот все. За словом обычно в карман не лезу, а здесь просто сел и сидел, даже ее не видел, то есть это не то чтобы я на нее не смотрел, я долго-долго смотрел сквозь нее, как в фильмах Тарковского: льют из кувшина воду, она льется мимо чашки, затем ме-е-е-дленно поворачивается с этой чашкой. Рассказываю дольше, чем это произошло. Молния... В этот день что-то такое узнал, что все остальное стало неважным, даже особенно не разбирался, а, собственно, зачем, оно так прочно, случилось и все, упало на меня откуда-то. Ее пошел провожать жених, у них, как я понял, скоро намечалась свадьба, но мне было все равно, я собрался домой и ехал уже не один, ехал с ней, она уже поселилась во мне. Любовь начинается, когда вдруг тебя нету, ты расплавляешься в ком-то или в чем-то, и это чувство длится, распространяется во все стороны, протяженность почти физическая, оказываешься в ином пространстве, то есть ты ничего не понимаешь и нет никаких шансов понять и не сотрешь резинкой с бумажки. Все вдруг другого цвета... Голосов больше, звуков больше... Утром проснулся с мыслью, что мне надо ее найти, а я не знаю ни ее имени, ни ее адреса, ни ее телефона, но уже все произошло, что-то главное в жизни со мной уже произошло... Человек прибыл... Вы понимаете о чем я? Нет? Я слишком логичен, в жизни так не бывает, в жизни все разбросано, мимолетно, смутно. А я слишком логичен... Было или не было, может, и не было, то есть то, что происходит с человеком, это может и не быть, просто кинолента крутится, прокрутилась. Знаю такие моменты в своей жизни, которых как бы и не было, например, два года в армии, недавно

сидел и пытался вспомнить казарму, своих друзей, это было совсем недавно, у меня даже остались фотографии, но все высыпалось, как песок, смылось. Есть такие вещи, которые не высыпаются, их надо взять с собой. А все остальное... Армии не помню, но служил у нас прапорщик, он воевал в Афганистане, напьется и рассказывает... Как после первого боя сел на песок и стал орать: «Я есть! Я живу!» Качается по песку и орет, их десять человек из двадцати осталось, каждого второго уже завернули в целлофан, и за ним вслед все закрыли уши руками и заорали: «Я — есть! Я — живу!» Это было... Но почему я вдруг об этом? Я же о другом, как проснулся на второй день... Ни имени, ни адреса, ни телефона... Человек всегда ребенок, когда это происходит... Как в детстве... В детстве сядешь возле мамы, и она тебя понимает и понимает, что ты это понимаешь, то есть мистика, которая возвращается в особенные минуты. Но мои родители жили в мире, который они могли объяснить, вокруг был понятный им мир. А у меня нет...

Второй день... Я купил розу... Денег практически не было, поехал на рынок и купил самую большую, какую там нашел, розу. Там же цыганка меня — за рукав:

«Дай, милоч, погадаю. По глазам твоим вижу...». Убежал. Зачем? Я и сам уже знаю, что тайна стоит в дверях... Тайна, таинство, покрывание... Первый раз ошибся квартирой — открыл мужик в свисающей майке, увидел меня с розой, замер:

«Бля!» Поднимаюсь на следующий этаж... Через цепочку выглядывает странная старушка в шляпке: «Лена, к тебе». Потом она играла нам на старинном фортепиано, рассказывала о театре, бывшая актриса, когда-то очень красивая и известная. Говорили больше всего про кота, в доме жил большой черный кот, то есть домашний тиран, который почему-то меня сразу невзлюбил, а я старался ему понравиться. Тайну можно пережить, когда тебя нет, во время происхождения тайны ты как бы отсутствуешь. Вы понимаете о чем я? Не надо быть космонавтом, чемпионом или героем, ты можешь все испытать в обыкновенной двухкомнатной квартире — двадцать восемь квадратных метров, совмещенный санузел, среди старых, как декорации в провинциальном театре, вещей. Двенадцать часов ночи, два часа... Мне надо уходить, а я не понимаю, почему я должен уходить из этого дома... Больше всего это похоже на воспоминание, как будто все вспомнилось, долго ничего не помнил, а теперь все вернулось ко мне... Я соединился... Я думаю, что-то подобное испытывает человек, который много дней провел в келье, мир для него обнаружился в бесконечных деталях. Очертаниях. То есть тайна, она же доступна, как предметная вещь. как ваза, например, но чтобы что-то понять, должно быть больно. Когда-то в юности попробовал читать Цветаеву и ничего не понял, у нее слова звучат, произносятся как заклинания, в них мощность прикорневая. А как понять, если не болит, надо чтобы больно, больно...

... Первый раз что-то о женщине мне объяснили в семь лет, мои друзья, возраст примерно такой же, запомнил их радость, что они знают, а я не знаю, вот мы сейчас тебе все растолкуем. И начали рисовать палочками на песке...

В четвертом классе пригласил девочку в кино. Ели мороженое...

То, что женщина что-то другое, я почувствовал в семнадцать лет, не через книжки, а через кожу, ощутил близко от себя что-то бесконечно другое, огромную какую-то разность и пережил потрясение, что это другое. Что-то там, внутри, в женском сосуде спрятано, мне недоступное, загадочно мерцающее. Во сне... Только в снах мелькают догадки, когда открываешь глаза, они исчезают...

Представьте себе солдатскую казарму... Воскресенье, нет никаких занятий, двести человек, двести мужиков, затаив дыхание сидят и смотрят аэробике, то есть на экране девушки в туго обтягивающих костюмах... Мужики, как истуканы с острова Майя, сидят и смотрят. Если ломался телевизор, это катастрофа, того, кто виноват, могли убить. Вы понимаете, о чем я? Тайна, таинство, покрывание...

Третий день... Встал утром и не надо никуда бежать, вспоминаешь, что она есть, она нашлась. Тебя отпускает тоска, хотя ты еще помнишь цепкие корни тоски и того ужаса, которые настигали тебя всюду. Ты обнаруживаешь вдруг свое тело... Руки, губы... У них своя память. Обнаруживаешь за окном небо и деревья, почему-то все близко-близко, до тесноты внутри приблизилось к тебе. Так бывает только во сне... И откуда-то мысль, что в телах деревьев и людей много общего, телесного, что в том мире тоже много любви, не известной нам. Ночь дарит человеку свободу, она говорит: смотри, я все ненужное закрою, я закрою своим прочным покрывалом все лишнее. Остается одна любовь...

По объявлению в вечерней газете мы нашли немыслимую квартиру в немыслимом районе на краю города. Во дворе по выходным отдыхающие пролетарии с утра до вечера крыли матом, стучали в домино и играли в карты на бутылку водки. Но это было там, за стеклом...

Ты пришел, наконец, это произошло... Тайна стоит в дверях, она извечно присутствует, люди это запоминают и думают, что так будет длиться вечно. Возвращаешься назад — записка: «Здесь была тайна». Тайна сама уходит... То есть вечная история. Я хочу понять тайну... Я не хочу идти и умирать... Я не хочу умирать ни за родину, ни за идею, ни за великую геополитику, ни за нефть. Хочу жить. Жи-и-и-ть! Просто жить. Что, этого мало? (*Затянувшееся молчание.*) Близко это... Это всегда у нас близко... Вчера был на военных похоронах... Мой одноклассник... Лейтенант милиции... Привезли из Чечни... Очередная кавказская кампания... Говорю об этом, отец смотрит на меня большими глазами, полными страха и непонимания, потому что он прожил в другом мире. Там никто не жил для себя, собой, для чего-то всегда, что-то обязательно было выше их

собственной жизни. А я так не хочу! Не хочу... *(Снова молчит.)* Вы понимаете, о чем я? Счастливых людей, кроме моей трехмесячной дочери, я никого... никого не встречал... Она смотрит на мир, как, наверное, смотрит на него цветок. Или птенец. Почему мы не завидуем растениям и птицам? *(Немного с досадой на себя.)* Хотел о любви... А рассказал? О войне...

Она:

Он идет и... А иногда, когда я оборачиваюсь, то он парит над травой и не касается ее ногами. Я только так вижу его во сне... Я, конечно... Я пребываю в том же состоянии, когда об этом рассказываю... *(Замолкает. А затем радостно и торопливо.)* Все это звуки, звуки... А музыка она внутри меня, я ставлю эту пластинку и все возвращается обратно. Стоит лишь закрыть глаза... Раньше я пугалась ухода, пока не поняла, что ничего не исчезает, не истлевает, все остается. Все, что прошло — с нами, и ничего нельзя начать нового. Иногда думаю: ну, ты не сочинишь симфонии, не рисуешь картины, но это не значит, что этого не существует, мы далеко не обо всем догадываемся, и это оставляет нам надежду. Господи, какая же я счастливая, что это у меня в руках. Я упиваюсь мыслями, я упиваюсь воспоминаниями, я упиваюсь сама собой. Это двуполое существование, какой тут мужчина. Выше невозможно. Дохожу до себя, ловлю эти клочки... Я бываю в отчаянии, недолго, правда. Иду и иду. Вот есть путь, и я никуда не спешу...

... Мой первый муж... Это прекрасная история. Два года он за мной ухаживал, и два года мы прожили с ним, поженившись. Я очень хотела за него замуж, потому что мне нужно было его целиком, чтобы он никуда не делся. Я вспоминаю это как болезнь... Даже не знаю, зачем он мне так вот весь был нужен. Вот... Вот никогда не разлучаться, все время видеть и устраивать какие-то скандалы, и трахаться, трахаться, без конца трахаться. Он был первым мужчиной в моей жизни. Первый раз это вообще был такой... м-м-м... интерес просто — что же такое происходит? Еще раз — тоже... и в общем... какая-то техника... И вот так продолжалось полгода... А ему, вообще-то, не обязательно было, чтобы я это была я, он мог найти и что-то другое. Но почему-то вот мы женимся... Мне двадцать два года. Вместе учимся в музыкальном училище, у нас все вместе. Не помню уже, как это произошло, вот этот миг пропустила, но я полюбила мужское тело, когда оно тебе принадлежит... В тот момент я даже не знаю... я воспринимаю это значительней, чем одного человека, какое-то космическое явление... Отрываешься от земли, куда-то уходишь... Попытка ухода... *(Неожиданно засмеялась.)* Я люблю любовь... Это была прекрасная история. Она могла продолжаться без конца и могла в полчаса кончиться. Вот... Я ушла. Ушла сама. Он меня умолял остаться. Почему-то я решила, что я уйду. Я так устала от него... Боже, как я от него устала... Уже

беременна, у меня пузо... Зачем он? Трахались, потом ругались, потом я плакала, потом опять трахались. Если бы родился ребенок... Наверное, надо было подождать. Но вот я помню, что вышла из дому, закрыла дверь и вдруг почувствовала радость, что я сейчас уйду. Уйду насовсем. Уехала к маме, она жила здесь, в Москве, он примчался ночью и был совершенно сбит с толку: беременная, почему-то все время недовольная, что-то ей еще нужно. Ну, что еще? И я перевернула эту страницу... Была очень рада, что он у меня был, и очень рада, что его больше нету. Моя жизнь — всегда копилка. Было — и кончилось, было — и кончилось... Перевернула страницу... *(И опять засмеялась.)*

Ой, я так красиво родила Аньку, мне так это понравилось. Во-первых, воды у меня отошли — я ходила по многу километров, и где-то на каком-то километре в лесу у меня отошли воды. Вообще-то плохо понимала — ну, что же, мне сейчас уже собираться в больницу? Подождала до вечера. Мороз был страшный — сорок градусов. Все-таки решила пойти. Врач посмотрела: «Будешь два дня рожать». Звоню домой: «Мама, принеси мне шоколад. Буду долго лежать». Перед утренним обходом забежала медсестра: «Слушай, у тебя уже головка торчит. Надо в кресло». Идти неудобно... Как будто мне там засунули мячик... «Скорее. Скорее! — кричит медсестра. — Позовите врача». У меня живот вот такой, все загораживал, тут смотрю — он вот... падает и там, значит, заорало... Забулькало чего-то, закрывало... Мне говорят: «Вот-вот. Сейчас-сейчас». И показывают: «Девочка у тебя». Взвесили — четыре килограмма. «Слушайте, ни одного разрыва. Пожалела маму». Ой, когда ее назавтра принесли... Глаза — одни зрачки, черные, плавают и больше ничего не вижу...

У меня началась новая, совсем другая жизнь. Мне понравилось, как я стала выглядеть. В общем-то... Вот я стала красивее сразу... Анька тут же заняла свое место, я очень любила ее, но вот как-то она не была у меня абсолютно связана с мужчинами. Кто-то ее сделал... Зачал... Да, нет! С неба... И она росла такая же самостоятельная. Научилась говорить, у нее спрашивают:

- Анечка, у тебя папы нет?
- У меня вместо папы бабуля.
- А собаки у тебя нет?
- У меня вместо собаки хомячок.

Мы с ней вдвоем вот такие... Я всю жизнь боялась, чтобы я была не я. Даже когда лечили зуб, просила: «Не делайте укол. Не обезболивайте». Мои чувства — это мои чувства, хорошие, больные, не отключайте меня от меня. Мы с Анькой нравились друг другу. И вот такие мы встретили его... Глеба...

Если бы он не был он, я бы никогда еще раз не вышла замуж. У меня все было: ребенок, работа, свобода. Вдруг он... нелепый, почти слепой, с одышкой... Впустить в свой мир человека с таким тяжелым грузом

прошлого — двенадцать лет сталинских лагерей, забрали мальчишкой, шестнадцать лет... С грузом того знания... разницы... Это же, собственно, не свобода, я бы сказала. Что это? Зачем? Признаться, что я только жалела? Нет. Это тоже была любовь. Это была именно любовь. *(Говорит больше для себя, чем для меня.)* Уже семь лет без него... И мне даже жалко, что он меня такую, как я сейчас, не знал. Теперь я больше понимаю его, я до него доросла, уже без него. Вот... То, что я рассказываю... я опять боюсь... я боюсь, что я буду не я... Иногда страшно... Как в море... В море я любила заплывать далеко-далеко, пока однажды не испугалась — я одна, там глубина, и я не знаю, что там...

(Пьем чай. Говорим о другом. Также неожиданно, как и кончились, воспоминания, продолжают.)

Ой, эти пляжные романы... Не надолго. Коротенько. Такая маленькая модель жизни. Можно красиво начать, и можно красиво уйти, то, что у нас не получается в жизни, то, чего бы мы хотели. Поэтому мы так любим куда-то поехать. Вот... У меня две косички, платье в синий горошек, купленное за день до отъезда в «Детском мире». Море... Заплываю далеко-далеко, больше всего на свете я люблю плавать. С утра делаю зарядку под белой акацией... Идет мужчина, мужчина и все, очень обычной внешности, молодой, увидел меня, почему-то обрадовался. Стоит и смотрит.

- Хотите, я вечером вам стихи почитаю?
- Может быть, а сейчас я уплыву далеко-далеко.
- А я буду вас ждать.

Стихи читал плохо, все время поправлял очки. Но был трогателен... Я поняла... Я поняла, что он чувствует... Вот эти движения, эти очки, вот эта взволнованность. Но совершенно не помню, что он читал, и почему это должно быть таким значительным. Чувства — это какие-то отдельные существа — страдание, любовь, нежность... Они живут сами по себе, мы их чувствуем, но не видим. Ты вдруг становишься частью чужой жизни, еще ничего об этом не подозревая. Все происходит с тобой и без тебя... Одновременно... «Я так тебя ждал» — встречает он меня на следующее утро. И говорит это таким голосом, что я почему-то в этот момент ему верю, хотя совсем не была готова. Даже наоборот. Но что-то меняется вокруг, не уловлю что, каким образом. Мне стало спокойно за то, что со мной будет, это еще не любовь, а просто я услышала... Вот такое ощущение... Что вдруг получила чего-то много-много. Человек услышал человека. Достучался. Уплываю далеко-далеко... Возвращаюсь. Ждет. Опять говорит: «У нас с тобой все будет хорошо». И почему-то я опять в это верю... Вот... Каждый день он встречал меня у моря... Пьем шампанское: «Это красное шампанское, но по цене нормального шампанского». Фраза мне нравится. *(Смеется.)* Жарит яичницу:

«У меня с этими яичницами интересное дело. Я их покупаю десятками, жарю парами, и всегда остается одно яйцо.» Какие-то такие милые вещи...

Все смотрят на нас и спрашивают: «Это твой дедушка? Это твой папа?» Я вот в таком коротком платье... Мне двадцать восемь лет... Это потом он стал красивый. Со мной. Почему я? Я была в отчаянии все время. Служить. Другого пути нет. Или лучше не начинать. Русская женщина готова страдать — а что же ей еще делать? Мы привыкли к нашим мужчинам, нескладным, несчастным, такой был у моей бабушки, у моей мамы. Мы другого не ждем, нам это передается. А фантазерки мы жуткие...

— Я тебя вспоминал.

— А как ты меня вспоминал?

— Мне хотелось, чтобы мы с тобою куда-то шли. Далеко-далеко.

Взявшись за руки. И ничего мне не нужно, а чтобы я чувствовал — ты рядом. Вот нежность такая у меня к тебе — просто смотреть и идти рядом.

Мы провели с ним счастливые часы, абсолютно детские. Хорошие люди всегда дети. Инфантильные. Беспомощные. Их надо защищать.

— Может, уедем с тобой на какой-нибудь остров, там будем лежать на песке...

Это мое... А как вообще должно быть, я не знаю. С этим так, с другим иначе. Ну, как должно быть? Кто это измерит? И где эти весы... Этот... Вся русская культура построена на том, что несчастье — лучшие университеты, мы в этом выросли. А хочется счастья... Ночью просыпаюсь: что я делаю? Вот... Мне было не по себе, и я от этого напряжения... «У тебя все время напряженный затылок», — замечал он. А как вытянуть, выбросить это из сознания... Что я делаю? Куда я падаю? Там пропасть...

Он напугал меня сразу. Вот хлебница... Как только он видел хлеб, он начинал его методично съедать. Любое количество. Хлеб нельзя оставлять. Это пайка. Вот ест и ест, сколько есть хлеба, столько и съест. Я не сразу поняла.

Его пытали зажженным светом... Мальчишка же. Господи... Шестнадцать лет. Целыми сутками не давали спать. Через десятки лет он не мог выносить яркого света, даже яркого летнего солнца. То, что я любила, вот эту утреннюю яркость в воздухе, когда облака еще выше, плывут высоко-высоко над тобой. А у него могла подняться температура... От света...

В школе его били и писали на спине мелом: «Сын врага народа». Директор школы командовала... Детские страхи не пропадают, они сидят в человеке до его смерти. Выныривают в тяжелые минуты... Торчат... И я это в нем слышала...

Куда я? Русские женщины любят найти вот этих несчастных. Моя бабушка любила одного, родители выдали замуж за другого. Как тот ей не нравился, как не хотела. Боже! И решила, когда в церкви батюшка с вопрошением обратится к ней, идешь ли по своей воле? — она откажется. А батюшка напился, и вместо того, чтобы спросить, как положено, сказал: «Ты его не обижай, он ноги на войне отморозил». Вот уже, конечно, надо

выходить замуж. Так бабушка на всю жизнь получила нашего дедушку, которого никогда не любила. Вот это замечательная заставка ко всей нашей жизни. «Ты его не обижай, он ноги на войне отморозил». У моей мамы муж тоже был на войне, вернулся разрушенный. Жить с таким человеком, с тем, что он принес в себе, — большая работа, она легла на женские плечи. Никто! Никто не написал, нигде я не читала, как трудно жить с победителями. У Глеба в дневниках есть точная фраза: в лагере он понял — в России сидел каждый второй: за арестованного отца, за подобранный на колхозном поле колосок, за опоздание на работу (десять минут), за недоносительство, за анекдот, за аборт... Наши мужчины — мученики, они все с травмой — или после войны, или после лагеря. Для многих война кончалась лагерем, эшелоны с фронта шли прямым ходом в Сибирь Сразу после победы. Эшелоны с победителями. Обычное наше состояние — с кем-то воевать. Женщина врачует, врачует. Держит мужчину немножко за героя, немножко за ребенка. Спасает. До сегодняшнего дня... Советская империя пала. Теперь у нас — жертвы развала. Оглянитесь, сколько вокруг оказавшихся на обочине, на ходу сброшенных с паровоза — армия сокращается, заводы стоят... Инженеры и врачи на рынках колготками торгуют... Бананами... Я люблю Достоевского, но он — это же зона. Военная тема в России вечная, у нас никак не получится сказать после-слобие... Вот... *(Остонавливается.)* Давайте передохнем... Еще чая согрею. И тогда дальше... Я должна пройти этот путь от начала до конца. Со своей чашечкой опыта...

(Через полчаса наш разговор возобновляется.)

Наверное, год прошел или чуть больше... Он должен был уже приехать ко мне домой, и я его предупредила, что мама у меня хорошая, а вот девочка не совсем... такая... Как она встретит, не ручаюсь. Ой, моя Анька. *(Хохочет.)* Все тащила к уху: игрушку, камень, ложку... Дети тащат в рот, а она к уху — как звучит! Я довольно рано начала заниматься с ней музыкой, но какой-то тупой ребенок, как только ставлю пластинку, она поворачивается и уходит. Ей не нравилась ничья музыка, черта композитора: интересно только то, что внутри ее самой звучит. Ну, вот Глеб приехал, очень смущенный, подстригся как-то неудачно, коротко, особенно красив не был. И привез пластинки. Что-то начал рассказывать, как он шел, как он эти пластинки купил. А у Аньки слух... она не слова слышит, а иначе... эти интонации... Сразу взяла пластинки: «Какие прекрасные пластинки». Вот так началась и их любовь. Через какое-то время она меня ставит в тупик: «Как бы его мне папой не назвать?» Он не старался ей нравиться, просто ему было интересно. Они будут любить друг друга больше, чем меня. Оба. И он, и она. Думаю, что это было так. Я не обижалась, у меня другая роль... Вот он ее спрашивает: «Ань, ты заикаешься?» — «Сейчас уже плохо, а вот раньше хорошо заикалась». С ними скучно не было. Значит: «Как бы мне его папой не назвать?» Мы

сидим в парке, Глеб отошел за сигаретами, возвращается: «О чем, девочки, речь?» Я моргаю ей — ни в коем случае, глупо же по крайней мере. А она: «Тогда ты скажи». Ну, что? Что остается? Признаюсь ему, что она боится, как бы его случайно папой не назвать. Он: «Дело, конечно, не простое, но если хочется очень, назови». — «Ты только смотри, — серьезно говорит мое чудо. — у меня есть еще один папа, но он мне не нравится, и мама его не любит». Так у нас с ней всегда. Мы сжигаем мосты. По дороге домой он уже был папа. Она бежала и кричала: «Папа! Папа!» Назавтра в детском саду всем объявила: «Меня учит читать папа». — «А кто твой папа?» — «Его зовут Глеб». Еще через день ее подружка принесла из дома новость: «Анька, ты врешь, у тебя нет папы. Этот твой папа не родной». — «Нет, это тот был неродной, а это родной». С Анькой спорить бесполезно, он стал «папа», а я? Я — еще не жена...

У меня отпуск. Опять уезжаю. Он бежит за вагоном и долго машет-машет. Но уже в поезде у меня начинается роман. Едут два молодых инженера из Харькова и тоже в Сочи, как я. Боже мой! Я такая молодая. Море. Солнце. Купаемся, целуемся, танцуем. Мне легко и просто, потому что мир прост, ча-ча-ча-казачок и все, я в своей стихии. Меня любят, меня носят на руках, два часа в горы меня поднимают на руках.. Молодые мышцы, молодой смех. Костер до утра... Вижу сон. Сон выглядел так: потолок открывается... Небо... Я вижу Глеба... Мы куда-то идем с ним, идем по морскому берегу, а там не отшлифованная волнами галька, а острые-острые камни, тонкие и острые, как гвозди. Я иду в обуви, а он босиком. «Босиком, — объясняет мне, — слышнее». — «Не слышнее, а больнее. Давай поменяемся». — «Что ты? У меня тогда не получится улететь», — и после этих слов он поднимается, складывает руки, как мертвый человек, и таким образом летит, его уносит. Я и сейчас, если вижу его во сне, то именно летящим. Только руки у него почему-то сложены, как у мертвого человека, совершенно не напоминают крылья...

Боже, я сумасшедшая, я никому не должна об этом рассказывать. Все-таки чаще всего у меня ощущение, что я в этой жизни счастлива. Даже когда его не стало. Я пришла на кладбище, и вот я помню, что иду... Он где-то здесь, такая острота счастья, такая — мне хочется кричать. Боже... *(Про себя. Неразборчиво.)* Я — сумасшедшая... Со смертью остаешься один на один. Он много раз умирал, он репетировал смерть с шестнадцати лет... «Завтра я буду прах и ты меня не найдешь». Мы подходим к самому главному... В любви я начинаю медленно жить, очень медленно жить... Медленными глотками... У нас сюжетные все эти истории, мы любим продолжения...

Отпуск кончается, я возвращаюсь. Инженер провожает до самой Москвы. Я должна обо всем рассказать Глебу... Прихожу к нему... У него на столе лежит еженедельник, весь исчеркан, обои в кабинете исписаны, даже на газетах, которые он читал... Всюду только три буквы: к, э, в.

Большие, маленькие, печатные, прописью. Я спрашиваю: «Что это?» Он расшифровывает: кажется, это все? И вопросительные знаки везде... Как ключи... Ну, вот мы расстаемся, и надо это как-то Аньке объяснить. Заехали за ней, а у нее прежде чем выйти из дому — порисовать! Тут она не успела, сидит в машине и рыдает. А он уже привык к тому, что она такая сумасшедшая, находил, что это талант. Это была уже семейная сцена:

Анька плачет, он ей что-то объясняет, а я между ними... Так смотрит, смотрит на меня... *(Молчит.)* Я поняла: он безумно одинокий человек. *(Молчит.)* Какое счастье, что я не прошла мимо... Какое счастье! Надо жениться, он боится, потому что был уже дважды женат. Женщины предавали его, они уставали, и их нельзя было винить... Я не прошла мимо... И я... Он подарил мне целую жизнь...

Он не хотел, чтобы его расспрашивали... Откровенничал редко, если начинал вспоминать, то какая-то бравада, чтобы это было смешно, эзовское такое, припрятывание за этим всего серьезного. Планочка другая. Например, никогда не говорил «свобода», а всегда «свободка». «И вот я на свободке». Редкое настроение... Тогда так вкусно рассказывал... Я просто чувствовала его радости, вынесенные оттуда: как достал куски шины, привязал их на валенки, и у них был этап, и он так радовался, что у него есть эти шины. Однажды принесли полмешка картошки и где-то на свободке, когда работали, кто-то дал большой кусок мяса. Ночью в котельной они сварили суп: «И ты знаешь, это было так вкусно! Так замечательно!» Когда освободили, получил компенсацию за отца, ему сказали: «Мы вам должны за дом, за мебель...». Большие деньги. Он купил новый костюм, новую рубашку, новые туфли, купил фотоаппарат и пошел в ресторан «Националь», заказал все самое вкусное, пил коньяк, кофе с фирменным тортом. В конце, когда наелся, попросил, чтобы его кто-то в этот самый счастливый момент жизни сфотографировал. «Возвращаюсь уже на квартиру, где жили, — вспоминал, — и ловлю себя на мысли, что счастья не чувствую. В этом костюме, с этим фотоаппаратом... Почему нет счастья? Всплыли в памяти те шины, тот суп в котельной — вот там было счастье». И мы пытались понять... Вот... Где же живет это счастье? Лагерь он не отдал бы ни за что, не поменял бы. С шестнадцати и почти до тридцати лет он не знал другой жизни, и если представлял себе, что вдруг бы не посадили, ему становилось страшно. Что бы тогда было? Вместо этого? Чего бы он не постиг? Чего бы он не увидел? Вероятно, того самого стержневого, что и сделало его самим собою. На мой вопрос, «Кем бы ты был без лагеря?», отвечал:

«Я был бы дураком и ездил на красной гоночной машине, самой модной». Лагерники редко дружат между собой, им что-то мешает. Что? В глазах друг друга они выслеживают то, что было, им мешают пережитые унижения. Особенно мужчинам. Лагерники к нам в дом редко приходили, он их не искал...

Его бросили к блатным... Мальчик... Что там с ним было не узнать никому и никогда. Женщина может рассказать об унижениях, а мужчина нет, женщине легче говорить, потому что насилие заложено в ее биологии, в самом половом акте. Она каждый месяц начинает жизнь заново... Эти циклы... Сама природа ей помогает...

Две дистрофии третьей степени... Лежал на нарах весь в фурункулах, мок в гное... Должен был умереть, но почему-то не умирал. Умер парень, лежавший рядом, он повернул его лицом к стенке. Спал так с ним три дня. «А этот жив?» — «Жив». Получалось две пайки хлеба. Ужас был такой силы, что уграчивалось чувство действительности, смерть уже не пугала. Зима. За окном лежат аккуратно сложенные трупы... Мужских больше...

Домой возвращался на верхней полке. Поезд тянулся неделю. Днем он не слезал, в туалет ходил ночью. Боялся. Попутчики угостят — расплатится. Разговорятся, и они узнают, что он из лагеря.

Он был безумно одинокий человек...

Заявлял теперь всем гордо: «У меня семья». Каждый день удивлялся нормальной семейной жизни, вообще как-то очень этим гордился. Только страх... Но страх всосался, вьелся в него, просыпался ночами мокрый от ужаса: не допишет книгу, не прокормит семью, я брошу... Сначала страх, а затем стыд за этот страх. «Глеб, если ты захочешь, чтобы я ради тебя танцевала в балете, я буду. Я на все способна ради тебя». В лагере он выжил, а в обычной жизни... рядовой милиционер, остановив машину, мог довести его до инфаркта. «Как же ты остался там жив?» — «Меня в детстве очень любили». Нас спасает количество полученной любви, это наш запас прочности. Я была медсестрой... Я была нянькой...

Актрисой... Чтобы он не увидел себя таким, какой он есть, чтобы он не увидел своего страха, иначе он не сможет себя любить. Чтобы он не узнал, что знаю... Любовь — это такой витамин, без которого человек не способен жить, у него сворачивается кровь, останавливается сердце. Ой, как много я добыла в себе... Жить, как бежать стометровку... *(Молчит. Чуть-чуть качается в ритме каких-то своих мыслей.)* А знаете, о чем он просил перед смертью? Единственная его просьба: «Напиши на камне, который будет лежать надо мной, что я был счастливым человеком. Я столько успел: выжил, любил, написал книгу, у меня есть дочка. Боже мой, какой я счастливый человек». Кто-то чужой услышит или прочтет... Не поверит... Клинический, мол, случай... А он был счастливый человек! Он мне столько подарил... Я стала другая... Какая крошечная наша жизнь... Мне и восемьдесят, и сто, и двести лет мало. Я вижу, как смотрит моя старенькая мама в сад, она не хочет с этим прощаться. Никто не хочет с этим прощаться... Жаль, как жаль, что он такую меня, как я сейчас, не знал... Я его поняла... Я его только сейчас поняла... Вот... Он немножко меня боялся, чуть-чуть боялся. Боялся моей женской сути, какого-то... Не раз повторял: «Запомни, когда мне плохо, я хочу быть один». Но... Я

не могла... Мне необходимо было следовать за ним ... (*Молчит, что-то задумывая.*) Жизнь нельзя очистить до смерти, чтобы вот она была чистой, как смерть. Вот, когда человек становится красивым, какой он есть. К этой сути в жизни, наверное, немислимо пробиться. Приблизиться.

...Когда я узнала, что у него рак, я всю ночь лежала в слезах, а утром помчалась к нему в больницу. Сидел на подоконнике, желтый и очень счастливый, он всегда был счастливый, когда что-то менялось в жизни. То был лагерь, то была ссылка, то потом началась воля, а вот теперь еще что-то такое... Смерть как воля... Как перемена...

— Боишься, что умру?

— Боюсь.

— Ну, во-первых, я тебе ничего не обещал. А, во-вторых, это будет дома и не скоро.

— Правда?

Я, как всегда, ему верила. Тут же вытерла слезы, и убедила себя, что мне опять надо ему помочь. Больше не плакала... Приходила утром в палату, и тут начиналась наша жизнь, то мы жили дома, а теперь живем в больнице. Полгода еще прожили в онкоцентре...

Не могу вспомнить... Так много говорили, как никогда, целыми днями, а вспоминаются крохи... Отрывки...

Он знал, кто на него донес. Мальчик с ним занимался в кружке Дома пионеров. Написал письмо. То ли сам, то ли заставили: ругал товарища Сталина, оправдывал отца, врага народа... Ему следовательно это показал... Всю жизнь Глеб боялся, что тот узнает, что он знает, однажды даже хотел его вспомнить в своей книге, но потом ему передали, что у того родился неполноценный ребенок, и он побоялся — вдруг это возмездие. У лагерников свои отношения с доносчиками... С палачами... Они часто встречались на улице, так получилось, что мы даже жили рядом... Глеб умер, и я рассказала нашей общей подруге... Она не поверила: «Н.? Не может быть, он так хорошо говорит о Глебе, как они дружили в детстве. Плакал на кладбище». Я поняла, что не должна... Не должна... Есть черта, которую человеку опасно переступить... Все, что написано о лагере, написали жертвы. Палачи молчат. Мы не умеем их различить среди других людей. Вот... А он не хотел... Он знал, что для человека это опасно... Для человека...

Он привык умирать с детства... Не боялся этой маленькой смерти... Бригады-блатные продавали их пайки хлеба, проигрывали, и они ели битум. Черный битум. И погибали, склеивался желудок. А он просто перестал есть, только пил. Один мальчишка побегал... специально побегал, чтобы застрелили... По снегу, под солнцем... Целились... Стреляли... Весело... Как на охоте... Как в утку... Застрелили в голову, приволокли на веревке и бросили... Там у него страха не было... А здесь нужна была я...

— Что такое лагерь?

— Это трудная работа. Слышу... Как будто слышу его голос...

— Выборы. Даем концерт на избирательном участке. Я — конференсье. Выхожу на сцену и объявляю: выступает хор. Стоят политические, власовцы, проститутки, карманники. — и поют песню о Сталине: «И летит над просторами дальними наша песня к вершинам Кремля».

Заходит с уколом медсестра: «У вас уже красная попа. Места нет». — «Конечно, у меня красная попа, я ведь из Советского Союза». Мы много смеялись даже в последние дни. Очень много смеялись.

— День Советской армии. Я читаю на сцене Владимира Маяковского «Стихи о советском паспорте». «Читайте. Завидуйте. Я — гражданин Советского Союза». Вместо паспорта у меня кусок черного картона. Показываю... И вся вохра мне завидует... «Я — гражданин Советского Союза». Завидуют проститутки, бывшие советские военнопленные, карманники, эсеры...

Никто не узнает, как это было на самом деле, с чем они уходят. Он был безумно одинокий человек... Я его любила...

Оглянулась у двери — помахал рукой. Возвращаюсь через несколько часов — он уже в коме. Кого-то просит: «Подожди... Подожди...» Потом перестал, просто лежал без сознания. Еще три дня. Я и к этому привыкла. Ну, вот он тут лежит, а я тут живу. Мне поставили кровать с ним рядом. Вот... Третий день... Уже трудно колоть внутривенные... Тромбы... Я должна разрешить врачам все прекратить, ему не будет больно, он не услышит. И мы с ним остались совсем вдвоем... Ни приборов, ни врачей, к нему никто больше не заходит. Я прилегла рядом. Холодно. Забралась под одеяло к нему и уснула. Проснулась, но не открываю глаза, мне показалось: мы спим у себя дома, открылся балкон... он еще не проснулся... С закрытыми глазами... Открываю — все вспомнила... Тут заметалась... Встала, положила руки ему на лицо: «А-а-ах...» — услышал меня. Началась агония... и я ... так сидела и руку держала, последний удар сердца я послушала. Еще долго так сидела... Позвала нянечку, она помогла мне надеть ему рубашку, голубую, его любимый цвет. Я спросила: «Можно посидеть?» — «Да, пожалуйста. Не боитесь?» Никому не хотела его отдавать. Он был моим ребенком, мама с ребенком не боится оставаться... Чего ей бояться? К утру он стал красивый. Исчез с лица страх, ушло напряжение. Вся жизненная суета. И я увидела тонкие изящные черты. Лицо восточного принца. Вот какой он! Вот какой он на самом деле! Таким я его не знала. Таким он со мной не был. *(Плачет. Впервые за весь наш разговор.)*

Я всегда светила отраженным светом... Могла сотворить, создать... Это была, конечно, всегда работа. Всегда работа. Даже в постели... Чтобы у него получилось, сначала — он, потом — я. «Ты — сильный, ты — добрый, ты — самый лучший. Замеча-а-тель-ный». У меня в жизни не было мужчины, который бы захватил меня так, чтобы я не чувствовала себя нянькой. Мамой. Сестрой милосердия. Я всегда была одинока. После у меня появились поклонники... Были романы... И сейчас есть друг, он тоже

весь как-то зажат, несчастен, неуверен, потому что такая жизнь, в такой стране мы живем. Наша история — наши несчастья и катастрофы. Даже Глеб был смелее. После лагеря. У него был гонор: а вот я выжил! а вот я перенес! я такое видел! Он был гордый. А у этого страх сегодняшний... Во всех клетках... У меня одна роль... Все та же роль...

И все-таки я была счастлива... Пусть это была трудная работа, но я счастлива, что эта работа у меня получилась... Чаше всего у меня в жизни ощущение, что я счастлива. Стоит лишь закрыть глаза...

ЧЕЛОВЕК ПОГРАНИЧЬЯ

О Романе Брандштеттере

Роман Брандштеттер — поэт, прозаик, драматург, эссеист, переводчик. Один из последних моралистов в польской да, пожалуй, и в европейской литературе XX века. «Человек книги», как назвал его польский критик Ян Сохонь. «Mistrz», то есть учитель, или «rabbi», как называли Брандштеттера друзья.

К многочисленным уже существующим именованиям, отражающим разные стороны творчества и жизни писателя, позволю себе добавить еще одно — «человек пограничья». Оно может служить одним из ответов на вопрос о его культурной принадлежности. А вопрос этот возникает неизбежно, потому что путь Брандштеттера вызывающе нетипичен, и принять этот «вызов» поначалу бывает довольно сложно. С одной стороны, и по языку, и по духовной ориентации Брандштеттер — писатель, несомненно, польский. А с другой, к нему вполне можно отнести написанное им же о Зигмунте Бромберге-Бытовском: «...тот польско-еврейский писатель,...который по-польски поет о еврейской тоске по земле отцов ...». Но при всем этом он вовсе не производит впечатления человека, мучительно соединяющего несоединимые полюса. Напротив, жил Брандштеттер необычайно цельно и светло. Писал со щедростью ребенка, отдающего не потому что у него «много», а потому что не может не отдавать. Его библиография насчитывает более 100 произведений, и при необычайном многообразии тем, сюжетов и жанров они объединены не только библейской и автобиографической «нотой», звучащей во всем, что бы он ни писал, но и предельно острым переживанием бытия человека, «расположенного» на границе между временем и вечностью.

Это чувство пограничности можно смело назвать «сокрытым двигателем» брандштеттеровского творчества. В каком-то смысле оно было предопределено самими обстоятельствами его жизни. Он родился «на границе веков» — в 1906 году, на границе культур — в Тарнове, где в течение многих столетий складывалась уникальная среда сосуществования разных традиций. Их соседство было настолько близким, а связь между ними — несмотря на взаимные отторжения и противоречия — настолько тесной, что только здесь, в «галицийском котле», и могла родиться мысль о необходимости преодолеть страх перед другим, чтобы сохранить себя (Мартин Бубер, между прочим, тоже был выходцем из галицийского местечка). Наконец, только здесь — на зыбкой границе между открытостью и ассимиляцией — и могло возникнуть особое ощущение нераздельности и неслиянности с народом, среди которого суждено жить, очень точно выраженное самим Брандштеттером: «...мой польский с еврейским акцентом, мой идиш с акцентом польским...». Можно сказать, что в этом ощущении и воспитывался писатель. Его прапрапрадед

Исаак (главный герой брандштеттеровской повести «Смерть разрешает всякие споры») был раввином в прикарпатском местечке Бжеск, прадед Авраам Давид — ревностным хасидом, последователем известных своей набожностью кальварийских цадигов, дед Мордехай Давид — горячим сторонником Хаскалы, писателем, названным в «Истории новой еврейской литературы», «единственным значительным юмористом в еврейской литературе конца 70-х годов XIX века». Именно дед открыл Брандштеттеру книгу, ставшую по сути единственной книгой в его жизни — Библию. Здесь необходимо упомянуть еще об одной, самой важной для писателя границе — между иудаизмом и христианством. Трудно сказать, когда Брандштеттер впервые эту границу осознал — то ли когда сыновья его учительницы музыки пани Костелецкой, Павел и Сташек, отказались с ним играть, объяснив, что это он «убил Иисуса» (автобиографический рассказ «Может ли заяц убить Господа Бога?»), то ли чуть позднее, когда одиннадцатилетним мальчиком, увидев в католическом храме распятие, он почувствовал вдруг, что «эта, висящая на кресте, Фигура находится в каком-то незримом кругу, который я не могу пересечь». А два года спустя, по прочтении тувимовского «Христе...» он впервые задумывается, «можно ли быть евреем, не принимая крещения, но веря во Христа». В мучительных поисках ответа на этот вопрос проходит вся первая половина жизни писателя, хотя если судить по творчеству, может показаться, что с окончанием периода юношеских исканий он отпал сам собой.

В 1926 году по окончании тарновской мужской гимназии Роман Брандштеттер поступает на философский факультет Ягеллонского университета в Кракове, а два года спустя на страницах «Научно-литературного курьера» появляется его первая публикация — «Элегия на смерть Сергея Есенина», написанная под впечатлением трагической гибели поэта. Проходит еще два года, и в краковском издательстве Гебтнера и Вольфа выходит его первый самостоятельный сборник стихов «Ярма», после появления которого о Брандштеттере заговорили как о подающем надежды польскоязычном еврейском поэте. Однако Брандштеттер, судя по всему, предпочел занятия наукой — и в 1929 году, получив государственную стипендию, он отправляется на два года в Париж, где изучает материалы, связанные с общественно-политической деятельностью Адама Мицкевича. По возвращению в 1932 году в Польшу Роман Брандштеттер защищает докторскую диссертацию, посвященную виленско-ковенскому периоду деятельности Мицкевича, и в том же году публикует в Варшаве историко-литературное исследование о «Еврейском легионе Адама Мицкевича», в котором, между прочим, служил его дальний родственник. С начала тридцатых годов Брандштеттер заявляет о себе как проницательный литературный критик и остроумный публицист (стоит упомянуть хотя бы его «Мойшеград» („Mojškorolis”) — отклик на антисемитский пасквиль, появившийся в одном из польских изданий), постоянный автор «Еврейского еженеделника» и издававшегося на польском языке еврейского еженеделника «Наше мнение».

Однако его все же не оставляет тот самый «детский вопрос», и он возвращается к нему в вышедшей в 1932 году в Варшаве документальной повести «Трагедия Юлиана Клачко» — о жившем в Вильно историке литературы, критике и поэте Иегуде Лейбе Клачко, ставшем в крещении Юлианом. Ответ, казалось бы, предельно ясен: Юлиан Клачка, отступивший от веры отцов, вычеркнут из «родового круга» и обречен на частно-биографическое и экзистенциальное одиночество. Но ясность эта кажущаяся: вопрос по-прежнему остается, и когда в 1935 году Брандштеттер оказывается в Палестине, он ищет там следы «исторического Христа»...

Окончательное разрешение этого вопроса он нашел лишь «земную жизнь пройдя до середины», в 38 лет, после того, как с невероятными мытарствами — через Вильно (здесь писателю чудом удалось скрыться от заинтересовавшегося им НКВД), Москву, Баку, Иран, Ирак — в начале второй мировой войны во второй раз оказался в Палестине. Уже здесь Брандштеттер узнал о том, что его оставшиеся в Польше родители погибли в Трешлине — и в его творчество вошел мотив неизбежной вины за то, что остался жить: «И всем, что дано мне сделать // Не окупить моей жизни // И ничто не будет ценнее // Чем смерть моей мамы...» («Фауст побежденный»).

В Палестине Брандштеттер сотрудничал с еврейскими изданиями и театром, работал на польском радио. Здесь он написал, пожалуй, лучшую из своих пьес — «Возвращение блудного сына» — о последних годах жизни Рембрандта. В декабре 1944 года он переживает событие, названное им впоследствии «библейская ночь» (описано в одноименном рассказе, вошедшем в автобиографический сборник «Библейский круг»). После этого он осознает себя христианином. Есть определенная бестактность в «анализе духовного пути», потому скажем лишь, что для самого Брандштеттера это был очень осмысленный и ответственный шаг. Все, о чем он впоследствии писал, было попыткой перекинуть мост над пропастью, разделяющей иудаизм и христианство: его Христос вместе с еврейскими отроками горит в огненной печи Освенцима.

По окончании войны Роман Брандштеттер некоторое время работал в польском посольстве в Риме (здесь он организовал цикл лекций, посвященных столетию Еврейского легиона Адама Мицкевича), а в 1948 году вернулся в Польшу. Варшава и Краков были для него закрыты: тогдашний министр культуры Владимир Сокольский считал, что ему будет «слишком вольготно в столь неблагонадежных городах», и вместе с женой, Ренатой Брохвич-Викторунной, писатель поселился в Познани. Два года спустя семья переезжает в Закопане, а в 1960 году — и уже навсегда (Брандштеттер умер в 1987 году) — снова возвращается в Познань. К тому времени Роман Брандштеттер — член польского ПЕН-клуба, известный драматург, автор нашедшей пьесы «Молчание», по причине «социальной опасности» запрещенной к постановке в столичных городах, наконец, переводчик Шекспира (упомянем хотя бы его переводы «Гамлета» и «Антония и Клеопатры»). С 1967 по 1973 год выходит

его главное произведение — задуманный еще в молодости монументальный роман «Иисус из Назарета», примерно тогда же появляется поэтический сборник «Песнь о моем Христе», перевод Псалтыри, чуть позже — лирические зарисовки, ироничные сентенции и диалоги придуманного Брандштеттером аввы Поликарпа с его недалеким, но верным учеником Ансельмом (они войдут в изданный посмертно сборник «Случаи из моей жизни»). В 1983 году в Варшаве выходит «Пророк Иона», повесть, которую Брандштеттер называл «повестью о себе самом», и очень символично, что знакомство с брандштеттеровским творчеством начинается с этого, одного из самых любимых им текстов.

Через три года после выхода «Пророка Ионы» Брандштеттер создает цикл «Патриархи», в который вошли две повести — «Дубы патриарха Исаака» и «Битва Иакова с Богом». Во многом «Патриархи» продолжают линию «Пророка Ионы»: библейские персонажи здесь не монументальные изваяния, а те самые «кривые линии», по которым Бог, тем не менее, «пишет прямо» (Брандштеттер очень любил эту эйнштейновскую фразу). С конца 50-х годов в его творчестве, преимущественно в драматургии, тянется еще одна непрерывная линия: античные сюжеты. Перефразируя известное высказывание Эммануила Левинаса, можно сказать, что «Брандштеттер — это Библия и греки». Но у Левинаса, как известно, речь идет о Европе, и возможность подобной «подстановки», как представляется, косвенно свидетельствует о том, что в брандштеттеровском творчестве выразилось глубочайшее переживание европейской культуры XX века — стремление прорваться сквозь все «не доходящие до неба перегородки» — и остаться собой. Современник Бруно Шульца, Осипа Мандельштама, Марка Шагала и Юлиана Тувима, Брандштеттер не просто «самоопределился» в пределах одной из культурных и религиозных границ, но попытался сделать, казалось бы, невозможное — преодолеть их в своем творчестве и в самом себе, коснуться, по его же словам, «обоих концов дуги».

* При подготовке статьи были использованы биографические и библиографические материалы, расположенные на Интернет-странице: <http://www.biblioteka.tarman.pl/brandt>. Право воспользоваться данными материалами было любезно предоставлено сотрудником библиотеки им.Юлиуша Словацкого (Тарнов), Барбарой Савчик.

Светлана Панич

Роман Брандштеттер

ПРОРОК ИОНА

Рене, жене моей, посвящаю

1

Кем был Иона?

Иона был сыном Амифии, Амифия был сыном Иосифа, Иосиф был сыном Эфраима, Эфраим Вениамина, Вениамин — Вооза, Вооз — Елиезера, Елиезер — Мордехая, Мордехай — Нафанаила, а Нафанаил... Здесь начинается история — была она источником гордости и беспокойства для Ионы — тайна, как и все, что происходит в пределах священного времени, плотно завешенного и недоступного для человеческого рассудка. Вот и старый семейный мидраш, который с незапамятных времен передавался в роду Ионы от отца к сыну, гласил, что Нафанаил был одним из сыновей того самого человека, которого пророк Иезекииль воскресил в «полной костей долине». Правда, жили Нафанаил и пророк Иезекииль совсем в разное время, но в данном случае доверять стоит не людской хронологии, а времени мидраша, в котором Господь собрал и свел воедино все, что человек легкомысленно поделил на малые отрезки событий и беспорядочно разбросал на огромных пространствах истории. Поэтому праотцы Ионы всегда хранили традицию происхождения рода от воскресшего, а сам Иона настолько сроднился с воскресением, что когда о нем думал, ему казалось, будто оно — событие не далекого прошлого, а его собственной жизни. И если бы Иону спросили, считает ли он воскресение чудом, он немало удивился бы такому вопросу, ибо что бы ни творил Всевышний, все это так же естественно, просто и само собой понятно, как любое событие, происходящее на земле и на небе. Иона был достаточно трезвым и рассудительным человеком, чтобы считать чудеса, творимые Богом, чем-то невероятным. А если бы он вдруг стал слишком уж удивляться делам Господним, то не нашел бы в таких своих чувствах ничего, кроме непростительного недоверия, то есть смертного греха, содеянного пред Лицем Предвечного.

2

Иона, сын Амифии, происходил из колена Завулонова, из богатого рода, что осел на востоке от озера Кинерет в Нижней Галилее. Родился он в Гат Хефер. Вскоре после появления на свет Ионы его отец вместе со всей семьей переселился в маленький городок, расположенный на западном берегу Ям Кинерет, и вместе с братом стал промышлять рыбной ловлей. После смерти отца Иона по благословенному праву наследства получил отцовский промысел, умножил его и сделал источником обильных доходов. Потом женился, нарожал детей, работал и благодарил Бога за все, что Он дает и чего не отнимает.

А Господь, видя это, с одобрением кивал головой, ибо любил людей предусмотрительных и осторожных.

3

Иона был счастливым человеком. Очень счастливым. Он никогда не жаловался на здоровье. Его руки и ноги были крепкими, небесно-голубые глаза смотрели пристально и быстро. Высокий, широкоплечий, статный, он шел всегда легким, но уверенным шагом, и все вокруг дивились тому, как же он юно выглядит. Была у него жена, некогда красавица, двое дочерей, которых удачно выдал замуж, и двое сыновей, которых выгодно женил, четверо внуков, пять рыбацких лодок, сушильня для рыбы, оливная роща, давальня масла и множество слуг. Каждый день он всем сердцем благодарил Бога за то, что одарил его семьей, именем, здоровьем, удачей и ничего не просил взамен, кроме благочестия, молитв и добрых поступков. А поскольку Иона был человеком вежливым и благочестивым, молился, никого не обижал и всегда поступал как должно, Господь день ото дня все приветливей взирал на Своего любимца и не жалел для него ни милостей, ни благодеяний.

Иона был счастливым человеком, очень счастливым...

4

Иона вполне осознавал свое счастье. Подробность эта, может быть, и мелкая, но важная, ибо есть такие счастливые люди, которые не догадываются, что они счастливы, и хотя Господь изливает на них одни лишь благодеяния, в упор не замечают даров Божиих. Сами себе приносят огорчения, печали и обижают своей невнимательностью Бога. Иона же ни разу не запятнал своего сердца неблагодарностью и время от времени крайне деликатно, в молитвах, напоминал об этом Богу, так как считал, что о некоторых, хотя и скромных, но существенных чертах характера Всевышнему время от времени напоминать стоит, ибо никто не знает, какая именно добродетель перетянет на Суде чашу весов в пользу человека.

Бог же, слушая молитвенные намеки Ионы, добродушно улыбался, ибо благоволил людям, которых заботила их посмертная участь.

5

Молитва была для Ионы домом, куда он всегда возвращался с радостью. Иногда представлял себе, что не умея он молиться, жил бы, как бездомный бродяга, не имеющий крыши над головой.

Как молился?

По-разному. Имелось у него для этого немало своих средств. Если говорить о самых общих правилах его искусства молитвы, то это была доставшаяся по наследству от праотцов привычка повторять на разные

лады одно и то же благодарение или просьбу — не только для того, чтобы его мольбы вернее дошли до Господа Бога, но ради совсем невинного собственного удовольствия, ибо многократно повторяя одну и ту же мысль, он переживал все возрастающую радость творца, воистину возвышенное чувство единства с небесными хорами, а это, в конце концов, вполне соответствовало благочестивым намерениям его молитв.

Иногда во время молитвы он громко пел. В другой раз, поверяя Богу самые сокровенные тайны, Иона молился в молчании, сердцем, но это не означало, что в такие минуты голос его сердца не был певучим. Напротив, неслышное пение было еще мелодичней и полнозвучней, чем пение вслух, ибо слова, свободные от оков артикуляции, фонетики и интонаций, возвращались в свое подлинное, изначальное, неискаженное измерение, могли до конца выразить содержание молитвы, и оно сливалось с совершенной формой, рождая то полное и нераздельное единство, которому можно было только позавидовать. А временами он молился совсем без слов, высказанных вслух или в молчании, а одними лишь горячими и чистыми помыслами сердца, полностью порывая со всем, что его окружало, и в таком вознесении духа на малую долю минуты удостаивался он благодати развоплощения, и мог предвкушать радость соучастия в бытии Бога.

Но был у него еще один способ молитвы, который придумал Иона исключительно для себя. Способ этот был простой, совсем простой, даже детский в своей безупречной наивности. Но Иона, пожалуй, любил его больше всего. Пользовался им в любое время дня и ночи, при любой возможности, когда отдыхал и когда работал, когда шел спать и когда вкушал дары Божии, во время прогулок над озером и когда ехал куда-нибудь на своем осле или шел на праздник в Иерусалим. Вся молитва состояла из трех слов «Люблю тебя, Господи», в которые влагал он весь жар своего сердца, все лучшее, что было в его душе, и всю свою любовь к Богу. Этими тремя словами он выражал свои самые чистые чувства и самые возвышенные стремления, свои благодарения, просьбы, мольбы, заверения, обещания и обеты, всю свою преданность и благодарность. Он повторял эти слова по тех пор, пока Господь не уменьшался до их размеров и не позволял ему милостиво объять Самого Себя. Это была весьма изысканная иллюзия, одна из тех, которыми одаряет Бог своих любимцев, дабы, Им не владея, могли с Ним быть и Его созерцать, истосковавшись по Незримому. Вот так и Иона, повторяя в молитвенном забытии три своих слова, созерцал Бога, Его не видя.

6

Иона, весьма довольный тем, что Бог Его не оставляет, каждый день не только всем сердцем благодарил Господа за все полученные дары, но, будучи человеком мудрым и знающим, как по опыту праотцов, так и по

собственному опыту привычки Предвечного, не забывал благодарить Его также и за то, чего не получил, и эти благодарения более всего улаждали слух Бога, вдвойне милующего тех, кто благодарит не только за явленные, но и за неявленные милости тоже. Непостижимы привычки Господни.

7

Предметом Иониной гордости был прекрасный голос. Но поймите правильно, гордость эта была не гордыней, а особой благодарностью Богу за дар голоса и слуха, радостью от того, что вот так отличил Его по своей милости Господь, а главное, пониманием, что он, Иона, сын Амифии, получил эти дары, дабы с их помощью дено и ночью возносить хвалу Богу своему Саваофу. Можно смело сказать, что гордился Иона не своим пением, а своим Богом, который для вящей славы одарил благочестивого человека прекрасным голосом.

А что это был за голос! Струны небесные в горле, мед на нёбе, вино из подвалов Энгади на устах!

8

Прежде, чем мы приступим к самой истории, следует сказать несколько слов еще об одном важном деле, а именно об Иониных снах.

Сны Ионы всегда были тихи и безгрешны. Во сне, так же, как и наяву, Иона ни с кем не враждовал и ни на кого не покушался. Как и наяву, во сне Иона никогда не превозносился и никого не обижал. Его сны были закрыты для злых сил. Он не знал мучительных ночных кошмаров. Сны Ионы всегда были тихи и спокойны. Такие же, как его жизнь.

Но знал Иона, что бывают иные сны. Знал о них из Книги Бытие и из Книги Исход, из Книги Левит, и из Второзакония знал об этих необыкновенных и в необычайности своей устрашающих снах Авраама, Иакова, Иосифа, Моисея, снах, в которые входил Сам Сущий. Встреча с Богом, явившимся во сне, налагала на спящего нелегкие обязанности, которые избранный исполнял наяву, сгибаясь под их тяжким бременем. Иона со страхом думал о таких снах и искренне благодарил Бога за то, что Он не свил Себе гнезда в его ночных мечтаниях. Ведь Иона, в конце концов, был человеком смиренным, и знал, что недостойн визитов Бога.

9

И вот случилось так, что Иона впервые в жизни испугался своего сна. Снился ему сон, за которым таилось что-то такое, чего он никак не мог себе объяснить. Спросил себя: «Что этот сон значит?» А снилось ему, будто в полуденный зной лежит он в траве над озером Кинерет в тени платана и размышляет о мудрости Божией: «Ты бесконечно мудр Боже, ибо сотворил могучее дерево платан, крепко вросший в землю, непоколебимый и неподвижный. Как хорошо, что стоит он на одном месте, и я

могу спокойно лежать себе, прячась от жарких лучей солнца под его кроной». Так он и размышлял, но вдруг, не успев даже закончить мысли, почувствовал, как под ним заколебалась земля, и тут же увидел, что платан, вытянув из земли похожие на огромные лапы корни, пошел вперед вдоль озера. А Иона остался без тени над головой под жгучим солнцем, которое в ту пору дня напоминало пылающий факел. Он вскочил на ноги и побежал вдогонку за быстро удаляющимся от него деревом, но вскоре оно скрылось за горизонтом. А потрясенный Иона подумал: «Что все это значит?»

10

От сотворения мира ничто не изменилось в миропорядке, установленном и хранимом верной рукой Предвечного. Так было и этой ночью. На шести небесах, как в шести уютных голубятнях, спали бестелесные силы, а бессонный Бог бодрствовал в своем сотканном из золотых нитей шатре на седьмом, самом высоком небе. С рассветом первыми проснулись ангелы — и все небо сразу наполнилось хлопаньем крыльев. Позевывая, протирая глаза и потягиваясь, ангелы принялись за свои обычные утренние дела: погасили звезды, очистили от остатков тьмы небо, зажгли солнце. Оно тут же вззошло, выпустило мириады лучей, лучи побежали вперед — и творение наполнилось их беззвучным щебетом и радостным светом. Но был среди этого множества лучей один, который бежал быстрее других. Почему быстрее? Очевидно, все дело было в том, куда он бежал. Его конечной целью была комната в доме Ионы, вернее, не столько комната, сколько ложе, на котором спал Иона, а если уж брать совсем точно, не ложе, а Ионины веки.

Иона приоткрыл глаза и, слегка повернув голову набок, к стене, укрылся поначалу от трогательной, хотя и чрезмерной заботы луча, но тут же, встревоженный, вскочил с постели. Он вспомнил сон, который видел этой ночью. Помнил его хорошо, со всеми подробностями. Иона быстро умылся, оделся, как и каждое утро, облачился в талит, повязал на левую руку тфилин. Делал все это нервно, с излишней, хотя и понятной поспешностью, ибо, как мы уже знаем, именно в молитву бежал он искать защиты от всякого зла. Повернувшись в сторону Иерусалима, Иона запел хвалебную песнь Богу, и хотя его горло сжималось от беспокойства, он все же справился с дрожью в голосе и, искусно ведя мелодию, благодарил Бога за все Его благодеяния.

— Кто это поет? — спросил в восхищении Бог, Который на самом деле знал, кто поет, но иногда любил задавать вопросы и получать ответы, дабы снова и снова утверждаться в своем бесконечном ведении.

— Поет Твой слуга Иона, — ответил стоящий рядом ангел Лика Господня.

— Ага... — сказал Бог, и задумался, как будто припоминая, хотя на самом деле это совсем не соответствовало реальности, ибо Всевышний

всегда и обо всем помнит, и уж тем более Он никак не мог позабыть о том, что вчера сам поручил одному из прекраснейших своих лучей на рассвете нынешнего дня коснуться век возлюбленного Ионы.

11

Целый день Иона ходил осовелый. В полдень пошел в синагогу и просидел в ней до вечера, читая все псалмы подряд от начала до конца и от конца к началу. Все последующие ночи он спал спокойно, кошмары его больше не мучили, к нему вернулась надежда, и он все уверенней думал о том, что сон, который его так встревожил, на самом деле ничего не значит.

И уже казалось, что в его доме и душе воцарилась былая гармония, когда через несколько дней ему снова приснился сон, на сей раз, правда, куда более понятный, по сравнению с первым, но поскольку этот, новый, сон был еще тревожней, муж праведный предпочитал прикинуться непонимающим, что, к сожалению, свидетельствовало не только о его способности уворачиваться от проблем, но и о немалом запасе имеющихся у него для этого хитростей и уловок.

Так что же приснилось Ионе?

А снилось ему, будто ранним утром он встал, попрощался с домашними, оседлал осла и отправился в некую местность — имени ее, проснувшись, он так и не вспомнил — на север страны. Он проехал уже довольно большой кусок пути, как вдруг сообразил, что едет не на север, а на юг. Хотел повернуть осла, но животное воспротивилось и, несмотря на все невероятные усилия Ионы, а именно резкое подергивание за узду, мощные удары и невразумительные проклятия — с пресловутым ослиным упрямством отказывалось свернуть с единожды выбранного пути, что было тем более странно, ибо наш вислоухий никогда прежде не выказывал столь непрошибаемого упорства:

— Дьявол в него вселился! — закричал Иона, слезая с осла.

— В тебя, а не в меня, — не раздумывая, парировал осел. — Я-то знаю, куда надо идти, а вот ты сам не знаешь, куда направляешься.

— Как это я не знаю? — еще громче завопил Иона. — Ты — глупый осел и должен идти туда, куда я скажу.

А осел ему на это:

— Ошибаешься, это ты глупый осел, а я — мудрый Иона.

Кровь ударила Ионе в голову.

— Скотина! — закричал он и снова начал охаживать палкой вздорное животное.

— Прекрати, — прошептал осел. — Ведь ты не меня, а себя лупишь. Неужели не чувствуешь?

Иона с криком проснулся, ощущая на плечах удары собственной палки.

12

И вот Иона притворялся, будто не понимает своего сна. Перед кем притворялся? Перед Богом или перед собой? Ответ на этот вопрос прост и однозначен. Иона знал, что Господь — El Roi! — Всевидящий — и Всеведущий, и ничто от Него не скрыто. Элохим знает все о мельчайшей пылинке, о шелесте каждого листа, о каждом человеке и каждой звезде небесной. Иона никогда не дерзнул бы усомниться во всеведении Божиим, а если сейчас вопреки своей вере и притворялся, будто не понимает смысла сновидений, то делал это, пользуясь исключительно даром свободной воли, неоспоримым правом, которое милостиво дал человеку Всевышний. Муж праведный имел полное право притворяться, а Господь Бог, хочешь не хочешь, но вынужден был с почтением относиться к играм праведного мужа, хотя Ему было совершенно ясно, что эти «прятки» — всего лишь жалкая попытка уклониться от возложенных на Иону обязанностей. А впрочем, уклониться ли? Нет, не совсем так. Господь, конечно же, считался с тайными помышлениями Ионы, который, делая вид, будто не понимает приходящих к нему во сне видений, пытался своим «якобы непониманием» заставить Бога разяснить их недвусмысленно и подробно. Но на это Иона тоже имел полное право.

Вот так размышляя, Иона с тяжелым сердцем встал с постели, умылся, прочитал положенные молитвы и пошел в храм. Осел спокойно стоял себе у кормушки и хрустел вкусным овсом. Почувствовав на хребте ладонь хозяина, он поднял голову, посмотрел на Иону круглыми, влажными глазами и нетерпеливо замахал хвостом, отгоняя рой зеленых мух, которые облепили его зад. Ионе показалось, что осел смотрит на него с немым укором.

13

И снова несколько дней прошло спокойно. Сны не посещали Иону, и он стал утешать себя мыслью о том, что не все сны обязательно должны быть вещими, ведь могут быть так себе, случайные сны, не предназначенные для каких-то высших целей, без потаенных смыслов, сны, вызванные не столько Божиим вмешательством, сколько случайными человеческими действиями. «Но разве есть происшествия и события без смысла? — спрашивал себя Иона. — Разве бывают в жизни такие стечения обстоятельств, которые вообще ничего не значат? Такие, которые не были бы результатом осмысленных, дальновидных и прозорливых замыслов, упорядочивающих человеческую жизнь по Божью замыслу?» «Да будет на все воля Господня», — с облегчением вздохнул Иона, имея при этом в виду свою волю, которую лукаво хотел он подкинуть Господу Богу.

14

А через пару дней ему снова приснился сон, самый короткий, но самый тревожный из всех снов, которые приходили к нему до сих пор. Снилось

ему, что он голубь — символ вполне понятный, ибо Иона по-древнееврейски и означает «голубь» — и будто прогуливается он в поисках зерна по собственному двору. Как вдруг видит огромного орла, а тот, покружив у него над головой, говорит ему человеческим голосом:

— Иона, голубчик, я прилетел тебе сказать, что ты нужен Богу.

И исчез в облаках.

Иона проснулся в холодном поту и тут же принялся размышлять:

— Что это значит: «Ты нужен Богу»? Все люди нужны Богу так же, как и Бог нужен всем людям. И все-таки, что это значит: «Ты нужен Богу»? Зачем Господь открывает мне то, что само по себе совершенно ясно? Но если Он все-таки передает мне через своего посыльного всем известную истину, то, наверное, значит она не совсем то, что значила до сих пор. Но что? Сказанное орлом почти означает, что Богу нужна моя помощь. Помощь? Но чем капля воды может помочь безбрежному морю, а песчинка — поднебесной вершине? Разве тленное может помочь Вечности? А преходящее — Неизменному? Снова, в третий раз, спросил он себя: «Что это значит?» — и тут же ему очень захотелось кому-нибудь рассказать о своих заботах, чтобы хоть немного утишить беспокойство, которое камнем лежало на сердце. Может, пойти к жене и во всем признаться, но тут Иона испугался, что ему откроется смысл этого сна, в котором — теперь уж он в этом не сомневался — на языке образов, предназначенных для него одного, говорило с ним Присутствие Божие. Так что лучше уж никого не впутывать в эти дела, происходящие исключительно между ним и Богом. И Иона начал горячо молить Всевышнего о том, чтобы Он сам возжелал поговорить с ним в глубоком сне, ибо считал сон местом, наиболее безопасным и наиболее подходящим для встреч человека с Богом.

15

И случилось так, что Господь призрел на молитвы Ионы и вошел к нему через приоткрытые ворота сна. Но дабы снова не утруждать и без того задерганного человека нелегким искусством чтения знаков, в которых можно было вконец запутаться, в этот раз Он не стал прятаться за видимой завесой, но явился Ионе Сам, как незримый Голос, то есть в образе, хорошо понятном каждому истинному сыну Израиля.

— Где ты? — спросил Господь, ибо любил, чтобы человек сам объявлял о своем ничтожном присутствии пред Его Лицем и своим ответом как бы подтверждал смиренную готовность к нелегкой беседе.

— Я тут, — ответил Иона, и закрыл лицо, ибо боялся взглянуть на Незримость Божия Гласа.

— Ты просил, чтобы Я пришел поговорить с тобой. Что ж, говори.

Иона задрожал, ноги его подкосились, но он быстро овладел собой и, не отнимая рук от лица, стал говорить:

— Твой недостойный раб смиренно благодарит Тебя, Предвечный Боже, за милость к нему. Да благословится имя Твое во веки веков.

— Аминь, — ответил Бог. — Но давай о деле. Чего ты от Меня хочешь?

— Господи, Ты послал мне три сна, смысла которых я не понимаю.

— Я дал тебе свободную волю вовсе не для того, чтобы ты использовал ее в плутовских целях. Но поскольку Я знаю, что люди часто злоупотребляют свободной волей в своих намерениях, которые противоречат Моим, Я разъясню тебе эти сны, чтобы ты потом не прикрывался их таинственностью. Приклони ухо и слушай. Так говорит Господь Саваоф. Первый сон означает, что Я, Сущий, подобен дереву, которое ходит, и в любую минуту, если пожелаю, могу лишить тебя Своей тени. Второй сон значит, что ты пойдешь туда, куда Я тебя пошлю, а не туда, куда сам хочешь идти. Третий же сон значит, что Я соделал тебя орудием исполнения Своих промыслительных обетований. Ну что, Иона, теперь понял?

Иона пал на лице и сказал:

— Если бы после того, что от Тебя услышал, я дерзнул бы сказать, что не понимаю Твоих слов, да стану я мужем греха и отцом лжи.

— Ну и что дальше? — нетерпеливо спросил Голос.

— Да вот, у меня есть сомнения...

— Какие?

— Относительно меня самого...—Иона предусмотрительно прервался.

— Ты почему замолчал? — спросил голос

Иона коснулся головой земли и ничего не ответил.

— Я знаю, о чем ты, но хочу, чтобы ты сам признался в своих мелких сомнениях так же открыто, как Я рассказал тебе о Своих требованиях.

— Господи, я не знаю целей, ради которых Ты призвал меня, но думаю, что они слишком мудры и трудны, чтобы я мог осуществить их ради святого Имени Твоего. Я жалкий червь, ничтожный прах, не достойный столь высокого призвания...

— Я лучше знаю, достоин ты или нет.

— Я трус...

— Преувеличиваешь. С Моей помощью члены твои исполнятся мужества.

— Я слабый человек, мне не поднять столь тяжелого бремени...

— Опять преувеличиваешь. Были и послабее тебя, но по слову Моему несли бремена, намного тяжелее тех, что готовлю тебе. И ничего, не упали.

— Господи, я вспыльчивый, не умею сдерживать себя...

— Небо принадлежит вспыльчивым, а не безразличным, — парировал Бог.

— Ну почему, Господи, именно меня избрал Ты орудием Твоих замыслов, когда можешь выбрать людей более достойных и мудрых, более храбрых и сильных, чем я? — с отчаянием спросил Иона.

Глас Господень минуту помолчал, а после ответил:

— А потому, что Мне нравятся твои достоинства, а также твои недостатки.

Иона поднял голову от земли и с облегчением спросил:

— Так что я должен делать, Господи?

Глас зашумел, зашелестел и, уже отдаляясь, сказал:

— Скоро узнаешь.

«Скоро узнаешь», — повторил с робким упреком Иона, просыпаясь после отнюдь не бодрящего сна, ибо напряженная беседа с Богом уж никак не могла принести покой и отдых издерганному мужу. Ну что ему оставалось делать? Ждать. Терпеливо ждать, молиться, поститься многие дни и недели, ибо пост очищает дух и тело, укрепляет волю, помогает видеть незримое и открывает сердце на всякое благо. Поэтому Иона целыми днями постился, постясь, худел, худея, вздыхал, вздыхая, все чаще в задумчивости поглаживал бороду, и его глаза теряли прежний веселый и ясный блеск, а в курчавой бороде появились первые седые нити.

16

Глядя со стороны на поступки, печаль и пост Ионы, легко можно было составить о нем превратное впечатление. Посудите сами. Господь возжелал посетить человека и уделить ему место в Своих замыслах, а он вместо того, чтобы радостно танцевать и бить в тимпаны, ведет себя, как несчастный, у которого умерла возлюбленная. Но разве был Иона человеком неблагодарным? Отнюдь нет. Он вполне осознавал, какая на него снизошла милость, но все же был бы безмерно рад, если бы Господь выбрал кого-нибудь другого. Ведь Ионе на самом деле было не под силу выполнить повеления Господни, о которых он еще не все знал, но предчувствовал — да и Бог Сам дал ему это понять! — что исполнить их будет совсем не просто. Эх, был бы он молод! Так нет, он уже старый. Правда, еще довольно крепкий, но уже старый. Ну разве может он, человек, измученный жизнью и многолетними трудами, взваливать на себя тяжкое бремя необходимости? А вдруг Господь Бог ошибся? Иона даже испугался этой мысли. Стукнул себя по лбу. Дурак! Разве Господь может ошибаться? Боже Сил, Боже Всемогущий и Вечный, Боже милостивый, оставь меня в покое и дай мне прожить остаток дней без тревог!

Первый раз в жизни Иона почувствовал себя не очень счастливым человеком.

И однажды ночью...

Да, однажды ночью, — хотя это могло быть наяву или во сне, но все равно, во сне ли, наяву или на границе между сном и явью, или даже вне яви и сна, в измерениях, недоступных для человеческого рассудка, — так вот, однажды ночью Глас Божий снова воззвал к Ионе:

— Я пришел к тебе сказать, что отныне ты поступаешь в Мое полное распоряжение, становишься Моим слугой и посланцем. Оставь все, что имеешь, и иди туда, куда Я тебе скажу.

Иона перепугался и, не глядя в сторону, откуда доносился к нему Глас, спросил:

— Оставить жену? Детей? Дом?

— Ты сказал, Иона, сын Мой, — ответил ему Глас Господень.

Услышав эти слова, Иона растрогался, ибо это немалая честь и награда, если Господь называет кого-то Своим сыном, но тут же впал в панику, ибо осознавал, что отныне себе он больше не принадлежит. А кроме того, он не так уж плохо знал Писание, чтобы не понимать, что тот, кого Яхве называет Своим сыном, по милости Всемогушей любви Божией обречен на страшные беды и бесчисленные скорби.

— Господи, — прошептал Иона, — ну как же я брошу свою жену?

— Не беспокойся. Я сам позабочусь о ней и о твоих детях, и о детях их детей.

— Так что я должен делать, Боже? — сдавленным голосом спросил Иона.

— Будешь проповедовать Мое слово.

— Кому?

— Язычникам.

— Язычникам?... — голос Ионы дрогнул.

— Да.

— Куда я пойду, Господи?

— В Ниневию.

— В столицу зла, греха и разврата?

— Совершенно верно. Именно туда.

— Но что я там буду делать, Господи?

— Пойдешь по улицам Ниневии, а это очень большой город, и возвестишь жителям о том, что их неправедность дошла до Лица Яхве. Ты будешь призывать их к покаянию. Если они не обратятся, я сотру их с лица земли, а сам город разрушу. Если же послушают твоего слова, которое будет Моим словом, исцелятся и станут Моими детьми.

— Что?! — вскрикнул Иона. — Твоими детьми?! Твой сын — только Израиль!

— Конечно, Иона, но через Израиль спасение придет ко всем людям, живущим на земле.

— И для этого Ты избрал нас из всех народов земных, чтобы потом сравнять с ними? — продолжал кричать Иона. — И для этого Ты сделал нас одиноким островом посреди безбрежного языческого моря...

— Не ори, Иона, — перебил его Бог. — Я не глухой... Избранность означает одиночество. Да, Я навязал вам его и повелел вам жить вдали от чужих людей, чтобы оградить вас от их греховных поступков. Ваше одиночество — это ваша привилегия...

- И поэтому Ты решил нас от нее избавить?
- Ты меня ревнуешь... — с болью сказал Глас Божий.
- А разве Ты о нас не ревнуешь?

— Если бы не ревновал, вас бы давно уже не стало.

Между Ионой и Гласом Божиим повисла напряженная тишина.

- А что будет потом? — робко спросил Иона.

— Не твое дело знать, что потом будет.

— Прости, Всевышний, но если уж я должен исполнить Твою волю, хотелось бы знать, каковы будут плоды моих стараний.

- Плоды будут благословенны, Иона.

— Для кого? Для Тебя? Для меня? Для сынов Израилевых? Ты слишком часто говоришь двусмысленно и непонятно, открываешь только самый краешек истины и поэтому между людьми и Тобой возникают все эти сложности и недоразумения, которых, конечно, не возникало бы, говори Ты говорил четко и ясно, безо всяких там намеков и недомолвок.

— Это не твоего ума дело, Иона, как Мне говорить с сынами человеческими, — ответил Глас Божий. — Я знаю их лучше, чем ты, и знаю, как бороться с их тягой ко злу.

— Ну и немногого же Тебе удалось добиться, — не задумываясь, огрызнулся Иона и в ужасе замолчал.

Но Глас Божий мягко ответил ему:

- Да, ты прав. Вот поэтому Я и рассчитываю на тебя.

— На меня? На слабого человека? Я должен исправить то, что не получилось у Тебя? — взорвался Иона и, уже ничего не соображая, изо всех сил заорал: — Ты зачем создал зло?

- Я не создавал зла.

— А кто же его создал?

- Человек.

— Так почему Ты не истребишь зла, которое создал человек? Ты же Всемогущий! Ты все можешь!

— Человек создал зло и сам его должен уничтожить. Такова Моя воля, таков закон, Мною данный.

- Тогда почему Ты оставил человека бороться со злом один на один?

— Я человека не оставлял. Я всегда с ним и всегда помогаю ему биться с дьяволом, если, конечно, он просит Меня о помощи.

— Сколько раз я молил Тебя о помощи, и все равно проигрывал эту битву со злом!

— Ошибаешься. Ты всегда побеждал, вот только не умел видеть своей победы. Горе слепым. Блаженны зрячие.

Голос умолк.

Иона долго размышлял над Господними словами, после чего примитивно, хотя и несколько поучающе (что было уж совсем неуместно) сказал:

— Господи, ну скажи, зачем Тебе сдались эти язычники? Тебе что, с Израилем хлопот мало? Вот соделаешь язычников Своим народом, уравниаешь их перед Лицом Твоим с сынами Авраама, и тогда увидишь, сколько бед свалится на Твои славные и досточтимые плечи. Правда, увидишь... Не делай этого... Одумайся... Ведь есть еще время.

— Ты забыл, с Кем разговариваешь, — ответил Глас Божий и нахмурился. — Ты по какому праву лезешь ко мне со своими замечаниями и говоришь со мной своим дерзким языком? Я все хорошо обдумал. Ты что это возомнил о себе, своенравный гордец? Решил, что Я стану действовать безрасудно?

— Нет, нет, — забормотал Иона. Он говорил очень быстро, ибо хотел торопливой речью, словно быстрой струей воды, погасить пламя Божия гнева. — Мне это никогда и в голову не приходило. Никогда, честное слово... Ты ведь знаешь, Господи, что я каждый день благодарю Тебя за то, что все деяния Твои совершенны, все. Так могу ли я усомниться в совершенстве Твоих деяний, если прославляю совершенство исполнения их? Пойми Господи, может быть, я не слишком удачно выразился, но все это лишь от беспокойства о Тебе. Господи, позволь мне о Тебе беспокоиться.

— Это хорошо говорит о тебе, что ты заботишься о своем Боге, — ответил несколько подобревший Глас Господень, — но, на Мой взгляд, было бы намного полезней, да и важнее, чтобы ты позаботился о своих устах, которые стоило бы обнести высоким забором, чтобы из них не вышло ни одно недоброе или пустое слово. А что же касается того вопроса, который ты дерзнул Мне задать, скажу тебе только, что вопрос твой преждевременный, а потому до срока, Мною установленного, Я на него не отвечу.

Глас Божий затих и удалился.

17

Иона, беседуя с Богом, задавал ему очень щекотливые вопросы, а взамен получал полные снисходительного терпения ответы. Означает ли это, что человек сей считал Бога равным себе, а Бог на такое равенство соглашался? О нет! Из отношений Ионы с Богом, а Бога с Ионой вовсе не стоит делать столь далеко идущих выводов. Бог любил Иону, поскольку любил весь избранный Им народ. А Иона любил Бога не только за то, что Бог — это Бог, но и потому, что считал Его Величайшим Патриархом всего народа Израилева. Израиль беседовал с Богом, как сын с отцом, как внук с дедом, а Бог беседовал с Ионой, как отец с сыном, как дед со внуком, то есть они разговаривали друг с другом, как родственники, связанные узами тела и крова. Следствием этой взаимной, пусть даже чрезмерной, близости была некоторая фамильярность, которую Господь позволял Ионе, разрешал ему задавать вопросы и даже охотно с ним спорил, но никогда не давал преступить ту границу, которую на вечные

времена установил Он между Собою и человеком. Иона же, ощущая неразрывную связь с Богом, освященную тем, что от Него произошла вся община Израилева, понимал, что эта данная ему от рождения привилегия и несомненное право родства обязывает его на все времена дено и ночью предстоять пред Всевышним, Наивысшим, Милосердным и Праведным Судией, изливать Ему свои скорби, боли, горечи, обиды и смиренно просить о милости разъяснений. Но через ту пропасть, которая отделяет его от Незримого Бога, он не осмелился бы перешагнуть никогда. Ни мыслью, ни словом, ни делом.

Таков был неписанный договор между Богом и Израилем, и договора этого никогда не нарушал ни Бог, ни Его слуга.

18

Иона вышел к озеру, присел над водой на корточки и, мерно раскачиваясь, начал беседовать с Богом:

— Господи, Ты соделал меня счастливым человеком, дал мне все, чего душа моя желала, дал мне Самого Себя и чистую совесть, дал мне доброе, чистое сердце, дал быть благочестивым. Вот такие дары получил я от Тебя, Боже. А дав мне все это, Ты пришел ко мне и отобрал у меня мой покой и мое счастье, велел оставить жену, детей, дом и идти в Ниневию, чтобы взывать к язычникам. Господи, ну почему, я, бедный Иона, должен идти и обращать язычников? Какое мне дело до их нечистоты? Пусть и остаются себе нечистыми! Пусть грешат! Мне-то что до их грехов? Почему я должен соваться не в свои дела? Господи, ну отдай их вместе с каменными богами Велиару и всем адским силам, а меня оставь в покое. Не отнимай у меня покоя, не лишай меня крыши над головой и моей постели, моего стола и плодов моих рук, не гони меня из дому, не обрекай на странствия и труды. Господи, не отбирай счастья, которым Ты сам благословил меня.

А Господь, услышав Иону, облекся, словно в плащ, в шум весеннего ветра и из ветра сказал Ионе:

— Прости, но ты говоришь неразумно...

— Я говорю о счастье, — возразил Иона. — А счастье — это огромное богатство.

— Верно, — согласился Господь. — Но ведь ты не знаешь, в чем твое счастье. Оно совсем не там, где ты его ищешь.

— Так что же такое счастье? — спросил Иона.

— Скоро узнаешь, — пообещал Глас.

— Опять говоришь загадками? — разозлился Иона.

Но Господь уже ничего не ответил. Ветер стих.

19

Ожидание — трудное дело. В жизнь человека оно вносит напряжение, беспокойство и заставляет все время быть начеку. Бог должен был

объяснить Ионе, в чем смысл счастья, но муж праведный подозревал, что за этим объяснением кроется какая-то тайна, связанная с Ниневией и той миссией, которую возложил на него Всевышний. Невозможно представить себе, чтобы Бог ни с того ни с сего стал открывать смысл счастья кому попало из смертных, если это не входит в Его дальновидные планы. Но что это за планы? Идти в Ниневию и обличать несправедность ее жителей? От одной этой мысли у Ионы подкашивались ноги. Как обличать? Что говорить? Какими словами? Как обращаться к этим нечистым язычникам? Во имя Яхве, которого они не знают? Правда, Господь обещал ему, что плоды его стараний будут благословенны, но какой ценой? Ценой его спокойствия? И это называется счастьем?

Но тут Господь вмешался в размышления Ионы и, войдя в них, как входят в распахнутые ворота, сказал:

— Мудро рассуждаешь, Иона, но рассуждения твои ограничены и очень далеки от совершенства, хотя по человеческому разумению — за неимением лучшего — их вполне можно назвать претензией на мудрость. Поэтому Я преподам тебе один урок, чтобы, идя за своей премудростью, ты не блуждал по бездорожью и кривым путям неразумных и бесплодных размышлений. Во всей твоей прежней жизни не было счастья. Оно тебе только казалось. Иллюзии ты принимал за правду. Подожди, сейчас Я говорю, а не ты. Я лучше знаю, ибо Я — Господь людских судеб, и это Я создал между ними границу, такую прозрачную, что человеку ее не увидеть, границу, на которой заканчиваются хорошие судьбы и начинаются плохие. Ты ничего об этом законе не знаешь. И ничего в нем не смыслишь. Так узнай же, что истинное и совершенное счастье для человека состоит в том, чтобы исполнять Мою волю. Не перебивай... Я не собираюсь посвящать тебя сейчас в тайны Моей воли. Итак, утром ты отправишься в путь, Иона. Встань, препояши чресла и иди. Понял? — повелительно прогремел Глас Божий.

— Понял, Господи, — неохотно ответил Иона.

20

Сомнения дикими псами обступили Иону, который, словно палкой, самыми разными доводами, умными и не очень, отбивался от наседающей своры, а псы, почуяв, что муж праведный дрожит от страха и может стать легкой добычей, бросались на него со все большим остервенением. Глядя со стороны на метания несчастного Ионы, изо всех сил пытавшегося избавиться от грызущих его сомнений, мы вполне могли бы задаться вопросом, кто виноват во всей этой страшной неразберихе, но тогда неизбежно пришли бы к тому, что виновен, прежде всего, Господь Саваоф, ибо это Он навязал Свой Промысел мирному и не способному на столь великие и далеко идущие деяния человеку, а потом уже — и сам человек, который, пытаясь всеми возможными способами выпутаться из рас-

ставленной Господом сети, в панике порвал нити. Однако поскольку Господь Бог виноватым быть не может, ибо совершенен и благ, было бы лучше не пускаться в соблазнительные и обоюдоострые дискуссии с обеими сторонами, а ограничиться аргументами несчастного Ионы, который, внезапно выбившись из привычной жизненной колеи, оказался в невероятно трудной и достойной величайшего сострадания ситуации. Но отделить Божии резоны от человеческих не так легко. Господь так прочно связал с Собой Иону, что, рассуждая о терзаниях богоизбранного мужа, мы уж никак не вправе вычесть из них деяния Божии, оставить Бога, грубо говоря, в стороне, а на первый план вынести человеческие дела. И одно плохо, и другое не лучше. Но все же, исходя из разумных — по возможности — посылок, попытаемся хоть немного понять, что же происходит с Ионой, который завтра должен отправиться в Ниневию.

И вот уже в самом начале наших изысканий обнаруживаются факты, свидетельствующие не совсем в пользу Господа Бога. Господь не сказал Ионе, как ему следует поступить с семьей, нужно ли прощаться с женой, чадами и домочадцами, как долго продлится это вынужденное отсутствие, что брать с собой в дальний путь и какой дорогой идти в Ниневию. Такое положение дел явно не устраивало Иону. Если Господь, рассуждал Иона, соделал меня Своим орудием, то Ему, по Ионину разумению, следовало бы подробно и исчерпывающе, вплоть до мелочей, разъяснить все, что касается Его поручения, а не так, чтобы с одной стороны, навязывать свою волю, а с другой, давать полную свободу решений и действий. Если уж он должен быть орудием Господним, то хочет быть орудием в самом прямом смысле этого слова, бессловесным и беспомощным исполнителем, всецело преданным воле Всевышнего.

Свободе со всеми ее недостатками Иона не доверял, поскольку она посягала на его спокойствие. Ему не хотелось отвечать за каждый свой шаг, за каждое слово и тем самым становиться причиной непредвиденных сложностей. Он в полном распоряжении Бога. Так откуда же ему знать, желает ли Бог, чтобы Иона попросился с семьей? И что в таком случае следует сказать жене и детям? А если то, что он скажет, Богу не понравится? Скажет слишком много или, наоборот, слишком мало? Но ведь если он призван действовать во имя Божие, Господь сам должен руководить его поступками и словами.

Иона никогда не сомневался в верности Божиих решений, в том числе и тех, с которыми ему было нелегко согласиться. Правда, иногда случалось Ионе поспорить с Господом Богом, но это были вполне невинные дискуссии, которые состояли в свободном обмене взглядами, то есть Иона робко и смиренно излагал свои суждения и всегда был заранее готов, если Бог того пожелает, отказаться пред Его Лицем от всех своих оценок и мнений. А поскольку Бог всегда выдвигал неопровержимые аргументы, Иона с неподдельной радостью признавал свое поражение и с похвальным

смирением поспешно шел на попятную. Господь же, зная Ионину любовь к спорам, взирал на эти невинные прихоти своего любимца с отцовской снисходительностью и даже с трогательным пониманием. Но теперь в голове Ионы не укладывалось, как это Всевышний, избрав его исполнителем Своих исторических замыслов, не обеспечил подробными наставлениями и указаниями, как ему следует действовать, исполняя свое святое посланничество в столь необычных условиях и обстоятельствах. Если бы речь шла о простом смертном, Иона назвал бы такое отношение легкомысленным и халатным, но поскольку предвечный и незримый Создатель Вселенной, Господь Неба и Земли ни легкомысленно, ни халатно поступать не может, остается только одно предположение, ужасное предположение, объясняющее всю эту неразбериху и «проколы» в организации дела! Какое предположение? У Ионы потемнело в глазах. Он услышал, как задрожали основания земли, вместе с основаниями покачнулись его мысли и чувства, а вместе с мыслями задрожала и заколебалась вся его прошлая, настоящая и будущая жизнь, все его обретения и опыт, вся прочная конструкция, которую возводил он так предусмотрительно и мудро! И что же осталось? Ужасающее подозрение, что тот, кто являлся ему в снах и выдавал себя за Бога, на самом деле... Богом не был! Смятение и хаос охватили Иону. Но, правда, откуда у него уверенность в том, что голос, который он слышал во снах и наяву, действительно был Божиим Гласом? Само повеление Его настолько неправдоподобно, что поневоле усомнишься в Божественности тех уст, из которых оно вышло. Да и по содержанию — идти обращаться язычников, чтобы уравнивать их с сынами Авраама, Исаака и Иакова, — этот приказ так противоречит здравому смыслу и обетованию, данному Израилю, что никак не может исходить от Яхве, но лишь от того, кто пытается спутать, искривить, вывернуть наизнанку все Божии планы, проще говоря, от враждующего с Богом. Так не для того ли подделывается под Глас Господень какая-то сила, может быть, один из тех самых демонов, которые, желая поиздеваться над человеком и вывести его на ложный путь, безуспешно подражают бытию Божью, причем делают это так похоже и даже искусно, что только искушенное ухо богобоязненного человека, чуткое ко всем тонкостям Откровений Господних, способно отличить правду от лжи?

Вот так и мучился Иона, а поскольку в глубине души ему очень хотелось поверить в истинность своих подозрений, они, словно по волшебству, тут же становились неоспоримыми доводами, доводы мгновенно превращались в несомненные факты, а факты — в непоколебимую уверенность, что именно Велиар посещал его наяву и во сне.

21

И тогда муж праведный решил спастись бегством от искушений Велиара, который способен от рождения на всяческие коварства и

бесчисленные соблазны, но никогда не был всевидящим и всеведущим, что, кстати, и было причиной его дикой ненависти к Господу Богу. Иона хорошо знал Велиарову натуру и понимал, что из-за такой своей недоразвитости он, на самом деле, не очень-то много и может, и поэтому каждый человек, если действительно того захочет, способен, сменив место — ведь наверняка у Зла есть излюбленные места! — вырваться из-под его власти, обмануть его бдительность, сбежать от его искушений, необузданной алчности и укрыться в месте безопасном. Где оно? Скорее всего, как раз в противоположной стороне от тех краев, где живет Велиар, ибо, противясь Богу и будучи полной Его противоположностью, он выбрал для себя места, особенно податливые на дьявольские лукавства и козни. И тут Ионе стало совершенно ясно, что, если по вражьему наказу он должен идти на восток, в Ниневию, на родину мерзости и греха, в землю, конечно же, состоящую в духовном родстве с Велиаром, лучше всего ему бежать в обратном направлении, то есть на запад! Он много слышал о далеком и богатом городе Фарсисе, земле серебра, олова и цинка, что находится на краю земли, за безбрежным морем, у подножия тех гор, за которыми каждый день прячется огненное солнце. Там он и решил скрыться. Для этого ему нужно добраться до Яффы и сесть на корабль, который плывет на запад. Все это следовало проделать в полной тайне. Но как в таком случае вести себя с женой и детьми? Должен ли он посвящать их в свои планы? Или лучше уехать тайком, не попрощавшись? Он не хотел рассказывать домочадцам ни о своих бедах, ни о тех причинах, которые вынуждали его прятаться в далекой стране, и уж тем более не хотел называть им того места, куда намеревался отправиться. Ведь ради успеха всего дела причины и цели бегства необходимо хранить в полной тайне. Но с другой стороны, он считал, что сбежать из дому втихаря, не благословив жену, сыновей, дочерей и внуков, — недостойно главы семейства. К счастью, Иона вспомнил, что когда-то в течение нескольких лет носился он с мыслью купить богатые медью земли в Бет Шемеш и построить там медеплавильные печи, а для этого должен был отправиться в Мицраим, чтобы купить все необходимые орудия. Потом по каким-то причинам он забросил свой план, а сейчас, вспомнив о нем, подумал, что мог бы вполне успешно воспользоваться им как поводом для предстоящего бегством. Эта мысль показалась ему очень удачной! Таким образом он создал бы очень пристойную видимость своего отъезда. Отчасти это было бы правдой — ведь хотел же он когда-то построить печь для выплавки меди! — и лишь отчасти ложью, ибо на самом деле, он ехал не в Мицраим и не собирался покупать никаких орудий, но ведь поселившись в Фарсисе, он вполне мог бы изучить ремесло в тамошних шахтах, и тогда в его благо-разумной хитрости было бы совсем мало неправды. В конце концов — как это чаще всего и бывает в таких ситуациях — один предлог потеснил другой, выдумка отступила перед выдумкой, уловка спряталась за уловку,

и из-за хитро сплетенной завесы придумок показалась истина, которая, хотя и не была истиной, но на худой конец и в трудных обстоятельствах вполне могла бы сойти за хиленькую правду. Конечно, такие оправдания были не из самых благоразумных и благочестивых и даже бросали некоторую тень на Иону, но вспомним о тех испытаниях, которые обрушились на нашего страдальца, и воздержимся пока от вынесения приговора, не станем ни хвалить его, ни хулить за сомнительное хитроумие, но подождем дальнейшего развития событий, которые позволят нам справедливо оценить его поступки.

Как Иона решил, так он и сделал. В один весенний день (ранняя весна — лучшее время для путешествий) сообщил жене и детям о том, что после долгих раздумий и глубоких размышлений вернулся к старой идее построить медеплавильную печь и для того, чтобы осуществить свой план, он едет в Мицраим, дорога ему предстоит длинная и трудная, и пробудет он в дальней стране — долгие дни и ночи. Попросил, чтобы о нем не беспокоились и молились о его счастливом возвращении. Верные святому закону послушания главе семейства и уважения к его словам домашние не осмелились расспрашивать Иону о деталях, тем более, что в самом начале своей речи он подчеркнуто сослался на размышления и глубокие раздумья.

Иона взял с собой талит, тфилин, посох, пару сандалий, мех с водой, заткнул глубоко за пояс кожаный мешочек с деньгами, благословил во имя Бога Авраама, Исаака и Иакова семью, с почтением поцеловал мезузу и, оседлав осла, тронулся в путь.

Поехал...

22

На третий день пути он добрался до Яффы, большого и многолюдного портового города, расположенного в стране Дан и населенного сыновьями Израилевыми, а также филистимлянскими и ханаанскими купцами. Поскольку на этом отрезке побережья жило довольно много язычников, Иона, заботясь о чистоте души и тела, решил более бдительно следить за тем, куда смотрит, что ест и к чему прикасается, дабы не осквернить себя легкомысленным взглядом, неподходящей пищей или неосмотрительным прикосновением. Однако вспомнив, что именно через яффский порт мудрый Соломон и не менее мудрый Зоровавель везли из Ливана в Святой Град дерево для строительства Святыни Господней, Иона почувствовал доверие к этому городу и теперь с радостным ощущением безопасности ехал его улицами, которые некогда были свидетелями торжественного прибытия Ливанских кедров, призванных украсить Скинию Господню на горе Мория. Двигаясь по середине людной улицы, Иона внимательно разглядывал лавки и магазины, но еще более пристально всматривался он в лица встречных прохожих, пытаясь угадать, кто из них — сыны

Израилевы, а кто поклоняется каменной мерзости. А поскольку сыны Израиля обладают безошибочным чутьем, благодаря которому узнают друг друга даже среди бесчисленного множества чужеземцев, он ничуть не удивился, когда вдруг услышал над ухом:

— Благословен вступивший на нашу землю!

— Благословен Господь! — радостно закричал Иона.

Он слез с осла и, обняв незнакомца, спросил:

— Брат, а по чему ты узнал, что я — из сынов Израилевых?

— По ослу, — ответил прохожий. — Хозяином такого замечательного осла может быть только истинный потомок праотца нашего Авраама.

— Да, ты прав, — довольно ответил Иона. Меня зовут Иона, сын Амифии из Галилеи. А тебя?

— Я Менахем, сын Саула из Яффы.

— Как поживаешь? — торопливо спросил Иона таким тоном, как будто приехал в Яффу исключительно для того, чтобы поздороваться со своим старым и близким другом Менахемом, с которым не виделся много лет.

— По воле Элохим, неплохо. А ты?

— Ну как может поживать сын Израиля, который едет в далекий путь?

— А куда ты едешь?

Вытянутой рукой Иона показал вперед, потом ладонь его начала выписывать в пространстве какие-то кренделя, и это были настолько непонятные и многозначительные жесты, что вполне могли указывать как на одну из сторон, так и на все стороны света одновременно. Менахем же истолковал движения Иониной руки вполне правильно, а именно — понял, что впереди у Ионы долгий и трудный путь. Он сочувственно взглянул на Иону и задал ему еще несколько вопросов. Некоторые из них были исключительно данью приличиям и ни к чему не обязывали, а вот один, последний, оказался необычайно трудным, ибо требовал от Ионы четкого и недвусмысленного ответа:

— Скажи, брат, зачем ты отправился в столь долгую и утомительную дорогу?

— По семейным делам, — не задумываясь, ответил Иона и тут же в глубине души устыдился своей лжи. Вспомнил отца — да хранит Господь его душу! — который любил повторять: «Ложь рождает ложь», и невольно, безотчетно, словно желая проверить верность и справедливость отцовского предостережения, страдальческим шепотом повторил: «По семейным делам...». Но на этот раз он произнес эти слова так, что Менахем, имея он тонкий слух (а так, скорее всего, и было), вполне мог бы догадаться о каких-то удручающих Иону трудностях и тяжких испытаниях.

Иона, расстроенный, опустил голову. Его мысль лихорадочно работала. Были ли его слова на самом деле ложью? Ведь действительно, он переживает очень беспокойные времена, стал жертвой трудных испытаний и путешествует в крайне неблагоприятных обстоятельствах. И конечно же,

правда, полная и несомненная правда, состоит в том, что Незримый и Бесконечный Господь есть наивысшим и недостижимым Главою всего народа Израилева, святым Патриархом каждого рода, Праотцом двенадцати колен, а ведь именно из-за Него, Господа, Праотца своего и Патриарха, ради веры в Него и верности Ему оставил Иона тихую Галилею и отправился в дальний и небезопасный путь! Так разве он солгал, сказав Менахему, что едет по семейным делам, если ради верности своему Отцу и для спасения души бежит от сил зла? Иона вытер слезы. А Менахем, глубоко растроганный слезами Ионы, пригласил его погостить в их доме.

23

Иона провел в доме Менахема целую неделю, разделил с ним субботнюю трапезу, а вечером седьмого дня вместе со всей семьей своего хозяина торжественно прощался с Царицей праздников, все вместе ели вкусную пищу, все вместе благословляли Предвечного и Его дары, и вино, и пахучие травы, и корни. А потом Менахем, прочитав последнюю молитву, вылил остаток вина на серебряное, украшенное изысканной резьбой, блюдо и опустил в него стоявшую рядом лампадку с оливковым маслом. Пламя зашипело и погасло. Суббота окончилась. И тогда встал Иона, сын Амифии, воздел руки к небу и запел псалом об опеке Господней над Израилем:

*Господь — скала моя,
И на ней я построил свой дом.
Радостно черпаю воды
Из источника спасения моего,
Бьющего из Тебя,
Боже Воинств,
Боже Иакова,
Твердыня Израиля!*

*Пусть свет и радость —
Ими одарил Ты отцов наших —
Изольются на нас
И на наших детей
Из рода в род.*

*Да будет благословенно
И прославлено,
И вознесено над небесами
Святое Имя Твое
Твердыня наша,
Источник спасения,
Господи,*

*Ты, Кто превыше всех благословений,
Всех песен,
И гимнов,
И всякого благодарения!*

*Господи,
Впиши нас в Книгу Жизни,
Дабы и после смерти
Мы с Тобой жили!*

*Господи,
Впиши нас!*

Иона пел, а его сотрапезникам казалось, будто над ними отверзлись небеса. Пел один Иона, один голос изливался из его горла, всего лишь один голос из одного человеческого горла, а сотрапезникам казалось, будто бесчисленные ангельские хоры поют под звуки восьмиструнных цитр. И они раскачивались в ритм его пения, кивали головами, с удивлением разводили руками, но никто не решался вступить и поддержать возносящийся к небу голос Ионы, и поэтому одними только мерными покачиваниями да взглядами затуманенных глаз выражали они тот восторг, который разжигал кровь в их жилах. Когда же Иона закончил, они еще долго сидели в молчании, вознесенные до седьмого неба.

Менахем отдал дань уважения тишине, но сохранять ее не стал. В возвышенных выражениях стал хвалить Ионино пение и голос, истинные дары Господни. «Пропетая молитва, — сказал он, — быстрее и легче, чем прочитанная, доходит до Бога. Мудрость праотцов гласит, что пение отверзает врата неба. Слушая же Иону, вместе с ним по искусно выстроенным звукам, словно по ступеням лестницы, мы восходили к Святому Граду, почти к самым вратам Предвечного. И разве не согласитесь вы с тем, что наш возлюбленный гость благодаря своему необыкновенному голосу дал и нам присоединиться к его вдохновенному пению. Да будет благословен певец из Галилеи, по воле Господней способный передать небесные мелодии сынам человеческим! Возрадуемся же, что нам было дано услышать это пение и вспомним, как говорили праотцы: «Наученный искусству слушать мудрые и благочестивые слова, во всем подобен тому, кто эти слова производит». Сказав это, Менахем низко поклонился Ионе и поцеловал край его одежды.

Ионе стало неловко от столь незаслуженных похвал, но при всем своем смирении, был им рад, ибо они укрепляли в убеждении о непревзойденных достоинствах его слуха, в которых Иона, как и всякий скромный человек, иногда сомневался, и это, особенно в последнее время, из-за того самого голоса, приходившего к нему во сне и наяву, было для него источником

беспокойства и тягостных дум. Теперь же он еще раз убедился в исключительной остроте своего слуха, благодаря которой и смог распознать голос Велиаровых искушений.

24

На следующий день Иона рано утром встал, пошел в синагогу на молитву, пожертвовал милостыню на городских нищих, затем, вернувшись в дом Менахема, попрощался с хозяином, его чадами и домочадцами, вверил их Попечению Божию, оседлал осла и двинулся в порт.

А в порту — барки, ладьи, паруса чуть колышутся от легкого ветра, толпы перекупщиков, мореходов, рыбаков, торговцев, менял, нищих, и все это, словно муха в смоле, потонуло в раскаленно-жарком дне, в разноязыком шуме и криках, в запахе гниющих фруктов, людского пота, звериных нечистот, подгоревшего лука и баранины, жареной на оливковом масле. Иона не знал, куда ему деться в этом хаосе и суете, среди криков грузчиков и громкоголосых купцов, которые спорили и торговались с прибывшими из-за моря торговцами. Сидя на осле посреди торговой площади, он с сочувствием, как и подобает мудрецу, взирал на возбужденную толпу, с дикой алчностью кидавшуюся на товары и всегда готовую начать драку из-за ничтожного приработка. Это было отнюдь не душеполезное зрелище. Но — суматоха суматохой, суета суетой, — а с помощью Господа Бога, даже в самом невероятном беспорядке всегда можно найти, чего ищешь. И Иона нашел-таки свою иголку в стогу сена. По счастливой случайности он познакомился со стоящим рядом чужеземцем, который, как выяснилось после краткого, но весьма искреннего обмена любезностями, оказался хозяином и капитаном корабля, через несколько часов отбывающего в Фарсис! Капитан, финикиянин из Тира, человек довольно милой и располагающей к себе наружности, узнав о намерениях Ионы, предложил ему за небольшую плату место на своем корабле, огромном, красивом, добротно сколоченном двухмачтовом паруснике со множеством весел (Иона наметанным взглядом знатока тут же оценил все эти достоинства), солидном, широком, украшенном искусно вырезанной на носу головой коня, что придавало всему сооружению изящество и легкость. Ионе понравился капитан, понравился корабль и голова коня тоже понравилась Ионе, так что он легко и охотно согласился на предложение финикиянина. В измученной душе беглеца затеплилась надежда. Без особых усилий он смог найти и почтенного хозяина, и надежный корабль. Ему не пришлось мотаться по порту, искать, расспрашивать, умолять, убеждать, объяснять. Все устроилось само собой, так легко и удачно, будто сам Бог передал его из Своих заботливых рук в надежные руки морехода, который по трогательной простоте душевной даже не спросил Иону, кто он, откуда и что ведет его по свету. «Вот это счастье!» — обрадовался в душе Иона и тут же возблагодарил Господа за

милосердную опеку в путешествии, за защиту в дни бегства от Зла, за то, что удалось найти корабль, на котором будет так безопасно плыть в Фарсис. И Иона всем сердцем поверил в то, что Элогим, словно огненное облако, идет перед ним, указывает ему каждый шаг, взял его за руку и ведет через безбрежное море к месту безбрежного покоя. В который уже раз он укрепился в убеждении,—его, правда, удивляло, что слишком уж часто приходится убеждать себя в верности выбранного пути—что ведет его ко спасению Сам Господь — да прославится Имя Его! — а бежит он, без сомнения, только от «ползучего гада». И все, что до тех пор казалось ему изломанным и кривым, начинало медленно-медленно выпрямляться.

25

Иона поспешно вернулся к Менахему, подарил ему осла — опять не обошлось без искренних пожеланий и взаимных благословений — и вернулся в порт. Был уже полдень, когда он взошел на корабль. Подняли якоря. Горячий западный ветер наполнил паруса, и корабль стал медленно отдаляться от причала. Капитан принес жертву богам и вместе со всей командой начал молиться об удачном путешествии. Молились долго, упоенно, громко распевая финикийские песни. Иона же, хоть и симпатизировал своему добродетелю, на всякий случай отвернулся, чтобы не видеть его языческих обрядов. Он смотрел на отдаляющийся берег, а когда золотая полоска песка, пальмовая роща и каменные постройки Яффы совсем растворились в солнечном мареве, уселся в тени мачт на свернутые канаты и неслышно читал псалмы. Помолившись словами, написанными Давидом и освященными Богом, он в немом восторге воззвал к Нему своими неуклюжими, корявыми словами, похожими на Божие не более, чем скрип жерновов на игру на цитре. Извинившись перед Богом за косноязычие, он поблагодарил Его за помощь, милосердие и милость, по которой сидит сейчас в полной безопасности на палубе и может спокойно собраться с мыслями. И снова благодарил Иона Бога — за знакомство с почтенным капитаном, за крепко сбитый корабль, за доброжелательных матросов, за их улыбки и приятельское похлопывание по плечу, за их пение, доносившееся с нижней палубы, и за попутный ветер, который так красиво раздувает наполненные паруса.

Когда же он закончил молиться, оглядел бесконечный горизонт, посмотрел на небо, потом скользнул взглядом по мачтам и стал рассматривать спящих по палубе матросов. Они связывали и развязывали канаты, перекачивали бочки, носили с места на место товары, намазывали на барабан якорную цепь. Одному из них, седому рабу с уставшим лицом, Иона помог черпать ведром морскую воду, которой старик поливал раскаленную палубу. Раб посмотрел на Иону с благодарностью и сказал:

— Спасибо, господин...

А Иона, опершись на мачту и глядя перед собой, стал размышлять: «Оказывается, язычники не такие уж плохие люди, как я раньше думал. Есть среди них добрые, вроде хозяина корабля, есть и совсем несчастные, достойные сочувствия, вот как этот старый раб. У них свои боги, правда, совсем слепые, глухие, невежественные и слабые, но они им молятся и ждут от них помощи. Все люди ждут помощи... Мы — от Элогим, они по своей глупости от... — тут он вдруг запнулся, мысли его в ужасе затрепетали, ведь еще минута, и увлекшись, он безрассудно произнес бы рядом со Святым Именем имя языческой мерзости! И Иона снова возблагодарил Бога за то, что дал ему вовремя отделить непрошибаемым молчанием непорочную Славу от грязи — и стал размышлять над собственной судьбой. Его удивило, что до сих пор он ни разу не обеспокоился тем, что ждет его в Фарсисе. Ну сбежал. Обманул бдительность Велиара. И что дальше? Раньше он как-то не задумывался об этом. А сейчас его вдруг охватило умиротворяющее предчувствие той полной безопасности, которую обретет он в конце своих странствий. Фарсис разросся в его воображении до размеров каменной твердыни, куда нет хода Велиару. Он почувствовал блаженную уверенность в том, что в далеком, незнакомом месте, ему сполна воздастся за все страдания и беспокойства последних дней, за бдительность, спасшую его от зла, и за все трудности бегства. Вот прибудет он в Фарсис, и тут же случится что-то такое (что именно — он не знал), что даст ему вернуться в родную Галилею, домой, к семье, но он уже будет недостижим для Велиара, который отныне не станет являться к нему ни днем ни ночью, а главное, не осмелится больше подражать Голосу Господа Саваофа. Будущее улыбалось Ионе. Мир снова становился прекрасным.

26

Корабль, ведомый уверенной рукой капитана, под полными парусами плыл на запад. На море и в небе — везде было спокойно. Стоя на палубе, Иона смотрел на играющих дельфинов, на чаек, что кружились над кораблем, и восторгался деяниями Господа, сотворившего этот чудный мир, порою, правда, грозный и полный опасностей, но все равно манящий своей красотой и многоцветьем. Иона почувствовал, как его сердце наполнилось благодарностью Богу за Его мудрость, явленную в сотворении бесчисленных и неповторимых вещей. Он верил, что нет на свете ни двух одинаковых людей, ни двух одинаковых кедров, ослов, или рыб. Ибо Бог Израилев — Бог неиссякаемого многообразия, пребывающего в совершенном Единстве! Иона был невероятно горд тем, что такой Бог есть его Богом и Богом его предков. И кто знает, в какой уж раз с благоговением подумал он о Всевышнем, который по Своей бесконечной и неизменной мудрости сотворил столько чудес! Но тут же, как никогда прежде, муж праведный осознал, какой же неблагодарностью отвечал он на благо-

деяния Божии, увидел ничтожность своих дел, которыми пытался восхвалить Бога, и тщету всех, сказанных и невысказанных, слов, какими пытался Его восславить.

Садилось солнце. Красная полоса света, словно огненный меч архангела, рассекла воду и, утопая, окрасила ее в кроваво-пурпурный цвет. Иона, повернувшись к востоку, надел тфилин и начал просить Бога о прощении и отпущении грехов:

*Воистину, воеет во мне грех,
Как шакал,
Но Ты омой меня, Боже,
Водами милосердия Твоего
И скажи мне:
Прощаю...
Огненной цепью закуй врага,
Изгони его силою гнева Твоего
И скажи мне:
Прощаю...*

*Господи, ради заслуг моих праотцов
От греха поспеши очистить меня
И поставь по правице моей
Ангела, защитника моего,
Ниспосли зримый знак благодати Твоей
И скажи мне:
Прощаю...*

*Господи, воззри на раскаянье мое,
Боже, выслушай молитву мою,
Ты — Святыня милосердия,
Отпущение грехов,
Утешение плачущих,
Обрати Лик к молитве моей
И скажи мне:
Прощаю...*

Так молился Иона в лучах заходящего солнца, а капитан корабля, матросы и невольники, глядя на него, радовались, что есть среди них муж праведный, которого, случись что, обязательно услышит его Бог. Во время странствий по морю, таящему в себе непредсказуемые опасности, заступничество Божие никогда лишним не бывает, и поэтому всегда лучше путешествовать в обществе людей благочестивых, умеющих беседовать с богами и живущих с ними в крепкой дружбе.

27

Иона спустился на нижнюю палубу, с наслаждением растянулся на постели и, устав от впечатлений удачного дня, безмятежно уснул.

А тем временем с запада двигался косяк черных туч. С наступлением темноты море стало неподвижным, а воздух — горячим, густым, душным. Дрожащими, тусклыми рыжими огоньками поблескивали звезды. Корабль плыл в полной тишине и только было слышно, как размеренно ударяют о воду весла. Как вдруг, когда ничто не предвещало беды, без рева и свиста, без зарниц и дальних раскатов грома, этих вестников надвигающейся бури, горячий ветер обрушился на корабль, раскачал его, швырнул в бездну, потом вздернул носом вверх и с оглушительным грохотом опрокинул в ревущую и пенящуюся пучину. И тут же закачались, замигали, померкли и погасли звезды. Дрожащий, гонимый ветром корабль безвольно шатался из стороны в сторону, прыгал, неуклюже вертелся и был похож на пьяного великана, который бросается вслепую то направо, то налево, уворачиваясь от толпы, что пытается его удержать. Но битва со стихией была напрасной. Буря неистовствовала. С разбитых мачт свисали порванные паруса и на крепнущем с каждой минутой ветру они были похожи на раскачивающихся висельников. Принесли рулевые весла. Охваченные страхом матросы, гребцы и невольники сбились в беспорядочную кучу; уцепившись за балки, канаты и остатки мачт, они взывали к своим богам, просили их о спасении, с нарастающим ужасом вслушиваясь в грохот, который, словно из адской пропасти, вторил их молитвам из глубины корабля. Это на нижней палубе ослабились канаты, которыми были привязаны корзины, бочки и мешки с товаром, и корабль при каждом порыве ветра кренился то в одну, то в другую сторону, угрожая в любую минуту совсем завалиться на бок.

— Под палубу! — крикнул капитан. — Выбросить весь груз за борт!

Все бросились под палубу и едва держась на подкашивающихся ногах, стали выносить корзины и бочки, с молитвами и проклятиями одну за другой бросали их в пасть озверевшей стихии, и казалось, чем яростней пожирает она добычу, тем с большим остервенением швыряет корабль, словно издеваясь над отчаянными усилиями матросов.

И тут, пробираясь к ступеням, ведущим на палубу, капитан корабля заметил мирно спящего Иону. Он схватил его за плечо и стал трясти:

— Вставай!

Иона проснулся, протер слипшиеся от крепкого сна глаза и спокойно спросил:

— А что случилось?

— Вставай! — что изо всех сил заорал капитан, пытаясь перекрыть рев ветра и моря. — Корабль в опасности! Зови своего Бога! Может, Он вспомнит о нас и мы не погибнем!

Иона вскочил с постели.

28

Сильная качка отбросила его к стене. Он встал и, судорожно цепляясь за перила, доплелся до задней палубы. Вымокший до нитки, Иона с трудом переводил дух. Он то и дело вытирал забрызганные водой глаза и с ужасом смотрел на сломанные мачты, порванные реи, кучей валявшиеся на палубе, и на измученных гребцов, которые из последних сил пытались работать веслами. Теперь корабль был похож на грудку хлама. «Неужели я должен погибнуть в морской пучине?» — искрой промелькнул отчаянный вопрос в голове Ионы, и чем дольше ждал он на него ответа, тем мучительней становилась его беспомощность. Солеными от морской воды губами он начал бормотать первые стихи покаянного псалма, но страх пересилил молитву. Поэтому она не принесла ему желаемого утешения и не пробудила доверия к Промыслу. Одиноким в своем бессилии, Иона, как пустой, дырявый бурдюк, лежал на палубе. Но вдруг молния разорвала небо—и он до самого дна увидел свою темную душу, а над нею—ослепительный свет. Из этого света доносился Голос, но был он без звука и без слов, одно лишь пылающее молчание, и это молчание, словно вулкан, взрывающийся раскаленной лавой, огненными камнями, гарью и пеплом, приближалось к Ионе, обступало его со всех сторон, окружало его сумрачную душу, входило в нее сквозь все поры его естества, и, вспыхивая, разбрызгиваясь, искрясь, освещало ее все более ярким светом. И тогда Иона, сын Амифии, узнал Глас Господень. Тот самый, который велел ему идти в Ниневию! Тот самый, от которого он сейчас убегает! Да как же мог он, человек с таким чутким и верным слухом, принять Глас Божий за голос Велиара! Разве только Велиар лишил его слуха! И это откровение настолько потрясло Иону, что он был готов тут же прекратить бегство, свернуть с пути и отправиться в Ниневию, но разве мог он исполнить свое несомненно разумное и богоугодное намерение сейчас, когда поперек его дороги, словно кровожадный, рыкающий лев, стала буря. Было уже слишком поздно. Он не знал, уцелеет ли вообще в этом приключении. Слишком велик был грех непослушания, чтобы Господь смилостивился и простил его. Тем более, что всего минуту назад он сам, своими глазами, видел несомненные доказательства гнева Яхве. Так неужели он должен познать на себе стихию до самого ее дна? «Горе мне! Горе!» — стонал, дрожал и в отчаянном беспомоществе обеими руками бил себя в грудь Иона, бил так сильно, словно хотел выколотить все скопившиеся в нем грехи.

29

Капитан корабля с трудом заполз под палубу, подозвал команду, Иону и сказал так:

— Бросим жребий, чтобы узнать, из-за кого постигла нас эта беда... Я человек в морском деле опытный, не одну бурю пережил на своем веку,

поэтому и не убеждайте меня в том, что этот бешеный шторм — всего лишь случайность или глупая шутка природы. В этой буре кроется какая-то мысль, которой я ни объяснить, ни уж тем более назвать не умею, но, предчувствуя ее злые намерения, постараюсь сделать все, чтобы защититься от ужасных последствий. Среди нас есть тот, кто зря испытывал своих богов, разозлил их и навел на нас их гнев. Мне кажется, нам стоит бросить жребий...

Сказав это, он дал команде и Ионе камешки, и они, написав свои имена, бросили их в урну. Капитан опустил в нее руку и в мертвой тишине вынул жребий. Он пал на Иону. Несколько десятков пар глаз в мертвой тишине уставилось на виновника, сидящего с опущенной головой, несколько десятков пар ушей напряглось, чтобы услышать, что же он скажет.

Капитан подошел к Ионе, положил ему руку на плечо и сдавленным голосом спросил:

— Скажи, где твоя родина и из какого ты народа?

— Я еврей, — ответил Иона, подняв голову, — чту Яхве, Бога небес, земли и моря...

— Что же ты такого сделал, — спросил капитан, — что с нами приключилось это горе?

— Я бежал от Яхве, от моего Бога, — ответил Иона и, пав ниц, стал громко молиться:

— Боже Воинств, это я согрешил. Не они. Меня, а не их наказывай. Они не виноваты. Они из-за меня страдают, поэтому прошу Тебя, пощади их, сохрани и вырви из пасти моря, чтобы они могли жить, вернулись к семьям... Господи, пусть Твои воды поглотят меня, со всеми моими грехами, которые против Тебя содеял, со всем моим непослушанием, в котором я жил так долго! Господи, позволь мне умереть за них и спаси их от морской пучины, и поставь на твердой земле, на скале высокой... Меня покарай! Не их! Они не виноваты!

Так молился Иона, а все вокруг, затаив дыхание, слушали его мольбы, смысла которых, на самом деле не понимали, но по умоляющим жестам рук, по скорбному голосу и залитому слезами лицу догадывались, что он кается перед своим Богом. Когда же Иона замолчал, они сочувственно и робко спросили:

— Что мы должны с тобой сделать, чтобы море нам не угрожало?

А Иона, отвечая, сказал им:

— Возьмите меня и бросьте в море. Тогда море угрожать вам не будет.

Но они, советуясь друг с другом, все же сомневались, стоит ли делать так, как сказал Иона. Как это? — недоумевали они. — Праведного человека бросить в море? Он, правда, утверждает, что согрешил, но разве грех его так велик, что может быть смыт только его смертью? А разве не все мы грешники? Разве мы сами не бежали от своих богов? Ну, а коли так,

значит каждый из нас виноват в этой буре. Ну, а если даже этот еврей совершил грех, вызывающий об отмщении к небу, разве его сокрушение не больше его греха? И разве Яхве, Который, как говорит Иона, сотворил небо, землю и море, может не замечать раскаяния человека? Разве Бог, сделавший столько красоты и добра, может быть жестоким, мстительным и злопамятным Богом? Так говорили они между собою и, теряясь в догадках, уже совсем не понимали, что делать, тем более, что по их мнению, смиренное раскаяние Ионы очистило его от греха и должно было смягчить сердце Яхве. Но кто знает, какой Он, Яхве?

Тогда капитан, подойдя к Ионе, спросил:

— Скажи нам, какой Он, Твой Бог?

— Господь Саваоф — Бог милосердный... — ответил Иона.

— Если твой Яхве — Бог милосердный, — радостно закричал капитан корабля, — значит он точно спасет нас.

И обращаясь к гребцам, голосом, полным надежды, scomандовал:

— Молимся Яхве, и беритесь за весла.

Они кинулись к веслам и стали изо всех сил грести, молясь Яхве, вода ломала их весла, а они все зывали и зывали к неведомому Богу, уговаривали Его простить Иону, и так до рассвета спорили они с бурей, которая все яростней на них наступала, и с Богом, который их не слушал. Когда же наступило похожее на ночь утро, они снова собрались на совет, и капитан сказал Ионе:

— Твой Бог злой...

На что Иона ответил ему:

— Ты не знаешь, Кем есть Яхве, Бог Израилев.

— Ты сам сказал, что твой Бог милосердный. Какой же он милосердный, если не слышит твои и наши молитвы и не хочет взглянуть на тебя, а к тому же хочет наказать вместе с тобой и нас, хотя мы ему ничем не навредили.

— Милосердие Божие и состоит в том, что Бог дает человеку возможность раскаяться и обратиться, ибо каждый грех должен быть искуплен, а без искупления не бывает раскаяния. За малый грех — малая плата, за большой — большая. Моя вина так велика...

— И это ты называешь милосердием? Это торг. Твой Бог — хитрый торгаш, а не милосердный...

— Ты ничего не понимаешь, потому что ты — гой. Наш Бог — не торговец. Каждый торговец хочет заработать, а нашему Богу плевать на всякие заработки. Он просто справедливый. Если Он видит, что человек ужасен и глух к Его призывам, Он лишь по милосердию Своему принуждает человека искупить грех. Мой Бог — друг человека и хочет, чтобы человек был чистым.

— Ну хорошо. А чего Он хочет от нас? Ведь мы — не враги Ему?

— Бог хочет, чтобы я отдал за вас жизнь.

— Зачем?

— Он знает, зачем, — горестно вздохнул Иона.

— Ну тогда прыгай в море!

— Я не могу сам прыгать, — ответил Иона, — Бог хочет, чтобы мой добровольный приговор исполнили вы.

— А ты об этом откуда знаешь? — спросил перепуганный капитан.

— Бог хочет, чтобы ради вашего и моего спасения вы принесли меня в жертву. Уж таково Его бытие...

— Это тебе Бог Сам сказал?

— Не любопытствуй. Исполни приказ Бога!

— Я не вижу причины, из-за которой по воле какого-то неизвестного Бога мы должны стать преступниками и пролить твою кровь.

— Не кощунствуй! Не пренебрегай словами Бога Израилева, ты, человек! Бросайте меня в море, чтоб вы сами не погибли!

Они, слушая его, шептались между собой, и тогда Иона закричал что есть мочи:

— А ну делайте, что вам говорю!

— Да исполнится воля Яхве, Бога твоего, — ответили они.

И сказав это, взяли Иону, связали и бросили его в море, а оно разинуло свою пасть и жадно заглотнуло жертву.

Буря тут же утихла, и море стало ласковым и гладким, как шерсть ягненка.

30

А что же Иона? А Иона, затянутый подводными водоворотами, ногами вверх, головой ко дну, бессильно, как камень, падал в морскую пучину, и так опускаясь на дно моря, обнаружил, что попал в какую-то черную воронку, в дальнем конце которой сиял ослепительный свет. Влекомый быстрым потоком, он вдруг почувствовал, как его охватывает блаженная тишина, а вместе с ней приходит умиротворение, и с каждой минутой оно становится все полней и совершенней. Иона понимал, что в тот самый миг, когда долетит до сияющего в конце воронки света, он окажется на вершине такого счастья, какого не знал никогда в жизни. Но вдруг свет погас. И тут же куда-то исчезла благостная тишина и умиротворенность. «Где я?» — подумал Иона и, оглядевшись вокруг, понял, что находится в месте полного мрака, в самой сердцевине непроглядной тьмы, заключенной в невидимые стены, которые создавали непроницаемый заслон между ним и морской пучиной. Это было похоже на какую-то бочку или на пещеру, а может, на гроб. На гроб? Иона бен Амифия застучал зубами, и этот стук убедил его в том, что хотя он и в гробу, но все же по-прежнему числится среди живых, однако это открытие, вопреки ожиданиям, особой радости ему не доставило и настроения не поднимало. Совсем наоборот. С тех пор, как в конце или на дне воронки — от избытка впечатлений

Иона потерял всякую способность ориентироваться в пространстве — погас свет, всякая радость улетучилась с души несостоявшегося утопленника. Хотя слово «несостоявшийся» здесь не совсем уместно, поскольку Иона все еще оставался утопленником, хотя и не вполне. Ситуация была двусмысленной: Иона прекрасно понимал, что находится под водой, но вместе с тем, будучи утопленником, может четко и логично оценивать всю невероятность своего положения. Живой утопленник! Быть не может! Он хотел было поразмышлять о своем фантастическом приключении, но все же решил отказаться от этого ненужного и бессмысленного занятия, ибо с некоторых пор в его жизни скопилось такое количество неправдоподобных явлений и событий, что пожелай он в каждом из них как следует разобраться, должен был иметь на плечах голову умнейшего из мудрецов, а такой награды он все-таки не удостоился.

И тогда услышал он Глас Божий:

— Где ты, Иона, сын Амифии?

— Здесь я, Господи, — ответил Иона, но из осторожности не повернул головы в ту сторону, откуда доносился Глас.

— Где?

— В морской пучине. Тону, Господи!

— Ошибаешься, — спокойно ответил Бог. Я послал кита, чтобы он тебя проглотил. Вот и сидишь себе в его брюхе, зубами шелкаешь вместо того, чтобы благодарственные молитвы читать. Неблагодарный ты, Иона...

— Господи, ну если Ты говоришь, что я сижу в брюхе кита, то, конечно, так оно и есть, хотя я бы не сказал, что это просторное и удобное место. Но не в удобстве дело. Заслышав Глас Твой, уши мои возрадовались великой радостью. Слава Тебе, Боже, твердыня спасения моего.

— Ну вот, поблагодарил наконец. Как ты себя чувствуешь?

— Как может чувствовать себя человек, который столь долгое время пребывает под твоим неусыпным и бдительным оком? Одни проблемы. На земле, на воде, под водой...

— Сам виноват.

— Конечно. Но не совсем. Ты тоже, Господи, сыграл тут свою роль, причем не последнюю.

— Не нужно было бежать.

— Мне казалось...

— Да ничего тебе не казалось. У тебя хороший слух, ты гордишься и похваляешься им перед своими ближними, и не можешь отличить Моего Гласа от голоса Велиара? Притворяешься, Иона, ой, притворяешься. Ты хорошо знал, что это Я к тебе обращаюсь.

— Дураком был, Господи.

— Врешь. Не прикрывайся глупостью. Ведь сам знаешь, что ты не дурак.

— Да, Господи. Я лжец.

— Соврал Мне, а потом и людям. Жене своей соврал, и детям, и почтенному Менахему, который принимал тебя в своем доме. Так значит, едешь по семейным делам?

— Но эта ложь не так далека от правды.

— Выходит, мы с тобой родственники?

— Да, Господи. Ты сам часто напоминаешь об этом родстве. Называешь нас своими детьми.

— Неблагодарными детьми...

— Но ведь детьми.

— Своенравными детьми.

— Пусть своенравные, зато верные.

Глас Божий вздохнул. А Иона подумал, что вздох Божий так же берет за душу, как и вздох человеческий, до слез умилился этому вздоху и устыдился до слез за то, что доставлял Богу столько хлопот. Ему стало жаль Бога. И, пристыженный, в ответ на вздох Божий, он сказал.

— Согрешил я. Умоляю, прости меня, Господи.

— Вы, люди, всегда рассчитываете на мою снисходительность и доброту.

— Господи, ну воззри на мои добрые дела. Положи на одну чашу святых Твоих весов девяносто девять моих добрых поступков, а на другую — грех моего непослушания...

— Не хвались, — сказал ему на это Яхве. — Девяносто девять добрых поступков не принесут столько же добра, сколько зла приносит хотя бы один грех. Поэтому девяносто девять добрых дел не перетянут одного злого. Горе вам, которые из ста поступков совершают девяносто девять добрых, а один злой. Горе вам!

Глас Господень вознесся вверх и в запальчивости покружил с минуту над головой дрожащего Ионы, но быстро подобрел и ласково спросил его:

— Мне кажется, Иона, что во время своих морских приключений ты чуть лучше узнал язычников. Что ты теперь о них думаешь?

— Это были люди справедливые и доброго сердца.

— Я тоже так считаю.

— Но я сомневаюсь, что все язычники таковы.

— А разве сыны Израилевы все справедливые и доброго сердца?

— Нет, но они верят в Тебя.

— Тем хуже для них, что верят в Меня и творят неправду.

— Ты прав. Но по милости Своей Ты дал нам пророков, которые осуждали нас за нашу неправедность и грехи. А разве язычникам Ты тоже дал прозорливых пророков?

— Ты будешь их пророком, — не вызывающим возражений тоном сказал Бог. — Ты уже доказал, что способен умереть за язычников.

— Да, Господи, — ответил сконфуженный Иона.

— Ты отдал себя ради их спасения.

Иона опустив голову, прошептал:

— Да. Делай со мной все, что захочешь, Господи. Если захочешь, чтобы я умер, с радостью умру, если захочешь, чтобы жил, с радостью жить буду. Возьми мою волю, как гончар берет в руки мягкую глину, и уподобь ее Твоей воле. Я жду, Господи...

Глас Господень вознесся и повелительно прогремел:

— Иди в Ниневию, Иона.

И сказал в ответ Иона:

— Непостижимы и невместимы суды Твои, Боже Сил. Много в них я не понимаю. Всеми моими пятью жалкими чувствами я не в силах познать и постичь Твою мудрость. Знаю только, что люблю Тебя. Моя любовь — вот и все мое знание о Тебе. Господи, позволь мне всегда и везде любить Тебя. Я Твой, Господи, и этим горжусь. Иду в Ниневию.

Сказав это, он широко развел руки и в кромешной тьме, во чреве огромного кита, стал славить Бога, и пел полной грудью, искусно выводя звуки, а они, соединяясь друг с другом, сплетались в торжественный венок славы. Пение наполняло кита, все морские глубины, поднималось на поверхность моря и возносилось высоко в небо, к удивлению и недоумению небесных птиц, которым казалось, будто поет сама святая Птица, Птица над Птицами, их крылатый Бог и Владыка.

А Иона пел:

*Ты гнался за мною, Боже,
И настиг,
И ввергнул меня в пучину,
В самое сердце моря,
Чтобы сокрыли меня
Твои высокие волны.*

*Но воззрел Ты по милости Своей
На неверного слугу Твоего
На обманщика и подлеца
Своенравного,
Что хотел обойти повеленья Твои
И бежал от воли Твоей.*

*Благословен будь, о Боже,
Ибо Ты настиг меня
И сломал непокорный хребет,
Испытал непокоем и смертью.
А после—поднял со дна греха
И вернул меня к жизни.
Будь же прославлен Ты,
Боже погони! Настигающий Боже!*

А Бог, слушая это пение, думал, что когда-нибудь в будущем, после смерти Ионы, назначит его душу быть начальником ангельских хоров, поющих у подножий небесного трона.

И дал киту знак, чтобы выбросил он Иону на берег.

31

Благословен каждый морской берег. Каждый морской берег — это спасение. Каждый морской берег — земля родная. Иона лежал на берегу, на песке. Он открыл глаза и увидел над собой голубое небо. Где он? Как здесь оказался? Что здесь делает? Он чуть приподнялся на локтях, почувствовал боль во всем теле, и через несколько секунд окончательно пришел в себя. Вспомнил корабль, бурю, и то, как матросы бросили его в море, и ослепительный свет, и тьму, вокруг которой он так беспомощно кружил, и, наконец, увидел себя, вплывающего внутрь этого мрака. Все эти ощущения были необычайно ясными, хотя он так до конца и не знал, случилось ли все наяву или во сне, или может, в какой-то третьей реальности, которую он очень глубоко пережил, но не может найти для нее подходящего имени. Его поразило, как же хорошо, до мельчайших подробностей он помнит каждое из событий; эта память была в нем очень сильна, и казалось, еще чуть-чуть, и она (конечно, вопреки его воле) вернет его назад, в китовый гроб, что Господь вполне мог бы принять за непростительную попытку неблагодарного маловера усомниться в реальности случившегося. Но Иона вовсе не собирался проверять на подлинность дела Божии, ибо, будучи человеком благочестивым, слепо доверял Богу, а кроме того, он, как прямой потомок воскресшего, хорошо знал о святой тайне возрождения и обновления через смерть, да и сама смерть была для него дорогой, ведущей к жизни, в чем еще раз воочию убедился он во время своего морского путешествия. Так что, если мы и говорим об исключительной памяти Ионы, с помощью которой он мог бы воссоздать прошедшее время во времени настоящем, то делаем это лишь для того, чтобы помочь читателю понять, что все, пережитое мужем праведным в сердце моря, было для него не игрой воображения, а реальностью, причём более реальной, чем та, которую созерцал он сейчас, лежа на морском берегу, на песке, поблескивающем в жарких лучах солнца.

Иона встал, расправил затекшие мышцы и, с радостью удостоверившись в том, что за поясом у него по-прежнему имеется мешочек с деньгами (в его ситуации, независимо от помощи Божией, это было надежное средство вполне безбедно добраться до Ниневии), опустил на колени, простер руки к небу и возблагодарил Бога за счастливое возвращение к жизни. Подкрепившись молитвой, словно хлебом, он подтянул пояс на бедрах и двинулся в долгий путь на Восток, в Ниневию.

32

Иона не знал, где находится Ниневия, не знал, далеко ли до нее или близко, идти ли ему год или многие годы, а может и до конца жизни, но был уверен, что если идти все время на восток, то обязательно придешь в этот Город Ничтожества и Греха. Он шел и шел, через горы, долины и реки, через леса и пастбища, через огромные, роскошные столицы, через многолюдные города и селения, через нищие деревни, через обильные земли и через пустыни. Он познал много радости и горя, светлых чувств и горьких разочарований, встречал добрых людей и злых, спал на мягком ложе в домах богачей и на голой земле под дождем, наедался досыта и голодал, падал духом и поднимался, без конца сомневался в нужности этих странствий, и каждый раз снова обретал веру в благополучный исход своей миссии.

Так он и шел, и не мог сосчитать, сколько дней и ночей минуло с той поры, когда, выброшенный китом на берег, отправился в путь, ведущий в Город Греха.

33

Бесконечны пути Господни, но всем человеческим дорогам рано или поздно приходит конец. День уже клонился к вечеру, когда Иона увидел перед собой огромный город, раскинувшийся среди роскошных садов и пальмовых рощ, и широкую реку; воды ее плыли неторопливо, словно замирая в восхищении перед великолепием и богатством дворцов и своей благоговейной неспешностью придавали торжественность и величие всему пейзажу. Только так и могла выглядеть могущественная и гордая Ниневия, чьи величественные строения громоздились до самого неба, как будто в поругание раскинутому высоко над миром шатру Господню.

Иона сел под пальму, подкрепился финиками, напился воды из источника, и только было собрался отдохнуть, прислонившись к шершавому стволу дерева, как услышал в себе глас Господень.

— Вот ты и добрался до Ниневии.

— Я вижу, — смиренно ответил Иона.

— Завтра начнешь пророчествовать.

— Да, Господи.

— Ты пойдешь по улицам и площадям этого города и будешь взывать: «Облачитесь во вретись! Посыпьте головы пеплом! Если не покаетесь и не обратитесь, пройдет сорок дней и Ниневия будет разрушена, а ее жителей ждет смерть. Камня на камне не останется от этой столицы идолопоклонников и блудодеев!» Взывай к ним так и добавь от себя все, что сочтешь нужным добавить, но учти, твои слова должны быть обличающими и суровыми, не сдерживай больше ни своей вспыльчивости, ни своего гнева. Помни, ты стал Моими устами.

— Хорошо, Господи, — ответил Иона и простодушно признался: — Вот только не знаю, получится ли у меня.

— Опять за старое? — спросил Бог.

— Я не умею разговаривать с язычниками, — оправдывался Иона.

— На корабле у тебя вдруг открылся большой дар красноречия, и ты так убедительно говорил с язычниками, что они против своей воли швырнули тебя в море.

— Я чувствовал себя виноватым. Не хотел иметь на совести их смерти.

— Так значит ты умеешь разговаривать с язычниками только когда это касается тебя? А что, разве Мои дела — это уже не твои дела?

— Я Твое покорное орудие.

— Я избрал тебя из великого множества людей, а ты с видом оклеветанного праведника все еще смеешь жаловаться на судьбу?

— Прости, Господи, но быть орудием в твоих руках — занятие не из легких.

— А еще недавно хвастал избранностью, которой Я отличил тебя от других и горделиво уверял, что ты — Моя собственность... Да ты лицемер, Иона!

— Господи, я слабый человек, кривое, заросшее русло. Не перестаю дивиться непостижимой воле Твоей и Твоему благоволению, по которому Ты освятил меня, одного из великого множества мужей и соделал избранным исполнителем твоих повелений... Боже, но кривое и дикое русло недостойно живой воды жизни, которая течет по нему...

— Уйди! Прочь с глаз моих!

— Господи, не говори так! Господи, не отталкивай меня! Очень тебя прошу! Я все сделаю! Все-все! До конца! Если я не буду Твоей собственностью, то кем же я буду, Господи?!

Сказав это, он пал ниц на землю и стал думать о том, что нелегка жизнь человека, который, независимо от того, благоденствия или побои достаются ему от руки Божией, всегда должен всем сердцем благодарить Его за все, что по Своей милости Он соделал своему слуге.

34

Лишь только открылись городские ворота, Иона по разводному мосту вошел в город. На сорок миль в длину и сорок миль в ширину раскинулась Ниневия. Было в ней двенадцать рыночных площадей и двенадцать главных улиц, а из каждой главной улицы выходило еще двенадцать боковых. На каждой улице было двенадцать дворов, и каждый двор был окружен ровно двенадцатью домами. Однако Иона, глядя на все эти дива, устыдился своего восторга, не подобающего истинному сыну Израиля. Его пугали омерзительные языческие красоты, ибо в каждой из них затаился муж мрака, Велиар, вечно алчущий зла князь всех червивых плодов и безумных соблазнов. Оглядевшись вокруг — он как раз стоял на рыночной площади, а вокруг шумела пестрая толпа, — Иона призвал на помощь Божия Духа и громким голосом воззвал к ниневитянам. Сначала он говорил через

силу, неохотно, но чем дальше, тем все более убедительной, гневной и страстной становилась его речь. И вот воля Господня, хоть и сопротивлялся Иона, стала его волей, и муж праведный стал устами Бога. Он негодовал, клеймил, угрожал, а толпа слушала. Он зывал еще громче, обличал идолослужителей, разврат, поклонение животным, богачей, угнетающих бедных, ненависть и злобу, суеверие и колдовство, кричал все сильнее и сильнее, а в конце предсказал ниневитянам время их гибели и пообещал, что если до этого дня они не обратятся и не раскаются, Бог Израиля Яхве Саваоф выкорчует их, как гнилые деревья, сотрет в прах, сметет с лица земли и уничтожит навеки. И опять призывал он ниневитян к обращению, снова и снова громыхал, зывал, угрожал, метал проклятия на головы грешников, и так исполнил все, что поручил ему Господь, ни в чем не отступив от Его повелений. Все сделал, хотя сам не жаждал обращения язычников. Но все же, призывая их к покаянию и обращению, зывал к ним искренне и горячо — ведь он был устами Бога! — и теперь в глубине души улыбался Тому, о Ком знал, что если уж избрал Он человека Своим орудием, то может соделать его таким преданным и смиренным, что даже вопреки своим мыслям и чувствам это орудие всегда будет послушно Его повелениям и Его воле.

Обильны были плоды Иониных пророчеств. Правда, вначале ниневитяне, не веря во всемогущество Единого, Бесконечного и Незримого, не только не приняли всерьез грозных предупреждений пророка, но всячески поносили Бога Израилева, издевались над Его Единственностью — что же это, мол, за Бог, который всегда один? Как может Один сотворить весь мир? И что у них за Бог, которого нельзя увидеть? Бог, который прячет свою внешность? — насмехались над Его Славой и, обидными шуточками перебивая речь Божия посланца, недвусмысленно давали ему понять, что считают его безумцем. Но шли дни, Иона проповедовал — и ниневитяне все внимательней стали вслушиваться в просьбы и угрозы этого крикливого еврея, перестали бросать в него камнями и каштанами, то одни, то другие поддакиваяще кивали головами, пока, наконец, — а прошла уже половина времени, отмерянного Богом — их не охватило мучительное беспокойство и страх осуждения и ада. Страх Божий открывает врата рая. Царь Ниневии, узнав о пророчествах Ионы, задумался о своей судьбе и о своих подданных, душа его смягчилась, смягчились его мысли и сердце, и где-то там, совсем глубоко, в крошечной тьме зажегся огонек совести. Сперва тусклый, он едва теплился, но под воздействием пророчеств Ионы вскоре вспыхнул ярким пламенем, от которого возгорелась совесть и душа у всех ниневитян. Царь встал со своего престола и объявил всеобщий покаянный пост, даже скоту запретил ходить на пастбище и на водопой, а всем подданным повелел покрыться вретисом. По отношению к скотам царский указ следует воспринимать не буквально, а скорее, символически и с легкой иронией, что впрочем, ничуть не

приуменьшает важности самих повелений, а напротив, свидетельствует об искренней заботе царя о быстром и полном исправлении нравов. Тогда же царь запретил своим подданным приносить жертвы ложным богам, приказал уничтожить всех идолов, воздать честь Единому Богу и выбросить ненависть из сердец, как сбрасывают грязную одежду. И вот, лжецы стали открыто признаваться во лжи, гонители вдов и сирот щедро вознаграждали гонимых, лжесвидетели отрекались от своих клятв, воры возвращали награбленное, обидчики воздавали обиженным, те, кто нашел потерянное, возвращали его владельцам. Бог воинств стал Богом Ниневи! Радуйтесь, все края земли! Радуйтесь, высокие небеса! Радуйтесь, горы и воды! Радуйтесь, люди! Радуйся, Иона, сын Амифии!

А Иона, уставший от долгих битв с ниневитянами, едва держащийся на ногах, охрипший — еще бы, столько проповедовать! — медленно брел за город, чтобы вдали от людей, в одиночестве поразмышлять над победой Всевышнего. Он сел под раскидистой оливой, но не успев собрать и привести в порядок рассеянные мысли, тут же уснул мертвым сном.

35

И случилось так, что Бог снова вошел к Ионе сквозь врата сна, коснулся его плеча, и, разбудив, сказал:

— Мир тебе, Иона.

— Господи... — прошептал Иона. Он почувствовал на лице теплое дуновение ветра, а по его торжественному, величавому шуму догадался, что Бог явился к нему по важному делу, и настороженно спросил: — У Тебя ко мне новое поручение?

— Нет, — ответил Бог. — Ты исполнил все, что Я тебе повелел. Теперь можешь спокойно возвращаться в землю Израилеву.

Ионе очень захотелось с облегчением вздохнуть, но он предусмотрительно не стал делать этого в присутствии Бога, который мог бы принять такой вздох за выражение слишком большой радости.

А Бог продолжал:

— Я пришел к тебе, ибо хочу в благодарность за твою верную службу — ведь ты Мою волю сделал своей волей, а Мои уста своими устами, — открыть тебе одну тайну, чтобы ты до конца понял Мой замысел о ниневитянах, который благодаря тебе принес столь обильный плод. Ты был послушным орудием в Моих руках, Иона.

— Не по своей воле, — смиренно ответил муж праведный. — Ты ведь знаешь, как я противился Твоим повелениям, и если бы не...

— Тем больше твоя заслуга, — перебил его Бог, — что исполнил мои повеления наперекор себе и Мне во славу. Твое послушание было столь велико, что ты предпочел идти наперекор себе, но не наперекор Твоему Богу. Ты принес Мне в жертву свою волю, Иона, и тем подтвердил, что действительно Меня любишь. Твоя жертвенность и твоя верность очень

дороги Мне, ибо что может быть прекрасней человека, который приносит Богу свою волю. А принуждение, о котором ты говоришь... Знаешь, блаженные, избранные Мною люди, которые не противятся Моему милосердному принуждению...

— Господи... — благодарно прошептал Иона. Вновь зашумел, зашелестел ветер, и Иона снова услышал Глас Божий, что доносился к нему из глубины веяния и сна.

— Помнишь, ты когда-то спросил Меня, зачем Мне нужно обращать язычников?

— Помню. Но я постарался забыть об этом вопросе.

— Зато Я о нем не забыл, — ответил Бог. — И теперь отвечу, чтобы ты знал, что, на самом деле, ты сделал, когда принес Мне в жертву свою волю. В Писании Я говорю, что создал человека по Своему подобию.

— Да, Господи.

— А ты знаешь, что это значит?

— Что жалкий червь может знать о Подобии Божиим?

Богу понравился ответ Ионы, и Он продолжил:

— Я создал мир совершенным, но творения не закончил. И сделал это сознательно, ради блага человека. Ибо Я подумал, что должен зримо возвеличить, почтить, отличить, прославить и возвысить его над всеми четвероногими тварями, над птицами и пресмыкающимися, над рыбами, над всеми растениями, и потому избрал его своим соратником, повелев завершить начатое Мной дело. Для этого Я дал человеку творческую волю, силу созидать, взростать и становиться совершенным, плодиться и размножаться, неустанно возрастать, созреть и собирать плоды, силу творящей любви, и всем этим уподобил его Себе. Вот так и следует понимать те слова, которые рукой искусного писца высек Я на скрижалях Писания — «И создал Бог человека по образу своему». Сын Мой, всякое зло делает человека не похожим на меня, всякое добро Мне уподобляет. Творя добро, вы приближаетесь к благословенному завершению Моего дела. Потому я и послал тебя обращать язычников, Иона, чтобы все люди стали Мне подобны, ибо ради сего подобия Я создал человека.

Бог помолчал, и тут же заговорил снова:

— Ты сделал свое дело, и удостоишься настоящего счастья. После праведных трудов ты вернешься на родину своих предков, проживешь долгую жизнь со своей семьей, и все вы—и ты, и твоя жена, и дети—умрете спокойно и тихо. Я коснусь поцелуем каждого из вас, и ваша мирная смерть будет доказательством того, что ты исполнил все мои повеления.

И тогда Иона пал на колени, поднял голову к небу и запел песнь во славу Бога:

*Чудны и совершенны дела Твои, Боже,
Преклоняюсь пред Тобою, Царю мой,
Имя Твое благословлю во веки веков,*

*Ибо Ты велик,
И слава Твоя велика,
И мудрость Твоя бесконечна!
Пусть из рода в род
Прославляют дела Твои,
Повествуют о могуществе Твоем,
Вспоминают щедроты милосердия Твоего,
Воспевают правду Твою.*

*Ибо Ты милосерден для всех,
Господи Боже, а милость Твоя,
Превыше всех деяний Твоих!*

Бог внимательно и с удовольствием выслушал хвалебную песнь, которую так чудесно пел во славу Его Иона, возложил руки на опущенную голову праведника и сказал:

— Во имя Мое возвращайся на родину своих предков.

Солнце клонилось к закату. Иона поднялся с земли, поправил пояс и пошел вперед, к далеким холмам, что едва виднелись в лиловой мгле.

Но пройдя несколько шагов, безотчетно, как делает человек, когда прощается с кем-то очень любимым, оглянулся, хотя вовсе и не надеялся своими глазами увидеть Незримого. Он подумал о том, как же прекрасна Незримость Господня, прекрасней всего, что зримо, прекрасней всякого творения, что наполняет небо, землю и море. Он внимательно вгляделся в оливу, под которой беседовал с Богом. По взволнованному шелесту листьев и послушно кивающим ветвям Иона догадался, что Незримость Божия все еще пребывает в том самом месте, где они разговаривали минуту назад, и нежно улыбается ему.

И Иона, сын Амифии, двинулся в обратный путь, домой, а перед его глазами стояла улыбка Незримого.

36

Он шел ночью, на запад, шел не спеша, пел, а мириады звезд над головой, и зарницы, и Млечный путь, что растянулся посреди неба,—все напоминало ему о том, что он — мельчайший, ничего не значащий и едва различимый осколок святого дела Сотворения мира. Но сознание собственного ничтожества более не мучило и не пугало его. Наоборот, он был счастлив, как никогда раньше. Отныне Иона знал, что он, прах, брошенный в пропасть вечности, все же подобен Богу, ибо принес Ему свою волю в жертву всепожертвования.

*Перевод с польского
Светланы Панич*

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ПОЭТЫ ИЗРАИЛЯ

Елена Аксельрод

*В недалеком прошлом московская, а ныне израильская поэтесса
предлагает читателям «Егупца» два новых стихотворения.*

Вечерних улиц неуверенных,
Себя не помнящих, потерянных,
Я стала избегать не вдруг.
Мой дом беднел родными лицами,
И над фонарными грибницами
Бледнел подслеповатый круг.

Бегом по лестнице — и в логово.
Как выстрел, дверца лифта хлопала,
Мешая ночь перескочить.
Чего ждала, сама не ведала,
Но повела молитва дедова —
Надежды рвущаяся нить.

И привела. И нить всё тянется.
Я возвращенка, я изгнанница.
Не знаю, сколько мне веков.
А солнце, за день постаревшее,
Садится в кресло прогоревшее
Меж каменных пуховиков.

ПОСЛЕ ПАСХИ

Вот и закончился праздник пасхальный,
Снова батон, пухлотелый, нахальный,
Не умещается в сумке прозрачной.
За ночь с прилавков смахнули мацу.
Всё ли оплачено,
Что предназначено?
Может блуждания подходят к концу?

Белая скатерть в пятнах от сока.
Сдвинут, задвинут торжественный стол.
Обетованная радость далеко.
Кто из нас в Землю Святую вошел?
Новая убрана на год посуда.
Сбивчиво кто-то читает кадиш.
Как мы устали, как хочется чуда!
Господи, что ж Ты с укором глядишь?

Вадим Гройсман

Читатели «Егупца» уже знакомы с творчеством израильского русскоязычного поэта, бывшего киевлянина Вадима Гройсмана. Предлагаем новую подборку его стихов из подготовленной им к печати поэтической книги «Обетованный остров».

ДОРОГА В ЛЕСУ

Пожив на чужбине темно и убого,
Под жаром и холодом южных небес,
Я понял, куда уводила дорога
Из Пущи-Водицы сквозь киевский лес.

О вечном прощании плакала осень,
Сухие иголки трещали весной,
И тихо терялась она среди сосен,
Как будто гадала по гуще лесной.

Редееет завеса дождя понемногу,
В руках истончается ниточка дней,
И я, не ступивший на эту дорогу,
Наверное, снова стою перед ней.

Теперь я по жалким жилищам кочую,
Ташу дорогую поклажу свою.
Я выживу здесь и на землю чужую
Всю радость просыплю, все слезы пролью.

Но больше туда не смогу воротиться,
Где бродит по зарослям ветер хмельной,
Где пуща-забвенье и память-водица,
Как мокрые ветви, шумят надо мной.

НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ

Мы зубы сожмём, чтобы жить и молчать,
И арфы повесим на дерево в поле.
Из песен Сиона какую начать?
Вот песня изгнания, страсти и боли.

Как будто в тумане привиделся он,
И только неслись Вавилонские реки,
И плакали мы, вспоминая Сион,
О том, что его забываем навеки.

Но пусть мы остались в далёкой стране
И поле засеяли в муках и поте
На самой последней, дрожащей струне
Я вам подыграю, идите и пойте.

Когда же вы снимете арфы с ветвей,
Шагами приблизите время субботы,
Стволом, и корнями, и кроной своей
То дерево вспомнит забытые ноты.

Сюда из глубины безмерной
Доходят песни и рыдания,
И в тёмной памяти неверной
Воскресли смутные преданья.

Тысячелетья-исполины
Месили слой песка и мела,
Ползло на горы из долины
Живое каменное тело.

По вечным стенам били пушки,
В золе справляли новоселья,
И гул войны, и шум пирушки
В горячем воздухе висели.

На путеводный голос детский
Привёл меня сюда вожатый,
Корявый посох иудейский
Дрожит в руке его разжатой.

М.Л.

В пересечённом городе вечером,
В конце столетья, в неизменный час
Мы снова ту же линию начертим,
Что начертили в предыдущий раз.

Змеится ветер с высунутым жалом,
Поток машин стекает под уклон.
Согрета жалким бесприютным жаром
Холодная скамейка за углом.

О будущем — ни звука, ни ползвуча.
От мелких капель светится лицо.
Уже сигналист вестница-разлука,
Сивилла смотрит в руки беглецов.

Дудят над нами в чёрные гобои
Бездомные, лихие времена.
Побудем хоть на улице. С тобою
И смерть не так желанна и страшна.

Я позабыл, где в Киеве Подол,
Где Выдубичи — каменная фреска.
От гула, бликов, холода и треска
По капле память вытекла на пол.

И если в белой сердцевине льда
Попробует она пошевелиться,
Найти открытки, карты, очевидцев,
Там всё переменялось навсегда.

Я позабыл, где в Киеве Подол,
Не помню, был ли он на самом деле,
Как будто дух не различаю в теле,
Пустынным местом почитаю дом.

Как будто завалили вход туда,
Заколотили магазин и школу,
И больше не проходят по Подолу
Ни взрослые, ни дети, ни года...

НОЧНЫЕ СТИХИ

Кончились погоня и жара,
Духи дня не скачут и не спорят,
Лишь глухая, тихая пора
Чёрной ватой обложила город.

Засверкали звёздные мосты,
Ночь земную до себя возвысив,
И могучий ветер высоты
Раскачал верхушки кипарисов.

Все соседи спят. И только мне,
Позабыв дневные передраги,
В долгой и холодной тишине
Замирать над ворохом бумаги.

Поздно я решил, что я поэт,
Перестал махать руками в драке,
Потому и прожил много лет
На великом холоде и мраке.

Нёс поклажу долга и стыда,
Доверял газетным приговорам,
Но теперь другие холода
Обжигают ветром и простором.

Разметало старые дома,
Будто каравеллы Магеллана,
И теперь совсем другая тьма
В стены бьёт, как волны океана..

Дождь кружит и пляшет со всеми,
Кто хочет — пляши и кружись.
Идёт бесконечное время,
Проходит короткая жизнь.

Горячую пыль размывает,
Из лейки кропит пустыри
То сердце моё остывает,
Душа холодеет внутри.

...И в тёмном окошке маячит,
И в шаткие двери стучит,
И кружит, и просит, и плачет,
И каждую каплей горчит.

И голос его не смолкает,
Не смолкнет уже никогда.

Всё глубже в меня проникает
Его ледяная вода.

И я когда-то верил смыслу вящему,
И в доме жил, и было что терять.
Теперь я одинок по-настоящему,
И поздний свет ложится на тетрадь.

Сижу один под лампочкою слабою,
Пью грустное осеннее вино
И что-то на странице этой скрябаю,
Что знает одиночество одно.

Ну вот и славно — посидели, выпили,
Короткий вечер кончился уже,
И только шаг до непонятной гибели
Да капля одиночества в душе.

Наум Басовский

Родился в Киеве, работал учителем в сельской школе на Украине, потом жил в Москве. Печатается с 1977 года. С 1992 года живет в Ришон ле-Ционе (Израиль).

Старый холст на стене предо мною
в деревянной бесхитростной раме.
На картине местечко родное
с чердаками его и дворами.
Там должно быть зеленое лето,
там должны быть закаты в горниле,
только многие долгие лета
эти краски совсем зачернили.
В смутной памяти тающий остров,
и в него я пытаюсь взглядеться:
я работаю скальпелем острым —
я сейчас реставрирую детство;
я работаю клеем и шприцем,
верхний слой осторожно снимаю,
чтобы, если удастся, пробиться
к давним краскам — из осени к маю.
Это трудно, но руки упрямы,
каждый блик наполняется весом,
на крыльце появляется мама,
слышу: «Зунэлэ, таер, кум эсн!»*
Я вбегаю в пространство картины,
в полновзвучное яркое действо —
оказалась дорога недлинной
от запасливой старости в детство.
Я вбегаю туда многократно,
в мир зеленый, богатый, убогий, —
но всегда возвращаюсь обратно
по единственной в жизни дороге.
Реставрирую детство подробно,
но и самая точная память
изменить ничего не способна,
ничего не способна исправить.
И в смешенье легенды и были,
грозовой и спокойной погоды

* «Сынок, дорогой, иди кушать!» (идиш).

я пойму, что счастливыми были
только самые детские годы.

Май 1982

Грядущее скрыто, но также и прошлое скрыто;
остались фрагменты — осколки в музейных витринах.
Но кто мне вернет патефон и фокстрот «Рио-Рита»,
журнал «Светлячок» и холодную воду из крынок?

Себя обману и скажу, что картина живая,
какие-то строки поспешно в блокнот накарябав.
Но кто мне вернет довоенного вида трамвай
с комичной рекламой шампанского, сдобы и крабов?

Есть книги и фильмы, и можно, не очень-то веря,
играть в эти игры восторженно и просветленно.
Но кто мне вернет карусельку в замызганном сквере
и запах, и сладость загадочных ягод паслёна?

На старости лет понимаю: со мною — фантомы,
иным не владею, реальность эпохе отдавши.
Но дождик из детства по жести давнишнего дома
стучит на рассвете: мы живы — мы помним.
А дальше?

Июнь 1991

ПАМЯТИ Б.А. СЛУЦКОГО

Мне рассказывали, что Борис Абрамыч
носил складной брезентовый стульчик —
он жил в Москве в доме без лифта
чуть ли не под самую крышей.
Поднимется на один этаж, разложит стульчик,
посидит, пока не наскучит,
снова сложит стульчик
и не спеша поднимается выше.
И никому не жаловался, ни у кого не просил
никаких поблажек и привилегий,
а чтобы изношенное сердце
слегка привести в порядок,

Бормотал на ходу «Незнакомку»
или «Песнь о вещем Олеге»
или, еслит в плохом настроении,
что-то из потайных тетрадок.

А лежали эти тетрадки в ящике
из-под тушенки где-то
в темном чулане,
а сверху стояла кухонная посуда.
И стихи жили в ящике, словно евреи в гетто:
рождались, учились, создавали семьи,
работали и умирали не выходя отсюда.

И вот Борис Абрамыч идет,
сколько хватает дыханья, бормочет,
вспоминает жизнь,
удивляясь просто тому, что выжил,
разложит строчку на отдельные слова,
словно на прочность проверить хочет,
сложит строчку чуть-чуть по-другому
и опять поднимается выше.

Декабрь 1993

ИЗВОЗЧИК

(Из цикла «Еврейские песни»)

Я зимой и летом в облысевшей шапке;
все мое хозяйство — две старых лошадки,
старый кнут плетеный, старая телега
да кусок брезента от дождя и снега.

Вью, мои лошадки! В любую погоду —
по жаре, по грязи и по гололеду —
с облучка спокойно мир обзираю,
«Бин их мир а фурман»*, — тихо напеваю.

Синагога, лавка, мельница, управа,
и домишки слева, и домишки справа,
и лошадки тянут грустную поклажу,
а тянуть не станут — их кнутом оглажу.

* «Это я, извозчик»(идиш) — первые слова популярной в прошлом песни

Мне совсем не в радость их кнутом ерошить,
но судьбы телегу я тяну, как лошадь, —
и если я вожжи отпущу немного,
надо мной засвищет кнут Господа Бога.

Никаких поблажек — надобно трудиться,
если уж евреем выпало родиться.
Надобно трудиться пока еще в силе...
Вьо, мои лошадки, отдохнем в могиле!

Солнцеликий шафран и осеннего цвета реган,
и в задумчивых гроздьях повисшие серые плети...
Разорви мое сердце тоска по чужим берегам, —
я забыл их, забыл, я не видел их столько столетий!

Низкий медленный хор под янтарный заздравный стакан,
заклинанья любви и в ночи колыбельное пенье...
Разорви мое сердце, тоска по чужим языкам, —
я забыл их, забыл, не умея найти применение.

Мне отпущенный срок я бездумно и вяло прожил:
не взошел на вершины, боялся заглядывать в бездны...
Разорви мое сердце, тоска по святыням чужим, —
я забыл их, забыл, и молитвы теперь бесполезны.

Апрель 1986

Рина Левинзон

Печаль моя от гор неотделима,
Легко скользит послушное перо.
Целебный воздух Иерусалима,
Серебряного отсвета тавро.
Здесь тень светла, суббота молчалива
И горы разбежались, как стада.
И отливает серебром олива,
И медленнее воздуха вода.
Плывет олива над холмом песочным,
Дрожит птенец на проводе ночном.
И первый раз мне показался прочным,
До странности надежным этот дом.

ЧИТАЯ ПСАЛІМЫ ЦАРЯ ДАВИДА

Оставлю страхи в стороне,
и вновь прочту псалом.
Певец...

Он думал обо мне,
Он защищал мой дом.

Вот буковок волшебный строй,
целебный сговор слов...
Кем я была ему?
Сестрой?
Лозой его садов?

Теперь сомкнется вечный круг,
и в нем ладонь моя,
и Божья длань, и царский звук,
и тайна бытия.

Благодарю тебя, Господь, за суть,
за щедрость неземную,
за то, что вновь перезимую,
за соли щедрую шепоть.

Благодарю тебя за утр
неповторимую прохладу,
за то, что с солнцем нету сладу,
за стен столичных перламутр.

Благодарю тебя за сон
сосны у самого порога,
за то, что катится дорога
ветрам горячим в унисон

Благодарю и в темный час,
и в светлый миг хвалу слагаю.
И есть ли музыка другая,
чем та, что создал ты для нас?

Микола Терен

З циклу «ЧАС СПОКУТИ»

ДАВИДУ БЕН-ЄШУА

Старий єврей, коліно від Давида,
Мав мудрий погляд і простий на вид.
Сказав: — Шолом. І я озвався до діда:
Здорові будьте. Як вас звать? — Давид.

Ми говорили зовсім небагато
Був день жалоби в Бабинім Яру
На дворі осінь. Для природи — свято,
А ми ворухим давнину стару.

Ми розійшлись, домовившись зустрітись,
Минула осінь, стих пташиний спів,
Іду на зустріч — душу відігріти,
Але Давид забудь мене успів.

Притемнені музейні експонати,
Старі знайомі лиця, автори...
Зустрів їх тут, де є що вибирати,
Не дурно ж тут чимало дітвори.

Духовний лідер має мудрі роки.
Щоб дух до знань у нації не згас,
Дає нащадкам він свої уроки,
З повагою звертається до нас:

Любіть мистецтво і ходіть в музеї,
Вдивляйтесь в очі — тим, із давнини,
Щоб каменем він став до сивини.

Все те, що знаєш не бери в могилу,
Залиш його у пам'яті живих:
Присутність Божу — незбагненну силу,
Плекай в собі ще із років малих.

Душі дай волю у своїй роботі,
Хай в твоїрi помандрує між епох,
Бо лиш вона нетлінна у польоті.
Твори завжди, — то й житимеш за трьох.

На нас чекає вічнеє навчання
І слово, закарбоване в іврит.
Дасть Бог по вірі... Мовлю на прощання:
«Живи і вчи, старий єврей Давид».

9–12.12.96, Київ

О незбагненна неба вись,
Крізь тебе час тече рікою.
До мене, грішного, озвись
Чи помани мене рукою.

В тобі заховані серця,
Тих, хто пішов навiк від мене.
Є в цьому замисел Творця,
Про це я знаю достеменно.

До себе тягнеш погляд мій
Уж чи сміюсь на віху.
Від тебе гряде буревій,
Що грішним кат віщує лихо.

Дай час мені, щоб я успів
Сказати те, що мав сказати,
Пізнати велич тихих слів,
А серцю — пісню доспівати.

Дай знак мені і полони,
Коли життя моє скінчиться,
І я, покинувши лани,
В тобі зумію розчиниться.

09.02.97–18.04.97, Київ

Ще літня спека жаром нас дістане,
Ще будем прагнуть затінку й води,

Та день уже немилосердно тане,
За літом прийде осінь, як завжди.

Ще літо буде рватись із полону,
Що нам приготували в вишині.
І жовтий лист лягає на долоню, —
Сумна прикмета, перша восени.

А потім прийдуть жовті заметілі,
Закрутить вітер листям між дерев,
Струна тужіння забринить у тілі,
Бо літній день негадано помер.

І небо сіре, і дощі осінні.
Вітри холодні — все це в далині.
Вони прийдуть при золотім горінні,
Що запалає лише восени.

Це право неба — осінь дарувати,
Прийми, як є, за літом не сумуй.
Воно скінчилось, хоч було багате,
Ти тугу за минулим угамуй.

До неба є лише одне прохання
Міняй усе, однак залиш мені
У різні пори молоде кохання,
І як весною юне — восени!

27–28.08.97, Київ

Ще ненаписані слова,
Ще нез'ясовані мотиви, —
Як іскра божа ожива
І світові являє диво.

Воно мені до часу, там,
Під серцем залягло незримо,
А як попроситься — я дам
Йому життя і точну риму.

І буду я словам радить
І їх плекати, наче мати,

А час настане — й світ летить,
На суд людський зумійте стати.

І тіште серце, бо йому
Приємно знать, що ви не гірші...
І не питаєте, як й чому
З'являються на світі вірші.

16.12.98, Київ

Відлітають клином
У вирій сизокрилі,
Рано, а чи пізно
Ставши на крило.
Залишають в серці
Край для ока милий,
В пам'яті навіки —
Краще, що було.

Залишають землю —
Кращої не буде.
Тут зросли малими,
Гріло нас тепло.
Це не зрада — вірте,
Сумом повні груди,
В пам'яті навіки —
Краще, що було.

Наступають зміни,
Маєм що робити?
Холодом і снігом
Землю замело.
До часів найкращих
Треба ще дожити,
В пам'яті навіки —
Краще, що було.

Важко жить в розлуці, —
Давить вона гнітом,
Та завжди вертаєм,
Що б там не було.

Ми в прощальнім колі
Понесемо світом:
В пам'яті навіки —
Краще, що було.

03.10.97, Київ

Ирэна Белаш

АГАРЬ

Но закончилось все, что имела с собой.
Больше мех не тяжёл, и подобраны крохи.
Не из дома ушла и идёт не домой —
Египтянка Агарь заблудилась в дороге.

Ей легко, ибо нечего больше нести.
Но, хоть мех не тяжёл, ноют шея и плечи.
Египтянка Агарь заблудилась в пути,
Отовсюду уйдя ни к чему ни навстречу.

Ей легко, больше нету ни капли воды.
(Мне о ней сожалеть не положено, Боже!)
Нужно просто идти. Остаются следы
От осколков камней у Агари на коже.

Эта жалость — всего лишь сухая трава.
Милосердие грянет раскатами грома.
И напьётся водою, и будет жива.
И не нужен ей дом, кроме Божьего дома.

1995 г.

ЛИЯ

Рахиль, я во всём права
Отец и Господь Стихий
Велят: не рыдай, сестра,
Не плачь о любви, Рахиль.
Ты вместе со мной росла,
Делила кров и еду,
Ты зорче меня, сестра,
Но первая я пойду.
Ты краше меня. Заря
Так пыльного краше дня.
Не возненавидь меня —
Мне столько рожать, сестра.

Мне долго придётся жить,
Растить и мирить детей,
И стариться, и стелить
Для стольких ночей постель.
Счастливей ты, сестра,
А мне предстоит смотреть,
Как у твоего одра
Сойдутся Любовь и Смерть.
И стариться, и гадать
В последнюю из минут.
Но так мне и не узнать,
Что же любовью зовут.

1994 г.

РУФЬ

Пот заливает веки, а зрачки
Следят за колкой, высохшей стерней.
Я собираю в поле колоски,
Полдневный жар колышется стеной.
Там в переливах золотой пыльцы
Ягнята блеют, женщины снуют,
И зноем утомлённые жнецы
Парное молоко подолгу пьют.
В жару такую птицы не поют,
И кажется, что закипает кровь,
И только я не прекращаю труд, —
Так Нозми велела мне, свекровь.
Шатер прохладный не для бедных вдов,
Им — на чужих угодьях спину гнуть.
Так Нозми велела мне, свекровь,
Поэтому боюсь передохнуть.
А, кажется, мы вовсе не бедны:
И пурпур у меня, и жемчуга,
И мирро из далёкой стороны,
И мускус... Но свекровь моя строга,
А я — послушна, безутешность — грех.
Я перестала плакать обо всём —
И о прошедшей жизни и о тех,
Кого отпели мы в краю чужом...
Как по основе движется уток,

Иду, иду, не смея глаз поднять,
Высматриваю каждый колосок,
Из тех, что мне позволено собрать.
Но вот и вечер. Отпускает зной.
Я складываю стебли к ряду ряд
Так бережно, как будто бы за мной
Следит, не отрываясь, чей-то взгляд.

1999г.

Евгений Рашковский

Из новых переводов

Был Пасхальный вечер совершен,
как велят Преданья и Закон.

То, чему сподобились сейчас, —
да свершится в следующий раз!..

Ты, Который выше всех высот, —
соблуди на свете Твой народ,

чтобы — весел и освобождён —
он собрался у горы Сион.

25.04.99 (перевод с древнееврейского).

Из Гийома Аполлинера (1880–1918)

Оттомар Шолем и Авраам Лёверен
В зеленых шляпах субботним осенним утром
Идут в синагогу Под ними струится Рейн
А над ними — в горах — виноградники рыжекудрые

Шолем на Лёверена Лёверен на Шолема злится
Один: «Чтоб чертям на обед попался папаша твой».
«Тварь подзаборная, сын блудницы» —
Ему отвечает другой
А старый Рейн волнами струится
И прячет улыбку в осенней воде голубой

Оттомар и Авраам шагают над Рейном старым
Нынче курево под запретом — они и ворчат
А вокруг господ христиане в дым обращают свои сигары
Гуляют довольные жизнью — им не писан Шаббат

Что Авраам с Оттомаром поделить не сумели?
Кто их рассудит кто тяжбу их разберёт?
Да только у леи — у Леи глаза газельи
И — немного торчком — круглящийся нежно живот

Но — взойдя в Божий дом сегодня
Припадут они к Торе — лимоны и связки ветвей
Оттомар с Авраамом вознесут пред Лицем Господним
И глянут друг другу в глаза улыбчивей и добрей

Заколышутся шляпы — и подхватят молитвословья голоса густые
И проснётся Левиафан под струями осенних вод
Под потоками рейнских вод оживает морская стихия
И вольётся в гул синагоги — *йальзу хасидим бэ-хавод*

06.11.99 (перевод с французского).

ВІРШІ Давида Гофштейна в перекладах Миколи Лукаша

«Ринь, кринице, з глибини!»

Працюючи над спадщиною Миколи Лукаша, постійно ставиш собі запитання (і мусиш на ці запитання відповідати): чому, приміром, перекладав він того або іншого письменника? Яке місце посідає в його доробкові та чи інша література? Щодо літератури єврейського народу, то я не сказав би навіть, що він приділяв їй особливу увагу, — вона була незмінною складовою не тільки літературних, але й життєвих, побутових зацікавлень Миколи Лукаша.

Слід, мабуть, нагадати, що народився він у Кролевці, а Кролевець — містечко було порубіжне, багатолике і багатомовне. Там поряд з українською більшістю проживали в значній кількості представники різних національностей: в хатах, на вулицях і ярмарках лунали українська, російська, польська, єврейська мови. У Кролевці було вісім православних церков — і три синагоги. Серед євреїв зустрічалися, звісно, торговці, але переважали дрібні ремісники — шевці, кравці, картузники тощо. І то були сусіди, і взаємини були нормальні, і порозуміння доходили як українською, так і єврейською мовами.

Скажімо, Лукашева мати не тільки все розуміла, а й вільно спілкувалась на ідиш, тож Микола ще змалку щось від неї перейняв. Оточення зобов'язувало, і поступово, непомітно він навчився розмовляти і читати по-єврейському, до того ж — не лише на ідиш, а й мовою іврит. На жаль, з роками носіїв цих мов меншало, і Лукашеві, щоб не втратити живого відчуття рідкісної вже мови, доводилося буквально розшукувати в Києві поодиноких знавців. Наприклад, він завжди ходив до однієї перукарні, щоб перекинутися зі стареньким майстром кількома івритськими фразами. З небіжчиком Г.Полянкером вони розважали один одного смішними, але доволі масними єврейськими анекдотами. Лукаш міг у товаристві проспівати якусь єврейську пісню, полюбляв до ладу вставити єврейську приповідку. Це йому належить знаменитий афоризм, як нині кажуть, слоган: «Без ідиш не поїдеш»... А ось випадок невеселий. Після трагедії, що сталася, обережно запитую, як у нього справи. Лукаш відповідає щось нерозбірливе. Нічого не зрозумівши, я перепитую — і він відказує чітко, майже кричить: «Ферфел бегейме!» І тихше вже пояснює: «Пропала корова... Зразу видно, що ти не жив у Кролевці».

Жартуючи, говорив, що вивчив мову іврит з надмогильних написів, але цілком науково тлумачив, розшифровував деякі івритські слова, що з

давніх-давен увійшли в українську мову, при звичаїлися тут, прижилися, аж усіма сприймаються тепер як питомо-українські. Казав, що хотів був перекласти деякі книги «Біблії», Великої Книги — і переклав би неодмінно, якби не випередив його П.Куліш. Пантелеймона Олександровича він шанував дуже, зокрема за геніальний переклад Святого Письма, і твердив, що «на цих двох стовпах (Куліш і Шевченко) тримається поки що вся будівля сучасної української літератури».

Як воно й личить перекладачу-енциклопедистові, Микола Лукаш добре орієнтувався у просторах ідишистської поезії: пам'ятав, цитував, часом дискутував, але шанував те, що витворили П.Маркіш, Л.Квітко, М.Гарцман, С.Галкін. Приятелював з М.Могилевичем і П.Киричанським. Слід, мабуть, додати, що приналежність до тієї чи іншої літератури для поліглота Лукаша не завжди визначалась мовою. Наприклад, виразно-єврейськими письменниками Лукаш вважав Г.Гайне і Ю.Тувіма, С.Голованівського і Л.Первомайського. З останнім у нього були непрості, але цікаві контакти (гадаю плідні для обох).

Безпосередньо з мови ідиш Лукаш переклав трьох поетів: одесита Х.Вайнермана, М.Пінчевського (Михайла, батька Мара Пінчевського) і Д.Гофштейна. Між іншим, в УЛЕ (том 1, стор. 472) читаємо: «Українською мовою окремі твори Гофштейна переклали М.Рильський, Л.Первомайський, М.Стельмах, Л.Костенко». Як бачимо, зовсім не згадується ім'я Лукаша — і можна тільки здогадуватися, чому. Тим часом, у книзі «Від Бокаччо до Аполінера» надруковано дванадцять Лукашевих перекладів з Давида Гофштейна. Ще два («Жага» і «Криниця») віднайшлися в його архіві (вперше друкуємо їх сьогодні). Треба зауважити, що віршів, «в яких показано народження нового світу, соціалістичне будівництво в країні, боротьбу за мир, дружбу народів» (УЛЕ, том 1, стор. 472), Микола Олексійович не перекладав. Його увагу привернула філософська лірика Давида Гофштейна, і виконав він свою роботу, на мій погляд, непогано.

І ще одне, по-моєму, суттєве. Мені невідомо, чому він захотів перекласти мініатюри Х.Вайнермана чи поему М.Пінчевського «Сім ножів». Але я напевне знаю, що спонукало його взятись за твори саме Давида Гофштейна: чув це на власні вуха. «У нього така доля, як і в наших хлопців», — сказав Микола Лукаш.

Леонід Череватенко

ЖАГА

І ось
Мене до себе притягло
Жаги затруте джерело.

І щось
Мене до тебе привело,
Великий голоде!

Я відітхнув.

Лускою
Злазить з мене леп,
Що був налип,
Як я пірнув
В печерний глиб,
І хлюпав глей глипкий
Мені над головою,
Хто це горить жагою
Як я, так молодо?

Я сиву старість геть стряхнув
І бронзовію наготовю.

Між запальними з запальних,
Між молодими з молодих
Моя стара рука
Сьогодні найпружніша,
Найніжніша.

КРИНИЦЯ

Кинь, кринице,
Мляві сни,
Ринь, кринице,
З глибини!
Щось, кринице,
З глибини
Мені хлюпни!

Я зглиблю
Твоє нутро,
Я пошлю
Туди цебро.

Цебрик, ловко
Наберись!
Ти, вірьовко,
Не порвись!

Ще, кринице,
Сколихнись,
Плин дрібниться —
Бризь — бризь — бризь...

В твоїм лоні
Світлий вир,
Міліони
Сонць і зір.

Витяг, вийняв
Я цебро,
В нім — глибинне
Серебро.

Витяг, вийняв
Я цебро,
В нім — первинне
Зло й добро.

З циклу «НАТХНЕННЯ»

Стомився я в цю мить від всезнання,
Обридло мені всехотіння;
Єдине бажання,
Єдине воління —
Це світле незнання,
Солодке безвілля,
Лиш плинути вдаль із легким хлюпотінням,
Як хвиля, як хвиля.

ПОЧИНОК

Снується з ясного починку
Тонка мов нитка,
Із пруттям зеленим
У бильцях хисткої колиски
Сплітається витко.

.....
Пронеслися вибриком сонячні роки,
Десь зникли у часі,
Хоч плуталась нитка моя,
А все далі тяглася.

.....
Той світлий починок
Я знов віднайшов,
Що був загубився, здавалось,
І легше крутитись у прядці.
І прясти, й снувати,
І знати, що ниточка світла моя
Не порвалась.

Не плакати, не сміятися, а розуміти.

Спіноза

Із тобою, світ,
Легко віч-на-віч.
Бачу скрізь твій вид,
Чую скрізь твій клич.

На шляхах земних,
Де шумить розмай,
В небесах ясних,
Де блищить безкрай.

НА ПАРНАСІ

Ще нікому з містечкових
Не траплялось тут бувати;
Я ж прорвався випадково
І, нівроку, пізнувато...

Без наказу, без запросин
Я у пісню взяти ладен
Гір верхів'я й неба просинь,
Неба світлої Еллади.

Я забіг сюди на хвильку
Без запросин, без мандату...
Це зашкодить вам хоч стільки —
Я хотів би вас спитати.

Чи ж тісніша в вас тіснота,
Як один куди змандрує?
Та й не бійтесь — все достоту
Вам віддам, що тут знайду я.

Не змарнуюсь на чужині
І нічого не розтрачу,
Берегтиму, як святиню,
Нашу сутність, нашу вдачу.

Без наказу, без запросин
Я візьму у пісню радо
Гір верхів'я й неба просинь,
Неба світлої Еллади.

Біля кастальського джерела
Напився, втер уста і вигукнув: «Хвала!»
Той гук удалині
Луною оддало...

Оспіване стократ кастальське джерело!
Спасибі від душі! Ти ж нині і мені
Ущерть того пиття дзвінкого налило,
Натхнення віщого, що зроджує пісні!
Хвала! Хвала!

Давид Гофштейн
(1889 — 1952)

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ
в переводах Риталия Заславского

Первый снег
Снега чудо живое
Засияло вдали...
Разве больше, чем двое,
Здесь когда-либо шли?

Белизной озадачен,
Снег навеки прославь!
О, как холод прозрачен!
Как бела эта явь!

Мне открылось такое
На земле волшебство:
Ощущение покоя —
Твоего, моего.

1912

Из всех лесов, что видеть довелось,
Еловый лес темней и гуще...
Мне жребий удивительный отпущен:
Поэтом быть и видеть всё насквозь.

Я вижу свет, что в зелени угас,
Во мне звучит давно умолкший голос...
«Да будет свет!» — и просьба, и приказ,
И звук, с которым небо раскололось.

Молчи, душа, не сетуй, не тоскуй!
Пускай тебе томительно и тяжело,
Но в жизни есть последняя поблажка;
Изведать милой первый поцелуй.

1921

Уходит ночь навстречу новой ночи,
И день уходит в ожиданье дня...
А нить рассвета всё же не короче —
Она прядётся в сердце у меня.

Я ни о чём не спрашиваю даже —
Ни у судьбы, ни у людей вокруг,
Но два конца моей чудесной пряжи
Я ни за что не выпущу из рук.

От света дня мне никуда не деться,
И тьмы ночной мне тоже не избыть,
Пока моё пронизывает сердце
Рассветов нескончаемая нить.

1927

Весна
Откуда ты?
Дыхание тепла?
Теперь мне мало представлений точных,
Что у весны один первоисточник:
Земля
Поближе
К Солнцу подошла.
И всё вокруг меня обновлено!
Обнажено!
Сверкает и трепещет!
И я и ныне постигаю вещи:
Всё навсегда во мне растворено!

Пришла весна...
И ото всех тягёт
Я ныне чист,
Пришли иные сроки:

Меня тревожат новые истоки,
И чувств,
И мысли
Новый поворот!

1932

Когда все спят, лишь мне покоя нет:
Мешают непонятные вопросы.
И шум воды, вращающий колёса.
И то, что скоро, видно, вспыхнет свет.

Когда все спят, не сплю, но вижу сон,
Как бодрствуют, мерца в небе звёзды,
Летят миры — и каждый мною создан,
Моим воображеньем окрылён.

Когда все спят, зачем-то я хочу
Услышать первым скрип шагов небыстрый,
Увидеть, как погаснут звёзды-искры,
Чуть прикоснувшись на заре к лучу.
1935

Разочарованным рукú не протяну,
Но ослабевшим, не страшась, подам:
Тебя спасу, а может быть, страну,
А может быть, спастись сумею сам.

Далёкое мерещится сквозь дым,
Грядущий день — в движении толпы.
Я чувствую, что тоже буду с ним —
К цветам притронусь, не задев шипы.
1942

Марлен Кораллов

Марлен Михайлович Кораллов (род. 1925 г.) — московский литератор, бывший политзэк, сопредседатель объединения лиц, пострадавших от политических репрессий, входящего в «Мемориал». Предложенный «Егупцу» мемуарный очерк «Три встречи» посвящен памяти замечательного еврейского поэта Давида Гофштейна, павшего жертвой сталинских репрессий. С ним автора свела судьба в тюремной камере в Лефортово.

ТРИ ВСТРЕЧИ

Десятилетия тому назад мысль о мемуарных заметках не приходила мне в голову, а если бы и появилась, то я изгнал бы её прочь, немедленно и беспощадно. Когда пришлось расписаться в лефортовском подвале, что приговор ОСО мне объявлен, а неожиданный «четвертак» вовсе не шутка («Мы не шутим!»), в начале путешествия, надежды на волю не оставлявшем — думать о мемуарах не приходилось. Не было мыслей о них и позже — на ещё более неожиданной воле. И тому имелись причины.

В начале повести «Мой Дагестан» Расула Гамзатова приведена мудрая мысль, услышанная им из уст отца: человеку нужно два года, чтобы научиться говорить, и шестьдесят, чтобы научиться молчать.

Мне уже семьдесят. Оглядываясь на прошлое, могу сказать: Песчанлаг, Камышлаг, Степлаг, или иначе — Майкудук, Омск, Джезказган, Кенгир — молчанию обучили. Касаться запретных некогда сюжетов мне и теперь нелегко.

В тех лагерях конца сороковых и начала пятидесятых, куда заносило меня неласковым ветерком, жизнь складывалась отнюдь не скучно. Не раз случался и перебор веселья. Ведь не довелось мне просиживать штаны в теплых конторах экономистом или бухгалтером, не улыбнулась судьба прилепиться к санчасти, к самостоятельности, столовой, бане или культурно-воспитательной части — КВЧ.

Воспитание шло в карцерах и БУРах (бараках усиленного режима). Перед этапом из Майкудука начальник лагпункта, прощаясь, советовал не забывать, что на счету моём накопилось сто восемьдесят штрафных суток. Не все из них держу в памяти, но отлично помню, что из Джезказгана отправили в Кенгир, в следственную тюрьму, а потом на штрафную «командировку». Не обучись я молчанию, разве сумел бы дожить до часа воспоминаний?

В Москве я, как правило, общался с людьми постарше меня и поэрудированней. Рядом с ними ощущал собственную неполноценность: ведь до Шлегеля-Гегеля я в лагерях не добрался, в искусстве резца и кисти, в понимании симфонической музыки и т.д. я не только считал себя, но, к

сожалению, был (и остался) профаном. Меня крепче всего приковывал к себе, разумеется опыт тюремно-лагерный, воплотившийся в мемуарной прозе, в драматургии, кинематографе, поэзии... Опыт, рождённый зоной, в зоне, за зоной.

Как в России, так и на Западе к исходу века накопилось немало творений замечательных, вошедших в концлагерную классику: «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, рассказы Варлама Шаламова, «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург... Но Варлам Шаламов был прав, заметив: мира тюрем и лагерей хватит на десяток Толстых и сотню Солженицыных.

За годы довольно пристального внимания к движению тюремной литературы пришлось убедиться, что гулаговский мир разве что пригублен. Во всяком случае, мой собственный лагерный путь (при всей его ординарности) пройден только мною и рассказать о нём могу только я. А теперь, когда вокруг расплодилось знатоки, во всю глотку кричащие, что убиенных на Колыме, в Норильске и Воркуте, в рудниках, на шахтах и лесоповале (также как в Освенциме и Дахау) не было, что бесчисленные лагеря обреченных — всего лишь выдумки осквернителей светлой памяти Гитлера-Сталина, молчать больше нельзя.

* * *

Сначала, как водится, заполню анкету.

Родился в Москве, на Таганке. Отец, мальчишкой отвоевавший гражданскую и получивший орден Красного Знамени за Перекоп, был студентом Горной академии, а мать училась в МГУ на «факультете общественных наук». Годы раннего моего детства прошли в комнатухе старого дома на самой короткой московской улице — Ленивка. Гуляли мы по Волхонке, вокруг Музея изящных искусств и храма Христа Спасителя, сворачивали на Кремлёвскую набережную...

Вторая половина детства эту топографию почти не меняет: отцу, теперь дипломированному угольщику, поставленному командовать шахтами, а вскоре и трестами в Донбасе и на Урале, и знавшему, кажется, лишь одно слово — «Добыча!» — дали квартиру в элитном комплексе Наркомтяжпрома. На Сухаревке, за больницей Склифасовского, граф Шереметев сохранил для страждущих большой сад. Но пришла пора рубить сады, отнимая землю для новостроек. Четыре корпуса, возведённых Серго Орджоникидзе для комсостава промышленности, уступали по рангу «трифоновскому» Дому на набережной, но мы, дети, про второразрядность свою не ведали. Нам было куда вольготнее рядом с лесом. Мы твердо знали: Царское наше село — лучшее место на земле, отцы наши — лучшие из отцов во всём мире, а Красная Армия сильнее всех, вон у Ворошилова сколько орденов! Вероятно, из нас бы выросла «золотая» с гонором, карьерно-циничная молодёжь, но пока мы были чисты и дружны, отважны и жизнерадостны.

«37-й» рухнул на наше счастливое детство с той же силой, с какой рухнул Дом правительства. Хорошо, если в четырёх наших корпусах осталось квартиры четыре, куда не явились бы ночные гости.

Мир раскололся: нам разрубили надвое мозг и сердце. Допустить, что отцы и матери наши — «враги народа»? Немыслимо. Поверить, что родная, рабоче-крестьянская, всегда справедливая Советская власть решилась известить на корню своих героических сыновей и создателей? Награждённых за подвиги, обремененных доверием, цвет и гордость народа, гвардию? Нет, невозможно.

Опущу предвоенные и военные годы, когда одних из друзей по «Царскому» селу добили детские дома, других сгубила война... Когда завершились отцовские «десять лет без права переписки», я отправился на Кузнецкий, 24, где гэбистам надлежало давать сведения о заключенных. На этот раз шёл с решимостью «качать права». Отстояв в долгой и молчаливой очереди, не остыл..

— Срок позади, — настаивал я. — Где отец? Если нет в живых, дайте справку о смерти. Скажите, где похоронен.

Что мог ответить гэбист, мне, упрямому крестину, не желавшему уходить?

... До убийства (или самоубийства) Серго Орджоникидзе Наркомтяжпром включал в себя и угольный главк, и главк авиационной промышленности. В тридцати восьми километрах от Москвы начал расти город Жуковский, а по другую сторону Казанской дороги возник дачный посёлок авиаторов, угольщиков, старых большевиков и учёных, — словом, уважаемых товарищей, дети которых составили нашу компанию. В неё входили Галочка, дочь отсидевшего позже в туполевской шараге конструктора Петлякова, и Ирочка, дочь другого знаменитого авиаконструктора, создателя фирмы, названной в его честь «Сухой».

Нам было по тринадцать, самое время для первой любви. Увы, это лето было последним: волею судеб мы с Ирой встретились только в 1948-ом. Зато дальше события развивались стремительно: новый 1949 год мы с Ириной решили встретить в подмосковных Подлипках и отправились туда на лыжах. Это было наше свадебное путешествие.

В тот же зимний сезон генералиссимус Сталин предложил генеральному конструктору Сухому возглавить Казанский (некогда петляковский, потом мясищевский) к тому часу вконец разладившийся завод. Павел Осипович понимал, что наладить дело в Казани ему не удастся, а вот своё собственное конструкторское бюро он погубит, и поэтому отважился от предложения Сталина отказаться.

В день Парижской коммуны, 18 марта, меня арестовали на квартире Сухого. Вполне могли бы арестовать на Таганке (опять Таганка!), где я жил в обычной коммуналке, и где Ира проводила у меня рабочие дни — от понедельника до пятницы. Лишь на субботу и воскресенье приезжали мы к её родителям на Калужскую.

... Возвратившись на исходе 55-го в Москву, встретился я с краткосрочным тестем. Всю жизнь, несмотря на упорные предложения, беспартийный, замкнутый, Сухой ничуть не сомневался, что арест именно на Калужской, на его квартире, был закономерным. Его ведь сразу сняли с должности «Генерального» и назначили замом к Туполеву. Почерк очевиден.

Опускаю арест, вариаций которого в мемуарной прозе без счёта. Впрочем, как дошло до меня вместе с лагерным опытом, арест оказался корректным, даже почётным. Два капитана, майор, полковник... Что ещё человеку надо?

Поверхностный обыск провели на Таганке. Там нечего было обыскивать: книжный шкаф, старый стол, прочая рухлядь.

На Лубянке обработка началась сразу и шла по отработанному, до деталей известному расписанию. На первом допросе следователей было двое: ухоженный, благоухающий шипром полковник и подполковник — пожиже. Ненадолго заходили ещё какие-то офицеры.

— Чайку? Вот лимон, не стесняйтесь.

Держа марку, я, само собой, отказался. Гордость благодушные гэбисты оплатили карцером.

— Посиди, посиди. Ещё молодой, здоровый.

О «светлом» карцере писали многие: от силы квадратный метр, где раздетый до белья арестант изнывает от недостатка воздуха и от слепящей лампы над дверью. Здесь не уляжешься на спину, на бок, никуда не скроешься.

Под яростной лампой в карцерной клетке я думал лишь об одном: как бы вздохнуть, разогнуться. Просился в так называемый туалет: вдруг откроется дверь — значит вдохну прохлады. В туалете был кран: значит смочу рубаху.

Приведённый на допрос я, разумеется, засыпал. Листочки с поставленными вопросами капитан Самарин гневно комкал и бросал в корзину. Но над следователем тяжело нависало начальство, требовавшее ночной продукции. Оттого и схватил меня капитан Самарин за горло.

В Лефортовском коридоре, трясаясь от холода в нижнем белье, я уже думал: каково теперь Сухим? И о том, что отец мой был, наверное, лихим малым. Орден Красного Знамени, полученный из рук Фрунзе, весил побольше, чем в мои дни звезда Героя Советского Союза. Но как он повёл себя в тюрьме? И о том, выдержит ли мать известие о моём аресте? А также откуда взялись силёнки швырнуть капитана наискось через весь кабинет?

Но в Лефортовском подвале силёнки мои быстро иссякали. К ледяной, скользкой стене в одной рубашке не прислонишься. На вагонной — по типу — койке, которую надзиратель отмыкал при отбое и опускал при подъёме, поспать не удавалось: железные полосы сквозь бельё обжигали холодом.

В Лефортове на допросе я уже не спал, а заговаривался. Голова раскалывалась. И капитан, надо отдать ему должное, не повторил лубянский опыт. Более того, он подошёл вплотную и совершил тяжкое должностное преступление: раскрыл доносчика — повторил крамолу, которую я в буфете исторической библиотеки обронил дружку-приятелю.

Само собой, она касалась «дядюшки Джо».

Но не мог я поверить, что старший дружок — обычный доносчик, несший обычную службу провокатора.

Голова раскалывалась. Следователь прервал допрос и отправил меня уже не в карцер, а в камеру. В ней стояли две койки. На одной лежал лицом к стене некто. Назову его NN. Не повернулся. Не сдвинул полотенце, которым прикрывал глаза от света лампочки, всегда горевшей по ночам: надзиратель обязан видеть, что происходит. Руки поверх одеяла! Вдруг арестант захочет проститься с жизнью, порвёт, разгрызёт вену?..

— Не поздравляю вас с прибытием, — сказал NN, не поворачиваясь.

Уклониться от знакомства возможности не было. Начался разговор, продолжавшийся месяца два. Интереснейший разговор обо всём на свете.

Не был я столь наивен, чтобы с порога отбросить версию: насадка! Но собеседник не задал мне ни одного вопроса, имеющего прямого касательства к моему делу. Позже, гораздо позже я сделал вывод: у доносчиков той поры была историческая особенность. Они торговали правдой. Исповедуясь, говоря о напастях и трагических событиях, пережитых ими лично, они сохраняли искренность. Нередко они старались убедить не столько собеседника, сколько самих себя.

В долгом споре о прекрасно известных NN писателях, о подоплёке загадочных для меня происшествий, NN стоял на позициях раздумчиво-ортодоксальных. Я пребывал на наивно открытых, фрондёрских, для искушённого NN прозрачно ясных.

В годы Отечественной войны он работал в VII-м отделе, занимавшемся разложением войск противника. Туда набирали высоколобых интеллигентов со знанием языков. Национальность значения не имела. NN, очевидно, был мастером, и справиться со мной для него труда не составляло.

Эх, если бы я мог провести следствие заново, обогащённый лагерным опытом. Я бы твёрдо знал, что ничего не весящий лист бумаги перевешивает факты любой тяжести. С годами реальность уходит в небытие, а жалкие бумажонки остаются.

Единственное, на чем решил я «стоять насмерть»: Ирина, отец её, моя ссыльная мать, мой отец (а вдруг жив?), любимая тётка. Остальное не казалось второстепенным — просто врать не умел.

* * *

«С вещами!» Перевод в другую камеру. Побольше, на троих. Но пока нас двое. Через денёк-другой вводят третьего: лётчик, Герой Советского Союза, Сергей Сергеевич Щилов. Без обмана: в кармане чуть грязноватого, но ещё нового кителя желтый, вчетверо сложенный листок — перечень изъятых наград. Исписан сверху донизу.

Во времена либеральные в «Известиях» появилась заметка Юрия Феофанова, зубра газетной, с юридическим уклоном, публицистики. В заметке излагалась история о том, как на красавицу-жену отважного асса обратил внимание Лаврентий Берия. Звонки, властные приглашения выйти к машине у подъезда — независимо от того, был ли муж дома... Поединок. Поднять самолёт и проучить наглеца пулемётной очередью Щилов на сей раз не мог. В итоге — арест.

Сам Щилов рассказал, что взяли его на границе с Турцией, в районе Ленинанкана. Он знал места, где легче перейти границу. Но прежде, чем отправиться ночью в побег, вечером он зашёл в ресторан, пил, бросал оркестрантам деньги...

В Лефортово доставили его тепленьким. Он рассказывал как полз, как хватанули его пограничники, как врезали и сразу, без промедления, затолкали в самолёт... Какая наивность! Попросту глупость — уходя в побег, завернуть в приграничный ресторан, где из трёх работников — пятеро агенты госбезопасности.

NN смеялся над этой забавной историей.

На допросы Щирва вызывали часто. И они были долгими. Возвращался он в камеру удрученным, рассказывал подробности. Вдруг допросы оборвались. В те же примерно дни надзиратель вызвал NN: «С вещами». Тогда я не связал эти факты. Сегодня вывод напрашивается.

* * *

«С вещами!» На этот раз мне. И опять новая камера, она показалась теснее чем предыдущая, и воздух в ней был тяжелее. А сидели в ней уже двое. Сперва вглядывался в меня человек с желтым, измождённым лицом, в заношенном кители, с тощей седой бородёнкой. Койку слева занимал некто остриженный, бритый, с лицом покруглее. Мне доставалась койка, стоявшая под окошком у наружной стены. Но как добраться до неё, если между правой и левой койками втиснут столик, загораживавший проход?

Разговор сначала не клеился. Старики попались мрачные. Потянулись скучные деньки. Но слишком тесно мы сидели, чтобы знакомство не состоялось.

Бывший генерал-лейтенант Василий Григорьевич Тереньтьев сидел в Лефортово уже третий год. Поэт из Киева Давид Наумович Гофштейн — второй.

Больше чем воздуха, в камере генерала и поэта не хватало юмора. Они жили по «закону камеры». Я уяснил его со временем.

Первые дни, порою и месяцы (срок начального периода капризен, зависит от обстоятельств, склада характера, интеллектуального уровня) впору назвать медовыми: есть интерес друг к другу. И потребность заполнить угнетающую пустоту. Но проходят недели, вернее месяцы, проваливаются в бездонную бочку. У поэта и генерала медовые дни остались уже позади. Дорогие сердцу воспоминания исчерпались, а делиться горестями — надо ли?

Но если пройден первый психологический рубеж, а каждый день отсидки ничего, кроме горечи не приносит, обостряется потребность её выплеснуть на товарища по несчастью. Никого же другого рядом нет. Рассказанные детали обретают теперь иную окраску. Голубое и розовое превращается в черное. При мне генерал и поэт переваливали второй рубеж.

До этого я никогда не слышал о Гофштейне-лирике, писавшем на идиш. В семье, в школе, на центральном воспитательном пункте детства — нашем дворе — вообще не возникала еврейская тема. Евреев хватало: Юрка Тартарийский, Ленька Шатхан, Рэмка Жук, одноклассник Энька Васильковский, его приятель Марк Авиновицкий, Гарик Рубинштейн...

Отец Марка до 37-го командовал военной академией (химической). Отец Эньки был главным редактором газеты «За индустриализацию», отец Гарики — блестящим экономистом, руководил иностранным отделом «Правды»...

Когда меня и мать вышвырнули из «элитной» квартиры на перекрёстке Таганки и Абельмановки, и после, когда мать посадили, и я, благодаря заботам тетки, сохранил жилплощадь, на пролетарском дворе я услышал, что существуют «жиды». Но разве это имело отношение ко мне лично?

13 января 1948 года убили Михозлса. Не знаю, верил ли кто-нибудь в официальную версию его смерти. Я не верил. Не нуждался в опровержениях и доказательствах. Убеждён был: убийство. Горько жалею, но до войны я не видел ни одного спектакля разогнанного вскоре после убийства Еврейского театра. Отец водил меня во МХАТ на «Анну Каренину». И сейчас слышу голос Хмельёва. Вижу толпу перед театральным подъездом. Помню и «Синюю птицу». Но чтобы дома хоть разок шёл разговор о Еврейском театре?

Готов поверить, что зачали меня под ёлкой на Красной площади. Не об этом ли свидетельствует имя Марлен? Но при чём тут Еврейский театр? Убийство Михозлса я не воспринял как гибель великого актёра, главу еврейской культуры. Моя оценка событий была чисто политической. И вот в камере я сталкиваюсь с одним из соратников Михозлса. Держался киевский лирик странновато. Но причины тому, оказывается, имелись.

Во-первых, были в его биографии сомнительные страницы, например, после Октябрьской революции оказался он в Палестине. Вскоре, правда,

вернулся, вступил в партию, в Союз советских писателей... Арестовали его осенью 48-го, первым среди членов еврейского антифашистского комитета. И это странно, ибо он меньше всего походил на деятеля — очень домашний, очень рассеянный, очень не от мира сего. Поэт, одним словом. Может, на эти качества и рассчитывали организаторы дела: расколется, мол, побыстрее. Не зря же его тоже пропустили через НК.

В один прекрасный день Гофштейн вдруг подошёл к раковине, открыл кран и начал разговаривать с льющейся водой. Разговаривал он и со знаменитой аэродинамической трубой расположенного недалеко от тюрьмы ЦАГИ. Труба гудела постоянно, и Давид Наумович слышал в этом гуле голос своего следователя, с которым и вел весьма оживлённую, не без заискивания, беседу. Он повышал голос, когда слышал шаги вертухая за дверью, и особенно, когда вертухай смотрел в глазок. Мы понимали его «хитрый» план, хоть и пытались убедить его, что всё это бесполезно. Давид Наумович лишь улыбался в ответ, но в его улыбке, как казалось мне, проглядывало чувство превосходства.

Его упорство поражало. День за днём, день за днём, неделя, другая, месяц, ещё месяц...

Однажды мы взмолились:

— Пощадите Давид Наумович. Неужели не убедились, что им до лампочки выкрутасы ваши. Они смеются, наверное, а мы плачем. — Не помогло. Однажды дошло даже до драки между поэтом и генералом. При всём том стойкость и упорство Давида Наумовича рождали мысль: а вдруг это не симуляция, вдруг действительно — «сдвиг по фазе»?

«С вещами!» Меня вызвали расписаться за подаренный ОСО «четвертак». Впереди ждали новые камеры и карцеры, но эта, генеральско-поэтическая, останется одной из самых печальных.

* * *

Вторая встреча с Гофштейном состоялась у меня в Майкудуке — лагере на окраине Караганды, железнодорожном узле и центральном пункте Песчанлага. Сидело в нём тысячи три, а гнали через него этапами без счёта. Разумеется, гнали и евреев. Очень разных евреев, например, инженеров, работавших на автозаводе имени Сталина (их «дело» пытались подверстать к «делу ЕАК»). Недолго пробыл у нас близкий Михоэлсу и Еврейскому театру издатель и педагог Моисей Беленький. Помню бывшего разведчика, мужественного человека Михаила Короля; убеждённого сиониста Иви Андреса; эстрадного тенора Зиновия Шульмана, Киевского прозаика Абрама Кагана; будущего поэта Романа Сефа, литературоведа Белинкова... Всех не перечислишь.

Рассказывать про лефортовское наше житьё никому не хотелось. Но однажды состоялся у меня длинный разговор с Абрамом Каганом, и я, между прочим, спросил его: что за поэт Гофштейн? Знакомы ли вы?

— Давид Наумович? Вы его не читали?

— Нет.

— Но, наверное, слышали? — допрашивал Каган. Я лишь пожимал плечами. — Стыд и позор! — воскликнул киевлянин. — Гофштейн — классик.

Категоричность утверждения я списал на темперамент собеседника. Но впредь, при случаях, казавшихся подходящими, проверял Кагана. Случаев было немного. Аркадий Белинков, претендовавший на знание всего и вся, о Гофштейне не слышал. Майкудукский, мой дружок, о поэзии на идиш и слышать не хотел.

Весть о гибели Маркиша, Зускинда, Лозовского и других деятелей ЕАК дошла до нас с опозданием. С горечью думал я: неужели Гофштейн тоже погиб? Но, признаюсь: потрясения не испытал. Больше поразился бы, услышав, что им даровали свободу. Смерть воспринималась уже как норма.

Лишь в Москве, на воле, познакомившись с дочерьми Михоэlsa, сыновьями Маркиша, с литераторами, кое-что понимавшими в еврейской поэзии, я, можно сказать, просветился. Но, купив томик Гофштейна и с нетерпением прочитав его, должен признаться: поэзия в переводах, как обычно, восторгов не вызывала. Открытие классика — именно классика — не состоялось.

Особый разговор о Гофштейне состоялся у меня в Переделкино с Липкиным. Семёну Израйлевичу я доверял во всех отношениях. Его приговор об известных мне переводах и неизвестных подлинниках я считал самым авторитетным. К тому же Липкин знал киевского поэта лично: Гофштейн, приезжая в Москву, просил молодого тогда переводчика найти время для него: есть, вроде бы, неплохие стихи. Липкин с этим был согласен, но сотрудничество их так и не осуществилось.

* * *

Второй период знакомства с Гофштейном у меня завершился, когда вышел черный том: «Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета» (М., «Наука», 1994). Я не читал, а штудировал каждую страницу книги вплоть до именного указателя. Вот они, имена, с которыми история навек породнила — начиная с Абакумова Виктора Семеновича, подписавшего ордер на мой арест.

В предисловии к «Стенограмме» автор его и один из составителей — В.П.Наумов — замечает: после ареста в ночь на 28 января 1949 года Маркиш подвергался допросам ежедневно по два-три раза в сутки: с 11–12 часов до 17, а затем снова вызывали на допрос в половине 12-го ночи. Добавлю, что днём спать в камере запрещалось, и вертухай — если, сидя на койке, арестант дремлет — обязан дергать его без устали. Ночные допросы продолжались до 5 утра. Непыльная эта работёнка растянулась

до 19 апреля. Потом вдруг наступил перерыв, но с 3 мая конвейер вновь заработал и не останавливался ещё месяц. За февраль, март и половину апреля Маркиша вызывали на допрос 96 раз, причем, за первые два с половиной месяца следствия арестованный трижды помещался в карцер. В общей сложности провёл в нём 16 дней.

И все же, на мой взгляд, совершенно недопустимо причину признания политэзков сороковых, тридцатых и прочих лет сводить к одному лишь физическому давлению. Подчеркиваю это, потому что многие из сегодняшних знатоков снисходительно прощают «сдавшимся» их слабость. Они, теперешние, прозрачно намекают, что сами бы непременно устояли.

Нет, дело не только и не столько в «физике».

Допустим, следователь требует признания, что ты шпион — английский, французский, японский, абиссинский... Или проще: ты кенгуру, слон, муравей, крокодил, картошка... Если подследственный не полный кретин, то в карцере или камере, избитый до посинения, он решает: кончать надо с этой бодягой. Да, кенгуру я! И крокодил! Да, да, да — и муравей! И картошка!

Жившего в Ленинграде блистательного переводчика, остроумца, светского денди Стенича кое-кто из почтенных сидельцев, как обычно, по слухам, обвинял: сдался, заложил, наступал и т.д., и т.п. С допросов Стенич возвращался в камеру без следов побоев, с улыбкой, будто сытно поел и выкурил папиросу. Может, и выкурил. Я с ним в камере не сидел, допрос не вёл. Но после встречи со вдовой Стенича Большинцовой я склоняюсь к другой версии: Стенич и до ареста понимал безумие 37-го. Поэтому:

— Да, японский шпион. И абиссинский. И кенгуру. И картошка... Не грех бы и закурить, начальник.

В «Стенограмме» сколько угодно безумия. Например, отправляясь в США по поручению партии и правительства, Михоэлс взял с собой Библию. «Для чего это?» — спрашивает бдительный член коллегии. Фефер, под присмотром которого ездил Михоэлс, поясняет: в США «нам нужно было иметь дело с отсталой аудиторией, которая могла бы не понять нашу пропаганду против фашизма, приходилось иногда опираться на язык Библии. Надо сказать, что Библия пригодилась... Но криминально-библейский мотив проходит через всю стенограмму.

Еще детали.

Суд призвал на помощь ученых экспертов, и они установили, что в документах ЕАК «проводились тезисы(!) об исключительности еврейского народа, воспевались библейские образы, пропагандировался классовый подход к евреям по признаку одной крови». Классовый подход по крови — ни больше, ни меньше.

Но и безумием, так же как и «физикой», мотивы искренних признаний не исчерпываются. Важнее остальных мотивов — историко-политический.

Все проходившие по делу ЕАК, как и по другим делам, были рождены на рубеже столетия, повзрослели в годы «войн и революций» и какое-то время не могли не разделять иллюзий и надежд молодой эпохи. Ведь гимном Страны Советов был «Интернационал». А в тридцатых и особенно в годы войны исторического выбора у них не оставалось вообще.

На мой взгляд, бесспорно, что деятели ЕАК были советскими писателями, учеными, врачами. Готов сказать и резче. Отправляясь в США собирать доллары и встречаться там с элитой, которая не разрубила свои еврейские корни, Михоэлс становился советским «агентом влияния». Сам факт существования великого актера, возглавлявшего Еврейский театр, имел значение пропагандистской акции. Как же иначе? Народный артист Союза, орденоси́лец, режиссер, лауреат Сталинской премии, оратор, выступающий на политсобраниях, митингах — и не советский? Анти-советский? Вздор.

Читая «Стенограмму» и поражаясь, как давние друзья-единомышленники, став подследственными, подсудимыми, могли теперь вполне искренне, порой ожесточенно, безжалостно топить друг друга, понимаешь насколько реальная жизнь сложнее, чем черно-белые схемы.

Не знаю какого числа, но есть у меня основания думать, что как раз во время нашего сидения в камере члена партии Гофштейна самолично вызвал к себе министр госбезопасности Абакумов. И потребовал партийную правду, только правду, всю правду!

А она начинается с погромов на Украине. Выяснить бы, сколько раз местечко Коростышев Киевской области, откуда родом Гофштейн переходило из рук в руки? Во всяком случае, в 1919-м выходить на улицу значило искать больших приключений на собственную голову.

Перешагну через пять лет. В 1924 году Гофштейн вместе с группой ученых подписывает меморандум правительству против преследования иврита. Ответ следует немедленно: на общем собрании еврейских писателей и деятелей культуры Гофштейна исключают из писательского объединения, выводят из состава редакции журнала «Шторм».

На допросе судьи припоминают поэту его стихотворение «Снег», в котором автор, «стремясь напугать еврейского обывателя, расписывал ужасы социалистической революции и «насилия», чинимые большевиками над мирным населением». Это не выдумка генерал-лейтенанта Чепцова. Это выдержка из собственноручных показаний Гофштейна на следствии.

Генерал Чепцов уличает подсудимого в написании клеветнической статьи о Красной Армии. И вновь ссылается на протокол, подписанный рукою подследственного.

На суде один за другим подсудимые отказываются от показаний, данных на следствии. Настаивают, что даны они под давлением. Их выбивали. Однако наивные судьи никак не могут понять: почему?

В 1925 году жизнь Гофштейна резко ломается: он едет в Берлин, где жил тогда Давид Бергельсон и другие писатели, из Берлина вскоре отправляется в Палестину. Дело в том, что работающий в родной культуре национальный поэт уже тогда ощутил трагедию, которую (кто раньше, кто позже) ощутил каждый из еврейских писателей. Уходила почва из-под ног. Шла ускоренная ассимиляция народа, забывавшего язык, традиции, основу основ тысячелетней стойкости изгнанников — религию. Закрывались еврейские школы и учреждения. Изымались учебники. Прежде всего кнутом, а не пряником создавался единый советский народ. В этом корни процесса, сопровождавшегося расстрелами «буржуазных националистов» в Средней Азии, Закавказье, Прибалтике...

Гофштейн и его коллеги по Комитету попали в ловушку, из которой не было выхода. Объявить себя противниками сталинского порядка — значило сделать царский подарок госбезопасности и всему режиму. Это значило полностью оправдать и арест, и любые кары на следствии, и расстрел.

Казалось бы, ЕАК, созданному для обработки зарубежного еврейства, следовало хотя бы касаться жизни еврейства советского, его участия в сражении против фашизма, его вклада в промышленность, науку, искусство героической Родины, не так ли? Оказывается, не так. Направляя свои материалы в западную прессу и освещая жизнь евреев в Стране Советов, Комитет тем самым отделял евреев от русского и остальных народов, разрушал единство страны, вел пропаганду националистическую, шовинистическую, враждебную.

Но изготавляя статьи и очерки, журналисты, привлеченные Комитетом, черпали сведения, разумеется, из отечественной прессы публикации в которой проходили редактуру и цензуру, не так ли? Нет, не так. Журналисты проводили шпионаж, разглашая врагам достижения нашей науки, техники, искусства. Конкретно Гофштейну предъявляются обвинения, что он послал в Комитет очерки о двадцати шести военных заводах.

Особая тема — Крым. Для судебной коллегии она стала трижды криминальной. Замысел судебной расправы над ЕАК на протяжении трех с половиной лет следствия менялся весьма существенно, но центр тяжести обладал устойчивостью.

Идея 30-х годов — Биробиджан — на поверхностный взгляд — не лишена резона: надо было крепить оборонный пояс на границе с Китаем, рубить тайгу, экономически обживать Дальний Восток. Однако превращение дельных инженеров, ученых, врачей в плохих рыболовов, охотников, лесорубов наносило урон державе. Добровольная ссылка не удалась. Страна самой демократической в мире сталинской конституции предпочла загонять всех подряд в ГУЛАГ.

Северный Крым степной, некурортный, где до войны поражали успехами еврейские колхозы, не сравнить с Биробиджаном. Стратеги-

энтузиасты «Крымской идеи» зондировали вопрос у Молотова (вопрос, подкинутый Сталиным), шушукались, принимая мечту за реальность. Пикейные жилеты на досуге плели интригу: вот если бы евреи в США воздействовали на свое правительство, а оно воздействовало бы на родное советское, тогда, быть может... Республика в Крыму казалась романтикам осуществимей, чем возрождение государства Израиль.

Гофштейн принадлежал к скептикам. Сердце «матерого националиста», ярого сиониста, поэта-шпиона, по убеждению следователей и судей, принадлежало Израилю. Квартира Гофштейна в Киеве стала если не центром, то вражьем гнездом, местом сборища для антисоветчиков. Там они получали задания. Те самые, секретные, которые Гофштейн получал из Москвы, из комитетского центра, лично от Михоэлса.

К нему действительно приходило много людей: ведь он был почти единственным в Киеве, кто в совершенстве знал иврит. К нему приходили прочесть письма из Палестины и других мест, приходили учителя русских и еврейских школ...

Судебный фарс по делу ЕАК заканчивался последними словами подсудимых. Большинство обвиняемых пытается в них ещё что-то доказывать. Лишь Гофштейн по существу отказывается от выступления. Он произносит лишь одну фразу: «Я уже свою просьбу к суду высказал в дополнении к судебному следствию».

И спокойствие этой единственной фразы мне нравится.

* * *

После прочтения «Стенограммы» многое мне стало яснее. Выходит Гофштейн решил инсценировать сумасшествие как раз тогда, когда завершился первый, наиболее тяжкий период следствия, когда его однодельцы один за другим отказывались от выбитых из них показаний. Генерал Терентьев и я не знали расчетов сокамерника. Остается признать, что симуляция была единственной формой сопротивления, доступной Гофштейну. А лагерная традиция безоговорочна: никто не вправе препятствовать эзку, когда он ведёт бой за свободу. Стратегически и практически он оказался бессмысленным. Но тактически проводился с упорством, достойным высокой оценки.

Закрывая черный том, я думал, что вторая встреча с поэтом Гофштейном — последняя. Но состоялась и третья.

* * *

Состоялась она в Израиле, куда я попал с делегацией деятелей искусств и литературы, политиков и бывших эзков СНГ. На антифашистском форуме в Иерусалиме собрались Черновил, Джамилёв, Чичибабин, Драч, Танюк, представители Эстонии, Литвы, США...

Там произошла и встреча с дочерью Гофштейна Левией, знавшей, что я сидел с её отцом. Она вручила мне небольшую, на сотню страничек,

изящно и строго изданную книжечку. Вверху на светлорубежной обложке, окаймлённой тонкой чёрной рамкой, заголовок: «Давид Гофштейн. Избранные стихотворения. Письма». Под ним вторая часть заголовка: «Фейга Гофштейн. С любовью и болью о Давиде Гофштейне». Разлученных в 48-м году отца и мать дочери захотелось соединить вместе.

От страницы к странице моё предубеждение к переводам поэзии ослабевало. Вот лишь одно короткое стихотворение, написанное в 1943-м:

*О жизнь моя!
Кратчайший миг не канет в бездну,
И умерев, я не исчезну,
Поскольку нет небытия.
Навеки воткан в круговерть
Земных надежд, любви и боли
Причастный той творящей воле,
Что воскрешает через смерть.*

Как грустно, Давид Наумович, что я не услышал эти строки от вас. А вот ещё одно стихотворение — «Пушкину». Эпиграф: «Мы ночевали на казачьих постах».

*И потому здесь боль моя легка мне,
И грусть моя мне часто дорога —
Его дыханье помнят эти камни,
Касалась этих троп его нога...*

*И с юности в полях моих скитаний
Целил меня его свободный дух,
И свет его покоя не потух
Средь рабских мук и тяжких испытаний.*

*Как прежде он, покинул я поля.
К лучам вершин и сумрачным долинам
И я вошёл рабом и властелином,
С ним полноту восторга разделя.*

Стихотворение не написано к двухсотлетию юбилею. Под ним дата: 1912-й год.

Дорогой мой сионист, шовинист, националист, шпион! Всем бы поэтам-инородцам писать в молодости такие стихи. Нынешняя Россия не раскололась бы.

После стихов пришел черед письмам. Как я уже писал, в начале 1925-го поэт вместе с женой уехали в Берлин, а оттуда — в Иерусалим. Пред-

стояло открытие университета! В письме к редактору Нью-Йоркского журнала «Ди Цукунфт» Лесину Гофштейн писал: «Я в стране Израиля. Одного этого для меня так много, что я готов повторять эти слова тысячу раз, других слов у меня нет, да я пока и не ищу их, чтобы выразить мое потрясение».

На этой фразе я споткнулся. Почему же поэт возвратился?

Читая письма его жены, узнаёшь, что визу Гофштейну дали на год — «от Пасхи до Пасхи». А когда завершался срок и следовало принять решение, гражданин Советской России (подчеркиваю — не эмигрант) получил письмо от отца, звавшего и сообщавшего, что двое сирот, престелстных мальчиков, тоскуют, грустят, требуют отеческой заботы (первая жена Гофштейна умерла задолго до его отъезда в Палестину). Как поступить? Много лет спустя, в 1940-м, беседуя с близким человеком, Гофштейн сказал: «Духовно я никогда не уезжал оттуда». Свидетельство — стихи.

Окончить этот очерк хочется цитатой из письма Давида Гофштейна писателю Даниэлю Чарному (1931 г.)

«... У меня красивые, высокие, разумные, хорошо воспитанные (представьте себе!), порядочные, талантливые сыновья, и благодаря им (клянусь вам, это так), я стал организованным, спокойным, работоспособным, бодрым и излечившимся от всех моих поэтических болезней, которые могли бы, принимая во внимание мою наследственность многих поколений, уже давно отправить меня «к моим высокоодарённым коллегам Есенину и Маяковскому». Мы — поэты страны, которая бурлит, где огонь и молодость борются с жалким наследием...

Простите меня, мои дорогие друзья. Посмотрите там, по дружбе, чтобы нас скорее электрифицировали, индустриализировали, а уж мы постараемся и революционизируем вас так, что... Вы и сами знаете, как хорошо мы это сделаем».

1999. Июнь. Подрезково.

ЕВРЕЙСКИЕ СУДЬБЫ. ВЕК XX.

Семён Колчинский

Продолжая публикацию материалов, полученных в результате реализации программы Института иудаики «Еврейские судьбы — век XX», предлагаем читателям рассказ о своем жизненном пути знаменитого тренера Семёна Яковлевича Колчинского, воспитавшего целую плеяду выдающихся спортсменов, вошедших в элиту мирового спорта.

Запись рассказа осуществлена Романом Ленцовским, текст к публикации подготовил Гелий Аронов.

Родился я в селе Ирклееве, под Черкассами, в еврейской семье. Собственно, в селе жил мой дед — Файтель Гинтер, на дочери которого Купе женился мой отец, Яков Колчинский. Почему он пошел в приемы, не знаю: ведь у его отца имелся собственный дом в Черкассах. Но, как бы там ни было, а я появился на свет именно в Ирклееве и буквально под орудийный салют «Авроры», произведшей в тот день свой знаменитый выстрел по Зимнему дворцу.

А сознательное мое детство прошло в Черкассах, куда переехала семья деда, бывшего балагулой. Имелась у него конюшня, лошади, бричка на дугих шинах... Большая его семья (8 детей) жила в хорошем каменном доме. И все хозяйство у них было крепкое, да и сами они, вся семья, — высокие, крепкие.

Но в это время мы уже жили у другого деда — Моисея. Его каменный дом стоял в центре Черкасс. Когда я подрос, отец устроил за домом спортивную площадку, на которой собирались ребята со всей улицы: чаще всего мы играли в волейбол, но знали и другие игры.

Во время гражданской войны я был еще слишком мал, но хорошо запомнил побывавшую в городе банду Зеленого. Дело в том, что несколько бандитов стояли в доме деда Файтеля, а я как раз пришел в гости. Все было очень мирно: бандиты отнеслись ко мне хорошо, посадили на лошадь верхом, позволили покататься. Так что в моем детском восприятии бандиты никаких неприятных воспоминаний не оставили.

О занятиях отца в то время я, естественно, знаю немного. Помню только, что он имел образование всего лишь несколько классов, еще мальчишкой начал работать на бойне. Работа требовала силы, и у отца она была. Отсюда его желание сделать сильным и меня.

Конечно, отец не собирался всю жизнь проработать на бойне. Позже занялся скупкой скота, транспортировкой его и перепродажей мясникам. Со временем дело укрепилось, он расширил поставки скота и мяса: имел дела с Киевом и Москвой. Но до 1932 года мы еще жили в Черкассах, что очень благотворно повлияло на мою дальнейшую спортивную судьбу. Дело в том, что из своих поездок в столицы отец привозил мне разные

спортивный инвентарь — волейбольную сетку, ракетки, мячи... А еще он познакомился со знаменитыми профессиональными борцами Иваном Поддубным и Михаилом Слущким и, когда они приехали на гастроли в Черкассы, познакомил с ними и меня. Я даже помогал им и кое-чему у них научился. Мы потом устраивали борьбу за нашим домом, и я демонстрировал цирковые приемы.

А еще мы помогали красноармейцам, стоящим в летних лагерях под Черкассами, купать лошадей — мчались верхом к Днепру. На реке вообще проводили много времени — плавали, гребли. Я на спор, за 10 копеек, переплывал Днепр, и хотел стать моряком. Отец это желание поддерживал, и когда в 1932 году я приехал в Киев, посоветовал поступить в ФЗУ водников — учиться на помощника механика на пароходе.

До этого я учился в обыкновенной русской школе в Черкассах, считая своим родным языком русский, хоть родители дома часто говорили на идиш, а меня два года учил приходящий учитель. Не могу сказать, что родители были очень религиозны, но все еврейские праздники отмечали. Бар-мицву мне в 13 лет тоже совершили. И в синагоге я нередко бывал — просто так, из интереса. А кадишу меня научил сам отец.

Из лет, проведенных в школе, мне тоже больше запомнились события, связанные со спортом. Этому способствовал и наш преподаватель физкультуры Киселевский, отличный волейбольный тренер. Он потом переехал в Киев, мы с ним там общались. А в школе я хорошо бегал и прыгал в высоту, играл в волейбол, бегал на лыжах... Помню в 4-м классе повезли нас в колхоз собирать клубнику, а мы решили выкупаться. Побежали сами к реке, залезли в воду, и как раз сын учительницы Илья стал тонуть. Я приплыл на помощь, так он чуть меня не утопил. Кое-как вытолкнул я его на берег. Так первый раз в жизни я спас человека. Потом еще приходилось не раз, но это был первый.

В Киеве мы поселились в коммунальной квартире возле площади Толстого, занимали одну комнату. Отец к этому времени стал уже крупным снабженцем, служил уполномоченным по снабжению особого железнодорожного корпуса на Дальнем Востоке, носил в петлице ромб, то есть был старшим офицером. Он отвечал за снабжение корпуса сбруей, шанцевым инструментом и т.д.

В 1937 году его арестовали. Я к этому времени уже закончил ФЗУ, отплавал на буксире «Литвинов» помощником кочегара и помощником механика, отработал слесарем-сборщиком на заводе. Работая, я учился на индустриальном рабфаке, надеясь поступить потом в институт. А в какой — я еще не решил: то ли в политехнический, то ли в физкультурный. Со спортом я по-прежнему не расставался. Этому еще способствовало знакомство с тренером по волейболу Леонидом Небелицким (он потом стал заслуженным тренером СССР, воспитал двух олимпийских чемпионов). А еще на меня большое впечатление произвел физкультурный

парад в Киеве в 1935 году, в котором я и сам участвовал. Потом я еще не раз видел всесоюзные парады в Москве на Красной площади, но этот остался незабываемым.

Арест отца заставил сделать окончательный выбор. Я понимал, что в Киеве никуда не поступлю, и принял дерзкое решение: ехать в Москву, в Центральный институт физкультуры. А отца в это время тоже этапировали в Москву, в Бутырку. Там он сидел в камере с уголовниками, диктовавшими законы, спал на полу, с краю. Через несколько дней в камере появился еще один заключенный — авиаконструктор Туполев. Уголовники сразу положили на него глаз, потому что он был в хромовых сапогах. Один здоровенный тип тут же потребовал снять их. Но отец, тоже не слабак, дал ему в челюсть так, что тот упал. Больше их не трогали.

Потом их отправили на Колыму. Хорошо, что хоть не расстреляли. Тогда ведь это было минутное дело. А так сначала отец вместе с Туполевым возил камни тачкой, но вскоре (он же пробивной!) добился перевода в пекарню. Там и работал, пока в 43-м его полностью не реабилитировали. Вот такая нетипичная судьба.

Я же поступил в Центральный институт физкультуры, хоть и не скрывал от приемной комиссии, что отец мой репрессирован. Особенно успешно сдал я испытания по физической подготовке. Тогда ведь ценилась разносторонность в спорте, а я был именно разносторонним спортсменом, у меня имелись разряды по многим видам спорта — по гимнастике, легкой атлетике и даже по боксу. С ним у меня вообще смешной случай вышел: на контрольном соревновании пришлось мне боксировать с лучшим лыжником института, мастером спорта. Правда, я и сам к тому времени стал уже мастером спорта по фехтованию. И договорились мы драться не на полную силу. Но в пылу схватки лыжник увлекся и ударил меня очень сильно. Я же в ответ как шарахнул его левой (я — левша!), так он и отключился. Нокаут! Потом заведующий кафедрой бокса, замечательный боксер и тренер Константин Васильевич Градополов (о нем даже целый фильм сняли) приглашал меня специализироваться по боксу, но мой выбор уже был сделан. Вообще же в институте преподавали замечательные профессора и тренеры. Среди них, кстати, было много евреев, хоть этому никто тогда не придавал особого значения.

Студенческие годы навсегда остались светлым периодом моей жизни, хоть жилось в общежитии на студенческие доходы не очень-то роскошно. Но мы не унывали, тренируясь до самозабвения, принимая участие в соревнованиях и показательных выступлениях. В 40-м году я участвовал в театрализованном выступлении «Если завтра война». Постановщиком этого действия был ныне знаменитый балетмейстер Игорь Моисеев. Он построил трехэтажную пирамиду из спортсменов, закрытую до времени полотном. На пирамиде, как на пьедесталах, стояли представители разных видов спорта — копьеметатель, борец, фехтовальщик, штангист... Все держали

огромный плакат «Если завтра война». Потом покрывало падает, и на пьедесталах оказываются танкист, парашютист-десантник, летчик, моряк. В это время мимо пирамиды проносятся мотоциклисты, а наша группа из 9 человек под руководством начальника кафедры борьбы демонстрирует рукопашную схватку. Меня в частности мой напарник бросает через голову. И все это рядом с мавзолеем, на котором стоят вожди во главе со Сталиным. Конечно, я не мог их хорошо рассмотреть, но рядом был.

На следующий год мы оканчивали институт, естественно, строили планы. К тому времени я стал уже мастером спорта, чемпионом Москвы и общества «Динамо» по фехтованию, готовился к чемпионату страны...

По окончании института выпускникам присваивали разные воинские звания и направляли в армию. Мне, как динамовцу, предстояло служить в войсках НКВД, а точнее — в охране Кремля. Но началась война, и весь наш выпуск добровольно ушел в Красную Армию. В это время на стадионе «Динамо» производилась запись спортсменов в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения войск НКВД, и я, естественно, вступил в нее. Так что госэкзамены я уже сдавал в военной форме. После выпуска началась для меня тренерско-военная служба: я обучал рукопашному бою антифашистов разных национальностей, в частности — большую группу испанцев, человек сто. У нас в гостях была сама Долорес Ибаррури. Она благодарила меня за подготовку бойцов-испанцев. На меня она произвела огромное впечатление. Я однажды слушал ее выступление по-испански, без перевода. Но все равно возникало желание встать и непременно отправиться в бой. Одним словом, Пассионария. «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Учил я, конечно, не только испанцев. Прямо на стадионе в Мытищах, где размещался учебный лагерь нашей бригады, бойцы учились штыковому бою, владению кинжалом, саперной лопаткой, пистолетом, а также умению применять во время рукопашного боя приемы самбо, вольной борьбы и бокса. Мне и самому, уже в качестве рядового бойца, приходилось осваивать подрывное дело, метать гранаты и бутылки с зажигательной смесью, стрелять, переправляться в обмундировании и с оружием в руках через водные преграды.

С наступлением осени учебные и боевые задания все усложнялись, а когда выпал снег, начались вылазки в тыл врага отрядов лыжников, сформированных на базе нашей бригады. Они проникали на оккупированные территории Подмосковья, наносили молниеносные удары противнику, минировали дороги, проводили диверсионные акты. Довелось в этих рейдах участвовать и мне, видеть кровь и смерть друзей и товарищей, пришлось поучаствовать не в учебных, а в боевых рукопашных схватках. В одной из них пришлось бороться с вооруженным пистолетом немцем. Я успел его скрутить, применив приемы рукопашного боя.

После рейдов по оккупированному Подмоскovie мне с однополчанами поручили охрану торжественного собрания, посвященного Октябрьской революции и проводившегося на станции метро «Площадь Маяковского». Был я и на Красной площади во время того исторического парада, с которого войска шли прямо на фронт. После боев в Подмоскovie с рейдами в тыл врага меня перевели в пограничные войска, использовали в них для подготовки личного состава. Ведь каждому пограничнику необходимо владеть приемами рукопашного боя, уметь сражаться и в строю, и индивидуально. Больше всего мне довелось служить на южной границе — в Пржевальске, в Оше. Там меня приняли и в партию. Рекомендации мне дали комиссар пограничной бригады и командир маневренной группы кавалерийского полка. Именно с этим боевым отрядом и была связана моя служба. Меня там прекрасно знали и даже посоветовали ничего не писать о репрессированном и реабилитированном отце, хоть я ничего не скрывал. Мне это припомнили в 1952 году, исключали из партии якобы за сокрытие сведений об отце. Но это отдельный разговор.

Армия для меня практически окончилась в марте 1945-го, когда меня отозвали для работы в Центральном Совете «Динамо». Приняли меня очень хорошо, и я проработал в Москве до 1947 года, когда перевелся в Киев начальником оборонно-спортивного отдела Киевского «Динамо». Это была большая должность: я отвечал за всю учебно-спортивную работу в 15–16 райсоветах, охватывавших и детские и взрослые спортивные группы, в которых занимались сотрудники МВД и КГБ, а также служащие военных частей, приданных МВД и КГБ. Работы было много, но я чувствовал поддержку и успешно справлялся, хоть в это время уже был убит Михоэлс и в стране разворачивалась антисемитская компания. Меня не трогали до 1952 года, когда начались придирки-проверки документов, нелепые указания, подозрительность. Особенно все это усиливалось с началом «дела врачей». Тогда уже можно было произносить антисемитские речи открыто, что и делал заместитель председателя «Динамо» Гушин, говоривший: «Вешать их надо, жидов-предателей!»

Не чувствовать этой атмосферы было невозможно, и я, не ожидая снятия с должности, подал в отставку, вернее — попросил о переводе на тренерскую работу, хоть я терял не только в должности, но и в зарплате. Мою просьбу очень быстро удовлетворили, и я стал тренировать фехтовальщиков. Правда, это не спасло меня от того, что первичная парторганизация исключила меня из партии. Тут мне и припомнили «сокрытие от партии» правды об отце. Кроме того, мой «добрый» сосед по квартире сказал Гушину, что я слушаю по приемнику Америку, а тот сообщил в КГБ, что я — американский шпион. К тому же сестра моей матери с семьей в 1923 году уехала в США...

На собрании я от отца не отрекался, говорил, что его арестовали по ошибке, а потом реабилитировали. Но ничего не помогло: по пред-

ложению секретаря парткома КГБ Беляева меня исключили. Этот Беляев присутствовал и на следующих этапах — в райкоме и горкоме — и везде что-то нашептывал, какие-то бумажки совал. Естественно, меня и там исключали. И только на заседании обкома, который должен был утвердить исключение, меня выслушали и услышали, что я воевал в составе ОМСБОНа, в отряде Жуляева. Оказалось, что секретарь обкома знал его как самого боевого командира. И тут сразу зазвучали речи по-другому. Короче говоря, вышел я оттуда всего лишь с выговором, который тоже через полгода сняли. Впрочем, было это уже после смерти Сталина, когда подули другие ветры. А ведь в разгар этой кампании я готовился к аресту и расстрелу, ко всему был готов.

А когда объявили о сфабрикованности «дела врачей» и у Тимошук забрали орден Ленина, я пошел в партком, к этому Беляеву, схватил графин: «Ах ты, в бога мать!..» Он стал бледный, как смерть: «Что ты! Что ты...» Потом он, если встречал меня на улице, переходил на другую сторону. А мой дорогой сосед тоже «осознал»: очень уж лебезил передо мной и моим отцом.

В тот период и Гущина понизили в должности. Одно время он находился у меня в подчинении, потом стал моим начальником. Но сделать мне что-нибудь плохое он не мог: понимал, что по знаниям и опыту я выше. Да и результаты работы у меня были хорошие. Именно я добился резкого роста количества разрядников, при мне «Динамо» стало побеждать в большинстве городских соревнований.

Конечно, «пятую графу» мне никогда не забывали. Сказывалось это на отличиях, наградах. Но это мелочи. Главным для меня всегда была работа.

После войны я выступал в соревнованиях как спортсмен, потом стал только тренером. Время было сложное: началась «холодная война», «железный занавес» и так далее. Для спорта это вещь губительная, потому что нет контроля, нет необходимой проверки спортсменов, нет обмена опытом. Когда советские фехтовальщики готовились к первым для себя Олимпийским играм (1952 год, Хельсинки), казалось, что все в порядке, надо только приехать и победить. Но на Олимпиаде нас ждал провал. Стало ясно: без спортивных контактов не обойтись. Пришлось приоткрывать «занавес», все активнее участвовать в международных соревнованиях. Правда, разрешение на выезд каждый раз оформлялось как впервые. И все равно, в последний момент без объяснения причин могли снять спортсмена или тренера с поездки. Запомнился мне в этом смысле мой первый выезд на соревнования за рубеж в 1953 году. Я ехал в качестве судьи, а со мной, естественно, должны ехать руководитель делегации и тренер. Перед самым отлетом, уже в аэропорту, выясняется, что оба они сняты с поездки, и я — один в трех лицах — еду с командой.

А все эти характеристики, рекомендации в райкоме партии перед каждой поездкой, все эти вопросы спортсменам: «Кто секретарь коммунистической

партии такой-то страны?..» А то, что я, уже проверенный-перепроверенный, каждый раз перед поездкой на Кубок Европы должен был в спортивном отделе ЦК давать гарантию, что мы победим? А иначе не пустят. К тому же, если еще «пятая графа», то надзор становился еще более пристальным. Кроме гарантий нужно было быть лучшим из лучших. Это распространялось не только на спорт, это было законом жизни. Конечно, и с первыми номерами случались всякие неприятности, но их легче было отстоять. Мне во всяком случае это удавалось. А иначе какой бы я был тренер и воспитатель?

Ведь главным в моей жизни все же оставалась тренерская работа. Мне пришлось немало потрудиться на руководящих должностях в Киевской и Республиканской организациях «Динамо». Не скажу, что эта деятельность была мне не по нраву. И все же наибольшее удовлетворение приносила работа с учениками. Поэтому я создал детско-юношескую фехтовальную школу «Динамо». Сколько сил пришлось потратить на поиски и отбор способных ребят, на убеждение родителей и учителей в необходимости занятий спортом для их детей. Когда появились первые победные результаты, стало легче. А до этого многие относились скептически. Ведь спорт требует от человека больших затрат энергии, умения ограничивать себя, сдерживать свое время. Потом он возвращает сторицей, но до этого нужно еще дойти. Конечно, если спортсмен в конечном счете становится чемпионом — мира, Европы, Олимпийских игр, — все запреты оправдываются. Но большими чемпионами становятся немногие. О них отдельный разговор. Что же касается основной массы воспитанников моей школы, то моя тренерская воспитательская задача состоит в том, чтобы перед каждым ее подопечным раскрыть все секреты нашего вида спорта, помочь понять и полюбить его. А для этого нужен индивидуальный подход, тщательная оценка волевых, психологических и физиологических качеств каждого, стимуляция для одних, сдерживание для других...

Без ложного кокетничанья скажу: я удовлетворен результатами своей тренерской работы. И опять же речь идет не только о чемпионах. Разве менее значительно для меня то, что десятки моих воспитанников стали тренерами по фехтованию, преподавателями в институте физкультуры и других учебных заведениях? А среди не связавших свою судьбу с фехтованием навсегда — более десятка докторов и кандидатов наук, высшие офицеры, инженеры, врачи... Уверен, что фехтование, спорт помогли им состояться, стать специалистами и личностями. Я ими горжусь ничуть не меньше чем своими чемпионами. Хотя, конечно же, для тренера именно они являются главным критерием успеха. И мне в этом смысле грех жаловаться: чемпионы и призеры Олимпийских игр, мира, Европы, Советского Союза, десятки чемпионов Украины... Имена Григория Крисса, Иосифа Витебского, Виктора Путятин, Петра Лейбовича, Виктора Быкова, Эдуарда Жлудько известны всем. Это мой золотой фонд. И не

потому, что у каждого из них по несколько золотых медалей самого высокого достоинства, а потому, что в каждого я вложил частицу своего сердца, с моей помощью они становились выдающимися спортсменами, настоящими людьми, очень разными, кстати. Я не старался привести их к общему знаменателю, обтесать под одну болванку — даже в смысле техники фехтования. Сколько меня упрекали в том, что Крисс фехтует «не классически». Но я с этим своеобразием не боролся, ведь в нем проявлялся его характер. Когда он пришел ко мне в школу просто уличным подольским мальчишкой, так легко было выбраковать его, отсеять: силенок маловато, упрямства многовато, ростом в идеальные фехтовальщики не вышел... Я представлял себе, сколько с ним нужно работать. Но пошел на это. И не ошибся.

В Грише было обязательное для спортсмена честолюбие, даже дерзость. Они сыграли свою роль. И в то же время он верил мне, а без этого тоже невозможен максимальный успех. Многое можно рассказать о нашем сотворчестве, но расскажу лишь один эпизод. Связан он с подготовкой к Токийской олимпиаде. Гриша был к ней физически и психологически готов, но мы слишком хорошо знали его соперников, считавших себя основными претендентами на олимпийское золото. И справедливо считавших. Ведь англичанин Хоскинс и поляк Гонсиор уже были увенчаны лаврами всех крупнейших соревнований. Были у них и свои счета с Криссом. И если с Хоскинсом счет был более или менее приемлемым, то с Гонсиором он был просто разгромным: Гриша проиграл поляку все их встречи. Дело в том, что Богдан Гонсиор имел более чем двухметровый рост и невероятно длинные руки, его просто невозможно было достать. Как быть? Как готовиться к поединку с ним? Долго я искал ответа на эти вопросы, но нашел: на одном из заводов мне помогли сделать необычную шпагу, почти в два раза длиннее стандартной. С этой-то шпагой в руках я и стал проводить тренировки с Криссом. Перед ним как бы стоял сам длиннорукий Гонсиор и нужно было «доставать» его. Так мы провели период, называемый на профессиональном языке «заточкой бойца», то есть доведением его до максимальной боевой формы. Не буду останавливаться на технологических деталях. Скажу только, что с Гонсиором Крисс встречался в полуфинале олимпийского турнира и разгромил его со счетом 10:2. Кажется, больше всех удивился такому результату польский гигант. Он увидел нового Крисса, в финале столь же уверенно победившего Хоскинса.

Кому-то может показаться, что жизнь известного тренера — это фейерверк побед и триумфов. Конечно, это не так. Главное в его жизни — кропотливая, упорная, со стороны — даже рутинная работа. Без этого нет успеха, и надо находить удовлетворение именно в этом. Но, когда думаешь о своих учениках, вспоминается не рутина, а особые случаи, например, такие, как с Иосифом Витебским. С ним, уже очень перспек-

тивным спортсменом, случилась беда: во время работы в цеху ему в глаз попал металлический осколок. Предстояло долгое лечение, тренировки следовало прекратить. Сам Иосиф приуныл, но я не мог примириться с неожиданным перерывом в тренировках. Пришлось придумать особую форму тренировок: я предложил фехтовать... с завязанными глазами. Кое-кому это казалось просто шуткой, но мы проработали так около трех месяцев, и за это время Иосиф не только не утратил своих кондиций, но явно повысил защитную реакцию, усилил мышечно-тактильное чувство. Ведь бой с завязанными глазами требовал сверхсобранности, интуиции и воли.

Немало всяких придумок было и в основанной мною детско-юношеской фехтовальной школе «Динамо», и в общеобразовательных школах, где мне удалось организовать специализированные «фехтовальные» классы. Имелись у нас и собственные ритуалы, и традиции, которым так верно служат дети. Это прекрасно понимает и мой преемник по школе Григорий Крисс. Он вообще прекрасно знает детскую психологию и любит детей. Это главное. И поэтому я могу не беспокоиться за будущее нашей школы, даже в нынешнее нелегкое время.

Теперь хочу затронуть один весьма специфический, а до недавнего времени и опасный вопрос. Речь идет о злополучной «пятой графе». На протяжении многих лет моей тренерской работы меня не раз (вроде бы дружески) упрекали, что среди моих воспитанников слишком много евреев. Были ли эти упреки справедливы? Да, среди самых выдающихся моих учеников немало евреев — все же Крисс, Витебский, Быков, Лейбович... Хватало их и среди не столь выдающихся спортсменов — Эткин, Гальперин, Левин, Шимтович, Ципес... Но что же мне было делать — не принимать еврейских ребят в школу? Дискриминировать по национальному признаку? Я никогда не скрывал своей национальности, не скрывал своих родителей, своей семьи. Может быть, чувствуя это, еврейские родители приводили ко мне своих детей, веря, что их достоинство никогда не будет задето. Но разве это хоть как-то ущемляло интересы украинских и русских ребят, составлявших большинство в школе «Динамо» и фехтовальных классах? Разве евреям делались поблажки и создавался особый режим? Скорее наоборот, потому что я считал: чтобы оградить себя от происков, еврей должен быть лучшим в своем деле, в том числе — и в спорте. Григорий Крисс недавно даже пошутил: «В свое время вы были таки хорошим антисемитом».

И еще об одном аспекте «национального вопроса» в спорте. Конечно, все виды спорта по своей сути интернациональны и доступны всем. Но нельзя отрицать и того, что имеются национальные предпочтения в выборе и популярности видов спорта. Определяется ли это национальным характером? Возможно. Но в таком случае какие виды спорта можно считать «еврейскими»? «Шахматы», — ответят мне. А я скажу: «Фехто-

вание». Утверждаю это не только потому, что много евреев-фехтовальщиков добивалось самых высоких спортивных наград (достаточно вспомнить знаменитых олимпийцев из Венгрии), но потому, что этот вид спорта требует трезвого расчета и романтики, честолюбия и упорства, тщательности и последовательности. По-моему, все это черты еврейского национального характера.

Мне часто делают комплименты: вы, мол, сохранили молодость, прекрасно держитесь и т.п. Стараюсь воспринимать это с юмором: «Да, ветераны не сдаются! В Библии сказано, что жить человеку до 120 лет...» и т.д. Но, перешагнув 80-летний рубеж, нельзя не ощущать груз лет. Он не столько в возрастных проблемах и болезнях, сколько в потерях — однокурсников, однополчан, коллег по работе, друзей. Десять лет тому назад меня настигла и самая страшная потеря — умерла моя жена. Сказать, что она была хорошей женой и что я любил ее, значит ничего не сказать. Она была другом, соратницей, вдохновительницей, не говоря уже о том, какой матерью нашей дочери. А познакомились мы случайно и очень романтично. Я тогда служил в пограничном кавалерийском эскадроне в Киргизии — скакал на лошади, рубил «лозу», делал, короче, все, что положено кавалеристу. А кроме того мне поручали организацию показательных выступлений: бой с басмачами. Это мы показывали во время Октябрьских праздников. Моя же будущая жена находилась среди зрителей и увидела меня во всей красе. Оказалось, что она с семьей эвакуирована из Харькова (замечательная еврейская семья!), студентка. Окончательно же мы познакомились в местном кинотеатре, где мне тоже пришлось организовывать показ рукопашного боя. Познакомились после выступления, на танцах. Помню, приехал первый раз к ней домой верхом на своем коне, перепугал ее бабушку (очень колоритная старушка). Она увидела меня и закричала: «Ой, вейз мир! А солдат мидем ферд, миде саблес, миде пистолетес!..» В общем, нападение на бедную еврейскую девушку. Так стал я ухаживать за своей будущей женой. Но война нас в тот раз развела: меня перевели в другой город, а она вскоре уехала в Харьков.

Весной 45-го меня вызвали в Москву, стал я работать в «Динамо», а летом 46-го приехал в Киев проводить первые послевоенные соревнования. Остановился у своей тети, жившей, конечно, в коммунальной квартире. Соседом у нее был некий бухгалтер, дочь которого еще по Киргизии была знакома с моей будущей женой. И надо же такому случиться, что моя Мария приехала в это время в Киев и вместе со своей знакомой пришла в эту квартиру, где увидела мою пограничную фуражку. «Ой! — сказала она. — У меня был знакомый пограничник — Семен Колчинский». Это услышала моя тетя, и все закружилось. Правда, Мария уехала в Харьков. Да к тому же у нее, оказывается, был жених. Но ее дядя, на которого я вышел, — старый котовец, — помог мне все это поломать. Он же организовал и ее приезд в Киев. Остальное, как говорится, было делом техники: в три дня все решилось.

Не буду рассказывать, как мы жили вначале — она в Харькове, а я — в Киеве (еще без квартиры). Потом много лет обитали в одной комнате в коммуналке. Теперь эти годы вспоминаются ностальгически. Но действительно, все было не так плохо, а главное — мы молоды, полны энергии и желаний. Я тогда как раз воплощал в жизнь свою модель тренировок детей и юношей, Мария Климентьевна преподавала в школе биологию и химию, кстати, в школе № 77, в которой я организовал «фехтовальный» класс. Она мне во всем помогала, знала всех моих подопечных, и они ее знали и любили. Она даже на спортивные сборы в наш летний лагерь на Десне ездила с нами, в Одессу, Алушту, участвовала в организации соревнований, в проведении праздников. К нам мои воспитанники приходили как к себе домой. Была даже традиция такая: в дни спортивных парадов и демонстраций ребята — Крисс, Быков, Витебский и другие — собирались с утра у нас. Их ждал уже накрытый стол, мы все весело завтракали, а потом отправлялись на парад.

Она была главой нашей семьи, говорю откровенно. Это, конечно, не значит, что я подкаблучник какой-то. Просто она была хозяйкой в полном смысле этого слова, брала на себя все, что может взять любящая жена. Я мог спокойно заниматься своим любимым делом. Правда, и я сделал все, чтобы она смогла реализоваться, найти применение своему общественному темпераменту. Она руководила школьным месткомом, активно участвовала в женсовете «Динамо» (была в те годы такая организация), а еще подруги: всегда вокруг нее было много людей. К сожалению, многие из нашего близкого окружения в последние годы стали покидать страну. Уехало несколько ее подруг. Это ее сильно огорчило, как и меня огорчил отъезд моих воспитанников — Иосифа Витебского, Пети Лейбовича, Миши Шимшовича... Но для меня это вопрос совсем не такой простой: здесь прошла вся моя жизнь, здесь дело всей жизни, здесь все, что я любил. К тому же в Киеве живет и успешно работает мой внук, учится в той же 77-й школе моя правнучка. Как все это оставить? Да и зачем?

Никогда не осуждал отъезжающих. Это естественное право человека — самому выбирать место жительства. Тем более это право еврея, до недавнего времени не имевшего своего национального государства. Мне не чужды еврейские проблемы, и уж во всяком случае я их понимаю. Но у меня лично проблем с выбором родины нет. И смешно было бы мне оказаться в США, Израиле и особенно в Германии, став эмигрантом, человеком второго сорта, перечеркнуть, по существу, всю свою жизнь. Я не хочу быть на иждивении даже в Израиле. Более того, я сам предложил спортивным руководителям этой страны бескорыстно помочь в подготовке фехтовальщиков высшего класса. К сожалению, они отказались. Но я и здесь являюсь членом президиума Еврейского совета Украины, членом городской общины. Делаю, что могу. И если мне в соответствии с указанным в Библии сроком действительно предстоит прожить 120 лет, то я еще постараюсь послужить своим соотечественникам и соплеменникам.

Моисей Гойхберг

МОЯ НЕЗАБЫТАЯ ВОЙНА

Москва. Декабрь 1943 года. Сдан последний экзамен на военном факультете 2-го Московского медицинского института. Диплом врача, звание капитана медицинской службы и назначение в действующую армию — всё получено сразу. И оглянуться не успел.

По распределению мне достался Север-Карельский фронт. Тундра, дикие скалы Заполярья, многочисленные реки и речушки, озёра, леса, болота... Всё это производит сильное впечатление. Красивый и суровый край.

Но, откровенно говоря, нам не до красот: и в неяркие дни короткого лета, и в стужу бесконечной зимы здесь идёт война, хоть бои местного значения как правило не попадают в сводки Совинформбюро.

Армия стремилась удерживать дороги, пригодные для передвижения войск. А между этими «артериями войны» простирались безжизненные, болотистые пространства — «ничейная земля», контролируемая лишь разведгруппами, уходящими в тылы противника с разведывательными и диверсионными целями.

Моё первое назначение на фронте — командир санитарной роты стрелкового полка. Наша землянка размещается всего в километре от передовой. Здесь мы оказываем первую врачебную помощь — боремся с шоком, делаем перевязки, накладываем шины, лечим простуженных, занимаемся профилактикой заболеваний. Дел у нас хватает, потому что раненых много — с пулевыми и осколочными ранениями: хоть крупных боёв нет, постоянно ведутся артиллерийские «дуэли», работают снайперы... Так начиналась моя врачебная и одновременно фронтовая жизнь

А своё первое в прямом смысле боевое крещение я прошёл в феврале. Одному из батальонов нашего полка командование поставило задачу: выйти в тыл противника, провести разведку боем и, взяв «языка», вернуться на место дислокации. В таких операциях без потерь не обходится, и одними санинструкторами с ними не справиться, поэтому командир полка приказал мне выделить в батальон врача. Я тут же выразил готовность сам отправиться на это боевое задание, явно недооценивая его сложность. Присутствующий при этом начальник штаба встретил мой энтузиазм довольно хмуро и приказал зайти к нему в землянку. Я решил, что он хочет ознакомить меня с планом операции, но он начал неожиданно: «Капитан, а ты на лыжах ходить умеешь? А стрелять из автомата? А держать круговую оборону и маскироваться? Ах, не приходилось! Так куда же ты суйся, доктор новоиспечённый?»

Я не знал, что ответить. Ему было 42, а мне — 22. Очевидно, он увидел в моих глазах обиду и, махнув рукой, сказал: «Ладно, пойдёшь, но будь осторожен, приглядывайся, что делают другие...» Он опасался за меня, но тогда я этого по молодости понять не мог.

Безлунной ночью вышли мы на лыжах. Батальон растянулся на несколько сот метров: впереди — боевое охранение, сзади — самые лучшие лыжники: они следят, чтобы никто не отстал, не потерялся. Так мы прошли «ничейную землю», углубились в тыл противника. Всего преодолели километров тридцать, пока напали на немецкую часть. Завязалась перестрелка, в которой мы понесли незначительные потери: несколько раненым пришлось оказать первую помощь, упаковать их в меховые конверты и уложить на санки-волокуши. Зато удалось захватить трёх пленных.

Каждые 2–3 месяца нас с передовой выводили во второй эшелон — «на отдых». Отдых, конечно, был весьма относительным. Он предусматривал учения и марш-броски (зимой — на лыжах, летом — пешком). В первое время это было для меня очень трудно, просто с ног валился. Но упадёшь, бывало, в снег, глядишь в безоблачное небо, и так спокойно станет. А вокруг — сосны в снегу, над головой — переливы красок северного сияния...

Пришла весна, а с ней — распутица. Всё растаяло, болота стали топкими, непроходимыми. С переднего края в тыл можно было добраться только по настилам из брёвен: шаг в сторону — и не выберешься из засасывающей жижи. Как-то я ехал в батальонный медицинский пункт верхом на лошади. Солдаты ремонтировали дорогу, и я неосторожно свернул с настила. Лошадь сразу по брюхо погрузилась в болото, нас стало засасывать. Спасибо солдаты помогли, а то не знаю, что и было бы.

Лето тоже приносит много неприятностей: в землянках сыро, в лесу одолевают комары и мошкара. Подальше от передовой удавалось спастись от этой напасти, разжигая костры. Но на переднем крае не разведешь: противник сразу же накроет минометно-артиллерийским огнем.

Кормили солдат неплохо, но, в основном, концентратами. Овощей всегда не хватало, и недостаток витамина С (угроза цинги) был реальностью. Поэтому медики готовили витаминное средство — настой из свежей хвои: каждый солдат получал по кружке перед едой. А ещё давали каждому по 100 «фронтовых» грамм водки. Разливали, конечно, на глазок, но всегда точно: глазомер у виночерпия был безошибочным.

Впрочем, нередко дело ста граммами не ограничивалось, потому что солдаты изыскивали любые способы добычи спиртного. Например, всем выдавали так называемые противохимические пакеты. Солдаты быстро установили, что, если их долго давить, выделяется спирт. И дело пошло: скоро ни одного целого пакета не осталось — все «выдавили».

Вообще пристрастие к спиртному не всегда заканчивалось хорошо. Однажды во время наступления на захваченном немецком аэродроме

солдаты обнаружили бочку с антифризом. Понюхали, попробовали, обрадовались: вроде спирт. На всякий случай перегнали. И действительно получили чистый спирт — но не этиловый (пищевой), а метиловый (ядовитый). К сожалению, никто не объяснил этого солдатам, и они распили свою находку. Развившееся отравление унесло жизни многих из них, а оставшиеся в живых — ослепли.

Весной 1944 года меня перевели в медсанбат 45-й стрелковой дивизии, в крупное медицинское подразделение, где уже оказывается квалифицированная врачебная помощь. Медико-санитарную службу дивизии возглавлял майор Б.П.Данилов, а медсанбат — капитан Д.С.Цимерман. Под их руководством я многое освоил и понял, познал азы военно-полевой хирургии.

Коллектив в медсанбате подобрался замечательный, но, разумеется, общался я не только с медиками. В нашей дивизии было много ярких, запоминающихся людей. Со многими из них я дружил, например, с Сергеем Басмановым, командиром саперного батальона. Молодой, красивый, веселый, ему бы жить и жить. Но непредсказуемы судьбы на войне. Однажды ночью, накануне наступления, делая проходы в минных полях, капитан Басманов подорвался на mine. Смерть его больно задела всех знавших и любивших его.

В сентябре 1944 года нашу дивизию перебросили с Кестингского на Мурманское направление. И снова тундра, скалы, покрытые мхом валуны, озёра, ручьи... Тяжело окапываться, вгрызаясь в каменистый грунт. А уже менее чем через месяц в составе 14-й армии она участвует в боях за освобождение города Петсамо. Количество работы для нас, медиков, резко возрастает, едва справляемся с потоком раненых, с неотложными операциями.

Вскоре получаем приказ перейти границу Норвегии и овладеть городом Киркенес — главной морской и воздушной базой фашистов на берегу Баренцева моря. Ядвигаюсь к городу в составе санитарной роты 10-го стрелкового полка. Наша палатка выдвинута вперед, к самым наступающим подразделениям. Поэтому нас непрерывно бомбит фашистская авиация. Бомбы рвутся вблизи нашего пункта. Одна из них разорвалась совсем близко, воздушная волна сбила всех с ног. Я был контужен, но работу не прекратил: на операционном столе лежал раненый.

Взятый нами город Киркенес практически разрушен. Жители разбежались по окрестностям, многие из них прячутся в находящихся под городом шахтах. Но, когда утром поднялись дымки над нашими полевыми кухнями, к ним с котелками в руках потянулись старики и дети. Мы охотно делились с ними нашей солдатской кашей.

Северная Норвегия запомнилась горными ручьями, густыми лесами, сине-голубыми фиордами. Поражал порядок и чистота жилищ, а также отсутствие замков: в Норвегии не воруют. Даже лесные дороги и тропы хорошо ухожены, в лесу совершенно нет мусора. И это при том, что здесь прокатилась война.

В ноябре 1944 года нас вывели из Норвегии и разместили в районе Петсамо. Опять тундра, сильные ветры, снежные заносы. Между землянками мы вынуждены натягивать канаты, чтобы ветер не свалил с ног, не угнал в тундру.

После возвращения из Норвегии меня назначили старшим врачом 61-го стрелкового полка, входившего в 45-ю дивизию. В своё время она была сформирована из двух поредевших бригад морской пехоты и... бывших заключенных, среди которых встречались всякие типы, в том числе — и воры. Поэтому я не очень удивился, когда однажды меня поднял ординарец, сообщив, что обокрали капитана Аксельрода. В соседней землянке мною был обнаружен младший врач полка в одном белье. К счастью, на табурете рядом с ним лежали удостоверение личности и пистолет, за утрату которых грозил трибунал. Похитителям это было известно, и они, очевидно, просто пожалели капитана.

Я сразу обратился к старшине санроты, бывшему зеку, хорошо знавшему своих сослуживцев. Начались тайные переговоры, в результате которых за литр спирта гимнастерка, галифе и шинель благополучно вернулись к Аксельроду. Разумеется, старшине были даны гарантии, что никто не станет выяснять личности преступников. Такие царили нравы.

Нет большей радости на войне, чем увидиться с земляком. Такую радость доставила мне неожиданная встреча на армейском совещании военврачей с майором А.И.Гохманом, бывшим ассистентом кафедры хирургии 2-го Киевского медицинского института, где начинал я учёбу до войны. Теперь он служил главным хирургом армейского госпиталя и выступал с докладом о лечении огнестрельных ран. Собранный им большой материал помог ему в первые послевоенные годы защитить диссертацию, но, к сожалению, дальнейшая жизнь его сложилась драматично: он был оклеветан и репрессирован. Реабилитация после смерти Сталина не могла вернуть утраченного здоровья, и вскоре он умер.

9 мая на рассвете меня разбудил старшина Валишев: «Товарищ капитан, вставайте! Победа!» Я выбежал из землянки. Кругом стрельба: солдаты салютуют долгожданному дню. Подхваченный общим порывом, я тоже выхватил пистолет и разрядил в воздух всю обойму... А днём состоялся импровизированный парад: под снегопадом части нашей дивизии прошли торжественным маршем по центральной площади Петсамо. Как старались солдаты печатать шаг! Как светились их лица!

А вечером мы с моим другом Сашей Коробко оседлали коней и поскакали в медсанбат праздновать день Победы.

На этом окончу свои воспоминания о войне. Конечно, можно бы рассказать ещё о встречах ветеранов, вспомнить павших, пожалеть живых. Нелегка им досталась доля. Но говорить об этом не хочется: слишком грустно.

Елена Горовая

*Дорогим моим девочкам
Танечке и Наташеньке,
чтобы помнили.*

НАШИ РОДНЫЕ (история семьи)

Лена Горовая прислала свое повествование в Киев, внучке Наташе, ее мужу Олегу, а также нам — Володе Мельниченко и мне. В письме к нам выражала некоторое сомнение: будет ли интересно, будет ли кому-нибудь нужно ее повествование... Ведь оно о личной, казалось бы, жизни: жизни семьи в определенном отрезке нашего с вами времени. И не могу сказать — минувшего, потому что, из собственного опыта и наблюдений исходя, знаю — ни время, ни опыт никуда не деваются, не уходят, — всегда с нами, и более того — оставаясь, обращаются в опыт всеобщий, опыт исторический, и могут не только всплыть и явиться неожиданно, вызванные на поверхность сегодняшней жизни, сегодняшних чувствований, часто — необычайно острых переживаний, доставшихся или выпавших только тебе, исключительно личным духовным достоянием, только тобою и осмысленным, только тебе принадлежащим опытом. Всё, всё случившееся в так называемом прошлом — так или иначе прорастает, живет во времени текущем, — переносится в будущее — существует всегда, оказывая влияние на все поколения, — таково одно из свойств общечеловеческой памяти — и Времени.

Повествование — словно акварельная живопись: техника и материал, казалось бы, менее всего подходящи для описываемых словами простыми, простейшими, в некоторых местах напоминающими бесхитростную детскую речь — катастрофических событий, — тем сильнее, тем разительнее контраст между естественным стремлением людей к мирному устройству, развитию, продолжению жизни, — отношениям среди людей — таким, какими должны быть — и той бесчеловечной силой, для которой не существует ничего из истинно человеческих приобретений, силой, способной все искорезжить, сломать, поднять под себя, уничтожить бессмысленно — все стремления человека, творчество, надежды, жизнь.

Читая строки, внешне сменяющие друг друга в этом внешне спокойном, будто струящемся неспешно и как-то безгневно повествовании, иногда останавливаешься на ощущении, что это как бы конспект, за каждой строкой которого скрываются глубины неразвернутых событий, сведений, чувств, оценок... Потом является сознание, что тебе как бы предлагается дополнить — продлить — углубить воспоминаниями или знаниями своими, своим опытом,

личными оценками событий — вне зависимости от опыта национального — и осознаешь, и возвращаешься к убеждению, что каждый человек — живет на земле, рядом — «поручь» — рука об руку — с тобой, — есть брат твой, и всё, всё, что происходит с каждым, — может произойти и с тобой, в том или ином виде — в любое время, — во все времена. Ведь и происходило.

Невольно задаешься вопросом: что же можем противопоставить всем скрежещающим, лязгающим, стреляющим, калечащим безнаказанно, вторгающимся в простую — и великую в своей бесхитростности и простоте человеческой человеческую жизнь — силам? Противопоставить событиям, которые произошли — вершились — в прошедшем ли времени? — которое, однако, нигде не уходит — вместе со всем его наполнением, содержанием?!

Ничего не навязывая, будто и не определяя словами, повествование говорит своими страницами именно о том «стержне противостояния», которое — противостояние — доступно каждому, при определенной душевной организации, высоте: противопоставить возможно только истинное человеческое отношение друг к другу, — к брату своему, — только любовь.

Всматриваясь в как бы промываемое автором зеркало — перспективу времени, — погружаясь в проявляемые картины жизни, затрудняюсь отнести читаемое к какому-либо четкому литературному жанру. Но так ли это важно? Представляется, определить его жанр лучше по содержанию — и наполнению — той «красной нити», которая, именно и есть одновременно и содержание — и жанр повествования.

Лена Горвая писала мне, и говорит в повествовании (а уже написано продолжение!), что не преследовала никакой «внешней» цели, — писала просто потому, что так понимала свою задачу, — жизненную, добавлю от себя. Внутреннюю.

Более настоящую задачу трудно себе и вообразить, и поставить: это повествование о Любви. Бесконечной любви к людям. И человеческом Достоинстве. Которое наблюдаешь и оберегаешь пуце зеницы ока. Без которого и жизнь — не жизнь.

Какая задача может быть «лучше» и чище?

Лена, не ставившая перед собой цели «быть напечатанной», Лена, живущая нынче в Гамбурге и приславшая свое повествование — свой труд — свои переживания в Киев! — испытывает благодарность к альманаху «Егупец» за всю его деятельность — и, несомненно, за готовность опубликовать ее труд. Но и мы — Володя Мельниченко и я — выражаем ту же горячую благодарность Альманаху — имея повесть «в руках», — мы чувствуем ответственность за нее, не просто врученную — присланную!

Ада Рыбачук, август 2000.

*Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью — были.*

Ф.И.Тютчев

Давно уже приходит в голову мысль написать о родителях, о нашей семье, о дедушках и бабушках и так далее «в глубь веков», хотя история еврейской семьи в России всегда коротка. Документов никаких нет. Если что и было, пропало в годы войн и революций. Перед Отечественной войной был альбом со старинными фотографиями, но и он, оставшись в оккупации в Киеве, пропал. Поэтому рассказать можно о бабушке, немного о дедушке, еще меньше о прабабушке, да и то смутно. Я верю в то, что бумага лучше хранит память, чем могилы, ведь «рукописи не горят». А писать о тех, кого любишь, и горько, и радостно, пропадает черта, разделяющая нас, и кажется, что действительно беседуешь с ними.

Как жизнь и судьба всякой семьи, жизнь и судьба нашей семьи связана с историческими событиями, а в России это особенно сильная и почти всегда трагическая связь.

Мои мама и папа родились в 90-е годы 19-го века (папа в 1894, мама в 1899 году). Известно, что поколение, родившееся в этом десятилетии, на три четверти погибло: убито, уничтожено, замучено. Мои родители прошли через этот ад живыми, но пережили страшные испытания и страдания, а в семье, в широком смысле, той, которую я попыталась изобразить в виде генеалогического дерева, погибло во время гражданской войны (1918–20 годов) три человека: сестра моего отца Евгения и братья Иона и Илья Каминские.

Во время Великой Отечественной войны, в конце лета 1941 года, под Киевом погиб (пропал без вести) муж маминой сестры Наташи Володя — Владимир Львович Левин.

Проклятый Богом 37-й год делит жизнь нашей семьи на две части: до и после 37-го года. Папу арестовали 26 декабря 1937 года. Мне было девять лет, но след этого страшного события остался в моей душе (и судьбе) навсегда: в ней поселился страх. Маму арестовали в марте 38-го. Просидев в Лукьяновской тюрьме полгода, она была выслана из Киева, а я осталась с бабушкой.

Бабушка спасла меня от детского дома, куда направляли детей «врагов народа». И сейчас страшно подумать, что было бы со мной, если бы не бабушка.

Однако все эти страшные события не лишили меня полностью природной жизнерадостности и оптимизма. Я лишь очень сожалею, что невнимательно слушала рассказы бабушки, родителей, тёти Наташи о прошлом, об их детстве и жизни, о родственниках. Отмахиваясь, спешила по своим делам, всегда думала, что ещё успею. А теперь оказалось, что я самая старая в семье, и не у кого спросить, и «отняли список, и негде узнать».

Семья наша была очень далека от религии и национальных традиций. Во всяком случае, при мне эти вопросы не обсуждались. Я никогда даже не видела мацы, не слышала ни о еврейском Новом годе, ни о других религиозных праздниках (ни еврейских, ни христианских). Зато в доме было много книг: энциклопедия Брокгауза и Эфрона, собрания сочинений Пушкина, Шиллера, Байрона, много книг издательства «Academia»... Многие книги были с прекрасными иллюстрациями, переложенными тонкой папиросной бумагой. Так, в одном из томов Пушкина было подряд 6 или 7 портретов Наталии Николаевны, я с трепетом рассматривала их, переворачивая тонкие листы и открывая ее прекрасное лицо. Многие книги после папиного ареста мама продала, но шеститомный Пушкин был до самой войны, я его часто читала и рассматривала иллюстрации.

Родители говорили только по-русски, бабушка тоже, за исключением тех случаев, когда хотела сказать нечто, не предназначенное мне. Но кое-что я понимала, а сейчас вижу, что бабушкин идиш был очень близок к немецкому (литовское наречие). Перед арестом папы мы жили в хорошей трехкомнатной квартире в новом доме по Лысенко, за Оперным театром. Из окон были видны балерины, занимавшиеся в классах, обращенных окнами в нашу сторону. У нас часто бывали гости, в основном, папины друзья. Многие из них приезжали из Одессы и Харькова, где родители жили до 34-го года, когда Киев стал столицей Украины и в него переехали республиканские учреждения, в том числе «Заготзерно», где начальником планового отдела работал папа. Слово «Заготзерно» я воспринимала как географическое или историческое название: Киев, Харьков, Пуша-Водица, Заготзерно... Жили мы тоже в доме «Заготзерно», специально построенном для сотрудников. В 37-ом году управляющего, всех его замов, начальников отделов, даже шоферов арестовали. Почти каждую ночь во двор нашего дома приезжал «черный ворон» — маленький крытый грузовичок с командой сотрудников НКВД. Одна комната нашей квартиры выходила окном во двор. В этой комнате спали мы с бабушкой. В полной темноте ночью к нам входили родители и молча стояли у окна, ожидая «черного ворона» и наблюдая, в какую сторону пойдут приехавшие в нем: ведь в доме было четыре парадных. Хорошо помню два темных, неподвижных силуэта на фоне окна — застывшие в страшном ожидании папа и мама...

В течении 37-го и 38-го годов наш дом буквально опустел. Думаю, арестовали более половины мужчин, а также некоторых женщин — жен «врагов народа». Семью управляющего (Яков Исаакович Розенберг — участник гражданской войны, старый коммунист, партийная кличка Коля) выбросили просто на улицу. Я слышала (и слышу до сих пор) отчаянный крик его жены, оказавшейся с двумя детьми (Лена и Витя) без крыши над головой. Ее звали Дора Евсеевна, она была врачом, держалась всегда суховато, сдержанно. Трудно себе представить эту замкнутую женщину истошно кричащей, но такова, очевидно, была мера отчаяния, охватившего

ее, когда средь бела дня «ребята» из НКВД выбрасывали на улицу вещи и вытаскивали из квартиры ее и детей. Говорили, что потом их приняли родственники. Папе «повезло» — он получил 15 лет лагерей и 5 лет ссылки с поражением в правах. Этот срок он отбыл, вернувшись в Киев, к нам, в 56-ом году. Те же палачи, слегка перекрасившись, выдали ему справку о том, что «дело прекращено за отсутствием состава преступления». Через девятнадцать с половиной лет!

Такие справки получали те, кому посчастливилось дожить и вернуться после доклада Хрущева на XX съезде партии, которая была нашим «рулевым» столько десятилетий и искалечила столько жизней, загубила миллионы людей. Этот «рулевой» рулил «Титаником», что теперь особенно ясно.

По делу «Заготзерно» был открытый суд, о нем писали газеты. Папа был уволен и ждал ареста, сидя дома. Это была пытка ожиданием неизбежного. Я помню это страшное время, как будто это было вчера. Я была уже не так мала, чтобы не понимать, но еще, конечно, не так велика, чтобы понимать все.

Всех руководящих работников «Заготзерна» объявили троцкистами, всю контору — троцкистским центром.

Я осталась с бабушкой. Теперь мы жили в одной (бабушкиной) комнате. В остальные две вселили по семье, квартира стала коммунальной, а жизнь — страшной.

Я училась во втором классе 52-й школы на улице Ленина, во дворе, где был велотрек. Моя учительница Александра Никифоровна, знавшая папу, относилась ко мне всегда хорошо, а после ареста папы, кажется, особенно. Мы жили с бабушкой вдвоем три с половиной года. Папа был в лагере на Соловках, мама — на поселении в Запорожье. В Киеве оставалась мама сестра Наташа, вторая бабушкина дочь с семьей. Очевидно, она и помогала нам материально, так как никаких других источников не было. Тогда я об этом не задумывалась, а сейчас не могу понять, как бабушка сводила концы с концами.

Я училась, появились школьные подруги, но всё свободное время я старалась проводить с бабушкой. Иногда мы ездили в гости к Наташе, там рос маленький Витя, а каждое воскресенье мы обедали в семье Симы Михайловны Арндт, жившей в нашем доме. Это приглашение было смелым поступком в то время: ведь мы были семьей «врага народа». Сима Михайловна была еврейка, ее муж, Вольдемар Германович Арндт, — немец. Мой отец был дружен с Симой Михайловной со школьных лет в Александровске (Запорожье). Когда мы с бабушкой остались одни, Сима Михайловна даже одевала меня, перешивая какие-то свои вещи. Она была красавица, обаятельная, добрая. Сын Арндтов, Юра, занимался английским с учительницей, и С.М. решила, что и я должна заниматься с ней. Но занятия скоро прекратились: очевидно, я не проявила ни прилежания,

ни способностей. Другая соседка, жена репрессированного по фамилии Слуцкая (имя не помню), взялась было учить меня игре на фортепиано, но и тут я проявила свою неспособность. Недолго я ходила к немке на Золотоворотскую улицу. Но вскоре началась война, и все попытки расширить мое школьное образование оборвались. Я всю жизнь помню Симу Михайловну, я ее очень любила, и восхищалась ею. Судьба ее семьи трагична: в первые же дни войны Вольдемар Германович был арестован и расстрелян как «немецкий шпион». Симе Михайловне удалось уехать с сыном в эвакуацию в Среднюю Азию, где она умерла от тифа. Юру взяли в армию, и до конца войны он служил в Тихоокеанском флоте и участвовал в войне с Японией, а после войны учился в Московском архитектурном институте. Встретились мы только после войны.

Когда грянула война, у нас с бабушкой не было никаких шансов уехать. Но тетя Наташа забрала нас к себе. Ее муж Володя ушел в армию в первые дни войны, но неожиданно он пришел на сутки домой, и ему удалось договориться в Госбанке (где он работал до мобилизации), что его семью эвакуируют при первой возможности. Свое слово они сдержали, и 5 июля в теплушке, наполовину заполненной пакетами с банковскими ценностями, мы покинули Киев. Ехали очень тяжело, но, к счастью, ни разу не попали под бомбежку. Через 30 дней мы оказались в деревне Каргино, недалеко от районного центра Каргополье, в Челябинской области. Деньги кончились еще в дороге, маленький Витя болел, но вскоре Наташа устроилась бухгалтером на лесоучасток. Там, в уральской тайге, мы и жили в бараке. Наташа работала, я не училась, пока мы не переехали в Уфу, где уже находилась мама, эвакуированная из Запорожья. Но об этом расскажу потом. Кстати, на лесоучастке, когда в Наташиной конторе не хватало бланков, я чертила их и заработала свои, первые в жизни, деньги — 3 рубля.

Бабушка

Всю жизнь Бабушка (так хочется писать) была моим Ангелом-Хранителем. Она меня очень любила и ограждала от всяких бед и забот — как могла, изо всех сил. Бабушка очень любила моего папу. Такого уважения и любви к зятю я, пожалуй, больше никогда не встречала. Она называла его только Сашенька, во всем ему полностью доверяла, его слово было для нее незыблемой истиной.

Если определить характер Бабушки одним словом, то это доброта. Она всем желала добра и делала добро. Все мои подруги юности любили ее и помнят до сих пор. Бабушка не получила систематического образования, но много читала, следила за газетами и часто советовала мне прочитать ту или другую статью, особенно в газете «Культура и жизнь». Она никогда ничего не требовала, ни на чем не настаивала, ничего не навязывала, не «воспитывала». Она принимала от нас все, хорошее и плохое, как должное.

Никаких жалоб и наставлений, никаких просьб. Однако она не была забитой и жалкой, лишь кроткой, но с достоинством. Она, конечно, влияла на меня, рассказывая разные истории, притчи, вспоминая былое, и, главное, всей любовью, добротой и заботой. В молодости она хорошо говорила по-польски, так как жила в Варшаве, ее идиш был какой-то немецкий, да и по-немецки она немного знала, могла читать. Говорила, в основном, по-русски, акцент был незначительный, ошибок в речи немного.

О детстве и юности бабушки я знаю мало, но кое-что все же могу рассказать.

Звали ее Лия Борисовна Зельцер (в девичестве Эпштейн), «Бабушка Лия». Родилась она в 1874 году в местечке Мир, Минской губернии, конечно, в черте оседлости.

Мать бабушки, моя прабабушка, звалась Ханой. У нее было четверо детей: сыновья Маркус и Наум (дома называли Наха), дочери Фаина и Лия, младшая. Какое-то время Хана держала маленький магазинчик, где продавалась галантерея и всякая мелочь. О ней рассказывали, что она, надев на голову покупателя-крестьянина шляпу, сказала: «Где Иван? Нет Ивана». А может быть, это анекдот.

Когда бабушке было уже за двадцать и пора было думать о замужестве, она поехала в Варшаву (тогда это была Россия), к старшему брату Маркусу, позже уехавшему в Америку, в город Канзас-Сити. Может, и сейчас там живут его потомки?

В Варшаве она познакомилась со своим будущим мужем и моим дедушкой — Гершем Зельцером. Я видела его фотографию: красавец с роскошными завитыми кверху усами, в пиджаке в мелкую клеточку и гладком жилете, с изящно завязанным шелковым галстуком. Усы были, очевидно, предметом особой заботы дедушки. Чтобы они сохраняли нужную форму, он на ночь смазывал их специальным составом и надевал целлулоидные «наусники», которые имели по бокам веревочки: их он заводил за уши и завязывал. Дедушка был служащим, бухгалтером французской фирмы «Синадино», занимавшейся виноторговлей.

До войны у бабушки хранился красный бархатный альбом с массивной золотой застежкой. В нем была и фотография Бабушки, сделанная в то время: наглухо закрытое темное платье со стоячим воротничком, на шее длинная цепочка, на которой висел лорнет. Лицо строгое, умное. Прическа, модная по тем временам, — забранные в пучок на макушке волосы мягко нависают надо лбом и ушами. Бабушка была рыжеватой блондинкой.

За пять лет, с 1899 по 1903 год, Бабушка родила троих детей, все девочки: моя мама — Роза (в детстве называли Рузя) — родилась в 1899 году; Ревекка (умерла в младенчестве) — в 1901 году; Наталия (откуда такое имя?) — в 1903 году. Лет через пять родился мальчик Иосиф. Он умер пяти лет от роду.

Герш Зельцер, увы, оказался плохим мужем. У него была одна страсть — карты, он был игрок. Все попытки собрать деньги, чтобы он открыл свое дело, все поездки «по делам» кончались одним: он возвращался без «дела» и без денег. Зато привозил большой торт в красивой упаковке. В конце концов Бабушка, забрав детей, вернулась в местечко Мир, к матери, сделав вывод, что «все мужчины — козлы» (цитата). Герш же отправился за счастьем в Америку и исчез там. Что с ним стало — неизвестно. Вскоре после моего рождения (29-й год) из Америки пришли какие-то деньги, но от кого и сколько мама не знала. Родители от них отказались: время уже было тревожное.

Вернувшись в Мир, Бабушка помогала своей матери в лавке, шила шляпы, то есть зарабатывала как могла. Помогали ей братья и сестра Фаня, вышедшая замуж более удачно: ее муж Яков Гальпер стал управляющим отделением Русско-Азиатского банка в Новозыбкове. У них были дети — ровесники мамы и Наташи. Жили они в доме, где находился и банк. Туда в 1910 году отправили маму учиться в гимназии, там она и жила до 1918 года, приезжая в Мир только на каникулы.

Дочери тети Фани в годы революции уехали из Новозыбкова в Петроград. Помню их имена — Анна, Броня и Надя. Старшая, Анна, была членом партии эсеров, печаталась под псевдонимом «Анна Каренина». В 20-е годы она вышла замуж за А.Раскина, известного ленинградского педагога. Я познакомилась с Анной Яковлевной, когда ей было уже далеко за семьдесят, но она оставалась живой, общительной женщиной, именно женщиной, а не старухой.

Вообще все сестры Гальпер были интеллигентные, добрые и очень любили друг друга. Когда младший сын Анны Яковлевны решил жениться, а жилья не было, Броня отдала племяннику свою комнату, а сама переехала к Ане, и они жили вдвоем в одной комнате всю оставшуюся жизнь. Наверно, я запомнила этот эпизод потому, что у нас с Борей были тоже большие трудности с жильем, но некому было нам помочь.

В гимназии, по словам мамы, были хорошие учителя. Девочки очень любили свою классную даму, молодую, образованную и красивую женщину. Там был, конечно, свой стиль. Гимназистки вели альбомы, в которые вписывали любимые стихи и пожелания друг другу, например: «Люби меня, как я тебя, и будем вечно мы друзья» или на самом конце последнего листа: «Кто любит более тебя, пусть пишет далее меня» и другие благоглупости, которые переходили из альбома в альбом. Но там были и стихи Надсона, Апухтина и, наверняка, Пушкина, Лермонтова и Некрасова...

В течение всей гимназической жизни у мамы была любимая подруга Лиля (возможно, Елизавета) Липницкая, дочь предводителя дворянства — интеллигентного образованного человека, приветливого гостеприимного хозяина красивого имения недалеко от города. Лилия часто приглашала

маму в гости, и ее там хорошо принимали и любили. Мать Лили давно умерла, и в 1917 году, когда девочки кончили гимназию, Липницкий женился на их классной даме.

Мама вспоминала, что в доме Лили на чердаке стоял сундук с маскарадными костюмами. Девочки иногда забирались туда и примеряли их: закрыв полумаской лицо, они надевали нарядные платья светских дам, испанок, цыганок, костюмы пиратов, клоунов, Пьеро...

Мама не забывала свою подругу, после революции пыталась разыскать ее, но из этого ничего не вышло: Липницкие либо уехали за границу, либо погибли.

Мама окончила Новозыбковскую гимназию с золотой медалью (ее аттестат до сих пор хранится у нас), затем в течение года училась в дополнительном общеобразовательном классе и окончила его в 1918 году. В «Свидетельстве» сказано, что «представительнице сего... предоставляются все права, приобретаемые окончанием мужской гимназии или реального училища... в частности право поступления без дополнительных испытаний в высшие учебные заведения». По всем предметам мама «оказала познания» — отличные (5), кроме математики, по которой «оказала» — хорошие (4).

Город Новозыбков Черниговской губернии был знаменит парком, принадлежавшим князю Святополк-Мирскому, у входа в который висела табличка: «Собакам и евреям вход воспрещен».

После революции Бабушка с мамой и Наташей переехала в Харьков, где жил ее брат Наум («дядя Наха»). Я его хорошо помню. Он был старым холостяком, но в конце концов женился на женщине со странным именем Бунета. Кажется, наши женщины не очень ее одобряли. Меня поразило, что в ее комнате посередине стояло кресло-качалка и стены были сплошь увешаны коврами. Я такого никогда не видела — у нас был совсем другой стиль.

В Харькове, когда уже была я, Бабушка жила отдельно. У нее была комната в полуподвале. Вход был через кухню, а в окне мелькали ноги прохожих. Потом Бабушка переехала к нам: одна комната формально считалась принадлежащей ей. Бабушка хранила официальные документы на эту комнату, и это сыграло в 37-м году большую роль в нашей судьбе: нас не выбросили на улицу, как семью Розенберга, а оставили в «бабушкиной» комнате.

В Киев мы переехали уже вместе, и всю остальную жизнь, до самой Бабушкиной смерти, я ощущала ее рядом, хотя после выхода замуж жила отдельно.

Итак, после ареста родителей мы остались вдвоем. Вечерами мы часто играли во всякие игры, например, бирюльки: горкой из специальной мисочки высыпали мелкие деревянные детали, а потом крючком вытаскивали их так, чтобы соседние не шелохнулись. Играли и в слова, рыбную ловлю, даже в «дурака», хотя бабушка карты не любила, в отличие от мамы, которая играла очень азартно, — наверное, наследие отца.

У Бабушки была своя манера выражаться. Так, она говорила: «После появления Мичурина в России исчезли вкусные яблоки».

«Это сливки? — спрашивала она. — До революции это называлось молоком». Или: «Ни в коем случае нельзя целовать некрасивую девушку: она всем расскажет, и завтра это будет известно всему местечку». «Я знала отца Свердлова, который жил в Нижнем Новгороде, — говорила бабушка. — Вполне был порядочный человек» (следовало понимать — в отличие от сына).

Самым интересным был рассказ о Сталине (это в тридцатые-то годы!): «Сталин был конокрад. Я это точно знаю: моя знакомая была с ним из одного города (город не уточнялся). Там все это знали».

А в это время из черной тарелки репродуктора раздавалось:

*На просторах родины чудесной,
Закаляясь в битвах и труде,
Мы сложили радостную песню
О великом друге и вожде:
Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полет...*

Бабушка точно знала, что «конокрад».

У родителей был в Москве знакомый, даже дальний родственник, по фамилии Розовский, имени не помню. В 30-е годы он был крупным чиновником в НКВД. И вот после ареста обоих родителей Бабушка поехала к нему в Москву — хлопотать. Она явилась к нему домой, в дом, где внизу в подъезде сидел швейцар.

Розовский принял ее хорошо, обещал помочь, но потом показалампулу с ядом и сказал, что сам ждет ареста. Действительно, вскоре его арестовали и он сгинул.

Недавно мне в руки попала газета «Вечерняя Москва» от 26 июня 1999 года, а в ней, в рубрике «Страницы истории», статья «Заговор прокуроров», из которой я узнала, что Розовский до ареста был главным военным прокурором.

Мама знала его с детства, так как он учился в Новозыбковской мужской гимназии с ее двоюродным братом. Они были друзьями. Наташа даже утверждала, что Розовский был влюблен в маму. Недаром он называл ее Розочкой и обещал сделать все, что сможет. Что ему удалось сделать, трудно сказать.

Бабушка вернулась домой, и вскоре мама вышла из Лукьяновской тюрьмы (со дня ареста прошло 6 месяцев) и получила предписание, как говорили, «минус пять», то есть разрешение жить везде, кроме пяти городов: Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова и Одессы. Это было очень мягкое по тем временам решение, и мама уехала в Запорожье, где жил папин брат Миша. Объединились мы только через три года, в эвакуации, во время которой мы жили в Уфе. В 46-м году вернулись в Киев, в одну

семнадцатиметровую комнату бывшей Наташиной квартиры на пятом этаже без лифта. Здесь нас оказалось пятеро: Бабушка, мама, Наташа, ее сын Витя и я.

Бабушка продолжала заботиться о нас: варила, чтобы, придя с работы или с занятий, каждый мог поесть горячего. Жизнь была скучная, мама и Наташа работали, я получала грошовую стипендию, учась в Киевском университете. Витя пошел в школу. Бабушка любила моих университетских подруг, они с любовью вспоминают ее и сейчас.

Умерла бабушка на 91-м году жизни, в 1964 году. Память о ней живет в моем сердце. Надеюсь, и все знавшие ее будут помнить Бабушку Лилию.

Папа, мама и я

Мой отец, Александр Борисович Михельсон, родился 5 апреля 1894 года в большом селе Жеребец, недалеко от города Александровска (Запорожье) на Украине.

Семья была с достатком. Отец, Борух (или Берл) Каминский, торговал зерном, занимался извозом, держал лошадей, возчиков и тому подобное. Большой семьей жили в собственном доме. Семейей распоряжалась моя вторая бабушка, Мария Львовна, красивая и властная женщина. Детей было шестеро: четыре сына и две дочери.

Старший сын, Михаил Борисович Каминский, дядя Миша, высшего образования не получил, работал всю жизнь то ли бухгалтером, то ли счетоводом.

Два брата, Иона и Илья, и сестра Евгения получили образование в Швейцарии — в университетах Женевы и Берна. Все трое погибли во время гражданской войны: Женя была врачом и умерла от тифа, братьев убили бандиты, белые ли, красные ли — не знаю.

После гражданской войны в живых остались трое из шести: старший — Миша и младшие — Саша и Ида.

Идочка, судя по сохранившимся фотографиям, была очень хорошенькой. Она тоже после революции жила в Харькове, встретила там своего будущего мужа, Сергея Кирилловича Соломенцева. Он был сыном православного священника, и жениться на еврейке ему было непросто. Но любовь была велика: Ида приняла крещение, получив православное имя Аделаида. Они прожили долгую жизнь в любви и согласии. Во время войны они оставались в оккупированном Харькове, и Сергей Кириллович спас жену от гибели: он увез ее из Харькова в деревню, подделал паспорт, и они дождались ухода немцев.

Вспоминая детство, папа рассказывал такую историю: однажды, когда вся большая семья обедала, отец заметил, что дети не едят супа. Оказалось, что дети не любят перловый суп. Тогда отец призвал кухарку и приказал: варить перловый суп ежедневно. Через несколько дней его ели все.

А еще такой эпизод.

Однажды гости спросили папу как самого младшего:

— Кто у вас в семье самый умный?

— Иона (Еня), — сказал Саша.

— А кто самый глупый?

Саша заплакал и ответил:

— Я бы сказал, да Мишка бить будет.

Теперь о фамилии. В этой семье все носили фамилию — Каминские. Папа же оказался Михельсоном. История этой фамилии такова: у кого-то из родителей папы, то ли у отца, то ли у матери, была сестра, имевшая прозвище «тетушка Гигиена», а фамилия ее мужа — Михельсон. И вот этот Михельсон усыновил (формально) моего будущего отца, т.к. у них с тетушкой Гигиеной не было детей, а единственного сына в армию не брали, следовательно, это в будущем освобождало папу от службы в армии. Продолжение этой еврейской затеи таково: дяде Михельсону надоела Гигиена в прямом и переносном смысле, он бросил тетушку, женился на другой и нарожал кучу детей, вследствие чего папу в положенный срок призвали, он участвовал в первой мировой войне и даже попал в плен. А фамилия осталась.

Учился папа в Александровском коммерческом училище, а получать высшее образование поехал в Швейцарию, в город Берн, на экономический факультет. Возможно, там учился еще кто-то из братьев. Знание немецкого языка, очевидно, было. Время он проводил весело, по-студенчески. Нужно сказать, что в Швейцарии в это время жило много русских революционеров-эмигрантов. Находился там и Ленин. Но папа политикой и революционными идеями не интересовался и в «порочащих связях не был замечен».

К сожалению, учился он в Швейцарии только один год: началась первая мировая война. Папа вернулся в Россию через Германию. Как это происходило, сказать трудно, но такие случаи бывали. Скоро он был призван, стал «вольноопределяющимся», участвовал в войне и попал в плен, кажется, во время Брусиловского прорыва.

Венгерский помещик по фамилии Бер (еврей по национальности) взял в свое имение на работу нескольких военнопленных, в том числе папу. Условия жизни оказались неплохими, за стол садились вместе с хозяевами. У папы завязался роман с дочерью хозяина Илоной. Узнав об этом, Бер поспешил избавиться от папы. В память о любви Илона подарила ему медальон в виде сердечка с эмалью, на котором изображен ангел. Медальон сейчас находится у меня. Своим именем Елена я обязана Илоне.

Вернулся папа домой уже после революции, образование (экономическое) заканчивал в России в 20-е годы, заочно.

Папа, умный, красивый, веселый, обаятельный и общительный человек, имел много друзей. Он любил шутки, дружеское застолье, любил

жизнь, оставаясь светским человеком европейского склада, без суеверий и местечковых предрассудков.

Мои будущие родители познакомились в начале 20-х годов в Харькове, когда Бабушка с дочерьми Розой и Наташей переехала туда к родному брату Науму (дяде Нахе).

Об этом периоде их жизни я знаю мало. Мама и Наташа работали и учились — мама работала на кондитерской фабрике, а Наташа — на табачной. Обе учились в Харьковском университете. Мама — на филологическом факультете, а Наташа — на юридическом.

Мои родители поженились 22 июня 1922 года по еврейскому обряду, без регистрации в загсе. Зарегистрировали брак через много лет ради формальности.

Мама в молодости была очень красива: брюнетка с яркими синими глазами, стройная, высокая, с длинной толстой косой ниже пояса. Она очень любила папу, ждала его возвращения из лагеря и ссылки 20 лет.

Вначале родители жили в Харькове, потом в Виннице, потом в Одессе, потом опять в Харькове. Папа уже работал в «Заготзерне», и частые переезды связаны с его служебной деятельностью. Это были годы нэпа.

В конце 20-х годов родители окончательно осели в Харькове, где 28 декабря 1928 года я и родилась. «В частной клинике профессора Брауде», — не без гордости говорила мама.

Когда мне было два или три года, родители переехали в отдельную квартиру в доме «Заготзерно». За домом был большой двор, где гуляли дети. Сохранилась старая, выцветшая любительская фотография, на которой можно различить нашу детскую дворовую компанию. Было у меня тогда прозвище — Пуша, оно переехало со мной в Киев и сохранялось до войны. Возможно, оно возникло потому, что зимой я ходила в белой пушистой шубке с черными хвостиками, как горностаевая мантия.

Впервые я встретила с «еврейским вопросом», когда мне было года четыре. Кто-то во дворе спросил у меня: «Ты еврейка?» Я ответила: «Нет, я харьковчанка». Это не было сказано с каким бы то ни было умыслом, просто я не знала, что это понятия разного ряда, и что я действительно еврейка, и что это значит. Дома над этим посмеялись.

Иногда папа возвращался с работы на извозчике. Покататься на пролетке было моей мечтой. Папа обещал и свое обещание выполнил: приехал на извозчике, вышел, поднял меня на руки и посадил на кожаное сидение. Счастье и гордость переполняли меня, но тут на улицу высыпали дети из нашего двора и с завистью смотрели на нас. И тогда папа сказал: «Садитесь все!» Они бросились к пролетке, уселись кто куда, кое-как поместился и папа, взяв меня на руки, и вся орава поехала кататься.

В 1934 году столицу Украины перенесли из Харькова в Киев. Переезжали все республиканские учреждения и с ними «Заготзерно». Так мы оказались в Киеве. Бабушка потом говорила, что именно в Киеве начались все наши несчастья.

Летом после переезда мы жили в Пуше-Водице. Смутно помню деревянную дачу, зеленый участок вокруг, лес, пруд.

В конце лета переехали в город, в большую коммунальную квартиру. Там кроме нас жили Розенберги, Арндты, других не помню. Это было временное жилье, так как «Заготзерно» строило для сотрудников специальный дом. Пока же мы жили в двух смежных комнатах. Здесь мне исполнилось шесть лет. Событие отмечалось пышно, с участием соседей. В проеме, соединяющем комнаты, повесили полотнище с вырезанной круглой дыркой, в которую просовывали голову выступающие. Висели плакаты с цифрой 6, на столе стоял торт тоже с цифрой 6. Участие принимали не только дети, но и их мамы, которые пытались наладить социалистический быт. Выступления готовились заранее, проводились репетиции. Помню стихи:

*За соцсоревнование, за пятилетний план
Мы выполним задание рабочих и крестьян.*

Или такое:

Наши домны — огромны!

Потом следовали поздравления в стихах и прозе, подарки. Я была счастлива.

В новый дом мы переехали, очевидно, в 35-м году. Переехали все, кто жил на Большой Житомирской. Мы оказались в первом парадном на четвертом этаже. Лифта не было, но квартиры оказались хорошими. Во дворе находилось небольшое одноэтажное строение, в котором должны были осуществляться элементы социалистического быта: столовая с домашними обедами, пионерский форпост, прачечная и т.д. Но все это «отцвело, не успев расцвести». Зато во дворе посадили молодые клены, за каждым ухаживал кто-то из детей. У меня тоже имелось свое дерево в углу двора.

В том же 35-м году советское и украинское правительство разрешило устанавливать и украшать елку к Новому году. Это преподносилось как большое достижение и благодеяние для народа. Неработавшие женщины нашего дома взялись за дело. В квартире Розенбергов установили елку. Дора Розенберг и Фаина Михайленко, преподаватель музыки, готовили новогодний концерт. Кроме уже упоминавшихся стихов, звучали песни Дунаевского и вынутые из нафталина нэпманские куплеты про Марью Ивановну и Ивана Иваныча. Но инсценировка не состоялась: дети не могли понять, чего от них хотят «режиссеры-постановщики».

Хорошо помню столовую в нашей квартире. Посередине — стол, вокруг него — стулья. Справа в нише — буфет. В нем посуда и всякие вкусные вещи. Когда открывались дверцы, по комнате разносился пленительный запах какао, ванили, корицы, гвоздики. Этот запах я очень любила, он создавал настроение праздника, радостное ожидание. Кроме того, в буфете за стеклом стояли вазочки с тонким, в пастельных тонах, как будто

растворяющимся рисунком. «Датский фарфор», — говорила мама. Рядом стояла круглая, из слоновой кости резная шкатулка с крышкой, на крышке — извивающийся дракон. Еще помню японский сервиз из тончайшего фарфора, на нем — изящные японки, пейзажи, домики, чаепития. Когда папу арестовали, мама многие вещи и книги продала.

Против двери, рядом с окном, стоял книжный шкаф, вернее, книжные полки. Книг было много, папа все время пополнял свою библиотеку, ходил по книжным магазинам, бывал у букинистов. Его там знали, оставляли интересные издания. Над книжным шкафом в овальной черной рамке висела репродукция картины Куинджи «Березовая роща». Слева, у самой двери, стоял так называемый «ледник», белый низкий старинный шкафчик с двойными стенками, куда набивали лед, это был прародитель холодильника. В мое время им пользовались как простым шкафчиком.

Помню появление новых советских фильмов: «Веселые ребята», «Цирк». И хотя фильмы неплохие, особенно по тем временам, я не люблю их. Для меня они символизируют то время, трагедию 30-х годов. Как теперь поет группа «Машина времени»:

*Сладко ты спишь, черный малыш,
В цепких советских руках...*

В основе — эпизод из фильма «Цирк»: зрители, сидящие в цирке передают друг другу спящего негртенка, чтобы спасти его от кроважадного американского «буржуя». Звучит красивая колыбельная мелодия Дунаевского, ее-то и использовала «Машина времени». Одного из зрителей, баюкающего маленького негра, играл великий еврейский актер Соломон Михоэлс. С этим эпизодом происходили постоянно метаморфозы: то Михоэлс есть, то его нет, то фильм «Цирк» идет с участием Михоэлса, то без него, в зависимости от национальной политики партии в данный период.

Мама работала в Госплане Украины экономистом. Бабушка вела хозяйство с помощью домработницы Вари. В Госплане на Новый год и другие праздники устраивали для детей утренники с выступлениями, подарками, лотереей и катанием на машинах. На одном таком утреннике я выиграла в лотерею два портрета — Ленина и Сталина, в светло-коричневом паспарту, под стеклом. О них я еще расскажу.

Во дворе шла своя детская жизнь. Имелся и свой хулиган — Витька Стовбур. Когда он появлялся — двор пустел. Витька бил всякого, кто попадался под руку, просто так, без причины. Был он постарше и чувствовал свою силу, а я — самая младшая в дворовой компании, и он меня никогда не трогал, но, как и все, я его боялась. Рассказала папе, он сказал: если ударит, дать ему сдачи. Однажды я попробовала дать сдачи (не помню даже кому) и поняла, что не могу ударить по живому.

С нетерпением ждала я выходного дня, который начинался всегда одинаково: после завтрака мы с папой шли гулять. Это было счастье. Вниз

по улице Ленина, мимо Оперного театра спускались к Крещатику. Потом по Крещатику налево до Николаевской (Карла Маркса), а там роскошная, старой постройки, гостиница «Континеталь», цирк, старинные многоэтажные киевские дома, украшенные скульптурой. Там находился табачный магазин, где в витрине на больших старинных часах, на маятнике в виде качелей, раскачивалась девушка в розовом платье. Я, как зачарованная, смотрела на нее. Казалось, локоны и оборки платья взлетают и опускаются в такт движению маятника. Николаевская была выложена отполированным булыжником в виде ракушек, выступающих одна из-под другой. На небольшой горке в конце улицы, где сквер с фонтаном посередине, стоял Театр украинской драмы — киевское барокко, голубой с белым, невысокий, красивый, уютный.

Во время прогулки мы заходили в книжные магазины — на Ленина и на Крещатике, ели вкусные пирожки, пили воду с сиропом. Гуляли сначала по центру, потом по Царскому саду над Днепром. Есть у меня фотографии: мы с папой на лестнице, ведущей из Царского сада в Купеческий (тогда из Первомайского в Пионерский). Возвращались домой к обеду, мама и бабушка уже ждали нас. И каждый раз это был праздник.

В 1936 году папа повел меня в 52-ю школу на улице Ленина. Начало учебы было для меня нелегким. В детский сад я не ходила и к школьным порядкам привыкала трудно. Первая учительница, не очень добрая горбунья, ко мне всегда относилась хорошо. Но она кричала на других, и я переставала соображать из-за ее крика.

Существует поверие (я об этом слышала), что горбатая женщина приносит несчастье. После ареста родителей дети нашего двора вели об этом разговор, именно о горбатых и их влиянии на окружающих. Я возразила, что это все глупости, а кто-то из детей постарше сказал: «У тебя учительница — горбатая, вот ты и несчастная». Так впервые «упало каменное слово» на мое детское сознание. «Несчастная» — суждение окружающих, ужаснувшее меня. Но тем не менее несчастной я себя не чувствовала, может быть, потому что всегда была окружена любовью близких, и не только родителей и бабушки, но и тети Наташи, ее мужа Володи, тети Иды и Сергея Кирилловича, Сими Михайловны Арндт, ее мужа Вольдемара Германовича, все относились ко мне с любовью и заслоняли меня от «несчастья» как могли.

Среди нашей дворовой компании моим наиболее близким другом оставался Витя Розенберг, он был на два года старше меня и явно мне покровительствовал. Кроме него, мне нравились братья Эдельштейн. Они жили в нашем парадном на втором этаже. Мальчики много читали и во дворе рассказывали о прочитанном, а иногда приносили книги. В их исполнении я впервые слушала поэму Лермонтова «Боярин Орша».

В первом классе в меня «влюбился» соученик Леня Гольденберг, худенький мальчик с тонкой шеей, круглыми глазами и большими ушами.

Любовь свою он выражал так: на перемене, увидев меня в коридоре, он кричал: «Михельсон, я тебя люблю, я на тебе жениться буду!» Меня оскорбляло не только содержание, но и форма объяснения — «Михельсон» и «жениться буду». Все видели и слышали мой позор. Дома я сказала маме, что в школу больше не пойду, и расплакалась, но причину объяснить не могла. Меня оставили дома, а в школу пошла мама. Учительница быстро разобралась, в чем дело, и положила этому конец.

Теперь о самом страшном — о 37-м годе. Мне было 8 лет, и, конечно, я не могла в полной мере понимать все нарастающего ужаса, как будто бы растворенного в воздухе. Уже в начале 30-х годов я слышала разговоры о голоде в деревне. Тетя Наташа ездила «на буряки», очевидно, на уборку в умирающую деревню. В моде была песня:

*«Живем мы весело сегодня,
А завтра будет веселей!»*

Но взрослые произносили эти слова многозначительно.

«Друг и вождь» тем временем не дремал. Шли громкие судебные процессы над «врагами народа», коих было несметное множество. Начался процесс и над руководителями «Заготзерно» — арестованы управляющий, его заместители, некоторые начальники отделов. Папу уже уволили с работы, и он томился в ожидании ареста.

Кое-кто из друзей советовал папе уехать, в надежде, что искать не будут, но он от этой идеи сразу отказался: во-первых, сбежать — значит признать свою вину, которой нет, во-вторых, как же семья? Вообще это было не в его характере.

26 декабря ночью пришли, делали обыск, опечатали одну комнату. Я лежала в бабушкиной кровати и дрожала. Перед уходом папа подошел ко мне, поднял, прижал к себе, поцеловал. Увидела я его в следующий раз через двадцать лет.

Начались хлопоты. Узнавания, продажа книг, ценных вещей. А 18 марта 38-го года в Лукьяновскую тюрьму увели маму. Разговора «За что?» — никогда не было, само собой разумеется, что ни за что, как многих других.

Как реагировали люди вокруг? Арндты поддерживали нас с первых дней до самой войны на глазах всего дома, где, конечно, жили разные люди, могли найтись доносчики. Какая-то соседка (не помню кто), встретив меня на лестнице, порывисто обняла, прижала к груди мою голову и быстро пошла дальше, а соседка из квартиры напротив, встретив маму, сказала: «У нас ни за что не сажают». Думаю, что сказано это было от страха, охватившего тогда многих.

Мамина сотрудница и приятельница Аня Днепровна однажды провела со мной целый выходной день. Вначале пошли в кукольный театр, потом ели мороженое, гуляли. Но я тяготилась ее вниманием и добротой, понимала их смысл и хотела поскорее домой к бабушке. В другой раз Сима Михайловна Арндт взяла билеты на дневной спектакль в Оперу.

Шла «Ночь перед Рождеством». Меня отправили туда с Юрой и его другом. Сидели мы на галерке. Мальчикам лет пятнадцати было не интересно со мной, «маленькой». Иногда в воскресенье меня приглашала мать моей школьной подруги Люси Мазиной, старалась приготовить на обед что-нибудь вкусное, всегда была приветлива, ласкова.

К этому времени я успела полюбить школу. Там я не чувствовала перемен. Появились подруги: Лора Айзеншток, Люся Мазина, Наташа Братенко и самая близкая подруга — Люда Корниенко. Они жили на соседних улицах — Франко, Чапаева, Ленина, Лысенко. А недалеко от школы находилась редакция газеты «Вісті». В этой газете в конце мая 37-го года на первой странице появилась фотография: две девочки с цветами и бантами рассматривают свои первые аттестаты. Внизу подпись: «Відмінниці навчання Олена Міхельсон і Лора Айзеншток...» Так закончился первый класс.

Помню еще учительницу русского языка и литературы Анастасию Ивановну Дудник, она стала нашим классным руководителем. Властная, образованная, она одеждой и прической напоминала женщин начала века. С ней было интересно. Часто мы оставались после уроков играть в шарady: ставили короткие сценки, которые придумывали тут же. Игра так увлекала, что домой мы не торопились.

18 сентября 1938 года родился Витя, сын тети Наташи, мой двоюродный брат. Через несколько дней после его рождения вернулась домой мама. Еще до ее возвращения пришли люди из НКВД, чтобы вывезти мебель и все другие вещи из опечатанной комнаты. Один из приехавших, молодой, с круглым крестьянским лицом, подошел ко мне и сказал: «Девочка, может, там есть твои вещи? Можешь их взять». И тут я сказала: «Там два портрета — Ленина и Сталина, они мои». Это были те самые, выигранные на утреннике в Госплане, портреты. Он посмотрел на меня, уж не знаю, что подумал, потом пошел в комнату, из которой уже выносили мебель, и принес портреты. Почему я это сделала? Мысль была такая: они увидят, что самое дорогое для меня Ленин и Сталин, поймут, какую дочь воспитали мои родители. Значит, и они такие! Их освободят, и они вернутся домой. Незадолго до этого события в школе читали рассказ «Маша-революционерка», в котором девочка спасала своих родителей от жандармов. Происходило это, естественно, до революции. Возможно, идею я почерпнула оттуда. А говорят, что литература не влияет на жизнь!

В Лукьяновской тюрьме мама сидела в большой камере. Среди заключенных были и «жены врагов народа». Там мама научилась вязать, хотя тюремное начальство это запрещало. Крючок вырезали из зубной щетки. Нитку тянули из надетой на себя шелковой рубашки.

Когда заходили тюремщики или открывалось окошко в двери, вязание прятали под юбку или за спину. Так мама связала черную кофточку, которая сохранилась, проделав путь из Киева в Запорожье, оттуда в эвакуацию в Уфу, потом обратно в Киев, а теперь в эмиграцию, в Гамбург.

Через несколько дней мама уехала в Запорожье к папиному родному брату Михаилу.

Дело папы решилось довольно быстро — 15 лет лагерей и 5 лет поражения в правах, т.е. ссылки. Его судьбу решила Военная Коллегия Верховного Суда СССР 9 апреля 1938 года. Он был осужден по статье 54-7,20; 54-8; 54-11 Уголовного кодекса Украины (то же, что 58 статья в России — контрреволюционная деятельность).

Вначале его отправили на Соловки. Папина сестра Идочка ездила в Старобельск, в пересыльную тюрьму, чтобы передать теплые вещи. Мама выезжать из Запорожья не имела права. Потом зазвучала Кемь, железнодорожная станция на берегу Белого моря, где тоже была пересыльная тюрьма. Оттуда на пароходиках осужденных перевозили на Соловецкие острова, в лагерь. Там папа находился почти до самой войны, а потом заключенных переправили в Норильск. В трюме парохода построили нары в два-три уровня. Сесть или встать во весь рост невозможно, на другой бок поворачивались по команде. Многие умерли в пути.

В Норильске папа пробыл одиннадцать лет, вначале — на общих работах, а потом — нормировщиком и даже имел право «свободного хождения». Впрочем, какая свобода? Вокруг тундра, полярная ночь... Есть у меня присланная из Норильска фотография — исхудавшее до неузнаваемости лицо, рядом на тумбочке — гипсовый Лермонтов. Наверное, «Ленинский уголок». Папа имел право писать, и мы раза два или три в год получали письмо, не содержащее почти никакой информации, но свидетельствовавшее, что он жив.

За год до освобождения папу перевели в Александровский централ под Иркутском — старинная, еще царская тюрьма. О центре знаю только, что в нем имелась хорошая библиотека, сохранившаяся чуть ли не от декабристов. За успешную работу в Норильске папе сократили срок заключения на девять месяцев («Плюнули в море», — сказала мама), поэтому в начале апреля 52-го года его выпустили на поселение в Красноярский край. Он явился в районный центр Енисейск, там его зарегистрировали как поднадзорного и направили в деревню Ледяшово, расположенную на берегу Енисея. Классическое место ссылки. Кто только не побывал в этих краях! Работы нет, никакого содержания ссыльному не полагается (а до революции ссыльные получали на жизнь!). Папа стал почтальоном, но бесплатно: просто помогал старикам, а за это иногда давали продукты. Какие-то гроши посылали мама и тетя Ида. Через некоторое время из Ледяшово папе удалось перебраться в Казачинск. Оттуда в день своего рождения мама получила такую телеграмму: «Обнимаю, целую, как тридцать лет назад. Саша.» Телеграмма сохранилась. Мама два раза приезжала к нему, хоть дорога была очень трудной. Она привозила кое-какие вещи и продукты: в магазине Казачинска продавались только консервированные ананасы(!) из какой-то южноамериканской страны.

После 20-го съезда и доклада Хрущева появилась надежда. Начались хлопоты. Вначале писали, потом поняли, что ждать ответа придется долго. Решили ехать в Москву. В конце марта 56-го года, во время весенних школьных каникул, туда поехала я. Нашла Приемную Верховного Суда СССР, записалась в очередь к полковнику Григорьеву на следующий день. Кто-то посоветовал написать дома подробное заявление и идти на прием с готовым ходатайством. Я так и сделала.

Полковник сидел за письменным столом под портретом Дзержинского. Он был средних лет, благообразный, упитанный. Я протянула заявление, сопроводив его каким-то бормотанием. Полковник углубился в чтение, подчеркивая синим карандашом важные, по его мнению, места. Дальше все было, как во сне. дочитав заявление до конца, полковник поднял на меня глаза. Я сказала, что прошу пересмотреть дело отца как можно скорее, так как, несмотря на большое сердце, он все-таки жив, а большинство умерло. «Нет, — сказал полковник. — Большинство живы». Я, плохо соображая, стала спорить, а потом сказала: «Ну, вам видней». С этим я и ушла. Это случилось 27 или 28 марта, а 4 апреля 56 года дело было пересмотрено, и папа реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

У меня хранятся документы — бумажки с печатями, штампами и подписями, сквозь которые не просочилось «ни одной капли крови». Вот они:

1. Управление МВД по Красноярскому краю. 22 мая 1956 года. Справка выдана Михельсон А.Б., 1894 г. рождения. Военная Коллегия Верховного Суда СССР отменила приговор (15 лет лишения свободы) и прекратила дело «за отсутствием состава преступления». Фотография и печать. Подписи неразборчивы.

2. Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР. 27 июня 1956 года. Дело по обвинению Михельсона А.Б. пересмотрено 4 апреля 56 г. Приговор Военной Коллегии от 9 апреля 38 г. «по вновь открывшимся обстоятельствам»(!) отменен, и дело «за отсутствием состава преступления» прекращено. Полковник юстиции Лихачев. Печать. (Это какие такие «вновь открывшиеся» обстоятельства? Неизвестно.)

3. Военный трибунал Киевского военного округа. 25 января 1957 г. Дело по обвинению Михельсон Розы Григорьевны, 1899 г. рождения, пересмотрено военным трибуналом Киевского военного округа 22 января 1957 г. Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 7 июля 1938 г. «отменено, и дело о ней производством прекращено за отсутствием состава преступления». Полковник юстиции Захарченко. Печать.

Летом 56-го года мы встречали папу на Киевском вокзале. Мы — это мама, мой муж Боря, моя дочь Танечка и я. Когда его арестовали, мне было девять лет, когда он вернулся — Танечке исполнилось три года.

О своей жизни в лагерях и ссылке папа рассказывал мало, хотя вообще был общителен и любил рассказывать всякие забавные истории. Думаю, он не хотел говорить, не только потому, что было тяжело вспоминать, но еще и потому, что допускал возможность повтора. Когда в «Новом мире» появилась повесть «Один день Ивана Денисовича» (63 год), папа только сказал, что это, действительно, хороший день в жизни заключенного. Он рассказывал, что в лагерях было «хорошее общество», много интересных людей, например, профессор Журид, первый автор проекта канала Волго-Дон (с ним папа переписывался много лет после освобождения).

Иногда папа рассказывал о быте и нравах крестьян в Ледяшове. Например, если гость пришел незваный, а хозяева в это время пьют чай, он должен отказаться от чая, сказав: «Не для нас ставлено» (имеется в виду самовар). Если хозяева хотят угостить пришельца, то должны опять разжечь и вскипятить самовар. Тогда можно пить. Таков обычай. Один мужик жаловался на сильные боли в животе, ему посоветовали выпить стакан водки с перцем — очень помогает. Он выпил и умер. О враче никто даже не подумал.

За пропащие годы папа получил мизерную денежную «компенсацию» и комнату в коммунальной квартире в том самом доме, где мы жили до ареста. Он начал было работать, но скоро оставил «службу», так как она его не интересовала. Родители жили на пенсию, очень скромно, но при этом сохраняли общительность, живость, доброжелательное отношение и интерес к людям. У них часто бывали гости — не только их друзья, но и наши. Папа любил готовить, относился к кухне творчески. Они с мамой помогали нам: возились с Танечкой, потом с Наташенькой. В 1972 году мы отпраздновали их золотую свадьбу.

Лев Гумилев упрекал свою мать, Анну Ахматову, что она мало заботилась о нем в детстве, и, главное, когда он был в ссылке. Иосиф Бродский видел в этих упреках признак того, что Лев Гумилев «дал лагерям себя изуродовать, что система своего, в конце концов, добила», потому что нравственный закон для всех, отсидевших и никогда не сидевших, один: «не рань».

«Изуродовала» ли система моего отца? На первый взгляд — нет, но тень, знак остался навсегда. Однажды, когда папе было уже за восемьдесят, он вдруг пожаловался мне, что живет, как в тюрьме. Я была потрясена: в центре Киева, рядом мама, все мы, есть телефон, телевизор, радиоприемник, книги, свежие газеты, новые журналы, есть общение... Но, видимо, была неутолимая тоска по ушедшей жизни. Тогда я его не поняла, теперь понимаю лучше. Сказал он это только один раз, больше мы к этому разговору не возвращались.

Даже в старости родители были красивы, на них обращали внимание прохожие. Однажды на улице к папе подошел человек и сказал: «Батюшка,

окрестите ребенка». «Я не могу», — ответил папа. «Никто не узнает», — настаивал человек.

Папа умер 5 июля 1982 года.

Мама умерла 5 мая 1984 года.

Оба похоронены на Байковом кладбище, рядом с Бабушкой.

Не хочется заканчивать на этой грустной ноте. Но что поделаешь? Да и не конец это: ведь я их помню и люблю.

Январь 2000

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДАНИЕ

В «Егупце» № 7 мы открываем новую рубрику «Семейное предание», надеясь продолжать её и в последующих номерах. Материалы рубрики очень просты: это старые фотографии, изображающие, как правило, обычных, отнюдь не великих людей, и рассказы об их судьбах, сведения о которых ещё сохранились в семьях их потомков. Ведёт рубрику Селим Якут.

Фотография сделала мир демократичным. Теперь правнук может разглядеть прабабушек и прадедушек, исчезнувших лет за семьдесят до его собственного появления на свет. Их трудно вообразить, но можно увидеть. Дети, называющие родителей предками, точно передали суть эпохи. Вот они — лица предков, фамильное достояние, родословная, в которую можно взглядеться, продышать сквозь замерзшее стекло эпохи. Вот те давние лица, один к одному, ничем не знаменитые, ушедшие давно в рай, ад, на небо, в землю — каждый по вере. Десяток, два, три десятка лет, и судьбы, память о них растворяется бесследно. Если бы не фотографический снимок, листок, залетевший между страниц старого семейного альбома. Столетие прошло, а фото с нами. Действительно — предок, предки, но не скопом, *не массами*, а каждый сам по себе. Фотография сделала историю заурядной. Фотография убила аристократию. В крестьянской избе, хате, доме фотографии висят на стене, отороченные вышитым парадным полотенцем-рушником — свидетельство личной родословной, без гербов и грамот, жалующих рыцарство или дворянство. Фотографии скрепляют деревянные стены, как тяжелые портреты — стены родовых замков. Фотография наградила простолюдина родовым достоинством. Фамильный снимок, приуроченный к событиям и датам, скупое отмечающим крестьянское, мещанское и прочее, прочее простое житие — в армейской форме, в свадебном наряде, всей семьей — ступенька родовой биографии. Спаси и сохрани. Они наполняют мир особым содержанием. Они — *пузыри земли*, слитые с воздухом эпохи. Фотография — неперенное дополнение к рассказу, она служит его началом и причиной второго более точного взгляда, не только взгляда, но *вглядывания*. Семейное предание — неперенная связь фотографии и рассказа, человек со старой фотографии и послание из глубины, дополнение завершенной, казалось бы, навсегда истории, след из остывающего времени...

Подольский Вольф Мошкович. Перед нами родоначальник большой семьи, по профессии кузнец. До революции был у кузнеца хороший костюм, белая рубаха и красивый галстук. Может быть, технические возможности фотографии тогда были другие, а может быть персонажи тех давних снимков — профессора, аристократы и кузнецы — выглядели примерно одинаково. Судите сами.

В 90-х годах XIX века служил Подольский в Астраханском гренадерском полку. Полк стоял в Москве и нес караульную службу. Определили Подольского в гренадеры за богатырский рост и силу. Во время коронации Николая Подольский был в оцеплении на Ходынке. Растаскивал знаменитую давку, видел все своими глазами. Впечатления от службы остались разные, но польза была. Офицер — один из тех, что брались просвещать народ, выучил Подольского читать и писать по-русски.

После службы Подольский вернулся в Киев, женился, начал обзаводиться детьми (всего их оказалось пятеро) и хозяйничать на кузне. В кузнице он работал с 9 лет, когда пришел в город пешком из Борисполя. Тогда трудился

за кормежку и ночлег. Вернулся со службы и завел собственное дело. *Кузню*. Любил огонь и металл. Была работа, дом появился на улице Предславинской (на том месте теперь троллейбусное депо). Обедать Подольский шел домой. Заработанные деньги сдавал жене. Мелочь вытряхивал из сапога, туда он ее ссыпал. Для детей была игра — подобрать монетки и отправить в копилку. А сам хозяин стягивал кузнечную робу (шили ее тогда из мешковины) и мылся. Не поднимая головы, нашаривал на шкафу бутылку. Там было ее привычное место. Делал несколько глотков, прочищал горло от копоти и садился за еду. Бутылка была одна и та же, жена следила, чтобы не пустела — покупала разливную водку в *монополюке*. Жена была очень красива, причем красотой нордической, остались фотографии.

После революции, в 30-е годы, когда условия для получения образования сложились для евреев очень благоприятно, у детей Вольфа Мошковича оказались трудности. Хоть профессия самая пролетарская, но он был — *частник*, кустарь, значит, у детей происхождение мелкобуржуазное. Долго Подольский держал сына возле себя, пока тот не отложил кузнечный инструмент и пошел устраиваться на рабфак. Не в традициях это было — перечить отцу, но и время новое, страна дала еврею возможность выучиться на инженера. Во время войны Подольский-младший был начальником цеха на авиационном заводе, к каждому самолету, что шел на фронт, он приложил руки. Самолетов были тысячи.

Эвакуацию пережили в Куйбышеве, так тогда называлась Самара. Поселили всей семьей в барак — с дочерьми, невестками, внуками.

Мужчины, кроме сына-инженера — второй сын и три зятя — ушли на фронт, никто не вернулся. Стояли бараки на территории бывшей зоны, зски вели здесь строительство, когда закончили, лагерь перевели на другое место. Выжить было непросто — детей кормить, печку чем-то топить. Вольф Мошкович обследовал территорию и нашел. Нашел следы от спиленных столбов с колючкой. Столбы были лагерные, длиннющие и в глубину немалые, метра полтора, не меньше. Сверху спилили, а снизу — под землей и снегом — чистые дрова. На три года, что они там жили, как раз хватило. Зона была большая. Кончался запас, Вольф Мошкович со старшими внуками отправлялся и выдергивал по одному. Хорошее дерево, на охрану не жалели.

И после войны он работал. До восьмидесяти лет не мог расстаться с молотом и наковальней.

И вот еще одно совсем давнее воспоминание. Когда началась японская кампания, Подольскому полагалось призываться и опять идти в армию. На войну. Детей к тому времени было уже трое. Кто их кормить будет, если что? Подольский сложил фанерный чемодан, сел в Одессе на пароход и отбыл в Америку. Плыли долго, три недели на самых бедняцких местах — в трюме. В Америке он устроился легко, там рабочие руки были нужны. Неплохие деньги получал, по-английски заговорил. А вернулся в Киев, потому что вышел Императорский указ в честь рождения Наследника. Многодетных отцов от воинской повинности освободить.

И вот один и тот же вопрос во время семейного рассматривания давнего фото — почему не остался в Америке? Была бы теперь американская семья в третьем поколении, уже четвертое готовится своих детей иметь. Сам Вольф Мошкович на этот вопрос отвечать не любил. Только жена знала и рассказала со временем. Пока добирался он до Америки, от тяжести плавания умерло двое детей. На его глазах, трюм — не каюта, все видно. Похоронили ночью в море, торопливо, тайком, чтобы не огорчать пассажиров с верхней палубы. Этого забыть он не мог. Потому не стал везти своих. Человек был крепкий, казалось, все мог вынести, а этот страх не смог пересилить. За жизнь детей. А на жизнь кузнец всюду заработает. Лошади везде есть.

Жалел ли об Америке? Этого не знают даже родственники.

Лерман Мария Аркадиевна. Лерман — это по мужу, а девичья фамилия — Гилик. Фотография тридцатых годов. Не кинопроба, не театральная, простая фотография молодой женщины, комсомолки. Мария Аркадиевна участвовала в движении самым искренним образом. Строили гимнастические пирамиды, она была рослая, место занимала на втором уровне, юноши — молодцы — спортсмены — держали снизу за ноги, а над ней еще два этажа. Потом прыгивали на сцену, строились и пели хором. *Мы — синемблужники, мы — профсоюзники.* Комсомолом Мария Аркадиевна доро-

жила. Любила семечки — белые, тыквенные, в комсомоле это считался порок, буржуазный пережиток. За это прорабатывали. Мария Аркадьевна покупала семечки и ела их тайно с близкой подругой. Закрывали ставни. Жили они на первом этаже, в окна заглядывали, не стесняясь, и соратницы по комсомольской ячейке могли донести. Из лучших побуждений, конечно.

Мария Аркадьевна закончила три курса киевского киноинститута. Училась снимать, пока не влюбилась. Мужа тут же отправили служить в Ленинград. Мария Аркадьевна разрывалась, ездила к нему, пропускала занятия и в конце концов институт бросила. Закончила курсы стенографии, эта профессия ее потом кормила. А мужа любила всю жизнь, они прожили счастливо, ходили до старости в обнимку. Во дворе их так все и звали — молодоженами.

В Киев Мария Аркадьевна приехала из Иванкова, на возу с соломой. Было это во время гражданской войны, ближе к концу. Отец ее работал краснодеревщиком в Киеве (он рано потом умер от тифа), а мать с детьми жила в Иванкове. И жили бы дальше, если бы не атаман Струк. Пришли его хлопцы, увели со двора корову. Корова кормила всю семью. Мать пошла к атаману. И добралась до него, как ни удивительно. Атаман сидел в хате и крепко ел и пил. Мать на него накричала. Как это он себе представляет, чем она должна детей кормить. Атаман скорых решений принимать не стал и сказал: «Йди, Лия (ее Лией звали), та посидь вдома. Мы до тебе ввечері прийдемо».

Лия была очень хорошенькой женщиной. Воротилась домой и по совету соседа украинца ждать не стала. Тот Струка знал. Сосед снарядил телегу, насыпал в нее соломы, припрятал под соломой детей и вывез всю семью тайком из села. Так Мария Аркадиевна попала в Киев.

Муж ее воевал, сначала солдатом, потом из окружения (пришлось и в болоте отсиживаться, дышать через соломинку) попал в партизанский отряд. Здесь у него было полно приключений. Был много раз на самом краю гибели. Но остался цел. О нем писали в партизанских воспоминаниях. Марии Аркадьевне повезло, здесь была и ее заслуга. Неверующая, она каждый час его вспоминала, молилась и сохранила.

Во время войны Мария Аркадьевна попала с матерью и дочкой в город Молотов, так тогда называлась Пермь. Работала на большом нефтекомби-

нате. Со знанием стенографии ее взяли секретарем к директору комбината Тагиеву. Это был очень красивый и умный мужчина. И жена красивая. Мария Аркадиевна с ними очень сдружилась. Тагиев ей доверял как себе самому. Директора должны были неотлучно сидеть на службе, днем и ночью. Но Тагиев, когда уставал, оставлял вместо себя Марию Аркадиевну, а сам ехал домой отдыхать. Она должна была его поднять, если что. Несколько раз на Марию Аркадиевну попадал Берия. Он обзванивал по ночам важные объекты. Первый раз расспросил подробно и строго: «Кто такая? Почему в кабинете? Где директор?» А потом уже не удивлялся, узнавал голос. Объяснения Марии Аркадиевны его устроили.

После войны Мария Аркадиевна много лет работала в Министерстве культуры Украины. Референтом у министра Литвина. Она была о нем высокого мнения, считала политиком, культурным и умным человеком. Мария Аркадиевна стенографировала на Коллегиях министерства. У них был свой знак, когда Литвин поднимал палец, это значило «дословно записывать». Тогда творческие премии, лауреатства утверждали на таких коллегиях. Выслушивать приходилось очень много и важно было записать все точно.

К тому времени Мария Аркадиевна уже обрела свойства, которые остались до самого конца. Спокойствие и глубокую искреннюю доброжелательность. Современную литературу она не любила, борьба за писательские премии произвела на нее впечатление. Когда Литвина отправили на пенсию, она тоже ушла. Хотя ее уговаривали остаться. Стала работать контролером в филармонии. Немолодые люди еще помнят тогдашние столпотворения. На Рихтера, например. Если собрать всех безбилетников, попавших на такой концерт, то половина, это точно, числилась за Марией Аркадиевной. Конечно, без всяких денег и контрамарок. Интересно, что и с администрацией удавалось ладить. Ее до сих пор помнят, хоть не то что время — эпоха ушла.

Майзлиш Александр Моисеевич. Ровесник двадцатого века, даже немного старше. Участник гражданской войны на стороне красных. А на чьей же еще еврей? Взяли его из Киева, как раз он успел окончить фельдшерские курсы. Определили военфельдшером и отправили с пехотным подразделением под Канев. Ваты, бинтов, конечно, не было и в помине, из лекарств дали марганцовку и бутылку спирта. Майзлиш бутылку припрятал. Сам он был человек принципиально непьющий, спортсмен. Еще гимназистом выписывал журнал с советами по закаливанию, стоял по утрам в тазу с холодной водой, занимался гантельной гимнастикой. Это еще

до революции, в Нежине, где они тогда жили и отец держал аптеку. Вообще семья не бедствовала, несколько каменных нежинских домов были за ними. Как и квартира в Киеве, откуда Майзлиша взяли в Красную Армию. Еще была привязанность у молодого Майзлиша. Любил украинские вышитые рубашки. Сорочки. Он был человек постоянный, и привязанность осталась на всю жизнь. На этой фотографии мы видим его в галстук, но это — редкое исключение.

Шел настороженно красный отряд вдоль Днепра. А с ним Майзлиш в сорочке, с припрятанной бутылкой спирта и медицинским крестом на рукаве. Шли не торопясь, прислушивались, пока не встретили сельского парубка. Тот уселся посреди дороги чинить сапог. Сапог тогда был редкость. Бойцы стали перекуривать (парубок сыпнул на самокрутку) и давать советы, как ладить подметку. Тут их взяли зеленые. Парубок ловко отряд придержал. Комиссара расстреляли, двух евреев — заметных с виду — расстреляли. На Майзлиша внимания не обратили — вышиванка была вроде документа. И вообще, он был непохож. Глаза светло-серые, а остальное мы видим на фотографии. Загнали пленных на ночь в село, чтобы уже с утра решить их судьбу. Но Майзлиш ждать не стал, за бутылку спирта получил свободу и через пару дней добрался назад в Киев. Через месяц его нашли снова и опять определили в Красную Армию. Снова фельдшером. Только спирта не дали, одну марганцовку.

К Советской власти Майзлиш относился терпимо, но не доверял. Сказалось сытое нежинское детство. Многие почины называл «мошенством», что значит мошенничество, и сильно сердился. Особенно доставалось чаю, вкус которого он запомнил с малолетства. Незабвенный вкус настоящего чая. А теперешний, он сколько не пробовал, все — «мошенство». С годами от чая он отказался вовсе.

В Великую Отечественную войну он был начальником фельдшерской школы. За ним числилось несколько подвигов. Например, такой. Немцы сильно бомбили станцию Бутурлиновка, где они стояли. Там был железнодорожный узел, так что Бутурлиновке досталось. Сразу после налета, когда люди стали выползать из убежищ, можно было видеть такую картину. Стоял дом без одной стены, обрушенной в предыдущую бомбежку. На втором этаже в открытой на глаз комнате — кровать. Прямо как театральная декорация, и на ней человек с книгой. Читает лежа. Сапоги рядом стоят. Это был товарищ Майзлиш — военврач. Он устал бегать от врага и выказывал ему полное презрение.

После войны Майзлиш жил в Киеве, работал санитарным врачом. Жена его пилила постоянно, тем более за Майзлишем водились немалые грешки по женской части. Дамские ручки он всю жизнь целовал. Потому Майзлиш избрал себе режим — ложился в шесть вечера, а вставал в четыре утра. Чтобы не утомлять себя семейным общением. Как-то на рассвете, прогуливаясь, оказался на пожаре нашей главной библиотеки — «публич-

ки», так она называлась. С пожаром как было дело темное, так поныне и осталось. Майзлиш наблюдал из садика напротив с памятником Тарасу Шевченко. Как видно по фотографии, он сам на Шевченко с годами стал похож. Добавим еще вышиванку, широкополую шляпу и палку, которую Майзлиш с годами стал носить. Стоящий рядом юноша поделился впечатлением: «Бачиш, батьку, що жиди наробили».

На юноше тоже была вышиванка. Майзлиш замахнулся палкой и огрел бы, но не достал: «А ну, геть». Юноша оказался проворный, убрался подальше и уже оттуда обиделся: «Ти що, батьку?»

Так он Майзлиша и не раскусил.

Под конец жизни у Александра Моисеевича сильно полетели зубы, но вида металлических он не терпел и челюсть вставную делать не стал. Почему-то считал ниже своего достоинства. Упрямый стал старик. Усы теперь оказались вдвойне кстати. На этой фотографии он без многих зубов, твердую пищу жевать не может. Но разве может такое придет в голову при взгляде на снимок?

Перед нами **Аврам Яковлевич Могилевич** в форме защитника Отечества времен русско-германской войны. Вид, даже в форме, неисправимо цивилизный. Аврам Яковлевич — врач. Выучился бесплатно, потому что всегда был круглым отличником и первым учеником. Родился в хате с земляным полом, вырос без родителей — они умерли рано. В 13-летнем возрасте лошадь лягнула так, что пришлось удалять почку. До 83 лет Аврам Яковлевич прожил с одной почкой. Вот пример удачной операции.

В Черниговской гимназии, из которой Аврам Яковлевич вышел с золотой медалью, подобралась неплохая компания. Была Фотиева — известная потом как секретарша Ленина, Николай Шраг — будущий экономический статистик и автор первого пятилетнего плана развития Украины. Но не советской, а при правительстве Грушевского, во времена Петлюры. Шраг брал Аврама Яковлевича с собой

на заседания правительства по этому вопросу. Они протекали в режиме свободного «обговорок» в Педагогическом музее цесаревича Алексея (потом там был музей Ленина и Дом учителя). Публика размещалась на

галерке. Аврам Яковлевич слушал внимательно и высказывал Шрагу свое мнение. Но оно не пригодилось. Шраг, теснимый Красной Армией, отступил на Запад, там затосковал, вернулся в 29 году, через десять лет сел и следующие четырнадцать отбывал в заключении. Еще хорошо отделался, легко. Выйдя из лагеря, неутомимый Шраг поднялся до профессора, жил во Львове, приезжал в Киев и непременно бывал в доме Могилевичей. Приезжал по делу. Шраг был консультантом Госплана Украины. В каком-то смысле, но дело, начатое в молодости, он продолжил.

Уже в гимназии Аврам Яковлевич стал зарабатывать. Его взяли репетитором. Есть такой сорт яблок — «симиренко», один из лучших в Украине. Вывел его помещик Симиренко. Оставил после себя огромный труд по садоводству — «Помология». Аврам Яковлевич учил помещичьих детей, в город за ним присылали двуколку, а на каникулах он там и жил — в поместье. К завтраку обязательно была клубника со сливками. Из помещичьей оранжереи. Симиренко готовился удивлять мир и удивил бы, если бы не войны и революции.

С гимназической поры Аврам Яковлевич был заядлый марксист. Он продолжил деятельность в Киевском университете, куда был зачислен как отличник. Учился на медицинском. Михаил Булгаков был на два курса старше, они были знакомы. Потом Аврама Яковлевича, уже женатого на сокурснице, послали на земство в город Березань. Два года он врачевал. Нужно было три, чтобы ехать стажироваться в Германию. Таков был порядок в земстве. Но началась война. На снимке мы видим Могилевича в форме военврача. Потом он вернулся в Березань и стал председателем местного Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. Это было во время Февральской революции. Некоторое время он командовал, но не вынесла меньшевицкая натура (Аврам Яковлевич именно им сочувствовал), и он отправился к жене в Киев. Шаг оказался спасительный, Аврам Яковлевич выбыл из борьбы и партийный билет на новый — с надписью РСДРП(б) менять не стал. Против этой маленькой буковки в скобках он возражал всю жизнь. Писался беспартийным, что в печальные годы оказалось очень кстати. Но в восемнадцатом Аврам Яковлевич сел за агитацию. На месяц в Лукьяновскую тюрьму. Потом — в 1968 году, через пятьдесят лет, когда у внучки заболела собака, Аврам Яковлевич почесал в затылке, набрал телефонный номер, и в доме объявился старик с лысой головой, огромными руками и французской бородкой клинышком. Собаку он звал «брехачкой» и вылечил в два счета. Собака была эрдель-терьер буйного поведения, но старика восприняла подобострастно. Оказалось, это профессор Поваженко, хирург-ветеринар. Был рад оказать услугу, а сидели они с Аврамом Яковлевичем в лукьяновской тюрьме еще при Скоропадском. Аврам Яковлевич — за социализм, а Поваженко — за национализм. И остались друзьями на всю жизнь.

Потом Аврам Яковлевич сел в 38-м. Он был уже известным врачом. Фамилия Могилевич кажется на слух не очень врачебной, но Аврам Яковлевич предрассудками не страдал и больных воодушевлял. Он был очень умный знающий врач и порядочный бескорыстный человек. Взяли его как немецкого шпиона. Аврам Яковлевич лечил немецкого консула. Как немецкий консул доверился еврею, объяснить трудно. Для следствия это был очень сильный аргумент. Почему именно вы? Камера в знакомой Лукьяновской тюрьме была на семьдесят человек. Следовательно взялся за Аврама Яковлевича рьяно, искал (эх, не знал, что перед ним живой меньшевик), грозился бить, но пока не бил. Потом в допросах неожиданно наступил перерыв. Месяца два Аврама Яковлевича не трогали, как будто забыли. И в камере объявился тот самый следователь. Как вспоминал Аврам Яковлевич, в самом отвратительном настроении. Вот преимущество больших камер, кого тут только не встретишь. Аврама Яковлевича снова стали таскать. Опять грозилась, потом снова перерыв на два месяца. И известный результат, Аврам Яковлевич уже не удивился. На допрос к третьему по счету следователю Могилевич шел с внезапно обнаруженной в себе способностью предсказывать судьбу. Свою, как мы знаем, предсказатели определить не могут, а чужую — пожалуйста. Мистики могли бы усмотреть роковую связь между фамилией Могилевич и судьбами кадрового состава НКВД. Тем более, что самого Аврама Яковлевича почти сразу выпустили. На страну одно за другим обрушилось два события — приход Берия в органы и дружба с Германией. Могилевич остался доцентом на кафедре до конца жизни. Докторскую диссертацию забросил, он и раньше был не честолюбив, а теперь, испытав опасный зигзаг биографии, и подавно. В тюрьме он получил рожистое воспаление и стал прихварывать.

Во время войны Аврам Яковлевич трудился старшим терапевтом большого госпиталя в Томске и вырос до подполковника. Потом вернулся в Киев. Семья была такая. Он, жена Берта Ефимовна и единственная любимая дочь Ася. Ася была удивительно красивой женщиной. По профессии она была филолог, ученица известного украинского ученого Билецкого. Однажды она встретила в театре красавца-офицера. Тогда она с ходу сказала подруге: «Я, кажется, выхожу замуж». И вышла. Офицер оказался кавалером нескольких орденов, среди других был орден Александра Невского, тогда его редко давали. До войны Б-в был резидентом советской разведки в Латвии. Жил в Риге, имел фиктивную семью. Отец его был из рабочих, потом секретарь райкома в Ленинграде, после смерти осталась двадцатиметровая комната с окном в глухую петроградскую стену и без мебели. Вот все имущество. И умер он от туберкулеза в открытой форме, как положено революционеру. Сын был в отца, убежденный коммунист. На фронте Б-в был командиром одного из первых подразделений «катюш» и имел приказ — при необходимости уничтожить себя вместе с орудиями.

Такой человек попал в зятя Могилевичу. Если можно представить двух несхожих людей — это как раз такой случай. Несгибаемый, твердый, как железная палка, коммунист (но не сталинист!) Б-в и все понимающий, терпимый Аврам Яковлевич, разобравшийся с левой-правой идеологией тридцать лет назад. Но что-то они нашли друг в друге такое, чего каждому не хватало. И сохранили взаимную привязанность, даже когда Ася развелась с Б-вым по причине полнейшей несовместимости характеров. Они быстро разошлись, но осталась дочь. Предание гласит, что именно Б-в уже из новой семьи прикрыл Аврама Яковлевича во время «дела врачей». Собрали на Могилевича *дело*, арестовали, и вдруг хватка разжалась. Аврама Яковлевича выпустили. Б-в в то время был советником у Хрущева, имел звание полковника. Умер он в сорок девять лет от рака желудка. Ася умерла за несколько лет до него, она вышла замуж за преуспевающего журналиста и погибла, рожая второго ребенка.

Теперь Аврам Яковлевич с женой воспитывали внучку. Забегая вперед, скажем, что и правнучку они дождались. У Аврама Яковлевича был тончайший слух, он знал массу украинских песен и распевал, пока совсем не начал дряхлеть. Танцевали под его полечку на слова Саши Черного. В доме всегда было много всякого зверья. Сокол-чилок (такая порода и имя одновременно) любил смотреть, как Аврам Яковлевич моется в тазу. Квартира пришла в жуткое запустение, горячая вода исчезла сама собой. Никто не удивился. Сокол взлетал на перегородку (стена в ванной не доходила до потолка), хлопал крыльями и кричал, пока Аврам Яковлевич проводил сеанс обливания. А классическую музыку Аврам Яковлевич слушал вместе с собакой-колли. Он вызывал Лонга (так звали собаку) к себе в кабинет, они устраивались вдвоем, и Аврам Яковлевич ставил пластинку.

Уже будучи на пенсии, Аврам Яковлевич стал страдать выпадениями памяти. Но между периодами затмения рассудок полностью возвращался, и Аврам Яковлевич, как ни в чем не бывало, принимал больных. К нему шли. А еще больше писали. У Аврама Яковлевича была интеллигентская привычка отвечать на каждое поздравление, на каждую открытку. Так что переписка (с медицинскими советами) растягивалась на многие годы. Праздничные дни детская память высвечивает ярко и хранит долго. Всю жизнь. Как запомнилось. Аврам Яковлевич сидит и сидит под лампой с зеленым абажуром. Готовит поздравительные весты. Все у них хорошо. Все хорошо... Хорошо... Лево́й-право́й, лево́й-право́й...

Что ты скачешь, шут кудрявый?

Что ты вертишься, как черт?

Угощение на славу,

Угощение на славу,

Угощение на славу,

Музыканты — первый сорт...

Вадим Скуратовский

СМЯТЕНИЕ АНДРЕЯ СОБОЛЯ

Об Андрее Соболе наш современник знает, пожалуй, лишь понаслышке. Впрочем, некоторым известно, что поэт Марк Соболев — сын писателя Андрея Соболя. А помнит ли читатель одновременно и растерянного, и несокрушимого в своей порядочности писателя Серафима Лося (он же Глузман) из повести В. П. Катаева «Уже написан Вертер»? В этой повести целыми кусками цитируется проза Андрея Соболя. Лось-Глузман — его двойник. Кроме того, внимательные читатели «Золотой розы» К.Г. Паустовского, наверное, запомнили замечательную новеллу о пунктуационной анархии некоего беллетриста, устранившей терпеливым и умелым редакторским карандашом, — сначала к великому негодованию, а потом и к восторгу этого беллетриста по имени Андрей Соболев.

А когда-то, в самом начале 1920-х, это имя знали едва ли не все тогдашние любители современной литературы. Сейчас уже трудно сказать (нужны специальные текстологические разыскания), вмешивался ли «зифовский» редактор в пунктуационный хаос Андрея Соболя. Но другой хаос, духовный и душевный, никакими орфографическими операциями не устранить. Если существуют люди, ищущие приключений, то Андрея (Юлия Михайловича) Соболя приключения находили сами...

Итак, родился он в 1888 г. в Саратове, в полунисей еврейской семье. Подростком ушел из дома. И домом его стал весь мир. Революционное подполье, каторга в Зерентуе (один из самых страшных дореволюционных тюремных топонимов). Бегство за границу. Скитания по Европе («всей Европе», как впоследствии скажет писатель в автобиографии в 1/2 книжной страницы). Литературный дебют. Нелегальное возвращение в Россию в 1915 г. После февраля 1917 г. к скитальчеству географическому прибавляется скитальчество мировоззренческое. В салон-вагоне некоего бывшего генерал-губернатора Андрей Соболев, комиссар правительства, с убийственной иронией названного историей Временным, мечется между фронтами и между классами, тщетно пытаясь примирить непримиримое, соединить несоединимое. Октябрьский ураган вышибает не только зеркальные окна «временного» салон-вагона, но и многие иллюзии и миражи — из сознания его «особо-уполномоченного» пассажира.

А скитания меж тем продолжают. Их итог содержится в милицеском и медицинском протоколах, зафиксировавших самоубийство писателя Андрея Соболя в Москве в мае 1926 г. А точнее — 12 мая по новому стилю. Эта точность необходима оттого, что родился Андрей Соболев 13 мая. О чем думал Юлий Михайлович, отправляясь накануне дня рождения в свое

последнее путешествие, уже не узнают даже самые дотошные его биографы (буде такие появятся). Впрочем, родился-то писатель 13 мая по старому стилю. Но такое смещение старого и нового, умирающего и нарождающегося вполне в духе Андрея Соболя.

В его книгах (преимущественно небольшие повести и небольшие же рассказы — писатель их называл «маленькими») сплетаются в беспощадный клубок все самые опасные и самые патетические стихии вздернутой на дыбы истории. Ее водовороты захватывают героя — в общем, как правило, не-героя — и сокрушают его. Время кипит и пенится в этих повестях и рассказах — и обжигает их автора, их насельников.

Уже дореволюционный Андрей Соболев целиком погружен в такое кипение. Есть у него рассказ «Тихое течение», написанный на основе авторского таежного опыта. Глухое сибирское село, переселенцы, беглые, политические ссыльные — и какие человеческие страсти запылали в этом медвежьем углу! «И тянется темная дорога, и нет ей конца и краю». А на другом конце мира средиземноморская деревушка, где под южным солнцем вконец раскаляются русские эмигрантские страсти, тоска, одиночество, непрестанная жажда любви и ее же непрестанные крушения («Цыганский барон»).

И вот повесть «Люди прохождение», начинающаяся со слов «Недавно, так, мимоходом, проездом из Оренбурга в Крым...» География этой повести, впрочем, много шире — от знаменитой амурской «колесухи», строимой каторжанами, до Парижа. «Я знаю только: я вода бегущая». В Брюсселе маленькая эмигрантка снег на улицах называет — «наш снег» и говорит: «Я больна. Понимаете, есть такая болезнь, она неизлечима: ностальгия». В Неопалимовском переулке в Москве, в домике-особняке, доживают свое народнические Филемон и Бавкида: он, при встрече с рабочими, «боялся их боязнью необъяснимой», она, некогда, в 70-х, потрясшая Россию речью на суде, пишет «большой труд, направленный против социал-демократов», но никак не может его закончить — не хватает аргументов... А история вот-вот и их превратит в «воду бегущую»...

Может быть, лучшее, что написал Андрей Соболев, — повесть «Салон-вагон», не столько даже повесть, сколько трагический эпос времени, расколовшегося на две «правды», которые вступили в смертельный поединок друг с другом. Комиссар Временного правительства Петр Федорович Гиляров тщетно пытается посвятить в свою «правду» озлобленную и буйную солдатскую массу. Либеральная риторика героя, в которую он сам втайне не верит, сталкивается с низами, трижды обманутыми и униженными и оттого жаждущими своей, подлинной правды. Сталкивается, тускнеет и потухает... Повесть сильна напряженной, личной, лирической интонацией, сочетающейся с точными реалиями 1917 г., взятыми крупно, первым планом, резко. Интеллигентская лирика здесь постепенно теснится и вытесняется грубым и справедливым солдатским эпосом тех дней.

Уже после гражданской войны Андрей Соболев создает своего рода трагикомическую летопись умирания «старого стиля» во всех его проявлениях и жанрах («Любовь на Арбате», «Последнее путешествие барона Фьюбель-Фютценау», «Собачья площадка» и др.).

Повесть «Человек за бортом» — суровый и страшный протокол гибели эсеровской утопии, зажатой между молотом революции и наковальней старого мира. Здесь чрезвычайно любопытны страницы, посвященные гетманскому Киеву 1918 г., Киеву, на время превратившемуся в гостиницу для отъезжающих в небытие—всех мастей и цветов беглецов от революции. Эти страницы были явно учтены автором «Белой гвардии» в историческом пейзаже Города 1918.

«Рассказ о голубом покое», «Обломки» — трагикомедия российских «обломков» и предчувствие того, что октябрьский пожар вот-вот спалит долое казавшиеся незыблемыми основы мира.

К концу своей короткой жизни Андрей Соболев обретал второе творческое дыхание. Его письмо, сохраняя событийную, психологическую и географическую размашистость, становится все более уверенным. Оно искусно вбирает в себя опыт тогдашних «сказа», «орнаментальной» прозы. Взгляд писателя все чаще останавливается на том, что его современник Евгений Замятин назвал «самым главным»: на противоречиях между историей во всей ее почти космической грандиозности, историей, в запасе у которой, возможно, вечность, неисчислимы могущественные и, наверное, прекрасные возможности, и жизнью «индивидуальной», т. е. трагически конечной, не успевающей до-познать, до-чувствовать, до-любить и просто дожить...

Блок утверждал, что у большого поэта история отзывается даже в его фонетике. Слог Андрея Соболева, некогда тщетно исправляемый высокопрофессиональным редактором при помощи правил русской пунктуации,— своеобразное зеркало русской революции, ее неистовых надежд и столь же неистовых средств. И слышно в этом слогом дыханье человека, бегущих и вслед за ней, и от нее...

* * *

Публикуем три никогда не воспроизводившиеся статьи Андрея Соболева из киевской прессы 1918 года.

Андрей Соболев

ТРИ СТАТЬИ

КИЕВСКИЕ НАСТРОЕНИЯ

Все как будто внешне благополучно: те, кому полагается, на страже, те, кто оберегают, смеются, едят и пьют, те, кто принципиальны, соблюдают нейтралитет, а все же сердце глупое, человеческое, попавшее в каменную гущу Крещатиков, Фундуклеевских, Прорезных, Больших и Малых Васильковских, так больно и тревожно бьется.

А почему — знают только «фонарики-сударики». Правда, они изменились, горят по-новому, зажигает их не прежний фонарщик, вот тот, что с лесенкой бегал, как чертяка, и в наших детских снах был главным действующим лицом, а невидимая рука, по-старому им все видно и по старому они обо всем знают.

Вот вчера вечером, когда я, пользуясь их добротой, на углу Крещатика просматривал газету, ища меж черных строк, один фонарь подмигнул другому, и оба прыснули:

— Хе-хе... Так было — так будет.

Загораются фонари... Загорелись и закачались в тумане, а туман все растет и ширится, и все зыбко: люди, дома, совещания, фракции, заседания; все тени: дома, люди, особняки — и весь Киев как одна большая тень, что падает на большую дорогу. Тогда грустно шагать по дороге, тогда тягостно, когда съезживаешься и ждешь беды.

Тянется вечерний час, тянется туман — гуще, гуще, плотнее, плотнее, — мигают фонари желтыми всевидящими глазами... Минута — и даже они потонут в тумане, вот-вот сорвутся и упадут, а с ними и темнота, а темнота ляжет на дома, на тротуары, на казенные и неказенные учреждения, на людей: и на тех, кто делает историю, и на тех, кто за историю расплачивается своими — не чужими боками, а рестораны и кафе полны, в паштетных густо от молодых людей в гетрах, в дверях кинемо хвосты — там те же гетры, но и молодые девичьи глаза, вот те, что когда-то не отрывались от томика Тургенева, а сегодня прикованы к экрану, где вместо Лизы — Надин Брюнет.

Тянется вечер, мальчишки выкрикивают о вещах удивительных, о таких, когда по слову поэта Эренбурга, взрослые «шатаются словно пьяные, слышав их веселое чириканье», а Киев ест, пьет, ковыряет в зубах, переваривает и снова ест, и снова ковыряет — и все это под музыку.

Он любит музыку, он даже иногда заявляет, что без нее он не может жить — и аккомпанирует руками и ногами, и постукивает кольцами, подзванивает брелоками, но не верьте этой любви: нет песни, над которой он мог бы заплакать.

Когда в табачном дыму раздается «Дойна» — он еще может сентиментально вздохнуть, но не больше. «Не белы снега» режут его слух: он морщится и недовольно шелестит в кармане карбованцами.

Я видел его на днях — (говорю: его — да, его, ведь он в модном пальто с перемычкой, на «ты» с управляющим кабаре, не морщась платит за мартелевский коньяк крупную трехзначную сумму и дымит египетской папиросой, — не правда ли?) был туман за стенами, а в стенах другой туман — людской; лица казались масками, а нарисованным уродливым маскам на стене хотелось улыбнуться ласково, как близким, были жадные руки, жадные глаза, жадные рты — и вдруг так тихо, незаметно:

Две гитары за стеной

Жалобно заныли...

Помните ее, эту песню? Песню, перед которой клонится пьяная русская бедовая головушка, клонится в слезах, да, пьяных, но внезапно внутри очищенных?

Заныли... Повеяло живым — душой, мукой, болью... А он крикнул басом — густым таким баском:

— Танго! — и заулыбался и расцвел, когда грянуло всепобеждающее, всерасталкивающее танго, и, расцветая, шепнул своей соседке в горностаевом палантине:

— Обожаю танго!

Да, он обожает его. Он весь в танго, как и танго в нем. Но, получив его из чужих рук, он, как все, получаемое им из других мест, видоизменил по подобию своему: в его танго не ищите страстности — была бы хоть страстность — и то хорошо! — так или иначе к чему-то обязывает, — и он ее представляет другим, хоть сенегальцам — он обожает танго, как некий соус, как необходимую приправу с маленькой дозой перца к плотному положительному обеду.

А подкрадитесь к нему в тумане, попробуйте остановить его, повернуть лицом к фонарю, сказать, указывая на желтый глаз:

— Слушай, гляди, ведь смертный час близок!

Не пробуйте — он вас оттолкнет, шмыгнет в ближайший подвал — и прочь от тумана к круглому столику, поближе к эстраде, поближе к танго, подальше от правды. Ведь для него правда что-то вроде отростка слепой кишки, а голая правда сплошное неприличие, и потому он немедленно набрасывает на нее подобающее одеяние и ведет в буфет подзакусить.

...Мигают фонари... Дрожащие блики скользят по слякоти... Улицы в тумане как клубок запутанный...

А подкрадитесь к нему, спустившись в подвал, в паштетную или просто войдя в тот или иной «уголок», нагнитесь к нему, отодвинув доморощенное сода-виски, попробуйте сказать ему:

— Оглянись, прислушайся, ведь скачет уже не медный всадник, а железный, тот, кто уже целый год рыщет по России и лошадь свою поит горячей человеческой кровью...

Попробуйте — и он хихикнет:

— Что вы! Что вы! Мы гарантированы, мы забронированы, он поможет.

И хлопнет в ладоши:

— Танго!

Вы слышите, как он подпевает музыкантам: «Под синим небом Украины»?

Заливается скрипка, стараются румыны (или те, кто работает под румын), гремит танго, — гремит в дыму, сквозь дым, а наверху, где туман, качаются фонари — и все видят, и все знают, даже и то, что иногда все вдруг становится последним, даже и танго.

Киев, 7 декабря 1918.
(«Утро», 1918, 8 декабря)

ВИНА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

(К вопросу о еврейском театре)

К какому бы вопросу еврейской жизни я не подходил — будь это из области чистополитической действительности или из круга того или иного культурного строительства, — я не могу отрешиться от основной, и для меня абсолютной, мысли о ненормальности всего национального, еврейского бытия.

И когда основной ствол еврейского органического национального существа пребывает в искривленном состоянии, мудрено ли, что по кругам его, обозначающим годы жизни, нередко мелькают темные пятна. Эти пятна меньше всего говорят о здоровых соках и настойчивее всего требуют радикальной и решительной операции. Одним из таких пятен является еврейский театр.

Рожденный на зыбкой почве общей ненормальности, он в дальнейшем был окончательно надточен усилиями своей же еврейской интеллигенции — как злонамеренными усилиями идеологов ассимиляции, так и усилиями добрыми, благожелательными, дружескими. Злонамеренные задачу свою исполняли просто, борьбу свою вели по формуле весьма несложной: еврейского национального строительства не должно быть — следовательно, все ростки должны быть вырваны, следовательно, еврейский театр не нужен... $a + 1 = \dots$

А благожелательные... с благонамеренными и благожелательными дело обстояло серьезнее.

И когда я мысленно задаю себе вопрос, кто виноват, что у евреев вместо театра — темное пятно, вместо подлинно театрального зрелища — балаган самого низкого пошиба, вместо театральной культуры — какая-то жидкая мутная каша с потугами на нечто доброкачественное, а вместо актера — этого живого нерва театра — развязный любитель из местечка, в лучшем случае — неудачник-кантор — я отвечаю: еврейская интеллигенция. Если не вся — то почти вся, за малым исключением.

Только она виновата, и только на нее падает вся ответственность. Как и в ней же исцеление и возможность радикального переустройства — и тем самым возрождение еврейского театра и приобщение его к лику искусства.

А она, благожелательная, так сказать, желающая помочь, неизменно искала других виновников, конечно, находила их и, конечно, взваливала на них всю вину.

И найти было не трудно: только пошарить.

Прежде всего, все обвинения направлялись в сторону еврейских актеров, тем более, что материал был благодатный, не только для обвинений, но даже и для проклятий.

Рождение еврейского актера не было тайной. На еврейскую сцену за малым исключением таких лиц, как Клара Юнг, Каминская, Заславская, Либерт, Фишзон, Канапов и еще нескольких, шел кто только не ленив. Званием актера пользовался всякий, кто только хотел, кому на ином пути в жизни не повезло. Студией часто являлась парикмахерская, образовательным цензом — два-три анекдота и две-три застольных песни, образцом сценического перевоплощения — случайно заехавший в местечко или в городок какой-нибудь проголодавшийся Лирский-Громовернский, чей приезд немедленно давал еврейству еще одного кандидата в актеры, а венцом драматического творчества — Латанер или Гольдфаден.

Козел отпущения был воистину непривлекателен. Но что делала еврейская интеллигенция? Она презрительно отворачивалась от «козлиного» запаха и, заполняя русские театры, в антрактах грустно вздыхала: «Ах, не говорите нам о еврейском театре. Они не в состоянии дать нам духовно-эстетической пищи».

Прекраснодушие было очаровательным, в той же степени, в какой ничтожна была поддержка и желание начать черную работу действительного и действительного приготовления нового кадра новых еврейских актеров, и одиночки таланты растворились в общей бездарной массе.

Дальше зажимания носа не шло, и попытки единиц, желавших начать эту работу, сталкивались с неизменным рефреном:

— Ах! — понять! — Ах, дайте нам атмосферу! Дайте нам духовно-эстетической пищи!

А то, что на грязный стол смешно подавать амброзию и что прежде всего надо добыть хотя бы несколько чистых ложек и вилок — это в расчет не принималось, ведь это значило бы работать.

А работать не хотели — гораздо легче было отворачиваться и с аристократическим жестом зажимать нос.

И отворачивались, все ценное в недрах своих отдавали другим театрам, все талантливое убегало к чужой рампе, ибо палец о палец не ударили для того, чтобы в кругу своей собственной национальной ограды создать благоприятные условия — и тем самым пресечь бегство. И еще считали себя вправе возмущаться «беглецами», да и возмущались только в те минуты, когда некие политические пертурбации и некие неприятные толчки заставляли задуматься о «национальном бытии».

Кончались эти неприятные минуты, наступала передышка — и снова начинались сказки про белого бычка:

— Я не могу, ибо он (еврейский театр) не хочет, я не хочу, ибо он не может.

А еврейский актер продолжал ломаться, продолжал скакать, кувыряться — и еврейской массе нес «разумное, вечное» из переименованного «Пупсика» и из доморощенной «Альма, где ты?», и еврейская масса заполняла все скамьи, забивала все проходы и слушала, как живут и работают в Мулен-Руже.

(«Театральная жизнь», № 34)

ОН

Весь ужас в том, что, боясь его, боясь до смерти, холодея при встрече с ним, я не знаю, кто он, как зовут его по-настоящему, какому велению он подвластен, какая сила может его уничтожить.

Встречаясь с ним, отчетливо и ясно ощущая его, как вещь материальную, я вместе с тем вижу, что он игнорирует все законы реального, начиная с закона о тяготении, и обладает всеми свойствами призрака: он вездесущ, он повсюду, он заполняет всю страну от края до края.

И только захочет — он, сторукий, стоглазый, стозевный, может принять любое обличье, как любой оттенок придать своим словам, как в любую форму вложить свое единственное содержание.

Призрак — он одновременно реален, как реален кочан капусты, и занимается политикой. Реальный, доступный осязанию, он раздваивается, он фантом: он на севере и в то же время на юге, в один и тот же час он в разных городах. Он и великий притворщик: одной половиной лица брюнет, другой — блондин; вон там он красный, как реквизированный кумач для торжественной годовщины, а вон тут черный, как арап на запятках придворной кареты.

Единый в существе своем, он многолик, и он повсюду: он в хоромаш, он и в мебелирашке, он в кабинете, он и на кухне; он в шубе, он и в опорках.

В одном месте он толстый, разжиревший — в другом худой и обтрепанный; но и толстый, и худой он каким-то невидимым для меня образом воспринимает все колебания воздуха: вон там он плачет тоненько, скулит, а вот тут гогочет жирно.

Кто он, как зовут его?

Люди, добрые люди, скажите: ведь страшно, когда за вашей спиной стоит всеобъемлющий Некто, и вы даже не знаете имени его!

Вот он на одном конце широкой спиной заслонил солнце, а вот на другой он перед солнцем весь, как на ладони и, ухмыляясь во весь рот, выплевывает шелуху от семечек. Взгляните, одна половина его в медном костюме греется на солнце, в лучах его сверкая кольцами, а другая кричит солнцу:

— Товарищ! Эй, погоди, — и вытирает нос кулаком.

Он и эстет. Он любит литературу, искусство и театр. В одном месте он красит траву в синий цвет, московский «Метрополь» обвешивает полотнами кубистов; в другом месте он свою картину отделявает под ампир и рядом с доморощенным Пикассо вешает Маяковского.

Он не чуждается книги, разворачивая ее, делит надвое: страницы с новой орфографией в одну сторону — листы со старой орфографией в другую, и одной обложкой переплетает Маяковского и Нагродскую, Рюрика Ивнева и Бор. Лазаревского. Только что я видел его в «Народном доме», где ставили «Лисистрату» Аристофана, где в перерыве между двумя действиями он штудировал передовицу из «Красной газеты», смакуя новые известия насчет умерщвления. А сегодня я глядел на него в театре Соловцова: он слушал слова Кнуга Гамсуна о любви неразделенной и прекрасной — и шаркал ногами, чихал, кашлял, пугался, когда свет гас, и урчал удовлетворенно, когда свет появлялся, и играл брелоками; глядел, как играет В.Л.Юренева, как воскресает, преображенная творческой силой чарующего таланта, мечта наша Виктория — ведь, Господи, жили мы когда-то и мечтали! — и тотчас же, отвернувшись от незабываемой улыбки и незабываемых глаз, читал в антрактах «Чертову перечницу». Кнут Гамсун и «Кузькина мать»; в одних и тех же руках «Зори» Верхарна и «Желтый журнал» графа Амори; днем «Огонек», вечером «Красный огонек». Он еще и законодатель, ибо — помните! — он фантом, но и сторонник самой реальной политики.

Вчера он обожал крылатую фразу:

— Россия — страна великих возможностей, — и не только обожал — утверждал как истину, и, упираясь обеими ногами в эту истину, легонько объяснение превращал в оправдание, оправданием этим покрывая все, что угодно: и лень свою, и трусость. И жадность, и гордость — да, да, и

гордость, в те минуты, когда гордость ровным счетом ничего ему не стоила и в виде бесплатного приложения была приятна для прилива внезапного самолюбия — и тогда он важно и веско прибавлял:

— Великих возможностей, — и тогда он о родине не мог говорить без вибрации в голосе и патриотического волнения в груди и в одну и ту же минуту другой половиной своей горел интернационалистическим пафосом, тоже исходя из «великих» возможностей.

Миг — слышите! — и он уже кричит благим матом:

— Страна гнусных возможностей!

И кричит там, кричит тут, надвое рассекая себя, и рассеченный, все же живучий.

Там он называется «красой и гордостью», предназначенный для великой миссии, и вопит, когда эта миссия становится проблематичной и ей на смену идет совсем другая «миссия»; тут он дрожит над полуразорванными накладными и тоже вопит, не зная, на какую миссию больше надежд и к какой миссии вернее присоединиться.

Не успеет одна его рука выкинуть красный флажок с золотыми буквами «свобода, равенство, братство», как уже вторая, чуя золотую поживу, тащит из-под полы новый: «кавалерия, артиллерия, инфантерия».

На одном конце он реквизирует особняк, приколачивая вывеску «Бюро пропаганды в Северной Патагонии», а на другом жадно прислушивается, не стучит ли конница по мостовой, и бежит трусцой покупать портрет... их портреты всегда найдутся!

Кто он, как зовут его?

Конец его упирается в начало его. Или вообще нет у него ни того ни другого?

Если он может одновременно находиться и в Петрограде, и в Киеве — где же уверенность, что он не будет завтра в Яссах?

Ни начала, ни конца? Что же, это тогда взаправду непобедимая жуть, тогда взаправду страной нашей владеет только он, безначальный, бесконечный, и всей тяжестью своей давит вниз, в яму, все то, чем может и должна спастись наша страна, о которой наши соседи далекие поют:

*Ни кола, ни двора
В середине пусто...*

И это правда, что когда через много лет придет подлинный поэт и наступит наше «завтра», он огненной песней своей навеки заклеит наше позорное «сегодня», передавая ее из рода в род.

В те дни, когда на смену великому гневу пришло Великое Брюхо?

Публикация М. А. Рыбакова

ДВА СОНЕТА ЛЕОНІДА ГРОССМАНА

Це було у далекому 1936 році. До Києва приїхав популярний тоді московський письменник Леонід Петрович Гроссман. Він був давнім другом моєї родини, і я охоче виконувала обов'язки гідя, демонструючи гостю кийські краєвиди. Лавра, Софія, дніпровські кручі справили на Леоніда Петровича надзвичайне враження. Але справжнє захоплення прийшло тоді, коли на його прохання принесла йому з півтора десятка поетичних збірок.

— А чи не буде у вас ускладнень з мовою? — спитала я.

Гість посміхнувся:

— Я народився і прожив дитячі роки на Україні. Моя перша наставниця, нянечка Приська, завжди співала народні пісні. Я з дитинства навчився розуміти і цінувати вашу милозвучну мову.

За кілька днів ми знову зустрілись.

— Я безмірно Вам вдячний. Які таланти! В моєму романі «Записки Д'Аршиака» я використав одне східне прислів'я: «Благословенна година, коли ми зустрічаємо поета». А дякуючи Вам я зустрівся і познайомився з десятком поетів. І всі високого класу. Яке розмаїття поетичних фарб! Витончені неокласики, а поряд — футурист Михаль Семенко, надривні експресії Плужника, конструктивіст Валер'ян Поліщук. І ще футурист Гео Шкурій. А чого варта глибина лірика Рильського або новаторство Тичини, карбовані рядки Бажана! Шкода, що я нічого не знаю про життя, взаємовідносини, характери цих поетів.

— Можє, знайти Вам якусь літературу? — спитала я.

— Та ні, це безнадійна справа. В мене є досвід вивчення біографії Пушкіна. Треба витратити роки життя, і все-таки немає гарантії, що все відповідає дійсності. І сам Пушкін завинив перед однією біографією.

— Пушкін? — здивувалася я.

— Мене давно цікавить доля одного пушкінського шедевра — «Моцарт і Сальєрі». Вчора вночі я, здається, закінчив сонет про нього. Завтра принесу на Ваш суд. У мене є збірка сонетів «Плеяда». А мені заманулось написати ще одну: «На полях Пушкіна». Два сонети для цього циклу я принесу Вам завтра почитати, я написав їх у Києві.

Два пожовкліх аркуша паперу, переживши війну, збереглися у мене. Це сонети «Сальєрі» і «Імпровізатор». Пропоную їх читачам.

Паола Утевська

САЛЬЕРИ

Под пенье флейт и бурный плеск в партере
Ты лад былых мелодий превозмог
Для чувственных моцартовских тревог
И томных жалоб Глюковых мистерий.

Как твой великий предок Алигьери,
Ты был угрюм, честолюбив и строг,
Маэстро, виртуоз и педагог,
Друг Бомарше — Антонио Сальери!

И тайный путь тебя к бессмертью вел:
Раз в пустырях нижегородских сел
Один поэт в чеканную оправу

Замкнул твои забытые черты,
И блеском гениальной клеветы
Тебя возвел в немеркнущую славу.

Киев, 1936

ИМПРОВИЗАТОР

У стен Феррары, в зарослях Кремоны,
В Бергамо, где родился Арлекин,
Под шелест чернокрылых пелерин,
В тени гербов, где корчатся грифоны —

Везде он был, преображая в звоны
Мгновенных строф и беглых каватин
Надменный клетот Дантовых терцин
И томный плач Петрарковой канцоны.

Поэт-бродяга, страстный и скупой,
Он перед чинной северной толпой
Под стон смычков почуял близость Бога

И заструил средь лавров и мечей
В огнях Александрийского чертога
Зловещий блеск Египетских ночей.

Киев, 1936

Автор предлагаемого обзора, живущий ныне в ФРГ, ещё раз возвращает нас к проблемам Холокоста, пользуясь в качестве отправной точки книгой немецкого исследователя Гуннара Хайнзона «Почему Освенцим?»

Самсон Мадиевский

МИРОВАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ О ХОЛОКОСТЕ

(По страницам книги Гуннара Хайнзона «Почему Освенцим?»)

В 1943 г. в Атлантике погиб командир немецкой подводной лодки капитан III ранга Хайнзон. Полугодом позже его вдова родила автора рецензируемой книги. Гуннар Хайнзон учился в Свободном университете Берлина, стал доктором философии и доктором политических наук, профессором Бременского университета. В течение ряда лет он возглавляет Институт по изучению проблем ксенофобии и геноцида им. Рафаэля Лемкина.

Книга о причинах и целях Холокоста* («warum» по-немецки означает и «почему», и «зачем») имеет и подзаголовок — «Замысел Гитлера и растерянность потомства». В самом деле, хотя со времени окончания второй мировой войны прошло более полувека, однозначного, общепризнанного ответа на эти мучительные вопросы нет. В поисках его мировая общественная мысль сформулировала более сорока различных гипотез и теорий. Все они рассмотрены в книге Г.Хайнзона. Уже в силу этого она уникальна: читатель ее получает информацию, разбросанную по сотням других работ, зачастую малоизвестных, и может составить представление о современном состоянии проблемы. В заключение Г.Хайнзон развивает и собственную теорию причин и целей Холокоста.

Начинает автор с разбора концепций, отрицающих Холокост, провозглашающих его принципиальную необъяснимость или нравственную недопустимость анализа этой трагедии. Первая, сформулированная французскими ультралевыми антисемитами П.Рассинье (1978, 1989) и Р.Фориссоном (1980) и английским поклонником Гитлера Д.Ирвингом (1977), находит, естественно, сочувственный отклик у юдофобов всех оттенков.

Вторая тоже имеет немало приверженцев, в том числе и среди исследователей Холокоста. Ведь изучить и описать события не значит еще понять их и объяснить. «Бессилие историка» (С.Фридлендер, 1985) перед

* *Heinsohn G. Warum Auschwitz? Hitlers Plan und Ratlosigkeit der Nachwelt. Rowolt Verlag, 1998. 222S.*

загадкой Холокоста проистекает из сцепления совершенно разнородных феноменов: мессианского фанатизма и рационально-бюрократических структур, патологических поведенческих импульсов и целесообразных административных предписаний, глубоко архаических образцов мышления — среди высокоорганизованного индустриального общества.

Сторонники третьей позиции (Э.Визель, 1975; Р.Пфистерер, 1985) утверждают, что недопустимо строить теории по поводу Холокоста; делать Катастрофу предметом холодного, отстраненного анализа значит осквернять и профанировать страдания и смерти. Однако и они подчас не в силах противостоять естественному стремлению понять и объяснить случившееся.

В книге разбираются также взгляды, ставящие целью выявить сходство и отличия Холокоста от других геноцидов. Отрицание уникальности Холокоста вызвало, пожалуй, самые ожесточенные споры, скорее, однако, на публицистическом и социально-философском уровнях. В самом деле, уникальность Холокоста нельзя усматривать ни в числе жертв, ни в числе убийц или их соучастников. По подсчетам американского социолога Р.Руммеля, с 1900 г. правительства во всем мире убили (вне войн и военных конфликтов) 119 млн. человек, из них 95 млн. — жертвы режимов левых, марксистских. Истребление этноса подчистую, включая младенцев? Оно имело место, например, при геноциде тутси в Руанде (1994). Умерщвление в газовых камерах? Еще в 1939 г. оно применялось в отношении душевнобольных в нацистской Германии.

По мнению некоторых представителей школы сравнительных исследований геноцидов (Э.Файн, 1990), особенности Холокоста состоят, во-первых, в его международном масштабе, а во-вторых, в «заранее объявленном намерении». Но резню армян в Турции в 1885 г. тоже можно считать «предварительным предупреждением» по отношению к геноциду 1915 г. А в 1920 г. турецкие лидеры предприняли и попытку интернационализировать геноцид — перенести истребление армян за пределы собственных границ.

Ряд исследователей считает, что Холокост отличает от других геноцидов «сотрудничество со стороны жертв» (Х. Арендт, 1964; З. Бауманн, 1992; Э. Хильдесхаймер, 1994). Имеется в виду прежде всего деятельность юденратов («широкое использование руководящего слоя народа при его истреблении»), а также «цивилизованность и сдержанность, с которой большинство обреченных ожидало конца». Другие, однако, возражают, указывая на многочисленные факты еврейского сопротивления (А.Люс-тигер, 1994) и самоубийства многих руководителей юденратов (И.Трунк, 1972, 1979).

Рассматривая Холокост в связи с его историческими предпосылками, ряд авторов видит в нем логическое завершение антисемитизма времен кайзеровского рейха (Ф.Фишер, 1993; Т.Ниппердей, 1993) или многовековой

христианской юдофобии в целом (Р.Хильберг, 1985). Это — одно из самых распространенных объяснений, в той или иной степени его разделяет, по-видимому, большинство исследователей. Не отрицая преемственности антисемитизма нацистов от предшествующей ему религиозной и светской юдофобии, Г.Хайнзон обращает внимание, во-первых, на то, что «окончательное решение» представляло собой качественный скачок в цепи преследований, а во-вторых, подчеркивает, что Гитлер ненавидел евреев по иным причинам, нежели их прежние христианские гонители.

Самые тягостные страницы книги посвящены изложению версии, обозначенной как «Холокост из-за того, что весь мир этого хотел» (Э.Визель, 1977; Р.Вайнгартен, 1981; Д.С.Вимен, 1986; Р.Хильберг, 1993). Речь идет о том, что народы и правительства европейских стран почти не реагировали на ужесточавшиеся дискриминацию и преследования евреев нацистами. Как стало известно из новейших публикаций (Р.Брайтман, 1999), уже с сентября 1941 г. к руководителям западных стран антигитлеровской коалиции стали поступать сообщения об уничтожении нацистами евреев на оккупированных восточных территориях. Но ни одной специальной меры, дабы замедлить или затруднить этот процесс, не было предпринято. Наоборот, полученная информация держалась в строгом секрете как способная повредить военным усилиям союзников. Их руководство явным образом оглядывалось на широко распространенные в собственном тылу антиеврейские настроения.

В многолетнем споре двух школ исследователей Холокоста — «функционалистов» и «интенционалистов» — Г.Хайнзон решительно примыкает к последним. Напомним, что первые (М.Броссат, 1977; С.Гордон, 1984; Х.Моммзен, 1983, 1985, 1994) исходят из того, что геноцид евреев осуществлялся не в силу особого приказа на сей счет, а потому, что он логически вытекал из проводившейся в Третьем рейхе антисемитской политики и в условиях тоталитарного режима, тотальной войны, существования сети концлагерей мог быть реально проведен в жизнь традиционно эффективной немецкой бюрократией. Вторые (К.Р.Браунинг, 1985, 1992; Э.Екель, 1985; С.Фридлендер, 1985; А.Штрайн, 1985; Х.Грамль, 1986, 1994; Г.Флеминг, 1987) связывают начало этого процесса со специальным приказом Гитлера, отданным лично Гиммлеру (скорее всего устно, т.к. многолетние поиски соответствующего текста в архивах не увенчались успехом) не позже апреля-мая 1941 г.

Упоминается и о версии Геринга, поддерживаемой некоторыми немецкими авторами (Х.Зюндерманн, 1959; Г.Пикер, 1976; К. фон Мюнхаузен, 1994), согласно которой истинным инициатором был Гиммлер, лишь прикрывшийся именем фюрера. Причем Г.Хайнзон документально показывает ее несостоятельность. Оказывается, еще в мае 1940 г. в докладной записке фюреру Гиммлер утверждал, что он «по внутреннему убеждению отвергает большевистские методы физического истребления

целого народа как негерманские и неосуществимые». А годом позже рьяно принялся за осуществление «окончательного решения» — именно потому, что поступил соответствующий приказ.

В качестве исторического курьеза автор упоминает и версию о Холокосте как «сионистско-фашистском заговоре», предложенную многолетним представителем ООП в Германии А.Франжи. Тот утверждал (1982), что Гитлер и сионисты пришли к негласному и неоформленному, но отвечавшему видам обеих сторон консенсусу — уничтожить большую часть европейских евреев, склонных к ассимиляции, чтобы побудить оставшихся к переселению в Палестину. В действительности имело место нечто прямо противоположное: фюрер обещал духовному лидеру палестинских арабов Амину аль-Хусейни ликвидировать еврейский национальный очаг в Палестине; тот же, со своей стороны, создал из боснийских мусульман части СС, боровшиеся против югославских партизан и уничтожавшие евреев.

Действия Гитлера по отношению к евреям часто пытались объяснить, исходя из особенностей его личности, самосознания и пр. Сам он еще в 1922 г. сравнил себя ... с Христом, поражавшим еврейских менял-ростовщиков, как клубок ядовитых змей. В «Майн кампф» (1930) читаем: «Если еврей посредством своего марксистского символа веры восторжествует над народами этого мира, венец его торжества станет пляской смерти для человечества, тогда эта планета, как за миллионы лет до наших дней, будет снова безлюдной вращаться в мировом пространстве». И далее: еврей «будет следовать своим роковым путем, пока иная сила не выступит против и в титанической схватке не сбросит этого бунтовщика против небес в преисподнюю к Люциферу». Таким хриstopодобным апокалиптическим персонажем-спасителем рода человеческого Гитлер и видел себя.

Многие биографы Гитлера — от самых первых (И.Харанд, 1935; К.Хайден, 1936-37) до исследователей 60-х — 80-х годов (Э.Дауэрляйн, 1969; В.Мазер, 1975; И.К.Фест, 1976; Дж.Толанд, 1977; У.Карп, 1980) квалифицировали гитлеровский антисемитизм («*infimalischer HaЯ auf die Juden*») как манию, безумие, бред, не поддающиеся рациональному объяснению. Однако и сторонники такой точки зрения признавали, что Гитлер не был душевнобольным в клиническом смысле слова, влекущем за собой признание неменяемости. Как и в случае со Сталиным, речь должна идти о т.н. паранойяльной психопатии или параноидальном характере. Нет оснований думать, полагает Г.Хайнзон, что Гитлер в силу душевной патологии или особенностей биографии имел более оснований ненавидеть евреев, чем любой праворадикальный политик или средний антисемит. Особенности его характера не помогают объяснить причины Холокоста.

Среди ответов на поставленный в заголовке вопрос особое место занимают теологические. Несмотря на откровенно субъективный и подчас

весьма экстравагантный характер, они имеют не меньше сторонников, чем объяснения, претендующие на научность.

В «радикальной теологии» бывшего раввина Р.Л.Рубенштайна (1966, 1993) Холокост есть доказательство смерти Бога; иначе пришлось бы признать, что истребление евреев соответствовало воле Божьей, признать Гитлера орудием Господа.

Еврейский религиозный философ Э.Берковиц (1977, 1993), со своей стороны, считает причиной Катастрофы временное сокрытие от людей лика Божьего. Такое сокрытие, а затем спасительное возвращение этого лика есть две ипостаси непостижимой для нас сущности Божией. В истории евреев они проявляли себя неоднократно, в XX — сначала в Шоа, а затем — в воссоздании Израиля.

Оригинальную версию выдвинул и бывший израильский премьер-министр М. Бегин. Холокост для него — не свидетельство смерти Бога, а наоборот, доказательство бытия Божьего. Если бы Гитлер не преследовал и не уничтожал евреев, он, чего доброго, мог бы первым создать атомную бомбу, и тогда весь мир превратился бы в огромное кладбище.

Представители ортодоксального иудаизма предложили две взаимоисключающие теории Холокоста как кары Божией евреям. В первом случае — за грех ассимиляции и вероотступничества (М.Хартом, 1993), во втором — за грех сионизма, стремление восстановить Израиль собственными силами вопреки воле Божьей: в соответствии с нею они должны были терпеть испытание галутом, покуда Бог не пошлет Мессию, который и соберет их в Земле Обетованной (И. Тейтельбаум). По поводу обеих теорий Г.Хайнзон вопрошает: почему же кара постигла и невинных в соответствующем грехе и зачастую обошла виновных, при чем здесь дети и пр.

Представитель реформистского иудаизма И.Майбаум (1965) толкует Холокост как кару Божью за многочисленные грехи европейцев и американцев: «многомиллионную безработицу, американский изоляционизм, упорство господствующих классов Франции и Англии в отстаивании своих корыстных интересов, феодализм в восточноевропейских странах, всепроникающую жестокую ненависть в политике, закоснелый консерватизм у правых и у левых, а также и в религиях». Однако Г.Хайнзон снова спрашивает: почему за все эти грехи наказаны именно евреи — по Майбауму, «праведники», «невинные», принесенные как жертвенные агнцы на алтарь? И почему Бог милостиво принял эту жертву («их смерть очистила цивилизацию Запада, и последний вновь стал местом, где человек может жить по заветам справедливости и милосердия»)? Наконец, почему этот якобы искупительный ритуал совершался втайне, на задворках Европы, вдали от глаз людских?

Среди христиан-фундаменталистов США, которые ждут второго пришествия Христа, конца Света и Страшного суда, бытует своя трактовка

Холокоста. Поскольку предварительным условием наступления этих событий является возвращение евреев на Землю Обетованную, Бог использовал Гитлера как орудие, дабы Холокостом вынудить уцелевших евреев переселиться в Израиль (Т.П.Вебер, 1987; К.В.Строциер и А.Лона, 1990).

Теолог-феминистка К. Муллак (1983), близкая к леворадикальным кругам, видит первопричину Холокоста ... в монотеизме. Единый Бог, провозглашенный евреями, лишил власти многочисленные божества эпохи бронзы, среди которых были и женские. Это, считает Муллак, разрушило гармонию человеческих отношений, положив конец «золотому веку» истории. В современном мире высшим воплощением патриархальной псевдорелигии стал национал-социализм. «Правы были Эринии, когда пророчествовали: новый закон (монотеизм — С.М.) означает переворот, при котором побеждают право матерубийства и всяческие пороки». Таким образом, устраненные тысячи лет назад женские божества осуществили руками нацистов запоздалую, но заслуженно страшную месть.

Наиболее обширную группу концепций Холокоста образуют социологические (социально-экономические, социально-политические, социально-психологические, социокультурные). Две из таких концепций принадлежат марксистам. Согласно первой, мотив Холокоста — стремление немецких капиталистов захватить еврейскую собственность и использовать даровой принудительный труд заключенных в гетто и лагерях (К.Квит, 1976). В соответствии со второй, Холокост был средством отвлечь внимание немецкого населения от внутренних трудностей Третьего рейха (Т.В.Мазон, 1968; Р.Кюнль, 1974).

По поводу первой Г.Хайнзон замечает, что названные ею стремления и действия — реальность, но объяснить Холокост сами по себе не могут. Во-первых, подавляющее большинство жертв геноцида были бедняками (мелкими ремесленниками, мелкими торговцами, рабочими и служащими), крупному капиталу у них нечем было поживиться. Далее, поголовное уничтожение евреев лишало промышленность рейха рабочих рук, а на Востоке — и самых ценных специалистов. Тем не менее оно осуществлялось — по принципиально-политическим соображениям, оставлявшим без внимания хозяйственные.

Вторая версия, по мнению Г. Хайнзона, переоценивает степень недовольства немцев Гитлером и не выдерживает критики по приведенному ранее основанию — как можно говорить о переключении общественного внимания на уничтожение евреев, если осуществлялось оно втайне. Ведь даже в решениях известной конференции в Ванзее 1942 г. употреблялись только эвфемизмы типа «депортация» или «переселение на Восток», ими же пользовался Гитлер в беседах с лицами из своего окружения.

Известный исследователь природы тоталитаризма Х.Арендт (1986) сформулировала тезис о Холокосте как «научно-исследовательском и

учебном институте террора». По мысли Арендт, судьба групп, предназначенных к уничтожению (евреев, цыган), должна была служить для остальных в лагере и вне его примером ничтожности человека как такового в тоталитарной системе. Сознание такой ничтожности внедрялось и поддерживалось произвольной отправкой в концлагеря тех или иных категорий, постоянными чистками аппарата и массовыми ликвидациями. Г.Хайнзон, однако, указывает, что тезис о полной произвольности в выборе жертв («кара с одинаковым основанием или отсутствием его могла пасть на любого») противоречит очевидному факту — в наибольшей мере нацистская машина уничтожения была сфокусирована именно на евреях.

В концепции немецких социологов Г.Али и С.Хайм (1993) Холокост выступает как метод насильственной модернизации Восточной и Юго-Восточной Европы. Целью уничтожения евреев была якобы ликвидация аграрного перенаселения путем перемещения избыточной рабочей силы на освобождаемые от них места в городах. По справедливой оценке Г.Хайнзона, тезис «геноцид был формой разрешения социального вопроса» есть на деле попытка «научно» объяснить (если не оправдать) массовые убийства ссылкой на некую «экономическую стратегию» инициаторов.

Холокост явился освобождением современного мира от окаменевшего осколка исчезнувшей ближневосточной цивилизации, изначально вкрапленного в структуру цивилизации современной, западно-христианской — так можно истолковать уничтожение евреев нацистами, исходя из исторической концепции А.Тойнби, выдвинутой еще до 1939 г. (точнее говоря, спрогнозированной как финальный этап «долго тянущейся трагедии»). Возможность полноценной творческой жизни для еврейства в настоящем и будущем историософия Тойнби, к сожалению, не предусматривала.

Большинство либеральных исследователей на Западе исходит, однако, из противоположного представления: Гитлер уничтожал евреев именно как носителей модернизационных идей и ценностей — эгалитаризма, демократии, интернационализма, пацифизма и пр. (Х.Грабль, 1986; Э.Екель, 1991). Но и это объяснение упирается в фундаментальное отличие: другие носители указанных ценностей переставали считаться врагами, если отказывались от своих взглядов и соответствующих им действий, вредность же евреев считалась врожденной и неисправимой.

Р.Л.Рубенштейн (1987, 1994) видит в истреблении евреев — наиболее урбанизированного этноса западного мира — предвестие смерти городов вообще как концентрированного выражения современной западной цивилизации. Города, утверждает он, суть агломерации сверх- и анти-природные, искусственные и враждебные жизни. «Голодные заключенные Освенцима, питающиеся запасами собственного организма, пока те не переварятся полностью, возможно, являют нам пророческую картину цивилизации на конечном отрезке ее пути от села к Некрополю». Однако

и диагноз, и прогноз судьбы городов в этой концепции спорны, а ответ на главный вопрос — «почему именно евреи» — неубедителен.

Из многочисленных психологических версий Холокоста Г.Хайнзон останавливается на более распространенных (Р. Бинион, 1973, 1978; Р.Дж.Уайт, 1977). Современная психология на Западе, почти целиком фрейдистская, оперирует главным образом понятием сдавленной сексуальности. Расщепляясь, та преобразуется, с одной стороны, в радостную готовность к подчинению, в тягу к порядку и гарантирующей его сильной власти. С другой — в потенциальную готовность к агрессии и наслаждение собственной жестокостью. Причем наибольшее удовлетворение агрессия и жестокость приносят, когда их направляют на указанного властью врага.

Безусловно, в Третьем рейхе было немало личностей садомазохистского типа, особенно среди активных нацистов (Т.Абель, 1966). Но больше ли, нежели в других народах? И самое главное — по данным классического эксперимента С.Милграма (1963, 1973), готовность подчиняться приказам свыше, даже если их выполнение приносит очевидные страдания другим людям, проявляет до 6/7 членов любого социума. Психоанализ, утверждает Г.Хайнзон, не может дать разгадки Аушвица (Освенцима).

Другая версия, социально-психологическая, восходит к основоположникам т.н. «франкфуртской школы марксизма» М. Хоркхаймеру и Т. Адорно (1947). Нацистский геноцид евреев рассматривается ею как возрожденный ритуал массовых человеческих жертвоприношений эпохи бронзы; с их помощью «немецкая народная общность» снимала психическое перенапряжение, экономические и политические фобии и страхи. Можно было бы принять такое толкование, считает Хайнзон, если бы убийства совершались открыто, в ходе изливающих народную ненависть еврейских погромов. Но Холокост был не цепью стихийных эксцессов, — таким путем его и технически нельзя было осуществить, — а тщательно спланированной и организованной, глубоко засекреченной государственной акцией.

Ряд теорий представляет геноцид как реакцию на действия противников Гитлера. Холокост — это ответ на объявление евреями войны Третьему рейху, утверждает в предисловии к «Застольным разговорам Гитлера» Г.Пикер (1976). Тезис этот воспринял и известный консервативный историк Э.Нольте (1993). По версии Пикера, после «имперской хрустальной ночи» 9 ноября 1938 г. «организованное мировое еврейство» провозгласило Гитлера «врагом №1» и за подписью сионистского лидера Х.Вейцмана объявило Германии войну. Нольте относит «объявление войны» уже к марту 1933 г., когда на лондонской демонстрации протеста против антиеврейских мер нового режима несли якобы транспаранты «Jude Declares War on Germany».

Однако евреи, указывает Г. Хайнзон, не могли стать воюющей стороной в общепринятом международно-правовом смысле, поскольку не имели ни собственного государства, ни международно-признанного правительства. И даже объявив их таковой, следовало применять к ним правила Гаагской конвенции, запрещающие репрессии против некомбатантов и регулирующие обращение с военнопленными. Но решающим доводом против этой концепции является простое сопоставление дат. Еще 3 февраля 1933 г. Гитлер поведал руководству германских вооруженных сил о своем намерении осуществить «завоевание нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадную германизацию»; еще 13 марта 1921 г. он требовал «воспрепятствовать еврейской подрывной работе против нашего народа, при необходимости путем заключения ее проводников в концентрационные лагеря»; еще 16 сентября 1919 г., характеризуя свой «продуманный антисемитизм», объявил: «Его последней целью неотвратимо должно стать устранение евреев вообще».

К указанной выше группе принадлежат и версии о Холокосте как мести за выселение немцев Поволжья, как «несоразмерном уничтожении заложников» в ответ на акции советских партизан, как мести «еврейскому большевизму» за проигранную к октябрю 1941 г. войну. Первая из них восходит к установке А. Розенберга органам немецкой пропаганды от сентября 1941 г., вторую высказал в 1994 г. Э. Нольте, третью выдвинули немецкий и английский историки Ф. Буррин (1993) и И. Кершоу (1994). Г. Хайнзон отводит все эти версии указанием на то, что массовые убийства евреев начались еще с июня 1941 г. и, что вполне очевидно, производились на основе принятого ранее решения.

Наибольшее внимание в книге уделено концепциям упоминавшегося уже Э. Нольте. За тридцать с лишним лет (1963–1994) тот выдвинул аж 8 (!) объяснений Холокоста. Однако почти все они варьируют один лейтмотив — Холокост по сути был борьбой с большевизмом, который Гитлер рассматривал как величайшую угрозу для Германии и всего мира, именно евреями иницируемую и руководимую. «Антибольшевизм есть корень гитлеровского антисемитизма», «воля к уничтожению вытекала из страха перед уничтожением», «каузальную связь между Гулагом и Освенцимом оспорить невозможно», — перечень подобных высказываний Нольте можно и продолжить. Подкрепляет их ссылка на известное заявление фюрера в беседе с М. Планком: «Все евреи — коммунисты».

Но вопрос (им задается и Хайнзон): насколько сам Гитлер верил в эту формулу? Вряд ли он был столь наивен, чтобы евреев-«плутократов», о которых наци говорили не менее часто и охотно, тоже считать коммунистами. А евреев традиционных? А сионистов?

Что касается отождествления евреев с советским большевизмом, то Г. Хайнзон справедливо напоминает: Гитлер и другие нацистские главари были осведомлены о падении реальной роли евреев в СССР в ходе и

результате борьбы Сталина с оппозициями, а затем и репрессий второй половины 30-х годов. В 1939 г. фюрер с удовлетворением отмечал: «Сталин привел Россию на путь национал-социализма, ибо в ходе «большой чистки» не только устранил еврейских соратников Ленина, но и вообще задвинул евреев во второй и третий ряд». А в 1942 г. выразил убеждение: «Сталин ждет лишь того момента, когда в СССР будет достаточно своей интеллигенции, чтобы полностью покончить с засильем в руководстве евреев, которые на сегодняшний день ему еще нужны».

Далее, утверждение, что целью «восточного похода» Гитлера было уничтожение большевизма, тоже не более чем пропагандистский миф. Гитлер предпринял бы такой поход при любом социальном строе и политическом режиме в России, ибо его действительной целью было завоевание Германией колониального пространства в лучшей по условиям жизни европейской части СССР. Население последней, резко уменьшенное и сведенное к самому примитивному уровню жизни и культуры, должно было стать рабочей силой в элитных хозяйствах немецких поселенцев. Это — вывод весьма серьезного и очень консервативного исследователя А.Хилльгрубера, автора капитальной монографии «Стратегия Гитлера. Политика и руководство войной. 1940—1941» (Бонн, 1965, 1982, 1993). Его не мешало бы помнить современным поклонникам «Адольфа Алоизовича» в России.

Несостоятельны, по оценке Г.Хайнзона, и связанные с названным тезисы о Холокосте как «подражании истреблению враждебных классов путем истребления враждебных рас» или «превентивной самообороне против азиатской жестокости еврейских большевиков».

Первый из них Э.Нольте обосновывает так: если классовая принадлежность могла признаваться заслуживающей смерти, то почему нельзя было поступить так же с принадлежностью расовой? Причем следует помнить, что в этом деле — «уничтожении классов, народов, групп» — было оригиналом и что копией. Тот, кто уничтожение евреев Гитлером хочет видеть вне этой связи, ... фальсифицирует историю. В поиске непосредственных причин он упускает из виду основные предпосылки, без которых эти причины не вылились бы в известный нам результат».

Что сказать по этому поводу? Конечно, массовые убийства, осуществлявшиеся коммунистическим режимом в России, по времени предшествовали злодеяниям нацизма, а по количеству жертв превзошли последние. Но представление о том, что советский и нацистский режимы всегда и во всем копировали или имитировали друг друга, ошибочно. Холокостом Гитлер не реагировал на советские действия, подчеркивает Г.Хайнзон, а осуществлял собственные цели. При этом злодеяния, совершенные в СССР, использовались как удобные обоснования и оправдания собственного образа действий, как эффективные стимулы для «отмщения».

Не более состоятельна и теория «превентивной самообороны от еврейских большевиков», особой жестокостью которых запугивала немецкая пропаганда. На деле евреи-большевики не отличались от прочих функционеров и слуг коммунистического режима, просто больше бросались в глаза, поскольку впервые в истории России евреи выступали от имени государственной власти, как субъекты, а не объекты насилия. Это весьма облегчало создание образа «еврейского комиссара» — олицетворения ужасов революции, гражданской войны и сталинских репрессий, образа, который активно использовала нацистская пропаганда.

Две из предложенных Э. Нольте попыток объяснения Холокоста выходят за рамки исторической эпохи 1917–1945 гг. В них автор апеллирует к «вечным», родовым чертам еврейства, обусловившим, по его мнению, ненависть к евреям со стороны Гитлера. Холокост, читаем в книге «Спорные пункты: сегодняшние и завтрашние контroversы вокруг национал-социализма» (1993), целил в прирожденных носителей определенного мировоззрения, которое впервые выразила именно Библия. Без этой книги не было бы ни большевизма, ни левых вообще. Для евреев, считает Нольте, характерно представление о настоящем как царстве несправедливости и вера, что когда-нибудь в будущем его сменит царство справедливости и мира, царство Божие на Земле. По мнению Г.Хайнзона, Нольте здесь впервые подошел к ключевой мысли — что Гитлер боролся против определенного духа, определенного строя мыслей и чувств.

Последнюю из своих догадок Э.Нольте базирует на одном из высказываний фюрера. В 1943 г. тот бросил Геббельсу: первобытный человек не знал слитой с совестью лжи, она происходит от евреев, ибо «еврей — существо абсолютно интеллектуальное». Гипотеза Нольте: путем уничтожения евреев — «народа книги», который выше всего ценит интеллектуальные достижения и сравнительно с другими дал наибольшее число таковых, — Гитлер, возможно, стремился возратить человечество на более примитивную, неисторическую ступень развития. «То, что Гитлер в конечном счете хотел сдержать или устранить, был... процесс «интеллектуализации мира», все более сильная экспансия *ratio* и связанные с ней усложнение, непрозрачность, «искусственность», которые разрушают господство природы и с нею — подлинную жизнь, характеризующуюся воинской храбростью и женской плодовитостью». Чтобы обратить вспять этот дегенеративный, по его оценке, процесс, Гитлер и пытался уничтожить его родоначальников.

Как отмечает Г.Хайнзон, в этой версии — и только здесь — Нольте отзывается о евреях с уважением и даже симпатией, отождествляя их не просто с теми или иными идеями и ценностями западной цивилизации, но с критическим разумом как таковым. Однако она брошена им мельком, настаивает он на двух других — Холокост как борьба с большевизмом и как борьба против чуждой расы.

По существу же последней из гипотез Нольте Г.Хайнзон выражает сомнение, ссылаясь на то, что Гитлер весьма гордился собственным интеллектом и ценил интеллектуальные культуры древности (например, китайскую). Мишенью его ненависти, считает Хайнзон, был не интеллект, а определенная этика.

Исследователи Холокоста, в этом автор рецензируемой книги убежден, сами закрывали себе путь к пониманию его причин и целей тем, что пытались отвечать на эти вопросы, не входя в рассмотрение сути иудаизма. Этот недостаток (унаследованный, кстати, от большинства предшествующих исследований антисемитизма) был продиктован, как правило, благим намерением: не создавать впечатления, что евреи «сами виноваты» в своих бедах. Поэтому ограничивались констатацией, что Холокост был нарушением всеобщего неотъемлемого права на жизнь, не замечая, что евреи стали его мишенью именно потому, что через них это право и проникло в западную христианскую цивилизацию.

Гитлер, считает Хайнзон, осознавал генезис ненавистных ему этических принципов лучше, чем изучающие его деяния ученые, в том числе и евреи. Именно еврейское по своему происхождению ядро христианской этики — заповеди любви к ближнему, справедливости, равенства и, прежде всего, безусловной защиты жизни — он и хотел искоренить из сознания немцев. Для этого — истребить физических носителей этой «заразы», «туберкулеза» совести, сострадания, защиты слабых, защиты жизни вообще.

Сколь бы часто и массивно не нарушались эти заповеди в ходе истории, о полной их отмене речи не было. Гитлер же поставил вопрос именно так. По выражению покойного профессора Оснабрюкского университета И.Мюллера, он «разбивал hardware, чтобы стереть software». Г.Хайнзон, со своей стороны, определяет Холокост как «геноцид ради восстановления права на геноцид» и именно в этом усматривает его уникальность.

Освобождение от «еврейского духа», по мысли фюрера, сделало бы немцев бесспорными фаворитами в вечной войне всех против всех. Конечной целью при этом было завоевать для Германии мировое господство, непосредственной — обеспечить «жизненное пространство» на Востоке Европы, очистив его от излишка проживающих там «недо-человеков». Чтобы решить эту задачу, следовало воспитать в «народе господ» способность к безоглядной жестокости, избавить его от конфликтов совести при истреблении мирного населения.

Принципиально задачу покончить с «возбудителем болезни» Гитлер поставил задолго до прихода к власти. Покорение Западной Европы и неслыханные успехи первых месяцев «русского похода» создали в 1941 г. условия, позволившие перейти к ее выполнению. А такие черты немецкой ментальности, как распространенная неприязнь к евреям, готовность к повиновению, чувство превосходства, бюрократический фанатизм и пр., облегчили проведение замысла в жизнь.

Таков ответ Г. Хайнзона на вопрос «*Warum Auschwitz?*» Он фундирован множеством высказываний Гитлера, подтверждающих авторскую концепцию. Дополним их двумя, существенно важными для понимания взглядов последнего: «Евреи выдвигают нравственные требования не ради них самих, а лишь для того, чтобы этим чего-нибудь достичь»; они эксплуатируют «больную совесть современного мира» в собственных интересах. Их конечная цель — господство над миром (проекция собственных замыслов? — С.М.), они стремятся достичь его, инфильтрируя «национальные тела» других народов, а затем подрывая изнутри жизненные силы последних.

Является ли концепция, предложенная Г. Хайнзоном, долгожданной и достигнутой, наконец, разгадкой тайны Холокоста? Или перед нами еще одна, 43-я версия? Пусть об этом судит читатель, и, конечно, не по нашему изложению, поневоле конспективному, а по самой книге.

Однако есть ли надежда на появление ее русского издания?

К числу парадоксов российской истории и современности относится и такой: в стране, заплатившей десятками миллионов жизней за победу над фашизмом; в стране, на территории которой погибло до половины замученных нацистами евреев; в стране, имеющей третью в мире по численности еврейскую общину, — лишь 6 процентов опрошенных знают, что такое Холокост...

Юрій Шаповал

Юрій Шаповал — відомий український історик і архівіст, доктор історичних наук. В результаті його розвідок останніх років громадськість познайомилась з абсолютно секретними донедавна документами з архівів спецслужб і вищих партійних органів.

ТАК «ДОБИВАЛИ» СІОНІЗМ

Для початку — зізнання: після того, як редакція альманаху «Єгупець» замовила мені цей матеріал, я написав доволі розлогу передмову до тих унікальних і абсолютно таємних раніше документів, з якими оце ви, шановні читачі, ознайомитесь. Написав. Потім ще раз перечитав віднайдені в Державному архіві Служби безпеки України тексти, а вже після того вирішив, що ніякої особливої (та ще й розлогої) передмови ці документи, власне, не потребують, оскільки самі за себе говорять якнайкраще. Відтак, відкинувши першу версію передмови, вирішив обмежитись кількома зауваженнями.

Добре відомо, що свій авторитет більшовицький/комуністичний режим значною мірою «підмочив» завдяки не лише квартирному (згадаймо безсмертного Михайла Булгакова), а й єврейському питанню. Одначе перед тим, як антисемітизм у колишньому СРСР було піднято на рівень публічної державної політики, — а це станеться вже у повоєнний час, — була довга і складна смуга встановлення партійно-державної «монополії» на те, як повинні жити і що повинні робити євреї за умов більшовицького панування.

Якщо говорити конкретно про сіонізм, то ставленню до нього більшовиків навчив, зрозуміло, В. Ленін. Він виходив з того, що «сіоністська ідея — зовсім хибна і реакційна по своїй суті», а також з того, що ця ідея «суперечить інтересам єврейського пролетаріату, створюючи в ньому і посередньо настрій, ворожий асиміляції, настрої «гетто» (Ленін В.І. Повне зібрання творів, т. 69, с.71).

Не будемо зараз загострювати увагу на типово ленінській демагогії щодо «єврейського пролетаріату». Одначе на тому, хто саме підштовхував радянських євреїв до створення своєрідного гетто, варто зупинитись, оскільки це важливо для розуміння нововіднайдених документів. Хронологічно вони належать до періоду нової економічної політики (неп), під час якої значна частина непманів, а відтак і значна частина єврейського населення України була позбавлена громадянських прав. За цих умов, цілком справедливо кваліфікуючи такі кроки влади як дискримінацію, сіоністські організації в Україні посилили свій вплив. Зокрема, вони серйозно стимулювали господарську діяльність євреїв, єврейську коопе-

рацію, створювали гуртки самоосвіти, в яких навчання здійснювалось на івриті тощо. Навіть лояльне до більшовиків Голоvbюро Єврейської секції при ЦК КП(б)У змушено було констатувати, що сіоністські угруповання, зовсім нещодавно слабкі і неоформлені організаційно, перетворилися на міцні структури із суворою дисципліною і конспірацією під орудою досвідчених діячів (Див.: Найман О.Я. Єврейські партії і об'єднання України (1917–1925). — К., 1998.). Із доповіді прокурора УСРР Л.Крайнього на нараді прокурорів у 1927 році (текст доповіді надрукований нижче і є другим документом, що нині вперше оприлюднюється) дізнаємось: «1924 год и в особенности 1925 г. отмечается огромным, прогрессирующим ростом сионистского движения с социалистическими оттенками. Движение в этот период приняло широкий политический антисоветский характер, захватывая все более и более широкие массы мелкой еврейской буржуазии, учащейся молодежи и даже некоторой части трудящихся.

К концу 1925 года, когда сионистское движение достигает своего кульминационного пункта, численность сионистских партий на Украине достигает 30 000 человек» (Див. документ № 2).

Більшовицький режим та його речники (в першу чергу ГПУ і міліція) швидко зрозуміли, що мають справу із досить потужним конкурентом. Саме тому вся історія непу може бути прочитана ще й як історія протидії сіонізму. Ця протидія була відкритою (наприклад, арешти активістів сіоністських організацій, заслання) або латентною (тиск, погрози). Автори згаданого документу-довіді вочевидь грішать проти істини, коли, описуючи кризу сіоністського руху початку 1926 року, ніби відсторонюються від цього процесу: «Кризис сионистского движения в начале 1926 г. характеризуется приостановкой роста и потерей влияния среди еврейских трудовых масс. В организациях начинается внутреннее брожение и «переоценка ценностей». Руководящие органы сионистских партий пытаются внешними шумными выступлениями приостановить отход масс и заглушить внутреннее брожение. Март-апрель 1926 г. характеризуется небывалой до того времени внешней активностью верхов сионистских организаций. Выступления эти, однако, не находят отклика в трудовых еврейских массах и приводят к результатам, противоположным тем, которых ожидали сионистские лидеры. Вместо прежнего сочувствия, с которым встречалось каждое сионистское выступление на массовом еврейском собрании, сионисты в настоящее время встречают явно-враждебное отношение, выливавшееся зачастую в форму «затюкивания сионистских ораторов и изгнания их из собраний» (Див. документ № 2).

Однаке достеменно відомо, що і «внутреннее брожение» і «затюкивания сионистских ораторов», як і інших ораторів (наприклад, членів Української Комуністичної Партії — «укапістів»), не відбувалися в той час автоматично, самі по собі. Це була цілеспрямована робота ГПУ та їхніх провокаторів. Про це, до речі, ще належить колись розповісти окремо.

Надбанням історії є факти про те, що у 20-ті роки сіоністи щиро прагнули порозумітись із керівниками більшовиків. Тут доречно згадати про місію доктора Д.Ідера з Великобританії, який на початку 1921 року у Петрограді без успіху звертався до Г.Чічеріна з низкою прохань, зокрема з тим, щоб дозволити діяльність сіоністських організацій в більшовизованій Росії. Влітку 1925 року сіоністи здійснили нову спробу: московський інженер І.Рабинович і відомий піаніст Д.Шор подали до Всесоюзного Центрального Виконавчого Комітету СРСР короткий меморандум з приводу нагінок на сіоністів у «найдемократичнішій» у світі державі робітників і селян. Однак і ця акція виявилася невдалою. В СРСР було взято курс на рішучу і жорстку протидію сіонізму, в якому влада в першу чергу вишуквала антирадянщину і будь-яку нелояльність. Влада тиснула на сіоністів, застосовуючи до них репресивні заходи (Див.: Маор И. Сионистское движение в России. — Библиотека Алия, т. 47. — Тель-Авив, 1977).

В який спосіб це робилося, яскраво засвідчує друкована тут вперше доповідь прокурора Л.Крайнього (який стане жертвою репресій у 30-ті роки). На одну фразу з цієї доповіді хочу звернути особливу увагу. Ця фраза, як свого часу зауважував один відомий політик, варта багатьох томів. Ось вона: «Прокуратура Республики осуществляла полный надзор за деятельностью ГПУ УССР по борьбе с сионистским движением, корректировала его как с точки зрения политической целесообразности, так и с точки зрения соблюдения уголовно-процессуальных норм» (Див. документ № 2).

Відчуваєте шарм? На першому місці у доповіді прокурора не закон, а *«политическая целесообразность»*. Значить, і результат «надзора» мав бути / був відповідний. Саме через цю «политическую целесообразность» у 1937 році *Лев Крайній-Карпільовський* буде заарештований і знищений. При цьому на «слідстві» йому закидатимуть, зокрема, таке: «В автобиографии от 17.09.21 г. Вы приписываете себе незаслуженные революционные заслуги, характеризуете себя как «Лев Кровавый», как беспощадный враг буржуазии, а между тем Вы в Красной Армии никогда не служили и при Деникине оставались в Киеве». Він змушений був пояснювати: «Я в автобиографии не именовал себя «Лев Кровавый», а указывал, что буржуазия киевская называла меня Лев Кровавый вследствие моих выступлений в прессе с резкими статьями против контрреволюции, которые назывались «Из блокнота чекиста» (Цит. за: Білокінь С. Масовий терор як засіб державного правління в СРСР (1917-1941) — К., 1999). За логікою тієї самої «целесообразности» у 30-ті роки із життя підуть і ті, хто підписав вміщену в цій публікації директиву до окружних прокурорів УСРР та Прокурора АМСРР щодо сіоністського руху — заступник наркома юстиції *Михайло Михайлик* та помічник Головного прокурора УСРР по догляду за органами ГПУ Григорій Железнодорожский.

На жаль, дотепер ми не маємо серйозних науково-документальних публікацій, які б всебічно висвітлювали історію протистояння більшовиків і сіоністів. Одначе робота, розпочата в Державному архіві СБУ, дає надію, що цей недолік найближчим часом буде виправлено. Та більше того, сподіваюсь, що вдасться підготувати публікації, які об'єктивно відбиватимуть роль і місце єврейства за умов комуністичного тоталітаризму, політику цього режиму щодо євреїв. Якщо йдеться конкретно про сіоністів, то можна лише погодитись із думкою, що її висловила І.Погребинська: «Відновити історичну справедливість щодо сіоністських організацій України дозволяють документи Центрального бюро сіоністської організації в Росії, Київського обласного бюро сіоністських організацій, Центрального комітету сіоністської народної фракції «Цейрей-Ціон» і Центрального Комітету сіоністсько-соціалістичної партії в СРСР. Не буде перебільшенням сказати, значну частину цих документів ще не введено до наукового обігу і вона є невідомою не лише для української, але й для зарубіжної історичної науки, де вже багато років існують традиції по вивченню цієї теми» (Євреї в Україні: історія, культура, традиції. - К., 1997).

А наразі пропоную читачам ознайомитись з документами, що проливають світло не тільки на те, як саме репресивні і каральні органи «добивали» сіонізм в Україні, а й дають уяву про те, з чого вони виходили, якими висхідними постулатами керувались. Ще одна цікава деталь: більшовики спрямовують свій гнів проти сіоністських організацій переважно соціалістичної орієнтації. Це підтверджує, що у будь-кому, навіть у «сіоністах-соціалістах», вони вбачали небажаних конкурентів, яких належало рано чи пізно елімінувати.

При передруку документів було збережено стилістику і орфографію оригіналів. До речі, перший документ — директива до окружних прокурорів УСРР та до прокурора Молдавської Автономної Соціалістичної Республіки, що входила тоді до складу УСРР, — підготовлений українською мовою і яскраво відбиває, в який спосіб «українізувалося» діловодство у добу більшовицької «українізації».

* * *

Документ № 1

Директивний лист до окружних прокурорів УСРР та Прокурора АМСРР щодо сіоністського руху

17 січня 1927р.

Цілком таємно На правах шифра

До всіх Окрпрокурорів та Прокурора АМСРР.

Директивний лист

За останній час Прокуратурою Республіки підведено підсумки боротьби з сіоністським рухом на Україні та прийнято низку постанов щодо методів дальнішої праці органів Прокуратури в цій галузі.

З метою надання загальної лінії в цьому напрямку та дачи (*Так у тексті. Зрозуміло, що йдеться про надання.* — Ю.Ш.) директивних вказівок місцям в порядкуві не лише тільки адміністративного керування, а й введення у курс справи всіх Окрпрокурорів щодо вивчення та охоплення сіоністського руху во всій його широті та глибині. Прокуратура Республіки вважає за необхідне дати вичерпуючий огляд сіоністського руху, його виникнення, історії його розвитку, сучасного його стану та перспектив надалі, який при цьому окремо додається.

Прокуратура Республіки, урахуючи, що сіоністський рух зараз перебуває у стадії занепаду, знаходить, що якраз в сучасний момент необхідно користувати несприятливі умови в яких знаходяться сіоністські партії для збільшення натиску на розкладені лави сіоністських партій з метою найбільшої дезорганізації їх активу.

Це питання вирішено в такому розумінні, що періодично будуть повторюватися масові операції для вилучення найбільш активних елементів й вислання їх за межі УСРР.

(Передачу цих справ до Суду не припускається).

Однак, при цьому треба мати на увазі, що вислання визнано за доцільне пристосувати (*Треба — застосовувати.* — Ю.Ш.) пише до більш-менш значних діячів сіоністських партій, себто членів місцевих комітетів, штабів та інших керівничих органів. Рядових та пасивних членів організацій можливо по місцевих умовах арештувати (арешти іноді необхідно розглядати яко метод дезорганізації та зруйнування місцевих організацій), але ж до вислання їх не слід представляти, обмежуючись короткочасним утриманням під вартою.

Під час таких масових операцій Окрпрокурорам необхідно приймати в їх реалізації активну участь, забезпечуючи найбільш швидке провадження слідства по справах, не допускаючи ніякої тяганини, зокрема стежити за тим, щоб справи, які представляються до Окремої Народи по адмін(істра-тивному) вислання, закінчувалися не пізніш як в місячний термін і щоб обвинувачені утримувались під вартою, аж до самого моменту їх вислання, але ні в якому разі не більш 2-х місяців.

Про кожний випадок прострочення цього терміну негайно повідомляти Прокуратуру Республіки.

При розгляді клопотань місцевих органів ДПУ про адмінвислання тих чи інших сіоністів давати висновки про задоволення клопотання тільки відносно активного елементу, про якого вказано вище, керуючись як слідчим так і агентурним матеріалом. При цьому звертати особлив увагу на зріст обвинуваченого, маючи на увазі неприпустимість вислання осіб, молодше 18 років.

Про кожну операцію, яка проводиться місцевими органами ДПУ негайно надсилати до Прокуратури Республіки докладний меморандум, а потім періодично повідомляти про наслідки.

Про всякі непорозуміння та незгоди, які виникають, чи можуть виникати в цій галузі з органами ДПУ негайно повідомляти Прокуратуру Республіки.

В трьох місячних звітах докладно освітлювати роботу Прокуратури в цій царині.

Одержання цього листа підтвердити:

Заст. Нарком юстиції та Ст.Пом. Генпрокурора Республіки Михайлик

Пом. ГПР по догляду за органами ДПУ УСРР Железнодорожський

Документ № 2

Доповідь Прокурора УСРР Л.Крайнього «Про роботу ГПУ і Прокуратури по боротьбі із сіоністським рухом»

1927р.

Сов. секретно на правах шифра

Общая характеристика сионистского движения

Сионистское движение принято рассматривать как совершенно ничего не стоящее и не представляющее для государства никакой социальной опасности. Оно рассматривается, как «детская игра» не только среди широкой «публики», но и среди многих наших ответственных работников, и даже и известной части Прокуратуры, которой не приходится непосредственно соприкасаться с этой разновидностью антисоветских группировок. Поэтому представляется необходимым, прежде всего, дать общую характеристику этому движению для уяснения сугубо контрреволюционной сущности и актуального вреда, который оно приносит вообще и в особенности в области работы среди еврейских трудящихся масс.

Начало развития сионистского движения на Украине в послереволюционное время относится к периоду 1921-1922 гг. Корни его произрастают из старого так называемого «буржуазного сионизма» или «альгеймайн-сионизма». Хотя большинство сионистских группировок имеет в настоящее время социалистические оттенки, но они, однако, не находятся в преемственной связи с сионистско-социалистическим движением дореволюционного периода. Образовавшиеся в 1904-1905 гг. сионистско-социалистические партии, а именно:

«Сионистско-Социалистическая Рабочая Партия» («С.С.») и

«Еврейская Социалистическая Рабочая Партия» («Е.С.» «Серп», или «Сеймовцы») после Октябрьской Революции почти целиком слились с коммунистической частью Бунда, образовав единую еврейскую коммунистическую партию «Комфарбанд», который впоследствии вошел полностью в РКП. Многие бывшие лидеры этих партий являются в настоящее время видными активными коммунистами. Послереволюционное сионист-

ско-социалистическое движение выросло из недр левой фракции «альгеймайн-сионистов», известной под именем «Цейрей-Цион».

1924 год и в особенности 1925 г. отмечается огромным, прогрессирующим ростом сионистского движения с социалистическими оттенками. Движение в этот период приняло широкий политический антисоветский характер, захватывая все более и более широкие массы мелкой еврейской буржуазии, учащейся молодежи и даже некоторой части трудящихся.

К концу 1925 года, когда сионистское движение достигает своего кульминационного пункта, численность сионистских партий на Украине достигает 30 000 человек.

Хотя основной целью, общей для всех сионистских группировок является создание национального правоохраненного убежища в Палестине и их деятельность в странах так называемого «Голуса», т.е. изгнания, должна была бы служить исключительно указанной цели, сионисты во главу угла своей работы ставят вопросы актуальной антисоветской политической борьбы.

Сионистские организации построены по принципу глубоко-замкнутого подполья со всеми его аксессуарами: жестким руководящим центром, полным отсутствием выборности, профессионалами, шифром, кличками, прокламациями при очень выдержанной конспирации.

В своих изданиях, периодических листовках, сионисты выступают против «диктатуры компартии», требуют «свободы социалистических партий» (не только своей, но и других: меньшевиков, эсеров и т.д.), «установления режима демократии» и т.п. Особенно ожесточенную борьбу сионисты ведут против евсекций коммунистической партии, называя «евсеков» ассимиляторами, узурпаторами, предателями еврейских трудящихся масс и т.д. Наряду с этим ведется усиленная работа в направлении дискредитации и срыва еврейской колонизации в СССР, по разложению и отрыву еврейской части комсомола, а также по дезорганизации еврейского пионерского движения.

Одновременно с подпольной работой, сионисты зачастую производят «диверсии» и на фронте открытой политической борьбы. В некоторых районах в период наибольшего сионистского движения, т.е. во второй половине 1925 г. имели место организованные уличные демонстрации сионистов (например: в Одессе свыше 500 чел., в Проскуровском округе около 200 чел.; в Киеве — 300 чел.); зарегистрирован ряд открытых антисоветских выступлений на массовых еврейских собраниях, в особенности на собраниях «Озета». В местечках и еврейских колониях были случаи срыва сионистам комсомольских собраний, причем сионисты иногда превращали эти собрания в открытую демонстрацию своих сил. Были случаи массового избияния комсомольцев сионистами, пользовавшихся своим численным превосходством. Тут, кстати, следует отметить,

что в некоторых местностях, в особенности еврейских местечках, сионистские организации по своей численности далеко превосходят комсомольские организации. Сионистские организации пытаются также использовать возможности легальной деятельности. Они проводят большие антисоветские кампании при перевыборах в Советы, месткомы, ссудосберегательные общества, союзы кустарей и т.п.

Для характеристики серьезности сионистских движений необходимо указать на ту глубокую социально-экономическую базу, на которой они выросли и которая дает им питательный материал.

Разорение и объединение тех слоев еврейского населения, источниками существования которых являлись торговля, посредничество и мелкое ремесло, создало весьма благоприятную почву для романтических мечтаний о более счастливой доле в «Обетованной земле» с одной стороны и для антикоммунистических настроений с другой.

К этому прибавляется отсутствие возможности для еврейской мелкобуржуазной молодежи отделиться производственно-трудоустройственной деятельностью, отсутствие выхода для ее общественно-политической активности, что направляет ее энергию в русло нелегального сионистского движения.

Недостаточная чуткость местных органов власти, а иногда и партийных органов, с которыми еврейской молодежи приходится сталкиваться в поисках поля для выявления своей активности, также в значительной мере способствует усилению сионистских настроений. (Массовые отказы от принятия в комсомол сыновей кустарей, причисляемых к нетрудовому элементу, обвинение в «буржуазности» по всякому поводу и т. под.) Следует отметить недостаточную работу евсекций, несмотря на бешеную ненависть к ним сионистов за их якобы слишком активную работу.

Характеристика отдельных партий

Современное сионистское движение является далеко не однородным. Оно распадается на целый ряд отдельных партий, не только организационно не связанных между собой, но и враждующих и борющихся друг с другом.

На Украине в настоящее время действуют нижеследующие сионистские группировки.

1. Сионистско-Трудовая партия (С.Т.П.)

Мелкобуржуазная организация народнического типа. В своих изданиях выступает с критикой социалистического движения, утверждая, что на Западе оно доказало свою несостоятельность, а в СССР — «переродилось», вылившись в буржуазную форму НЭПа. Отношение к Советской власти и коммунистической партии резко враждебное. Работа ведется весьма конспиративно, издаются в этом направлении специальные циркуляры. Члены организации работают под кличками. Имеется центральный комитет, районные комитеты (областные) и городские комитеты. С.Т.П.

является централизованной в полном смысле этого слова организацией. Имеется кадр активных работников в различные места для усиления и углубления партийной работы. Имеет постоянные периодические издания, главным образом на древнееврейском языке. «Гоцорец-Веавейдо» (Земля и Труд) — является органом ЦК. Кроме того, выпускаются в огромном количестве листовки.

2. Единая Всероссийская Организация Еврейской молодёжи (ЕВОЕМ).

Официально считает себя автономной и аполитичной организацией. Фактически же — находится под идейным руководством С.Т.П., являясь своего рода «Комсомолом» по отношению к этой партии, ЕВОЕМ является весьма активной антисоветской организацией. Издает многотиражную нелегальную антисоветскую литературу. Проскальзывают настроения сочувствия фашизму. В некоторых нелегальных листовках выдвигается вопрос о необходимости террора, борьбы «за свободную Россию» и т.д. ЕВОЕМ также весьма централизованная организация, имеющая большой кадр активных работников-профессионалов.

3. «Гошомер-Гацор» («Юный страж») — правый, так называемый бело-голубой.

«Гошомер-Гацор» построен по типу бойскаутских организаций, также находится под идейным руководством ЕВОЕМ, являясь в отношении его своего рода организацией «Юных пионеров». Имеется главный штаб, окружные штабы, районные штабы, штабы легионов, дружин и т.п. Дружины состоят из отрядов «Шомеров» («Стражи»), «Пофин» («Разведчики») и «Зейвоним» («Волчата»), развивают усиленную массовую работу, проводя сборы отряда, устраивая походы, насчитывающие иногда несколько сот человек. Проводится большая работа по отрыву еврейских детей из отрядов юных пионеров, вовлечению их в ряды «Гошомер-Гацор».

4. Сионистско-Социалистическая партия (С.С.П.).

В отличие от правой С.Т.П. является левым крылом сионистского движения, отколовшимся от С.Т.П. на съезде в Харькове в 1920 г. Основной программной задачей С.С.П. является образование «Социалистического еврейского государства в Палестине». Но одновременно признает классовую борьбу, исключительно в рамках парламентаризма. По своей «социалистической» сущности находится в полном согласии с западной социал-демократией и нашими меньшевиками. В своей литературе и устных выступлениях полностью пародирует меньшевистские лозунги. Имеются даже данные о некоторых попытках со стороны сионистско-социалистов установить организационную связь с меньшевиками. Согласно постановления IV съезда (1924), С.С.П. примыкает ко II Интернационалу. Сионисты-социалисты глубоко законспирированы, работают исключительно под кличками, переписываются шифром. Главный печатный орган ЦК издается на русском языке под названием «Сионистско-Социа-

листическая Мысль». По своей активности и стойкости является наиболее социально-опасной сионистской организацией.

5. «Сионистско-Социалистический Союз Молодежи» (Ц.С.Ю.Ф.)

Является «Комсомолом» для С.С.П. Примыкает к Социалистическому Интернационалу Молодежи. Находится под идейным и организационным руководством С.С.П., отношение к Советской власти резко враждебное. Выпускает многочисленную нелегальную контрреволюционную литературу. Выпускает периодический печатный орган, под названием «Арбайтер-югент» (Трудовая молодежь).

6. «Ташомер-Гацозр» (левый классовый):

Работает под руководством ЦСЮФ, является скаутской организацией, сходной с правым «Гошомер-Гацозром», но отличается «социалистическим» уклоном и тем, что «признает» классовую борьбу. Развивает усиленную деятельность, главным образом, по борьбе с отрядами юных пионеров и комсомолом, пытаясь перетягивать оттуда еврейское юношество в свои ряды. Структура та же, что и в правом «Гошомер-Гацозр», т.е. штабы, регионы, дружины и т.д.

Указанные организации являются основными, наиболее распространенными. Но кроме них имеется еще и ряд других. Ввиду их слабого влияния, нет необходимости их перечислять. Следует только отметить одну из них, весьма немногочисленную, но очень характерную. Это сионистско-социалистическая федерация под названием «Дройр» т.е. «Свобода». Эта организация занимается подготовкой квалифицированных подпольных работников сионистско-социалистического движения, является замкнутой сектой, состоящей из отдельных пропагандистских групп, глубоко законспирирована. В целях добытия материальной возможности для развертывания своей работы прибегает к таким средствам, как хищения государственных сумм, контрабанда, спекуляция и т.д.

Как указано было выше, наиболее высокого своего развития (*нерозбірливо*) и настоящем на Украине сионистское движение достигло в конце 1925 г. К этому времени на твердом учете, персонально по именам и фамилиям в ГПУ УССР состояло 7601 сион., в то время, когда на 2 января 1925 г. на учет состояло 3300 сион., а к ноябрю 1924 г. всего только около 2000 сион. Так как на учет берутся лишь более или менее активно проявляющиеся, то число действительных членов сионистской организации в эти периоды было во много раз больше. В круглых цифрах количество сионистов на Украине представляется в следующем виде: к ноябрю 1924 г. 15000 чел., к январю 1925 г. 26000 чел., а к январю 1926 г. — 30000 чел.

Первый период борьбы с сионистским движением

Активная и интенсивная борьба с сионистским движением путем репрессий началась примерно в начале 1924 года. На первых порах борьба эта была сильно затруднена. Движение переживало стадию бурного роста,

и в сионистских рядах царил форменный энтузиазм. Репрессии вызывали зачастую (*нерозбірливо*) взрывы энтузиазма и иногда способствовали усилению симпатии к сионистам и численному их росту. В течение этого периода аресты, и тем более высылки, применялись с большой осторожностью в отношении наиболее активных деятелей сионистского движения. Так, всего за 1923-24 и за 1925 год подвергнуто было административной высылке 213 чел.

Перелом в развитии сионистского движения

В начале 1926 г. в сионистском движении начинает замечаться перелом. Оно заметно начинает идти на убыль. Большую роль в деле дезорганизации сионистского движения вызвала работа карательных органов. Следует отметить, что наряду с высылками число коих, как видно из приведенной выше цифры, было довольно незначительно, производились массовые аресты, которые, хотя и не всегда заканчивались высылкой, но вызывали разгром целых организаций и срывали налаживающуюся работу. Одновременно велась углубленная работа по разложению и идеологической деморализации движения.

Однако, необходимо указать, что основными причинами спада сионистского движения были факторы политического и социально-экономического характера, а именно: ряд мероприятий Советской власти, в частности, улучшение положения кустарей и ремесленников, уменьшение налогов, колонизация евреев на Украине и в Крыму, создание еврейских школ, еврейских сельских и местечковых Советов, еврейских судебных камер и т.д.

К этому же времени относится полное разочарование в палестинских благах со стороны эмигрантов Палестины, жестокий экономический кризис в Палестине, волна реэмиграции из Палестины, что в свою очередь немало способствовало разочарованию в сионистских идеях.

Кризис сионистского движения в начале 1926 г. характеризуется приостановкой роста и потерей влияния среди еврейских трудовых масс. В организациях начинается внутреннее брожение и «переоценка ценностей». Руководящие органы сионистских партий пытаются внешними шумными выступлениями приостановить отход масс и заглушить внутреннее брожение. Март-апрель 1926 г. характеризуется небывалой до того времени внешней активностью верхов сионистских организаций. Выступления эти, однако, не находят отклика в трудовых еврейских массах и приводят к результатам, противоположным тем, которых ожидали сионистские лидеры. Вместо прежнего сочувствия, с которым встречалось каждое сионистское выступление на массовом еврейском собрании, сионисты в настоящее время встречают явно-враждебное отношение, выливавшееся зачастую в форму «затюкивания сионистских ораторов и изгнания их из собраний».

Процесс внутренней деморализации сионистских партий не приостанавливается и углубляется. Начинается количественное уменьшение состава организации. Одновременно значительно увеличивается количество покаянных писем в газетах, что раньше в среде сионистов было редкостью. 2 января 1926 года мы имеем несколько сот писем в печати, кроме многочисленных, так называемых «внутренних» подписок о ходе из партии без опубликования в печати, что применяется как компромиссная мера, в отношении менее заметных или особенно «щепетильных» членов организации».

Процесс разложения сионистских организаций в настоящее время признается и самими сионистами. Так, например, в письме ЦК ЦСКФ, ко всем членам организации констатируется наличие «апатии», «ликвидаторских тенденций» и проч. Сейчас руководящие органы сионистских партий выдвигают своей ближайшей задачей «подготовку и собирание сил». Все свои усилия они направляют не на внешние выступления, а на внутреннюю «учебу».

Начиная с мая 1926 г. по всей Украине не было ни одной листовки, только в ноябре по поводу происшедших массовых арестов распространялись листовки в Проскуровском, Каменец-Подольском и Шепетовском округах.

Настоящее состояние сионистских организаций характеризуется в основном почти полной пассивностью рядовых сионистов. В большинстве случаев организации, формально продолжая существовать, фактически ничего не делают. Только частые приезды инструкторов-профессионалов вызывают временное оживление работы.

Апатия и разочарование охватили не только низы сионистских организаций, но и их лидеров. Во всех организациях среди верхушек ведутся горячие дискуссии. Замечается тенденция отказаться от «палестинизма» и остаться при одном только «социализме».

Распад сионистских организаций в цифровом отношении выражается в следующем: в то время, как на 1 января 1926 года на учете состояло 7601 сион., на 1 апреля 1926 г. число это упало до 5168 чел., а на 1 ноября 1926 г. уже доходит до 3617 чел.

Настоящее количество соответственно с этим упало с 30000 чел. на 1 января 1926 г. до 23000 на 1 апреля и до 14000 на 1 ноября.

Усиление репрессий

Как отзывался начавшийся процесс разложения сионистского движения на карательной политике в отношении сионистов?

На 1926-й год и абсолютно и относительно падает наибольшее количество репрессий. И это вполне понятно: именно в период, когда сионистское движение дало трещину, оказалось изолированным, необходимо было усилить нажим для того, чтобы окончательно расстроить и

разгромить ряды организации. В особенности необходимо было массовое изъятие «актива» и главным образом «профессионалов».

С 1 января по 15 ноября 1926 г. было произведено по всей Украине 886 арестов. Из них представлено было к админвысылке 301 чел. Из них выслано за пределы УССР 237 ч., в отношении 64 ходатайства отклонены.

Общее количество высланных распределяется по округам таким образом:

ГПУУССР — 11 ч.
ГПУАМССР — 9 ч.
Б.Церковск. Окотд. — 10 ч.
Бердичевск. — 3 ч.
Винницкий — 16 ч.
Днепропетровск — 8 ч.
Житомирский — 5 ч.
Зиновьевск — 4 ч.
Кам. — Подольск - 12 ч.
Киевский — 33 ч.
Конотопский — 4 ч.
Коростеньский — 4 ч.
Кременчугск. — 6 ч.
Криворожск. — 1 ч.
Мог. Подольск — 6 ч.
Нежинск. — 6 ч.
Николаевск. — 2 ч.
Одесский — 30 ч.
Первомайск. — 2 ч.
Полтавск. — 9 ч.
Прилукск. — 6 ч.
Проскуровск. — 17 ч.
Сталинск. — 1 ч.
Тульчинск. — 2 ч.
Харьковск. — 16 ч.
Херсонск. — 5 ч.
Черниговск. — 2 ч.
Шепетовск. — 6.
Итого: 237 человек

2. По соц. профес. признаку.

- а) рабочих — 15 чел;
- б) крестьян — 6 чел;
- в) служащих — 36 чел;
- г) учащихся — 12 чел;
- д) лиц свободн. проф. — 58 чел;

е) лиц б.опр. занят. — 110 чел.

Всего: — 237 чел.

3. По возрастному составу:

(сведения сведены только за время с 15/У1 по 1/Х — 26 г.)

до 18 лет — 4 чел.

— «-24-»- — 101 чел.

— «-30-»- — —

— «-40-»- — 10

— «-50-»- — 2

Всего: — 107 чел. *(Напевно, це помилка у документі. Повинно бути — 117 осіб — Ю.Ш.)*

Содержится под стражей в настоящее время:

Харьков — 34,

Проскуров — 13,

Шепетовка — 13,

Одесса — 15,

Киев — 12,

Каменец-Под. — 7,

Черкасы — 10,

Винница — 7,

Тульчин — 7,

Конотоп — 6,

Бердичев 6,

Житомир — 5,

Кременчуг — 5,

Полтава — 5,

Могилев.-Под. — 5,

Херсон — 4,

АМССР — 4,

Днепро-Петровск — 4,

Б.Церковь — 3,

Ромны — 2,

Лубны — 2,

Зиновьевск — 2.

Всего — 171 чел.

Количество это в настоящее время значительно уменьшилась, так как часть уже осуждена, а часть уже выслана.

Основные моменты прокурорского надзора

Прокуратура Республики осуществляла полный надзор за деятельностью ГПУ УССР по борьбе с сионистским движением, корректировала

его как с точки зрения политической целесообразности, так и с точки зрения соблюдения уголовно-процессуальных норм.

Все массовые операции в отношении сионистов, как в центре, так и по периферии, согласовываются с Прокуратурой Республики. Реализация этих операций в смысле применения к тем или иным группам админвысылки (как известно, по политическим соображениям других форм мер социальной защиты к антисоветским партиям не применяется), проводится через Прокуратуру Республики следующим образом. Все делало коим местами, а также ГПУ УССР возбуждаются ходатайства о высылке, независимо от имеющихся в них заключений местных органов Прокуратуры поступают в Особое Совещание при Коллегии ГПУ УССР по админвысылке только после того, как они просматриваются в Прокуратуре Республики, где по каждому делу составляется новое письменное заключение. Следует отметить, что приведенная выше цифра 54-х отклоненных ходатайств падает исключительно на те случаи, когда Прокуратура Республики, несмотря на возбужденное Окр. Отделом ГПУ ходатайство, положительное заключение Окрпрокурора, считала данную высылку нецелесообразной или незаконной.

Случаев несогласия Окрпрокурора на высылку при согласии Прокуратуры Республики был всего один (Гореник-Чернигов). Как раз в данном случае мы имели дело с весьма активным сионистским деятелем, который арестовывался уже несколько раз и безусловно должен быть изъят.

Общая политика и линия Прокуратуры Республики сводилась главным образом к тому, что высылка применялась исключительно только к активным деятелям сионистского движения, членам партийных органов комитетов, штабов и т.д., не распространилась на рядовых, в большинстве пассивных, членов организаций. Кроме того, особо осторожный подход проявлялся к молодым, главным образом 17-летним, из числа коих высылались лишь отличавшиеся исключительной активностью: члены комитетов, инструктора, профессионалы.

Приведенная выше цифра 4 чел. до 18 летнего возраста, подвергнутых высылке, относится именно к этой категории.

Тут уместно будет кстати заметить, что широко распространенное мнение о том, что борьба против сионистов сводится, главным образом, к борьбе против «детей», «мальчишек» и т.д., ни на чем абсолютно не основано.

Правда, главный контингент высылаемых сионистов действительно состоит большей частью из молодежи, как и все сионистское движение в целом, но во всяком случае молодежи, достаточно определившейся в возрасте от 18 до 24 лет. Достаточный процент падает на лиц выше этого возраста, вплоть до 50-ти лет.

Особую чуткость Прокуратура Республики проявляла в отношении социального состава высылаемых. Как видно из приведенных выше данных,

наибольший процент высылаемых падает на лиц без определенных занятий. Это — большею частью разъездные профессионалы, затем буржуазные «сынки», которые ничем другим не занимаются, кроме сионизма и т.под.

Высланные 6 чел. крестьян представляют собою профессионалов, которые специально командированы для сионистской работы в еврейские колонии и для более успешной работы входят в производственные коллективы. Фактически это «крестьяне» только по формальному признаку. К крестьянам-евреям из колоний, которые действительно работают на земле, проявляется особенно осторожный подход, хотя бы и в том случае, когда они заражаются сионизмом, вследствие пропаганды инструкторов. Возбуждавшиеся в отношении их ходатайства о высылке почти как правило отклонялись Особым Совещанием по нашим заключениям.

Большая работа была проделана по вопросу о длительном содержании под стражей сионистов до высылки. Приблизительно до мая 1926 года наблюдались случаи содержания под стражей сионистов по 3-4 и больше месяцев. Почти по всем делам, прибывшим в Особое Совещание приходилось сталкиваться с этим явлением. Все содержавшиеся под стражей свыше 2-х месяцев, освобождались Особым Совещанием по нашим предложениям, до окончательного разрешения в Москве вопроса об высылке. Одновременно был поставлен вопрос в категорической форме перед С(екретным) О(тделом) ГПУ УССР о необходимости ускорить темп следствия по сионистским делам с таким расчетом, чтобы не позже чем через месяц после ареста дело уже попадало в Особое Совещание. И действительно, за последний период случаев содержания под стражей сионистов свыше 2-х месяцев почти совершенно уже не наблюдается.

Метод затребования обвиняемых в центр практикуется во всех случаях, вызывающих те или иные сомнения.

Прокуратура Республики следит за своевременностью и правильностью отправки высылаемых к месту высылки. Как общее правило, сионисты направляются в места высылки этапным порядком. Это всецело поддерживается Прокуратурой, так как в противном случае возможны были случаи открытия, побегов и исполнения разных партийных заданий во время следования к месту высылки.

Только в особо-исключительных случаях разрешается высылаемым следовать к месту высылки одиночным порядком за свой счет под соответствующее поручительство.

В заключение следует отметить, для полной характеристики поведения сионистов, несколько сионистских эксцессов, имевших место в Харьковском Допре № 1 и вызвавших активное вмешательство Прокуратуры.

Необходимо указать, что сионисты применяют в заключении заправские методы «революционеров», занимая в отношении нас такую примерно

позицию, какую некогда занимали истинные революционеры по отношению к царскому режиму.

Они держат себя демонстративно, оскорбляют по каждому поводу администрацию Допра, выставляют всевозможные «требования», явно рассчитанные на столкновения и демонстрации, устраивают «обструкции» и т.д.

Первая очень важная массовая обструкция имела место в октябре месяце в Допре в Харькове. Совершенно недавно вновь имели место две «обструкции», сопровождавшиеся битьем стекол, ломанием инвентаря и т.д. Прокуратурой Республики были приняты решительные меры к полной ликвидации этих эксцессов и предотвращению в дальнейшем возможности их повторения.

По нашему распоряжению сионисты, при активном их сопротивлении, сопровождавшемся грубым оскорблением администрации Допра, были расселены по разным камерам.

Одновременно было отдано распоряжение Нач. Допра, чтобы в дальнейшем сионистов вновь прибывающих также размещать по разным камерам, не допуская их скопления в одном месте.

Кроме того, по предложению Прокуратуры все участники последнего дебоша привлечены к уголовной ответственности по 86 и 88 ст. ст. УК и в скором времени предстанут перед Судом Чрезвычайной Сессии.

Вывод

Исходя из всего вышеизложенного и учитывая, что именно в настоящий момент, когда сионистское движение находится в стадии развала, необходимо усилить в отношении их репрессии с таким расчетом, чтобы совершенно разгромить оставшийся актив, полагаю необходимым дать соответствующие указания органам Прокуратуры на местах.

Прокурор Крайний

Олег Сидор-Гибелинда

ОКТАВЫ «АГАДЫ»

Уникальность еврейского искусства Украины — неоспорима. Как же могло быть иначе, если эта земля дала миру Шолом-Алейхема и Бруно Шульца? Если без особых усилий в памяти всплывают колоритные лики храмов Дрогобыча, рисунки Г.Лукомского, картина М.Пимоненко «Жертва фанатизма» и «Песнь Израиля» В. Винниченко? Оказывается, однако, что проблему эту легче продекларировать, чем всерьез изучить: мало исследований, на которые можно было бы опереться, а серьезных творческих акций, ее разрабатывающих — и того меньше. Но всё же они есть.

Первый послевоенный опыт — двусмыслен: «Выставка девяти» (1985). Она всколыхнула не столько художественные круги, сколько предельно бдительную советскую охранку, хотя, по чести говоря, никакой крамолой там и не пахло. И это настораживало еще больше.

Экспозиционный проект 1994 г. «Нисайон» (спустя без малого десятилетие) объединил 28 авторов самых разных поколений. Во вступительной статье к каталогу провозглашалось «искусство замороженного бреда» и «прыжок в третье измерение», что порою вступало в противоречие с более «спокойными» полотнами ряда представленных мастеров. О крамоле, слава Богу, было напрочь забыто. Жизнь шагала семимильными шагами. «Оттенки», проявившиеся на «палитре Киева» в 1996 г. (галерея «Славутич»), засвидетельствовали поворот к более камерным нотам, хотя из 7 авторов, здесь присутствующих, трое уже промелькнули на предыдущей экспозиции. Прочие прецеденты говорят лишь о недоразумении: «60 из 60-х» в Доме художника (1993), как явствует из заглавия, рассчитанные на анализ феномена «шестидесятничества», были некими кругами восприняты как «выставка еврейского искусства», что действительности не соответствовало. Но вследствие этого, увы, экспозиция была проигнорирована. Что ж, современная художественная жизнь не всегда руководствуется принципами высокой этики; цинизм сегодня — правило, а не исключение. Несть числа примерам невежества, и от них не застрахованы и люди одаренные. Досадливо улыбаешься, читая в солидном журнале: «Национальные цвета — существуют. Для украинцев это — красное и черное, желтое и голубое. Еврей этими цветами жить не будет. Он идет к цветовому решению через серое, черное...» Вопиющая неточность, поскольку, скажем, Сутин и Марк Шагал из этой схемы решительно выламываются, возлюбив как раз те самые, «не свойственные» их народу цвета.

Национальная культурология должна быть наукой деликатной и одновременно — скрупулезной. Спешка здесь ни к чему; с обобщениями можно и повременить. Наш опыт описания годичного выставочного проекта «Агада», организованного Институтом иудаики в пространстве киевской галереи «Тадзио» (с разовым визитом полотен А.Левича в музей И.Кавалеридзе) основывается не на ученых дефинициях, а на очень субъективных музыкальных ассоциациях. Октава «Агады» — это извилистая лестница, состоящая из ступенек различной высоты, условный интервал, образуемый пучками авторских взглядов. Каждому из одиннадцати мастеров на восьми выставках соответствует своя нота (о соотношенности с которой также можно спорить) как образец неподдельного авторского видения.

До? (Михаил Вайнштейн).

Низкая, тягучая гамма плоти. Лицевая соматика определяет судьбу, краски, выдавленные на полотно, — его рельеф. Никто из персонажей (сам о том не подозревая, автор зорко обозрел все сословия тогдашнего «странного общества») — депутаты, рыбаки, колхозницы, врачи, ветераны, спортсмены, жнецы и механизаторы, диспетчеры и купальщицы, солдаты-целинники и инспектора дорожного надзора, не говоря уже о цвете столичной интеллигенции 60-80-х гг. — не стыдится своего телесного естества, не наступает на горло «своей песне». Прыщет «мясо» (портрет И. Григорьева в репродукции даже смахивает на монотипию, которая изначально сохраняет фактурную дактилоскопию). Изображение набухает изнутри, преображая статику официозной идеи, а ведь без нее «тогда» немислимы были групповые портреты. Румянец на девичьем портрете 1967 г. буквально вопиет о своем приходе на «территорию кожи». Физиономии формируются, как геологические ландшафты неведомой формации; то, что некогда Мандельштам обнаруживал у себя во рту, теперь переползло на всю зону эпителия, изборожденного складками. Клейстерная сгусточность вскипает на долинах щек, холмах скул. Современники позволяют себе даже сравнение плоти персонажей Вайнштейна с веществами вязкими, упорными, тягучими, как то — «и сами они словно из бетона» (М. Скларская). У тех же, за кем закреплено почетное клеймо «безбытности», — например, у А.Лимарева, — материя утверждается благодаря лессировочной технике. Подбираясь к персонажам, сделавшим аскетический выбор, Вайнштейн и не собирается уноситься с ними в астральные эмпирии. Внушительен, ширококостоп Григорий Скворода, произведения которого художник штудировал многократно.

В групповых портретах, однако, ни одно лицо не состязается с сопредельным, и все вместе образуют согласный в своей неслиянности хор. Не случайно его институтским преподавателем был Хмелько, неподражаемый дирижер лиц, ликов, но более всего — рож, физиономий и морд. В портретах цветочных (Чем вам гладиолусы наши не нравятся?), кажется, еще

один маленький шажок, поворот закулисного рычажка, — и узор лепестков и тычинок образует подобие человеческой гримасы. У людей же движение чаще всего минимально и по сути — бессцельно: подбородок, подпертый ладонью; замок недоуменных рук; полуулыбка; лукавый прищур, а больше и не надо. И лишь распахнуто жмурится «Еврейский мальчик» (1966 г.).

Говоря о М.Вайнштейне, невозможно не предположить автобиографической подоплеки. Нацистский Холокост задел маленького Мишу черным крылом: большую часть оккупационного лихолетья он промытарил в детдоме, в 200 м от Бабьего Яра. Воспитатели спасли его, а заодно и 4-5 еврейских детей, объявив что в приюте — эпидемия.

Выжившие любят жизнь всемирно сильнее никогда-о-смерти-не-помышлявших (разумеется, до поры до времени). Любят ее очень чувственно и самозабвенно, до голубых прожилков на коже молодой, до серых трещинок на коже старой.

Re (Владимир Мельниченко, Ада Рыбачук).

Наверное, не один лишь XX в. породил в искусстве необычное жанровое образование, в определении которого мудрено ограничиться парой слов. Вроде как: произведение-которого-сейчас-нет-но-которое-могло-бы-быть-при-других-обстоятельствах-или-которое-существовало-совсем-недавно-но-умы-будоражить-продолжает. Немножко длинно, но попробуем разяснить на примерах. И сейчас «живее всех живых» — архитектурные проекты Леду, эскиз виаферро романа барона Дельвига, сожженные «Каменотесы» Курбе и второй том «Мертвых душ». (Первые сгорели поневоле, вторые — «сознательно»).

В случае творчества Мельниченко/Рыбачук — произведением искусства стал сам тот беспрецедентный отрезок времени, на протяжении которого авторы боролись за право достойного воплощения своих работ. 13 лет ушло на Стену Памяти (около 2 тысяч метров). Потом она была замурована. Более 30 лет проект мемориала Бабьего Яра не реализован, несмотря на поддержку общественности. И, наконец — «гобелен без зала». Для него, по признанию Мельниченко, нашли человека, оплатившего только шерсть, одну шерсть и ничего, кроме шерсти. «Когда рушится мир», «Расстрелянный звук», «Преступлениям против человечества нет сроков давности»... А мы думали, с оперной патетикой покончено бесповоротно, а возврат к пафосу заказан, как перевод скоростного экспресса на запасный путь. Но это не пафос и не анти-пафос, это — переход в иное качество, неожиданно корреспондирующееся с одним и другим: «Нарастает чувство какой-то новой серьезности... В 21 веке ... люди станут вслушиваться в себя и, быть может, даже услышат голоса ангелов» (Мих. Эпштейн по поводу прозы Вен. Ерофеева). Предоставим слово одному из авторов: «Если попытаться изображать людей, которых убивают, это может спровоцировать надругательство. Мы сделали людей,

превращающихся в камни по мере приближения к центру». (По-иному решен гобелен-аппликация 1991 г.: человеческое вытесняется геометрическим, но человеческое отвечает судорогой отчаянного сопротивления.)

«Это памятник не героизму. Бабий Яр ... это трагедия беспомощных и старых, к тому же отмеченных особым клеймом», — заметил Вик. Некрасов в 1965 г. И упредил возможный шаблон монумента на тему «люди, будьте бдительны», к сожалению, таки расцветшего на территории СССР: «Воздетые к небу кулаки... Но кажется, что это тебя не подпускают. И ты пятишься назад». В его статье, опубликованной в журнале «ДИ», № 12, ничего не говорилось о проекте Мельниченко/Рыбачук, но один из вариантов их памятника сопровождал текст, убедительно доказывавший возможность альтернативного творческого решения. А именно — гипнотическое вовлечение зрителя в ритм повествования, сдержанного, как язык кромехов и менгиров. В качестве основного пластического акцента было избрано неуклюжее многолапчатое растение, в массиве которого проклевывались — и тут же растворялись, громоздясь друг на друга, человеческие силуэты, тени «несчастнейших». Повторяю, это был один из вариантов. Много лет спустя авторы показали планшеты (не говоря уже об их статуях из нержавеющей стали). Итог немного грустен, но далек от эфемерности. «Проект сохранился, убеждения наши усилились». Как рукописи не горят (лично мне этот тезис кажется сомнительным), так и «расстрелянные звуки» не исчезают.

Ми (Юлий Шейнис).

Бугрятся трубные мышцы в «Илиаде-от-Шейниса». Автор, с легкостью переходящий от «Тревоги» к «Репетиции», от «Жонглеров» к «Пробе стали...», естественно, не мог остаться равнодушен к Ильфу и Петрову, особо выделив во втором их романе персонаж наиболее вертлявый и беспокойный — Паниковского; здесь он по степени совершенства не уступает Бендеру, а то даже превосходит клокочущей энергией. Неисчислимые когорты мастеров дивились клоунским антраша. Но только Шейнис дал им «понять», что для их тел нет препятствий в виде законов физики. Поэтому и сам он еще недавно охотно участвовал в московских и киевских выставках, посвященных физкультуре и спорту. Перефразируя Ортегу-и-Гассета, можно резюмировать эту творческую позицию так: «Художник, словно хороший футболист, будет играть своим искусством, как тот — мячом...»

Шейнису ведомо также, что много значит не один лишь силовой толчок — но и взмах руки, простой щелчок пальцев. (Именно так поступает «вождь мирового пролетариата» в незаслуженно забытых иллюстрациях Юлия Петровича к поэме Маяковского — отбрасывая прочь разных-всяких меньшевиков и двурушников). Но, кроме того, сила имеет свойство

сковывать саму себя. И как в философии бытует понятие «дурной бесконечности», так и наши современники сами того не зная балуются «дурной энергией»: тянут быка за рога, будто за хвост, взнуздывают стрелы молний, голышом ползут на дерево, а пуще всего — спорят до опупения и голосуют, голосуют, голосуют. (Архиаktуальная серия «Когда нас не видно», 1989 г., стоит смачно-илистого колодца веков, куда время от времени с охотой ныряет автор). Пафос гомерической, как смех, плоти сменяется никчемностью современного тела — преющего, рыхлого, ползущего, как скверное тесто. Легче просто укрыться за мыслью, что автор продолжает старый нидерландский жанр визуализации пословиц и поговорок. Но каждая сцена «тесно укомплектована», представляя собой мини-вариант Ходынки, разве что с перспективой перманентного бегства (которым никто не воспользуется — не догадается!). Поневоле возрвнуешь — уже не к Аяксу или Диомеду, но хотя бы к тонкоикрым героям «Ромео и Джульетты», гордо несущим себя в разреженном пространстве ренессанских палат. Природа иллюстрации коварна — в этом жанре, как нигде более, любому автору грозит тень того, кто может придти завтра и превзойти теперешнего удачника. Любому, только не Шейнису: схлестнувшись на омировом поле с Дм. Бисти — проиграл ли он? Лишь отгенился «другим». «Браво, Шейнис!» — некогда нацарапал аноним в книге отзывов его выставки. Оценка исчерпывающая; нам нечего к ней добавить.

Фа? (Иосиф Вайсблат).

Сын раввина; творческий наследник Федора Кричевского; 7-летнего сроку политэзк; супруг на 8-м десятке лет — и это все об одном и том же человеке. Львиная доля его произведений — бесследно исчезла; провалилась в прорехи гнилого времени. Оставшиеся — обжигают, как кипяток, Вайсблат не пугает, а нам страшно. Звук осторожный и глухой. Может быть, именно оттого, что сам автор не задавался целью «жечь» или «пугать»... Продолжим логический ряд: избличать, поучать, наставлять, возвещать, а также — раздирать одежды и отверзать стигматы. Так вот, всего этого не ждите. А ведь ни одна из упомянутых стратегий не является ни ложной, ни постыдной. Просто все они, так или иначе, жертвуют искусством ради идеологии, пусть — личностной, пусть — справедливейшей. Реквием исполняется на гармошке. Действие течет непреклонной, беспороговой рекой — от ареста до допроса, от камеры до смертной ямы, куда соскальзывают толпы обреченных, как и следовало ожидать — женщины, старики, дети — коляска почти «эйзенштейновской» конструкции. Старик в кальсонах; женщина — неуклюжа, нага. Подробности страшнее суги, в них вся суть.

В этом случае не-жизнь наделяется всеми приметами противоестественного (т.к. прав у нее на это нет) эпоса, но грешно было бы заподозрить автора во внутреннем капитулянстве перед «существующим и реальным».

Похоже, это лишь классическая «фигура о-странения» (Солженицын в «Одном дне Ивана Денисовича» ее избегнул, а к выводам пришел совершенно схожим). Горечь, однако, не выветрилась с течением дней у Вайсблата, хоть и не мешала единичным прорывам к темам абсолютно иным — библейским (история Эсфири). Вряд ли кого обманет нарочитая «шестидесятническая» грубоватость линогравюр Вайсблата — корни ее, знаем, куда как глубже. Оттого и его пейзажи «мирного времени» (всего лишь горная гряда, всего лишь парусник на зеркале озера) чудятся нам вымученными, нервными, созданными как бы с песком, скрипящим на зубах. Что доказывает простую истину: «проклятое прошлое», увы, не возвращается, потому что оно никуда не ушло.

Sol (Аким Левич).

Уроженец одного из старейших городов Украины — Каменца-Подольского (настоящий барочный мегаполис в эпоху, когда Киев-Егупец был «большой деревней»), мастер избрал мелодию причудливого, ни на что не похожего урбанизма. Если не страшиться банальности, метафор, то можно сказать: «урбанизм с человеческим лицом», хоть лица на его полотнах крохотны.

Пространственное состояние полотен Левича однородно: туман, полуслякоть, мерцающая, цветистая мгла. «Развеяно ветром» все, что только можно было развеять... Но чему «уперто» сопротивляется какой-нибудь местный Росинант из погребального кортежа или коза со старухой. Или — заблудившийся трам-трамыч. Кажется, я не раз бродил прототипами этих улиц где-то в Вокзальном районе, мимо ворчащих железных улиток №№ 13, 14, 19. Однако это лишь предположение.

Левич, ученик замечательного украинского «бытовика» Сергея Григорьева, насыщает свои картины осколками терпкой повседневности. Но пряность бытия растворена тревогой, а в связанном рассказе нет нужды. Зрителю здесь доверяют, хотя результаты такого доверия могут быть самыми непредсказуемыми. «Зачем выставлять такие безобразные работы «мелких» художников, которые рисуют клопов и тараканов, Загорной и Левича?» — искренне изумлялся в 1978 г. не «зритель с улицы», но студент КХИ, посетивший сборную выставку графики, не подозревая, наверное, что от «тараканьей печи» отплясывали не только Горький с Достоевским, но и Кафка с архимоднейшим (в то время, верно, школьником) Пелевиным. А слона-то «критик» и не приметил: грузных очертаний каланчи, похожей на средневековый донжон, изящного росчерка шлагбаума. Их нетрудно обойти, обогнуть, прошмыгнуть под, извернувшись юркой змейкой. В крайнем случае — прикорнуть в тележке. Иногда город и человек меняются ролями: в «Библейском сюжете» (1975) улица протекает мимо двух персонажей, погруженных в неравный разговор. Архитектуры здесь — всего ничего: стены и голые своды (не то что у сына Акима —

Александра, из отцовского намека возведшего свой собственный град, мозаику мрачноватых кристаллов, точь-в-точь мелвин-пиков Замок Горменгаст). Квазипуантистская техника под кистью Акима Левича обращается в собственную противоположность, решительно отрекшуюся от «презумпции легковесности». Что касается графики, то иначе нежели «тихой» ее и не назовешь. В самом деле: легкие перьевые черточки, словно косточки рассыпающегося скелета, здесь — ствола дерева, ризомы куста, раKITного пучка. Вообразите себе текст, состоящий из одних дефисов, запятых или многоточий (они — словно тяжелые капли дождя, застывшие на полотнах Левича-старшего). Плоть фраз лишь угадывается, но энергия их осуществления чертит свою выразительную кардиограмму на плоскости.

La (Семья Толкачевых).

Глава семейства (всего их пятеро — рисовавших и рисующих, из них в «Тадзио» были представлены трое, сын, дочь и отец), покойный Зиновий Толкачев, классик уже признанный — «и никаких гвоздей». Но сложно говорить о его творчестве, не учитывая специфики времени, в котором он вырос. Как-никак участник Куреневского восстания, друг многих комбатантов Трипольской трагедии, иллюстратор Постышева и Якира. Один из первых комсомольцев Украины (до, а не после этого успел побывать партийцем).

Это к Зиновию Толкачеву относимы слова С. Аверинцева: «Тоталитаризм был подлинным интеллектуальным соблазном...» Мало сказать, что он искренне верил в революционную идею, он открывал в ней ту обаятельную «левую грань», о которой потом грезили «шестидесятники», и которая на самом деле не была в 20-е гг. ни в достаточном, ни в заметном количестве. И поэтому его художественно-поэтическое обрамление воображаемого «коллективного бунта» (одни названия чего стоят: «Ленин — масса», «Чека — на чеку») вплоть до самого конца отличалось противоестественным эстетизмом и... гуманизмом, всюду запольхавшим холодным пламенем в «концлагерных сериях». Правда, когда рисовал бритых девочек и штабеля сухоребрых мертвецов, да еще на бланках *Kommendatur Konzentrationslager Auschwitz* — тут уж было не до эстетики. Что-то перевернулось внутри. «Средневековье в 1941 г.» — смутно догадался он ранее, пока не подозревая, что «средневековье» затянется надолго. (Предчувствие: в иллюстрации 1929 г. к Ремарку, которого, кстати, читал в оригинале: солдатик, подмятый танком, — за 20 лет до «Баллады о солдате»). Тогда, в конце 40-х гг., творческий взлет принес автору одни житейские неурядицы. В мгновение ока было забыто о его былых революционных заслугах. Официальное шельмование серий «Майданек» и «Освенцим» совпало по времени с запрещением «Белой книги преступлений», собираемой Еврейским комитетом, с гибелью Михоэзла.

Природа нацистского насилия абсурдизировала привычные схемы классовой борьбы, посему о ней требовалось забыть.

Так уж случилось, что Аня Толкачева, без видимой переключки с отцом, начала свой творческий путь локализации с другим, далеко не только символическим очагом страдания в тысячах километров от гитлеровских печей. Лет 100 тому назад выброс каторжного насилия был обеззаражен вспышкой писательского таланта, но уже в «наше время» ядерная угроза не уравновешена никем и ничем. Разумеется, речь о Семи-палатинске, где в Музее Достоевского хранятся дипломные иллюстрации Толкачевой к «Запискам из мертвого дома». Глядя на них, трудно стряхнуть с себя накапливающее подозрение: это — наши современники, в знакомых мешковатых робах и со знакомой неприкаянностью жестов, необычны лишь связка старорежимных кандалов да грустная кротость. В наследии у того же автора — портреты, среднеазиатские пейзажи, словно омытые слезой; замысловатые натюрморты с «атрибутами эпох» — печатной машинкой, фарфоровым блюдом, чучелом щегла и т.п. — из совсем другой «оперы». У Ильи Толкачева замечен вкус к экспрессионистической аллегории в духе Фрэнсиса Бэкона (триптих «Сестры»), пылающие тропические колера («Из жизни цветов в августе») и память об отце, живописуемого им в кругу его персонажей. Маленький его шедевр — зарисовки студенческого быта 60-х гг., позволяющие понять, отчего и сегодня эпоха «оттепели» идеализируется не в пример любой другой.

Si... (Любовь Рапопорт).

А над поэмом парит сама художница с кистью в руке (автопортрет 1997—98 гг.)... Ведь это почти о ней сказано поэтом: «Небеса были пепельно-серы...» «Почти», оттого что серое здесь впитало горечь дряхлых изумрудов, удивленный желток «кошачьего глаза», ультрамарин разбушевавшихся-не-по-борисфеновски-рек. И однако же — приют для дев, пышнотелых и краснокожих, словно брошенное строение на Андреевском. Но чаще всего — для тех, кто несет свой крест нескладности, невпопадности. «Люди в колпаках», стало быть, «околпаченные»? И Таня, которая никак не совладает с птицами. И «Двое», напрасно взыскивающие согласия. И «2-ликий Янус» — он так и не удосужится узреть свой второй лик... (От «люмпен-настроения» — по Брехту — порой спасает наив: бег нарядного корабейника возле дома с колоннами; парящий в небе аэроплан, светофор и одноколесный пароход, как в старой-старой пьесе).

По воле автора столичный метрополис коловращательно разлетается на множество местечковых тел, тихо пульсирующих во чреве «большого города», а уж о нем самом как-то забывается. Тем не менее, в каждом из «тел» узнается Подол (в Киеве — это причудливый симбиоз Арбата и Монмартра), где Любовь Рапопорт жила несколько лет, вблизи от набережной. Физиогномика их чужда и при-чуд-лива, за каждым окном

угадывается потухший или тлеющий фитиль чьей-то жизни. Не зря эти полотна сравнивали с «маленькими новеллами». Очень маленькими и скорее потенциальными, чем актуальными. И не запомнить бы о ее рисунках, где на высокой ноте — едкий гротеск, даже в том случае, когда подвоха ждать не приходится. Нет пощады девицам — созданиям суетливым и востролицым, одновременно — жилистым и уязвимым. Кто как не реставратор (ее «основная специальность») знает о последнем этом свойстве всех глубокомыслящих организмов, впрочем, трагически неспособных к подновлению. Остается добавить, что — в отличие от Толкачевых — в «Тадзио» была представлена только одна ветвь семьи, богатой художественными талантами: едва ли не все — мастера кисти. Но дед — еще и крестник Льва Толстого, но отец — друг Павла Тычины. Представьте себе вот такую встречу художника и поэта. Последний чертит на снегу еврейские литеры. Сегодня это бы нарекли «визиопоззией». Тогда это была просто беседа, неизвестно о чем. Но плотью ее было искусство.

До (Михаил Щиголь).

Творчество Щиголя — как и, собственно, его жизнь (эмигрировал в начале 90-х гг. из СССР в Чехию, чтобы обеспечить сыну нормальное лечение — и это оправдало себя) — направляем компасом надежды. Разумеется, немалая роль в этом принадлежит всяким разномастным знамениям и добрым приметам: «Звезда» и «Звезда в Египте», «Черная Луна» — вплоть до «Рождества Христова». Не случайно в 1994 г. выставился он в младоболеславской галерее «СВЕТ». Впрочем, число его персональных экспозиций чуть-чуть отстает от числа прожитых годов. И это учитывая, что выставляется он вовсе не с молодых ногтей, а иногда — со значительным временным перерывом. В общем, почетная полусотня. И среди них — в «Танцующем Доме» Праги, в музее им. Энди Уорхола в Меджилаборцах или «Валдицкой Бране» (ритм душистых чешских словес убаюкивает, как древнее заклинание...)

А последняя выставка — особенная: 26 работ серии «Ателье — чернотелые темперы из Сокровенного пространства». На первый взгляд, это — вариация на весьма популярную тему «Художник и его модель» (если угодно — муза). С той разницей, что модель — мало существенна. Настолько обыденно-геральдична пара персей, да и голова не испытывает тяги к обзаведению перпендикуляром впадин-выступов, именуемых «чертами» (с ударением на предпоследнем слоге, добавим — «лица»). Как и то, что составляет обстановку мастерской, а с этим здесь негусто — мольберт, картина, окно в невесомой стене.

Так что же существенно тогда? Да то, что «между», около, в промежутке, на кончиках пальцев. Тень, а не плоть, рефлекс, а не объем, неуловимое, а не само-собой-разумеющееся. Кстати, тень кладет он мастерски, безошибочно — как полосу паркета, в раз навсегда для нее

отведенное место. (Не удивляйтесь — в перечне его умений сыщется и это; а еще он — каменщик, архитектор, дизайнер... если подопрет лихая судьба — витражист и мозаичист. При желании мы могли бы обнаружить отзвуки всех этих профессий в его «Ателье»...) Легкая накрепость отдельных элементов гармонии не препятствует. Утонченная монохромия — отдых после многих лет цветового раздолья, однако же, остающегося для нас за кадром. Критик В. Никитин узревает здесь «архетипический страх художника перед чистой поверхностью, ужас нерожденного». Не мною высказанную мысль рискну дополнить: не ужас, но страх — и страх светлый — просветленный (словно печаль у А.С.). Страх, просеянный через сито надежды, наигрывающей свои ноктюрны в ожидании рассвета. Искусство этому — верная порука.

*М. Вайнштейн.
"Друзья". 1974г. Бронза.
37 см. х 16 см. х 26 см.*

*М. Вайнштейн.
Григорий Сковорода. 1971-1979г.
Бронза. 81 см. х 20,1 см. х 43,1 см.*

*М. Вайнштейн.
Спортивная Венера. 1973г. Бронза.
24,3 см. х 13,7 см. х 10,5 см.*

*М. Вайнштейн.
Художник И. Григорьев. 1975-1979г. Бронза.
24,5 см. х 19,2 см. х 17,0 см.*

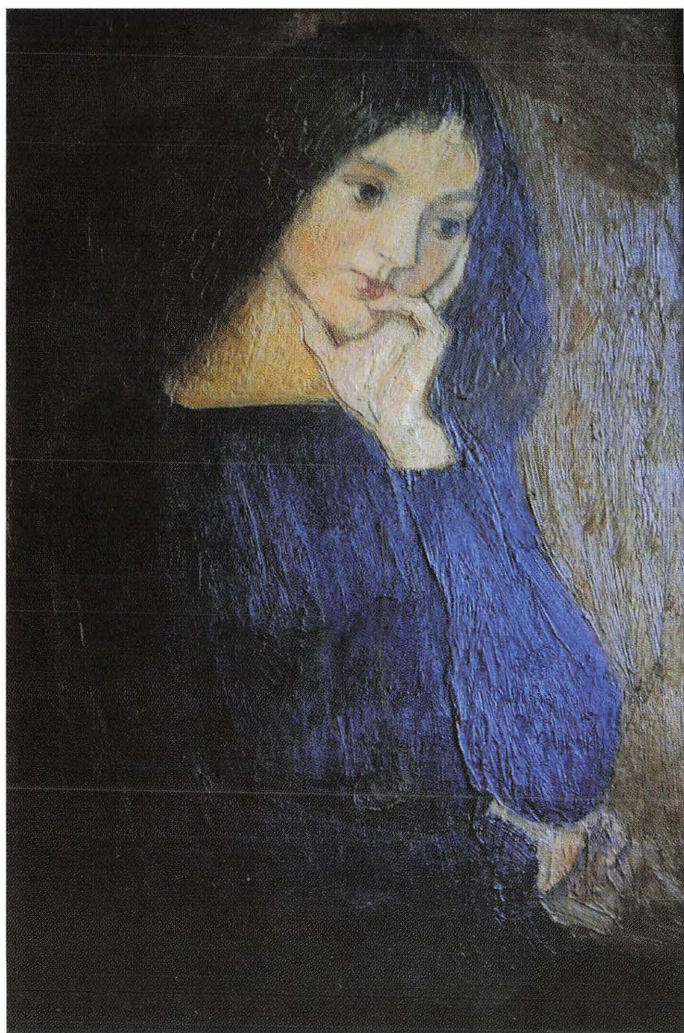
*М. Вайнштейн.
Художник Михаил Штаерман.
1974-1975г. Бронза, сталь.
25,5 см. х 13,8 см. х 50,5 см.*

*М. Вайнштейн.
"Ожидание". 1968г. Бронза.
35,2 см. х 8,0 см. х 8,8 см.*

М. Вайнштейн. "София". 1966. Холст темпера. 130 см.х74 см.

М. Вайнштейн. "Ванда". 1979. Холст, масло. 70 см.х50 см.

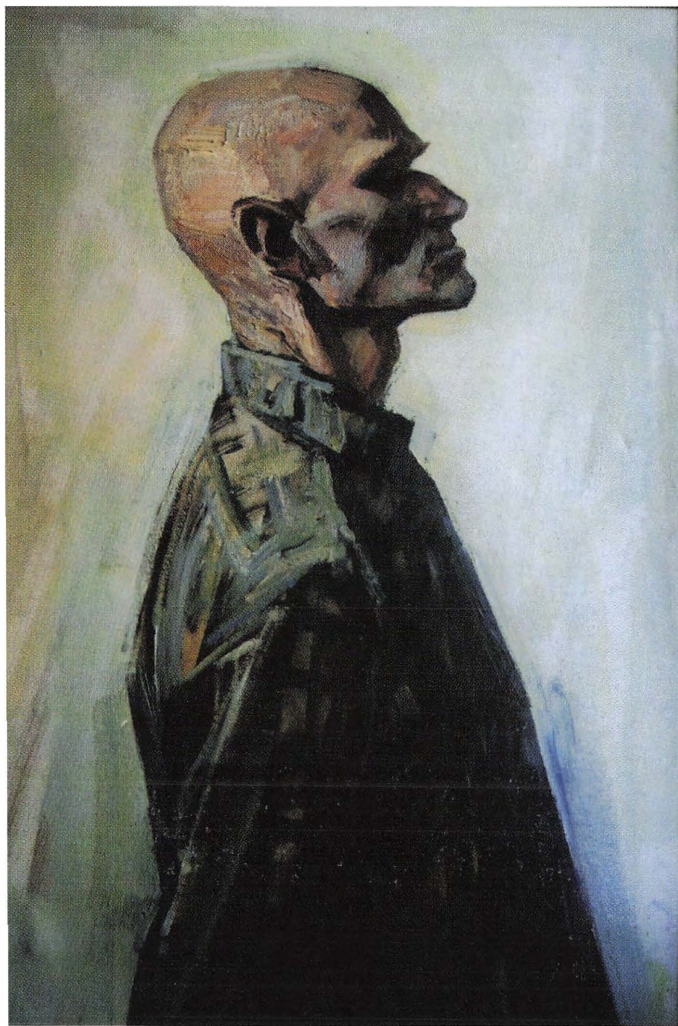
*И. Вайсблат. Из цикла "Бабий Яр". "Расстрел". 1972.
Холст, масло. 63 см.х55 см.*

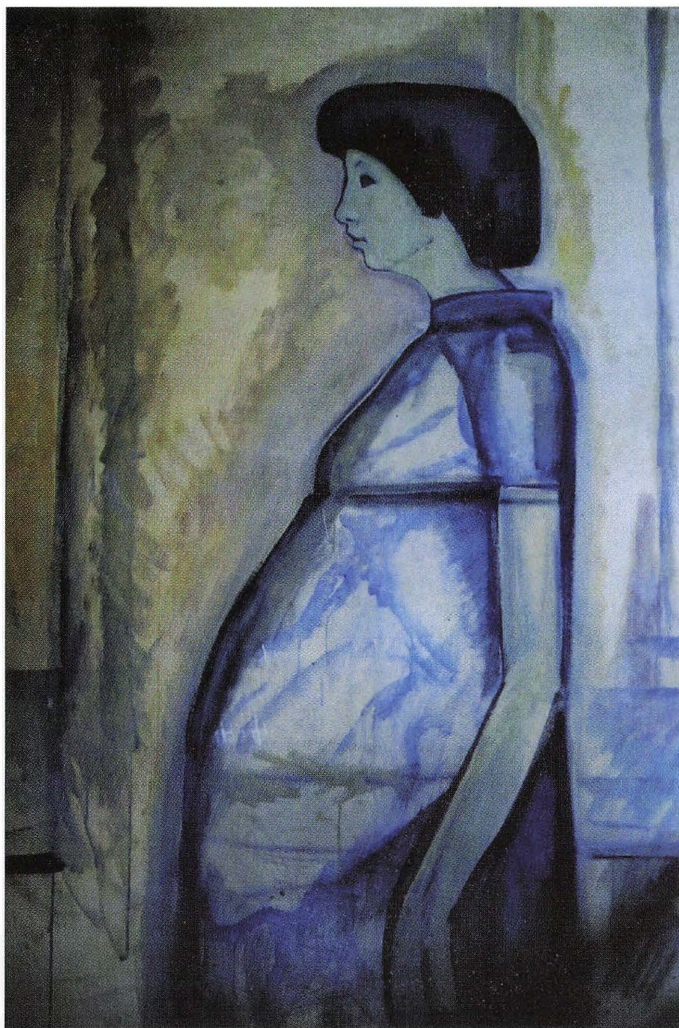
*И. Вайсблат. Из цикла "Арест". "На В". 1963.
Холст, масло. 35 см.х50 см.*

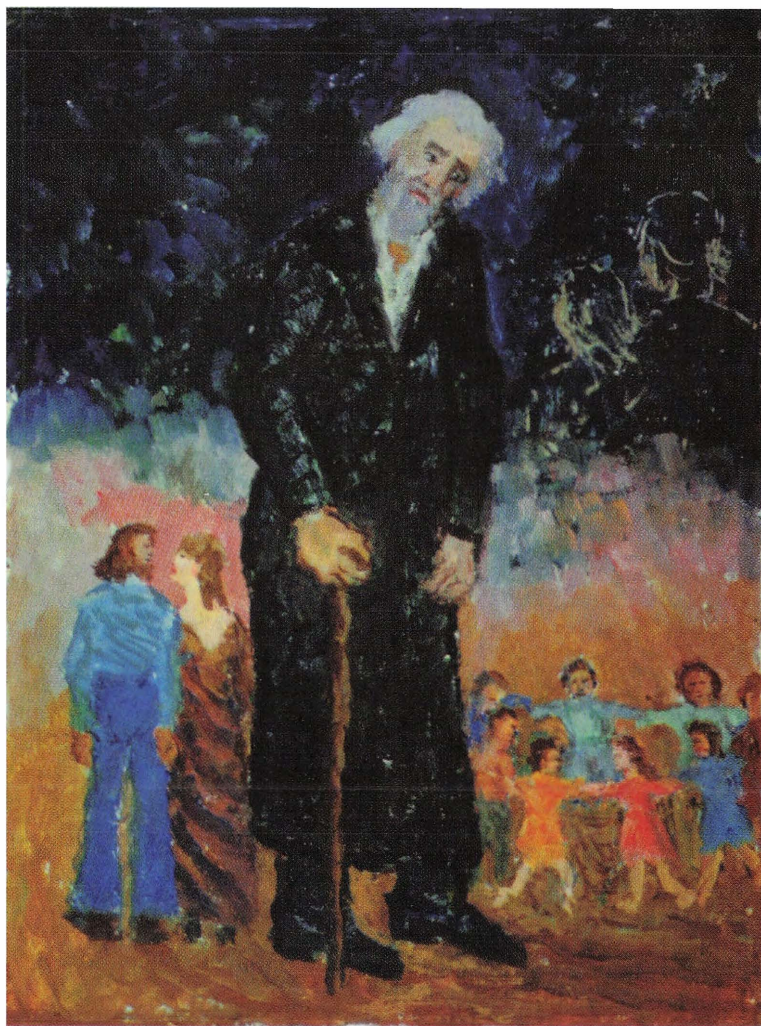
М. Вайнштейн. "Красноармеец". 1966. Холст на картоне темпера. 35 см.х25 см

М. Вайнштейн. Портрет худ. С. Отрощенко. 1972. Холст, масло. 160 см.х95 см.

М. Вайнштейн. "Ожидание". 1968. Картон темпера. 135 см.х95 см.

И. Вайсблат. "Жизнь". 1975. Холст, масло. 38 см.х29 см.

Лев Дробязко

ЧЕМ СЧАСТЛИВ БЫЛ

Иосиф Вайсблат.
Автопортрет. 1952. 17 см.х11,5 см.

Когда нервное напряжение превышает допустимый предел, включаются защитные системы организма. При этом сознание или память отключаются полностью или частично. Такое напряжение художник Иосиф Наумович Вайсблат перенес в сталинской следственной тюрьме, после чего он «забыл» страх. Созданные после возвращения из заключения и ссылки работы художника по содержанию и форме звучали как вызов официальной советской идеологии.

И.Н.Вайсблат родился в 1897 году в Киеве, в семье духовного раввина. В 1912–1918 гг. учился в Киевском художественном училище (КХУ) у Ф.Г.Кричевского. КХУ готовило преподавателей рисования преимущественно для гимназий и реальных училищ. Влияние блестящего педагога, яркого живописца,

колориста — Фёдора Григорьевича Кричевского сказалась на всем творчестве И.Вайсблата, причем тематика некоторых работ Кричевского глубокого философского смысла, настолько была созвучна с мировосприятием Вайсблата, что он на протяжении всей жизни обращался к ней («Три возраста», «Жизнь», «Погребение» и т.п.). Однако эти работы не были подражанием Кричевскому, который не выходил за пределы академического канона. В 1917 и 1918 гг. работы Вайсблата экспонировались на Периодических выставках картин КХУ, которые проводились в городском музее Киева. Но школа, полученная в КХУ, уже не удовлетворяла молодых художников, «заразившихся» духом русского авангарда. А.Осьмеркин, на год раньше Вайсблата поступивший в КХУ, впоследствии вспоминал: «Преподавание в Киеве вызывало сильное сопротивление. Это была здоровая и вполне сознательная реакция против приземистого полуремесленного академизма, гасившего страсть».

В 1920 г. И.Вайсблат приезжает в Москву и поступает учиться в Свободные художественные мастерские, которые в 1921 г. были преобразованы в Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС). В то время там, помимо подготовительного, действовали

факультеты: архитектурный, живописный, полиграфический, скульптурный, текстильный, керамики, деревообработки и металлообработки.

Вайсблат прошел великолепную школу скульпторов С.М.Волнухина (автор памятника Ивану Фёдорову в Москве) и Б.Д.Королева (автор памятника Бауману в Москве), живописца А.А.Осьмеркина. Закончил обучение в 1925 году дипломной работой — скульптурой «Рабочий». Самостоятельная творческая работа продолжалась в Москве: исполнил ряд скульптурных и живописных работ («Портрет», «Свадьба», «Мать с ребенком» и др.), экспонировавшихся на выставках в Москве (1934 г., три выставки 1936 г.) и в Ялте (1936 г.).

Во время войны вместе с Московским отделением Союза Художников СССР эвакуировался в Куйбышев, где продолжал работать и выставляться (выставки в Куйбышеве 1942, 1943 и 1945 гг.). Картины «Рассказ о войне» (1942 г.) и «Зимний пейзаж» (1943 г.) приобретены Куйбышевским художественным музеем. По возвращении в Москву исполнил серию этюдов «Москва».

В начале 50-х годов Вайсблата постигает печальная участь многих представителей творческой интеллигенции: арест, следствие, долгие годы лагерей. Нечеловеческие условия, подорвав здоровье художника (освобожден он был по болезни), не сломили, а может, и придали ему мужество, и по свежим воспоминаниям, вернувшись из лагеря в Москву, он в начале 60-х годов создает серию картин «арест». В этих работах с документальной подлинностью отображены детали конвейера сталинской следственной тюрьмы: арест — камера — допросы — карцер — отправка в лагерь или расстрел. Но время идет и многое забывается. Так сегодня мало кто поймет смысл названия картины «На В», а суть в следующем. В следственных тюрьмах соблюдалась строгая конспирация. Охранник не произносил фамилию вызываемого на допрос, чтобы ее не услышали в соседней камере, а называл только начальную букву фамилии: «На В». Все сокамерники, чьи фамилии начинались с буквы «В»,

Иосиф Вайсблат. «Бабий Яр».
Скульптура, гипс. 1973.

Иосиф Вайсблат. «Свадьба». Линогравюра. 1975. 23 см. х 33 см.

подходили по очереди к заслонке в двери и шепотом называли свою фамилию. И так до тех пор, пока не будет названа нужная фамилия.

В начале 70-х годов Вайсблат создает цикл работ на тему «Бабий Яр». В этих работах художник полностью отходит от описательно-бытового рассказа, используя метод монументального обобщения. Это прослеживается в многочисленных подготовительных этюдах и эскизах к картинам. В эти же годы Вайсблат выполняет серию гравюр на линолеуме, регулярно пишет на природе, занимается скульптурой.

Прожив долгую, полную трагических событий жизнь, художник смог сохранить принципиальную позицию в творчестве и высокую гражданственность. В подтверждение последнего приведу одну из последних записей в рабочем блокноте художника: «Сейчас, как никогда счастлив, могу сосредоточиться и решить, что и как писать. Я всем доволен, у меня всё есть, есть возможность работать. Я должен быть полезен народу. Личное — очень мелко, общенародное — цель жизни каждого человека. Искусство — радость жизни».

Умер И.Н.Вайсблат в Москве в 1979 году.

Лариса Розина

ПАМЯТИ РАХИЛИ БАУМВОЛЬ

Из Иерусалима пришла скорбная весть: в июне 2000 года умерла Рахиль Баумволь, замечательный еврейский поэт, переводчик, лингвист. Ее вклад в идишскую, русскую и мировую культуру неоценим. В Европе, США, Австралии ее стихи печатают на идиш и в переводе на другие языки. Ей посвящена отдельная статья в вышедшей в Москве Русской Еврейской энциклопедии. Ее портрет работы Фалька находится в Третьяковской галерее. С ней дружили Мария Петровых и Самуил Галкин, Роберт Фальк и Мойсей Кульбах, Владимир Глоцер и Владимир Буковский. Ее высоко ценила Анна Ахматова, написавшая на подаренной ей своей книге: «... с благодарностью за прекрасные стихи».

Рахиль Баумволь писала на идиш и на русском языке. Стихи, написанные на идиш, переводили Анна Ахматова и Мария Петровых, Самуил Маршак и Наум Коржавин, Рувим Моран и Александр Кочетков. Она и сама переводила их: «Мне было очень легко перевести свои стихи, потому что я могла относиться к автору безжалостно».

Родилась Рахиль Баумволь в Одессе 4 марта 1914 года и была ровесницей века — не «календарного», а «настоящего», как сказано у Ахматовой. Ее жизнь пришлось на «ассирийское столетие», и судьба ее сложилась соответственно. Она всегда шла нелегким путем, который в те страшные выморочные годы мог запросто привести «в никуда и никогда». Ей приходилось плыть против течения: в условиях, когда многие писатели-евреи искренне считали, что единственный выход для евреев в диаспоре — полная ассимиляция, когда еврейство воспринималось, как клеймо, а еврейские имена и фамилии казались неблагозвучными и неэстетичными, Рахиль Баумволь самоопределилась как еврейский поэт, кровно связанный со своим народом и своим языком.

Как говорят, я родилась в сорочке,

И та сорочка — мой родной язык.

Не принимая правил навязываемой ей сомнительной игры («Сулили злато, а не только снедь, // Чтoб шубу согласилась я надеть, // Чтoбы отдать сорочку согласилась»), она неизменно отстаивала свою национальную идентичность, свои древние корни, свое прекрасное библейское имя:

Но на книгах — моих творениях,

Нарушая обложек стиль,

Появлялось оно тем не менее,

Мое полное имя Рахиль.

Она выстрадала горькое право сказать: «Я плоть и кровь // Народа моего // Хулимого, гонимого, // Хлебнувшего всего».

В СССР ее последние стихи на идиш вышли в 1947 году. С тех пор ее, как и других еврейских авторов, перестали печатать. «Мой народ, для кого я пою, // Разве знает он песню мою?» — говорит она в посвященном Анне Ахматовой стихотворении «Прогулка». В конце 40-х годов она стала писать и по-русски. К счастью, музам неведом антисемитизм, и муза русской поэзии диктовала ей не менее завораживающие стихи, чем идишская муза. Нет, она не стала *culture schizophrenic*, как называют англичане человека, оказавшегося жертвой двухкультурья, она естественно и свободно существовала в обеих культурах, в двух языковых стихиях, как и ее старший и младший современники — Владимир Набоков и Иосиф Бродский.

Теперь она могла бы говорить со своим читателем без посредников, ведь настоящая поэзия неперевода, и даже самый лучший перевод — всего лишь намек на чудо оригинала. Но и на русском языке ее стихи стали выходить только в конце 50-х годов. Об этом — стихотворение «К моему читателю»:

*Не слышал меня ты не дни,
А годы. Но был терпеливым.
В разрыве меня не вини,
И не было это разрывом.*

.....
*Напев нестихающий мой
Ключом пробивался сквозь скалы.*

В 60-е годы это стихотворение в переводе Р. Морана читалось в Москве на литературном вечере в каком-то институте. Когда были произнесены строки «Кто нас разлучил, чтобы ты // Забыл мое слово и имя? // Кто нашей хотел немоты // И сделал обоих седыми?» — весь зал встал.

Забрезжившая было в хрущевскую оттепель надежда на ослабление идеологического прессы, на возможную встречу с идишским читателем не осуществилась. Тогда и появилось горестное «Подмосковье».

*Знаю я, как вымерзают почки,
Как морозом обжигает строчки,
Как сшибает зимний ветер с ног
В оттепель поверивший цветок.*

Даже на русском языке ее стихи почти не печатались. В них не было ни сервилизма, ни ура-патриотизма. Они никогда не писались *на тему*. В годы всеобщего ора, когда поэзией называли нечто грохочущее на стадионах и площадях, ворожба ее лирики и жесткая правда сатиры были не ко двору. Кому нужны были стихи о повисшей на листе дождевой капле? О казенных похоронах Фриды Вигдоровой с пустыми речами тупых чиновников? Но в «Детгизе», где неусыпный идеологический контроль был

не столь силен, начали выходить ее сказки. Мудрые и наивные, лукавые и смешные, эти дивные миниатюры и взрослыми читателями воспринимались в то затхлое время, как глоток кислорода:

«Заяц прибежал к старому зубру.

— Спасите, я пропал! Лиса пронюхала, где моя нора. Вернусь домой — она меня сцапает. Останусь на ночь в лесу — загрызут волки. Что делать?! Уже темнеет, а мне переночевать негде...

— *Приходи завтра,* — *ответил старый зубр,* — *и мы обязательно что-нибудь придумаем».*

В начале 70-х Рахили Баумволь вместе с группой еврейских писателей, в которую входил и ее муж, известный идишский поэт Зиновий Телесин, удалось добиться разрешения на выезд в Израиль. Там она получила заслуженное признание. Была награждена несколькими литературными премиями. Опубликовала 15 книг. Блестяще перевела на русский язык роман Башевиса-Зингера «Раб». Среди ее книг — серьезная лингвистическая работа: лексикологическое исследование идишских идиом. Над этой книгой Рахиль Баумволь работала около 4-х лет, анализируя, сопоставляя, придумывая смешные сценки и остроумные диалоги для объяснения той или иной идиомы, ее изюминки. Труд этот стал настольной книгой идишских литераторов и любителей идиша во многих странах. Эта работа Рахили Баумволь — ее признание в любви к «маме-лошн», ее ответ тем, кто относится к нему, как к одряхлевшему прадедушке, на которого безжалостные правнуки взирают, мягко говоря, с равнодушным недоумением, не желая признавать с ним родства и полагая, что чем раньше он отправится на тот свет и будет позабыт, тем лучше. Не с этим ли всю жизнь боролась Рахиль Баумволь? Ведь иметь идиш родным языком для нее означало «родиться в рубашке». Ведь она завещала:

*Я одного хочу: в мой смертный час,
Когда запнусь я на последней строчке,
Меня вы схороните в той сорочке,
В которой я когда-то родилась.*

Стихи Рахили Баумволь читаются со светлым чувством, даже печальные, даже горькие. Они рождены любовью к жизни «Со всей ее радостью, горем, тревогой // С ее бездорожьем, распутьем, объездами, // С крутыми витками, с мостками над безднами, // С ее тупиками, с ее перекрестками, // С пареньями взлетов, с паденьями жесткими...» Еще в детстве ощутив ужас бытия (у нее на глазах убили отца, а ее, шестилетнюю, сбросили с поезда), она тем не менее знала: и в трагическом мире есть красота, есть счастье. Счастье писать стихи, смотреть в глаза любимому, ходить по траве, видеть звезды, «вбирать в себя воздух и свет». «Мне повезло! Как только я проснулась, // Я утро увидела...» — 1962 год. «Я как щенок обнюхивала жизнь, // То льнула к ней, то ей навстречу мчалась...» — конец 80-х. «Подумать только! Я на свет // В конце концов явилась! // Впервые за

миллиарды лет // Оказана мне милость. // И вот впервые мну траву, // И воздух пью впервые...» — 1999 год (!).

Но в последних стихах преобладают трагические ноты. «Утешение и печаль» названа книга на идиш, вышедшая в Иерусалиме в 1998 г. «Пред грозным ликом старости своей» озаглавлен цикл стихов, опубликованных в апрельском номере московского «Нового мира» за 2000 год.

Конец ее жизненного пути был тяжек. Немошная, беспомощная, полуглухая, мучимая одышкой и постоянными болями, она с трудом передвигалась по квартире, говорила еле слышно и не всегда внятно, но оставалась при этом сильной духом, талантом и разумом. Дарование ее не оскудевало до последних дней.

80 лет длился творческий путь Рахили Баумволь: с шестилетнего возраста и до гробовой доски. Сколько громких поэтических имен кануло за эти годы в Лету! А к поэзии Рахили Баумволь мы вновь и вновь будем возвращаться в часы раздумий о сущности жизни. Она не наставляла, не проповедовала, не призывала, но когда пытаешься понять, зачем человек появляется на свет и почему он умирает, хочется раскрыть книгу ее стихов. Они дают надежду.

Фото Арона Шварцмана (Иерусалим)

*Рахиль Баумволь выступает на вечере, посвящённом её мужу
поэту Зиновию Телесину*

Рахиль Баумволь

(из ненапечатанного)

Подумать только! Я на свет
В конце концов явилась!
Впервые за миллиарды лет
Оказана мне милость.
И вот впервые мну траву,
И воздух пью впервые,
И вас в свидетели зову —
Вы тоже ведь — живые!

УМЕРШИЕ ДРУЗЬЯ

Нет их больше! В могилу сошли...
Я стараюсь не ныть, быть мужчиною.
Годовщинами их, как щетиною,
Дни мои до бровей обросли.

Их отсутствия злой пустотой
Мои ночи насквозь изрешечены.
В мою память они все вколочены,
И в крови у меня - их настой.

ВЕЧЕРНИЙ ИЕРУСАЛИМ

Посмотрите глазами олим
На вечерний Иерусалим...
Он лежит на холмах и долинах,
Как на темных верблюжьих спинах,
Ковром огней золотистых,
Изумрудных и аметистовых.
Где камней нависают груды,
Там стоят во весь рост верблюды.
Где простерлись в низинах тени,
Там верблюды легли на колени.
Чуть качают горбами верблюды,
Чуть дрожат жемчуга, изумруды...

ХОЛМЫ ИЗРАИЛЯ

Усечения, усечения,
Словно строки, бегут по холмам.
Это книга раскрыта для чтения,
Лишь местами доступная нам.

Не дошел еще смысл великий,
Что упрятан столетьями в ней.
Мы еще недостаточно вникли
В сложный синтаксис этих камней.

ИЕРУСАЛИМ ПОСЛЕ БУРИ

Иерусалим посолён снегом.
Был град. И тем не менее
По склонам золотисто-пегим
Бегут ручьи весенние.

И каждая стена, обтаяв,
Стеною плача сделалась,
И каждая скамья простая —
Скульптура черно-белая.

Вчера еще метель кружила,
Земля была что месиво.
Сегодня солнце засветило,
И птицам снова весело.

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Хорош гусь

Неким птичьим царством управлял гусь. Это был очень злой гусь. Особенно от него доставалось лебедям. Он велел безжалостно истреблять их за то, что у них чересчур выгнутые шеи.

— Что это там за шеи с выкрутасами?! — шипел он. — Свернуть их!

Но наступили новые времена, и плохого гуся сменил гусь хороший.

— Хорош гусь! — говорили про него, — он и не думает сворачивать шеи лебедям. Он велит терпеливо выпрямлять их. Только и всего.

Серна и тигр

Серна сказала про тигра, что он кровопийца, и ее отдали под суд. Обвинялась она в том, что своим быстрым бегом поднимала ветер, который сдувал с листья божьих коровок.

— Мы никому не позволим обижать наших божьих коровок! — гремел волк-прокурор.

Лев-либерал

Заяц обвинялся в том, что перебежал тропку в лесу в неположенном месте. Приговор звериного суда гласил: «Зайца убить, выпотрошить и зажарить». Заяц подал на помилование. Лев-либерал вычеркнул в приговоре это мерзкое слово «убить», после чего зайца живьем выпотрошили и зажарили.

К вечеру

Какое-то начальственное насекомое в один прекрасный день запретило бабочкам-однодневкам летать. Всполошился тут крылатый народ.

— Летать запретить?! Это еще что такое!

К вечеру запрет был отменен. Ну и обрадовались все. Добились все же своего.

Добились, верно, но бабочкам-однодневкам так и не пришлось летать. К тому времени, когда отменили приказ, их день уже кончился.

ЗМІСТ — СОДЕРЖАНИЕ**ПОЗА РУБРИКАМИ — ВНЕ РУБРИК****«ДАБРУ ЕМЕТ»****3****Станіслав Краєвський****ПОВАЖАТИ ХРИСТІЯН ЯК ХРИСТІЯН****6****ПРОЗА****Гелій Снегирев****РОМАН-ДОНОС****12****Марк Соколянський****КОСМОЛОГІЯ ПАМ'ЯТИ****101****Григорій Канович****ЗВОН УЗДЕЧКИ НА ЗАКАТЕ****109****СВЕТ НЕМЕРКНУЩЕЙ ПЕЧАЛИ****123****СОН ОБ ИСЧЕЗНУВШЕМ ИЕРУСАЛИМЕ****133****Светлана Алексиевич****ЧУДНЫЙ ОЛЕНЬ ВЕЧНОЙ ОХОТЫ****146****Роман Брандштеттер****ПРОРОК ИОНА****163****ПОЕЗІЯ — ПОЭЗИЯ****Елена Аксельрод****СТИХИ****208****Вадим Гройсман****СТИХИ****210**

Наум Басовский

СТИХИ

215

Рина Левинзон

СТИХИ

219

Микола Терен

3 циклу «ЧАС СПОКУТИ»

221

Ирэна Белаш

СТИХИ

226

Евгений Рашковский

Из новых переводов

229

ВІРШІ

Давида Гофштейна

в перекладах Миколи Лукаша

231

Давид Гофштейн

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

237

МЕМУАРИ — МЕМУАРЫ

Марлен Кораллов

ТРИ ВСТРЕЧИ

240

ЕВРЕЙСКИЕ СУДЬБЫ. ВЕК XX.

Семен Колчинский

255

Моисей Гойхберг

МОЯ НЕЗАБЫТАЯ ВОЙНА

266

Елена Горовая

НАШИ РОДНЫЕ

270

Селим Ялкуп

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДАНИЕ

292

НАШІ ПУБЛІКАЦІЇ — НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Вадим Скуратовский
СМЯТЕНИЕ АНДРЕЯ СОБОЛЯ
302

Андрей Соболев
ТРИ СТАТЬИ
305

Леонид Гроссман
ДВА СОНЕТА
312

ПУБЛІЦИСТИКА — ПУБЛИЦИСТИКА

Самсон Мадиевский
МИРОВАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ О ХОЛОКОСТЕ
314

Юрій Шаповал
ТАК «ДОБИВАЛИ» СІОНІЗМ
327

МИСТЕЦТВО — ИСКУССТВО

Олег Сидор-Гибелинда
ОКТАВЫ «АГАДЫ»
344

Лев Дробязко
ЧЕМ СЧАСТЛИВ БЫЛ
357

DE MORTUIS

ПАМЯТИ РАХИЛИ БАУМВОЛЬ
360

CONTENTS

BEYOND HEADLINES

«DABRU EMET»

3

Stanislav Krayevsky

RESPECT CHRISTIANS AS CHRISTIANS

6

PROSE

Geliy Snegirev

NOVEL-DENUNCIATION

12

Mark Sokolyansky

COSMOLOGY OF MEMORY

101

Grygory Kanovich

BRIDLE JINGLE AT SUNSET

109

LIGHT OF UNFADING SORROW

123

DREAM OF JERUSALEM THAT DISAPPEARED

133

Svetlana Aleksievich

WONDERFUL DEAR OF NEVER-ENDING HUNTING

146

Roman Brandshtetter

PROPHET JONAH

163

POETRY

Elena Akselrod

POEMS

208

Vadim Groisman

POEMS

210

Naum Basovsky

POEMS

215

Rina Levinzon

POEMS

219

Mykola Teren

From the cycle "TIME OF TEMPTATION"

221

Irena Belash

POEMS

226

Yevgeny Rashkovsky

From new translations

229

POEMS

of David Gofshtein

translated by Mykola Lukash

231

David Gofshtein

POEMS OF DIFFERENT YEARS

237

MEMOIRS

Marlen Korallov

THREE MEETINGS

240

Jewish FATS. 20TH CENTURY

Semen Kolchinsky

255

Moses Goikhberg

MY UNFORGETTABLE WAR

266

Yelena Gorovaya

OUR NEAR AND DEAR

270

Selim Yalkut

FAMILY LEGEND

292

OUR PUBLICATIONS

Vadim Skuratovsky
CONFUSION OF ANDREY SOBOL
302

Andrey Sobol
THREE ARTICLES
305

Leonid Grossman
TWO SONNETS
312

PUBLICISM

Samson Madievsky
WORLD PUBLIC ABOUT HOLOCAUST
314

Yury Shapoval
THUS ZIONISM WAS "FINISHED OFF"
327

ARTS

Oleg Sidor-Gibelinda
OCTAVES OF HAGGADAH
344

Lev Drobyazko
WHAT HE WAS HAPPY WITH
357

DE MORTUIS

IN HONOR OF RACHEL BAUMVOL
360

Інститут юдаїки

спеціалізується на організації досліджень та координації зусиль вчених у галузі вивчення єврейської історії та культури в Україні

Основні форми роботи Інституту:

- ✧ виконання дослідницьких проєктів;
- ✧ організація та проведення конференцій, семінарів, лекторіїв;
- ✧ збирання архівів;
- ✧ видавнича діяльність;
- ✧ організація мистецьких виставок;
- ✧ бібліографічні розвідки

Дослідницькі проєкти

Історико-архівні програми

- ✧ опис єврейських фондів та документів в архівах України;
- ✧ вивчення історії репресій проти євреїв та єврейської культури за матеріалами архівів ДПУ, НКВС, КДБ;
- ✧ формування фотоархіву “Єврейський світ” (фотографії кінця XIX — початку XX ст.);
- ✧ відродження організованого єврейського життя в Україні. 1987-98рр. ;
- ✧ вивчення історії КАТАСТРОФИ;
- ✧ формування кіноархіву: єврейська тема у кінематографі України XX ст.;
- ✧ створення енциклопедії “Українське єврейство”.

Соціологічні, демографічні та політологічні програми

- ✧ проєкт “Долі євреїв України у XX столітті” — запис усних історій людей старшого віку;
- ✧ моніторинг проблем міжнаціональних відношень;
- ✧ моніторинг ксенофобських, антисемітських акцій, публікацій, виступів. Розробка програм сприяння толерантності та багатокультурності в українському суспільстві;
- ✧ демографічний прогноз чисельності єврейства України;

Мистецькі програми

- ✧ організація виставок: єврейська тема у живопису, графіці, скульптурі художників України;
- ✧ дослідження історії арт-юдаїки в Україні.

Конференції, семінари, лекторії

Починаючи з 1993 року, *Інститут* щорічно організує та проводить міжнародну наукову конференцію “Єврейська історія та культура в країнах Центральної та Східної Європи”.

Видавнича діяльність

Інститут видає:

- ✂ Художньо-публіцистичний альманах “Єгупець” (№1-6, 1995-2000 рр.), ред. Г.Аронов;
- ✂ Матеріали міжнародної наукової конференції “Єврейська історія та культура в країнах Центральної та Східної Європи” (1994-2000 рр.), ред. Г.Аронов;
- ✂ Матеріали Єрусалимської конференції 1993р. “Україно-єврейські відношення” (“Філософська і соціологічна думка”, №№ 1-2, 5-6, 1994 р.), ред. Л.Фінберг;
- ✂ “Jews and Slavs” v.5, Jerusalem, 1996, ред. В. Москович, Л.Фінберг та інш.;
- ✂ С.Рос. Легальные средства борьбы против антисемитизма, ред. В.Миндлин, 1996;
- ✂ “Поле відчаю й надії”, ред. та упорядник Р.Корогодський, 1994;
- ✂ Шимон Маркиш. Бабель и другие, ред. Л.Финберг, 1996;
- ✂ “Новые реалии Украины: украинско-еврейский диалог”, ред. Л.Финберг, 1997;
- ✂ М.Кальницький. Синагога Киевской иудейской общины. 5656-5756. Исторический очерк, 1997;
- ✂ Підготовчі матеріали для популярної енциклопедії “Українське єврейство”, вип. 3 - 1998, вип. 4 - 1999 (препринти статей до тому “Україноюдаїка. Українсько-єврейські взаємини”), ред. М.Феллер;
- ✂ Карта-схема “Єврейські адреси Києва”, упорядники О.Школярєнко, М.Кальницький, З.Чечик, 1998; Видання друге, доповнене. 1999;
- ✂ Ж.Ковба. Людяність у безодні пекла. Поведінка місцевого населення Східної Галичини в роки “остаточного розв’язання єврейського питання”, 1998; Видання друге, доповнене, 2000;
- ✂ М.Мицель. Общины иудейского вероисповедания в Украине (Киев, Львов: 1945-1981гг.), 1998;
- ✂ “Труды еврейской историко-археографической комиссии 20-30-х годов”, составитель В.Хитерер.
- ✂ “Живыми остались только мы. Свидетельства и документы”, редактор та упорядник Б.Забарко, 1999;
- ✂ Гелий Аронов. Как я был..., 2000;
- ✂ Перец Маркіш. Наречений завірюхи. Вірші і поеми. Переклад з ідиш Богуславської, 2000;
- ✂ И.Зисельс. Если я только для себя..., 2000;
- ✂ В.Скуратовский. Проблема авторства «Протоколов сионских мудрецов», 2000;
- ✂ “Jews and Slavs”, v.7, редактори В. Москович, Л.Фінберг, М.Феллер, 2000.

Художні видання:

- ✂ Ілюстрований єврейський календар 5757-5758–1998-1999рр., /Єврейське ритуальне срібло/, 1997;
- ✂ Єврейський календар 1999-2000. /Єврейська книжкова графіка/, 1999;
- ✂ Еврейский календарь-справочник 5760 (1999-2000), 1999;
- ✂ Єврейські поздоровчі листівки (Песах, Пурим, Рош-а-шана, Симхат Тора, Ханука), 1999;
- ✂ Єврейський календар 2000-2001. /Сучасна арт-юдаїка України/, 2000;
- ✂ Еврейский календарь-справочник 5761 (2000-2001), 2000;
- ✂ Еврейский календарь 2000-2001. /Еврейские сказки/, 2000.

Інститут готує до видання:

- ✍ Художньо-публіцистичний альманах “Єгуpecь” № 8;
- ✍ В.Хитерер. Документи по єврейській історії в київських архівах (XVI-XXвв.);
- ✍ “Пуримшпілі М.Береговського”, упорядник Л.Школярєнко;
- ✍ Електронний варіант Енциклопедії “Українське єврейство”, редактор М. Феллер;
- ✍ Пугівник “Єврейська історія та культура України”, ред. М.Кальницький;
- ✍ Олександр Круглов. Документи по історії Холокоста, ред. І.Альтман;
- ✍ Р.Метельницький. Деякі сторінки єврейської забудови Луцька;
- ✍ М.Мандельштам. Книга погромів в Російській імперії 1907-1914;
- ✍ Б.Лекарь. Альбом репродукцій;
- ✍ Родной голос. Страницы русско-еврейской литературы конца 19-начала 20в., составитель Шимон Маркиш.

Адреса Інституту:

Україна, 03049, Київ, вул. Курська, 6
тел./факс. 38 (044) 271-35-89, 276-52-98
E-mail: judaica@svitonline.com; E-mail: finberg@irf.kiev.ua
Internet: <http://www.judaica.kiev.ua>

Institute of Jewish Studies

***Specializes on organization of research and coordination of efforts of scientists
in the field of Jewish history and culture in Ukraine***

Institute's Main Activities:

- ✧ research projects;
- ✧ organization of conferences, seminars, lectures;
- ✧ collection of archives;
- ✧ publications;
- ✧ organization of artistic exhibitions;
- ✧ bibliographic explorations

Research Projects

Historical-Archival Programs

- ✧ Description of Jewish funds and documents in the archives of Ukraine;
- ✧ Study of the history of repression against Jews and Jewish culture according to the archives of DPU, NKVD, KGB;
- ✧ Formation of the «Jewish World» photo-archive (photographs dated the end of the 19th – beginning of the 20th centuries);
- ✧ Revival of the well-organized Jewish life in Ukraine. 1987-1998;
- ✧ Study of the history of the HOLOCAUST;
- ✧ Formation of a film archive: Jewish theme in Ukraine's cinematography of the 20th century;
- ✧ Creation of the «Ukrainian Jewry» Encyclopedia.

Programs in Sociology, Demography and Political Science

- ✧ Project «Fates of Jews of Ukraine in the 20th century» – recording of oral stories of older people;
- ✧ Monitoring of problems in ethnic relations;
- ✧ Monitoring of xenophobic, anti-Semitic actions, publications, and statements. Development of programs for promotion of tolerance and multiculturalism in the Ukrainian society;
- ✧ Demographic forecast of the number of Jews in Ukraine;

Arts Programs

- ✧ Organization of exhibitions: Jewish theme in pictorial, graphic and plastic arts of Ukrainian artists;
- ✧ Studies in Ukrainian art-Judaic.

Conferences, Seminars, Lectures

Since the year of 1993, the *Institute* organizes and annually holds International Scientific Conferences on the subject «Jewish History and Culture in Central and Eastern Europe».

Publishing Activities

The Institute has published:

- ✎ The literary-sociopolitical almanac «Yehupets» (#1-6, 1995-2000), editor G. Aronov.
- ✎ Materials of the International Scientific Conference «Jewish History and Culture in Central and Eastern Europe» (1994-2000), editor G. Aronov;
- ✎ Materials of the Jerusalem conference in 1993 on the subject «Ukrainian-Jewish Relations» («Philosophical and Sociological Thought», #1-2, 5-6 1994, editor L. Finberg);
- ✎ «Jews and Slavs» v/5, Jerusalem, 1996, editors V. Moskovich, L. Finberg, etc.;
- ✎ S. Ros. Legal Means of Fight Against Anti-Semitism, editor V. Mindlin, 1996;
- ✎ «The Field of Despair and Hope», editor and compiler R. Korogodsky, 1994.
- ✎ Shimon Markish Babel and Others, editor L. Finberg, 1996.
- ✎ «New Realities of Ukraine: Ukrainian-Jewish Dialogue», editor L. Finberg, 1997.
- ✎ M. Kalnytsky, Synagogue of the Kiev Jewish Community. 5656-5756. Historical Review, 1997.
- ✎ Preparatory materials for the popular Encyclopedia «Ukrainian Jewry», third issue (preprints of the articles for the volume on «Ukrainian-Jewish Studies. Ukrainian-Jewish Relations»), editor Martin Feller, 1997, 1998.
- ✎ A tour map «Jewish Addresses of Kyiv» compiled by O. Shkoliarenko, M. Kalnytsky, Z. Chechyk, 1998, 1999.
- ✎ Zh. Kovba. Humanity in the Precipice of Hell. Conduct of the Local Population in Western Galitsia during the Years of the Ultimate Solution of the Jewish Problem, 1998; Second edition — 2000.
- ✎ M. Mitsel. Jewish Religious Communities in Ukraine (Kiev, Lvov, 1945-1981), 1998.
- ✎ «Works of the Jewish Historical-Archeographic Commission of the 1920-30-ies», compiled by V. Khiterer.
- ✎ «Only We Survived. Testimonies and Documents», editor and compiler B. Zabarko, 1999.
- ✎ Gelii Aronov. How I Was..., 2000.
- ✎ Peretz Markish. Narecheny Zaviriukhy, Poems. Translation from Yiddish by Bohuslavskya, 2000.
- ✎ Joseph Zisels. If Only for Myself..., 2000.
- ✎ V. Skuratovsky. Problem of Authorship of «The Protocols of the Elders of Zion», 2000.
- ✎ «Jews and Slavs» v.7, editors V. Moskovich, L. Finberg, M. Feller, 2000.

Arts Publications:

- ✎ The Illustrated Jewish Calendar for 5757-5758 — 1998-1999. /Jewish Ritual Silver/, 1997.
- ✎ Jewish Calendar 1999-2000. /Jewish Book Graphics/, 1999;
- ✎ Jewish Reference Calendar 5760 (1999-2000), 1999.
- ✎ Jewish Holiday Leaflets (Passover, Purim, Rosh Hashanah, Simhat-Torah, Hanukah), 1999.
- ✎ Jewish Calendar for 2000-2001. /Modern art-Judaic of Ukraine/, 2000.
- ✎ Jewish Reference Calendar for 5761 (2000-2001), 2000.
- ✎ Jewish Calendar 2000-2001. /Jewish Fairytales/, 2000.

The Institute Is Preparing for Publication:

- ✍ The artistic-publicist almanac «Yehupets» #8.
- ✍ V. Khiterer. Documents on the Jewish History in Archives of Kiev (the 16th-20th centuries).
- ✍ «Purimshpils of M. Beregovsky», compiler L. Shkoliarenko.
- ✍ Encyclopedia «Ukrainian Jewry», editor M. Feller.
- ✍ Guide «Jewish History and Culture of Ukraine», editor M. Kalnytsky.
- ✍ Olexander Kruglov. Documents on the History of the Holocaust, editor I. Altman.
- ✍ R. Meterlnytsky. Some Aspects of Jewish Construction in Luts'k.
- ✍ M. Mandelstam. The Book of Pogroms in the Russian Empire in 1907-1914.
- ✍ Boris Lekar. An Album of Reproductions.
- ✍ Native Voice. Pages of the Russian-Jewish Literature of the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. Compiler Shimon Markish.

Address of the Institute:

6, Kurska Street, Kiev 03049 Ukraine
 Tel./ Fax. 38 (044) 271-35-89, 276-52-98
 E-mail: judaica@svitonline.com; E-mail: finberg@irf.kiev.ua
 Internet: <http://www.judaica.kiev.ua>

Видавництво **«ДУХ і ЛІТЕРА»**

Пропонує твори гуманітарної класики

КАТАЛОГ ВИДАНЬ

Новинки 2000 року

Енциклопедія політичної думки. /За ред. Девіда Міллера/

/Пер. з англ./ - К., 2000 – 472 с.

Обкл. м'яка – Форм. 260x200 – ISBN 966-7888-00-2

Оксфордська "Енциклопедія політичної думки", до написання якої було залучено найкращих фахівців чотирьох континентів, стала однією з найавторитетніших і найпопулярніших європейських енциклопедій сучасності. У ній висвітлено політичну історію людської цивілізації від Сократа до Сімони Вейль.

Вдала ідея її упорядників щодо поєднання в одній книжці філософії історії, історії політичної думки, історії та філософії права, соціальної філософії і політичної соціології робить її корисною і, понад те, необхідною як для дослідників минушини, так і для пересічних учасників та головних дійових осіб сьогоденного політичного процесу.

З виходом "Енциклопедії політичної думки" українською мовою вітчизняний читач чи не вперше отримує можливість досягнути систему понять політичних наук. Найперший рівень цієї системи висвітлено в добірці статей про основоположні категорії політичних наук: владу, громадянське суспільство, законність і далі за алфавітом. В енциклопедії подано визначення цих категорій та необхідні історичні і філософські коментарі до них.

Френсіс Дворнік

Слов'яни в європейській історії та цивілізації. /Пер. з англ./

К., 2000. — 506 с.

Обкл. м'яка – Форм. 60x84/16 – ISBN 966-7888-02-9

Фундаментальна праця відомого діяча католицької церкви і чеського історика, який багато років працював у наукових інституціях Європи та Америки, присвячена основним подіям і явищам в історії та культурі слов'янських народів, які розглядаються як органічне ціле, протягом найскладнішого періоду в історії Центральної та Східної Європи з XIII до XVIII ст. Детально розглянуто політичні та релігійні чинники в минулому слов'янства, культурні імпульси, що надходили до них з візантійського Сходу та латинського Заходу.

Книга покликана сприяти з'ясуванню внеску слов'ян у політичний та культурний розвиток світу, реального історичного сенсу «слов'янської єдності» і водночас розумінню історії слов'ян як частини історії Європи загалом. Вона досі залишається одним з основних посібників, на яких виховуються численні покоління західних славістів.

Книгу адресовано студентам і викладачам вузів гуманітарних напрямків освіти, науковим працівникам, а також усім читачам, кого цікавить роль і місце слов'ян в історії європейської цивілізації.

Роман Шпорлюк**Імперія та нації.** /Пер. з англ./ — К.: 2000. — 360 с.

Обкл. м'яка — Форм. 60x84/16 — ISBN 966-7888-05-3

Історія і сучасність - це звичне словосполучення набуває незвичного значення у книзі професора Гарвардського університету Романа Шпорлюка "Імперія та нації". Читач має нагоду ознайомитися як з історією важливих суспільних явищ і подій, так і з історією їхнього осмислення у працях відомого західного дослідника - і побачити, що ці історії є частиною сучасності.

Збірка містить статті, есе, огляди, присвячені історії та нагальним політичним проблемам колишніх республік Радянського Союзу, які писалися упродовж останньої чверті ХХ століття і призначалися західному читачеві. Імперський спадок і національні проблеми, комунізм і націоналізм, проблеми державотворення на пострадянському просторі, становлення і розпад націй, виникнення і загибель Радянського Союзу — усі ці й багато інших проблем подаються автором крізь призму історичного досвіду становлення, розвитку і взаємодії східноєвропейських націй і держав, передусім України, Росії, Польщі та Білорусі.

Книгу адресовано суспільствознавцям: викладачам, дослідникам, студентам, а також усім, хто цікавиться новітньою історією Східної Європи.

Поль Рікер**Сам як інший.** /Пер. з фр./ — К., 2000 — 500 с.

Обкл. м'яка — Форм. — ISBN 966-7888-03-7

Практична філософія Поля Рікера — вершина переосмислення проблем людської ідентичності в контексті трагічного досвіду ХХ століття. "Сам як інший" — головний твір (opus magnum) П. Рікера про філософію людини, про здатність людини на вчинок, слово та відповідь на запитання "хто я єсмь?" Рікер б'ється на два фронти: супроти екзальтації "Я" (его) у послідовників Декарта і супроти приниження та нівелювання особистості в сучасному нігілізмі. Трагедія і самогубство цілих країн (Європа-ХХ) і окремих особистостей (зокрема сина філософа) — не тема, а мовчазний скорботний фон, канва аскетичного сувою цієї роботи. Синтез нової філософії людини у Рікера майстерно поєднує конструктивні лінії етики, герменевтики, феноменології, аналітичної філософії, антропології, філософії релігії, історії та права.

Суд про людину Рікер веде як перехресне опитування таких свідків як Арістотель і Августин, Ніцше і Хайдеггер, Левіна і Тейлор. Стратегія Рікера — це фундаментальна філософія свідчення попри «школу підозр», з якої виійшли ідеології безлюдності ХХ ст.

Монографія адресована всім, кого цікавить сучасний філософський синтез наук про людину.

Симона Вейль**Письмо клику.** /Пер. с фр./ — К., 2000 —

Обкл. м'яка — Форм. 60x84/16 — ISBN 966-7888-06-1

"Если XXI век — будет, то есть если человечество не забудит своего физического, или нравственного, или интеллектуального бытия, не разучится вконец почтению к уму и к благодетству, я решился бы предположить, что век этот будет в некоем существенном смысле также и веком Симоны Вейль." Сергей Аверинцев

Симону Вейль називав несорвнимим правдолюбцем нашого времени Альбер Камю. Андре Жид свідетельствовав о том, что Симона Вейль выделяется духовной глубиной среди писателей XX столетия. Реймон Арон, изменяя своему обычному скепсису, присоединился к интуиции Т. С. Элиота о том, что гениальность этой женщины сродни

гениальности святых. Чеслав Милош в «Другой Европе» и Нобелевской лекции говорит о Симоне Вейль как ориентире новой солидарности.

«Письмо клирику» — образец полемического стиля философа, а самая большая и аналитичная из книг Симоны Вейль — «Укоренение».

«Укоренение — это, быть может, наиболее важная и наименее признанная потребность человеческой души, одна из тех, которые труднее всего поддаются определению. У человека есть корни благодаря его реальному, активному, естественному участию в существовании общности, которая сохраняет живыми некоторые сокровища прошлого и некоторые предчувствия будущего. Это участие естественно, то есть оно обусловлено автоматически местом, рождением, профессией, окружением. Каждый человек ощущает потребность в разносторонних корнях. Он испытывает потребность воспринимать всю совокупность моральной, интеллектуальной, духовной жизни через те круги, в которые он входит. Взаимное влияние самых разнообразных кругов необходимо не меньше, чем укоренение в естественном окружении.» (Симона Вейль).

Алексис де Токвиль

Старый Порядок и Революция. /Пер. с фр./ — К., 2000 — 300 с.

Обл. мягкая — Форм. 84x108/32 — ISBN 966-7888-07-X

Алексис де Токвиль и его гениальная книга «Старый Порядок и Революция» после падения коммунистических режимов в Восточной Европе вновь оказываются в центре дебатов. Ведущие философы и историки Франции демонстрируют сегодня актуальность и глубину ключевых идей Токвиля. Мэтр школы «Анналов», признанный диагност «иллюзий» как французской, так и русской революций Франсуа Фюре говорит о Токвиле:

“В то время как столько историков вот уже почти двести лет показывают нам Революцию, задрапированную в одежды той эпохи, к тому же в ее собственной интерпретации, Токвиль, напротив, утверждает, что периоды революций являются, по преимуществу темными периодами истории, где идеологический покров надежно скрывает от глаз самих ее действующих лиц глубинный смысл разыгрываемой драмы. В этом, без сомнения, и заключается фундаментальный вклад автора “Старого Порядка” в теорию революции.”

Жан-Жак Руссо

Политические сочинения: Трактаты. /Пер. с фр./ — К., 2000 - 344 с.

Обл. мягкая — Форм. 84x108/32 — ISBN 966-7267-92-X

В издание вошли ключевые социально-политические сочинения Жан-Жака Руссо: «Об общественном договоре», «Суждение о вечном Мире», «О происхождении и основаниях неравенства между людьми». Эти работы выдвинули в центр общественной европейской мысли проблемы войны и мира в Европе, раздора и договора в государстве, неравенства и равенства в обществе, личной и «гражданской» религии, жизни и смерти политических организмов, границ власти, силы и права. В XX веке острота идейных споров в связи с кругом проблем, поднятых Руссо, не ослабла» (Ю. М. Лотман).

Рекомендуется студентам, аспирантам, преподавателям, всем интересующимся проблемами европейской мысли.

Пьер Гривари

Парижские сказки. /Пер. с фр./ — К., 2000 — 144 с.

Обл. мягкая — Форм. 60x84/16 — ISBN 966-7274-61-6

Эта книжка французского сказочника Пьера Гривари любима как детьми, так и

взрослыми. Читателей ожидает увлекательное путешествие в мир королей и волшебниц, домовых и невидимок, летающих городков и крохотных жуков.

Гелий Снегирев

Роман-донос. – К., 2000 – 504 с.

Обл. мягкая – Форм. 60х84/16 – ISBN 966-7888-01-0

“Роман-донос” Гелия Снегирева – книга уникальная не только по жанру (документальный роман); ей была уготована трагическая судьба: не попасть в руки искреннего, вдумчивого читателя, но послужить “вещдоком” преступления своего автора против существующего социального строя. Эта книга написана кровью – автор расплатился за нее собственной жизнью.

Имя писателя-новеллиста, публициста, театрального актера, журналиста, “киношника” громко прозвучало во всем мире (у себя на родине – боязливым шепотом) во второй половине 70-х – после его беспрецедентных по своей отчаянной смелости и обличительной силе выступлений против советской власти. Опричники режима оперативно расправились с диссидентом, “под медицинской пыткой” вырвав у него отречение от антисоветских убеждений, и – умирающего – отпустили на свободу. Писатель принял мученическую смерть за правду, а имя его забылось. Но осталась, чудом уцелела в спецархивах охраны его блестящая проза. И эта проза сегодня, спустя четверть века, звучит в полный голос: оставаясь удивительным литературным памятником, она ничуть не утратила своей актуальности для нынешних и будущих поколений.

Лишь теперь роман обретает своего читателя, и в этом – акт, пусть запоздалой, исторической справедливости. Книжка может обрести вторую жизнь, человек – нет...

Лишь теперь можно говорить об истинных масштабах личности и об истинной историко-культурной значимости творчества Гелия Ивановича Снегирева.

Серія “Бібліотека ХХІ століття”

Сергей Аверинцев

София-Логос. Словарь. – К., 2000 – 450 с.

Обл. тверд. с супер. – Форм. 60х84/16 – ISBN 966-7273-04-0 –

Основы христианской культуры в форме энциклопедического словаря – веская альтернатива «лжи в алфавитном порядке», наполнявшей советские энциклопедии. Словарь С.С.Аверинцева дарит читателю как универсальную сумму знаний от А до Я, так и энергию осмысленного личного выбора между узким путем «отца веры» Авраама и широким путем пост-атеистического «Язычества». Высоко оцененные специалистами статьи – украшение «Философской энциклопедии» (5 т.), «Краткой литературной энциклопедии» (7 т.), «Мифов народов мира» (2 т.), «Христианства» (3 т.) и др. – впервые собраны вместе в этой книге.

Синтез словаря Аверинцева выявляет особые качества входящих в него элементов, которые раньше “скрадывал” разрыв общего контекста, изолировал друг от друга плотный туман идеологии. Читатель испытывал настоящий шок, когда среди пустопорожних вод «Большой советской энциклопедии» наткнулся на скалу аверинцевской статьи “Логос” или “Любовь”. Незабываемые встречи: среди морока полуправд в океане полужнаний рассеяны здесь и там статьи Мастера всегда отчетливо выделялись как высокие и надежные острова особой горной породы, особой кристаллически ясной мысли. Охватывая тепер эти “острова” единым взглядом, мы читаем на карте эпохи: Архипелаг Аверинцева.

Фундаментальные работы, которые наряду со “Словарем” составили книгу “София-логос” открывают новые горизонты мысли о Премудрости в контексте войн и катастроф XX столетия, едва ли не наиболее “анти-Софийного” в истории Европы.

Вопреки хаосу в головах и учебниках книга Аверинцева напоминает о незыблемой шкале ценностей, о «Нерушимой Стене» – Орante. Учителю и ученику здесь подарены все три значения слова СОФИЯ: мастерство – знание – мудрость.

Василь Стус

Вечір. Зламана віть: Вибране. – К., 1999 – 384 с.

Обкл. м'яка – Форм. 84x108/32 – ISBN 966-7405-44-3

Увазі читача пропонується книга, яка значною мірою може претендувати на роль компендіуму творчості видатного українського поета Василя Стуса. До неї ввійшли вибрані твори – вірші з ранніх збірок («Круговерть», «Зимові дерева» та «Веселий цвинтар»), «Палімпсести» (Магаданська версія), та інші твори цього періоду, вибране листування та нотатки «З таборовою зошита». Магаданська версія збірки «Палімпсести» в повному обсязі друкується вперше.

Емануель Левінас

Між нами: Дослідження. Думки-про-іншого. /Пер. з фр./ – К., 1999 – 312 с.

Обкл. м'яка – Форм. 84x108/32 – ISBN 966-7405-47-8

«Сучасний Сократ, який у прискіпливім, невідступнім діалогізуванні висвітлює світи повсякденного життя» – так вітав Емануеля Левінаса американський ареопаг на церемонії присвоєння йому звання професора honoris causa, що відбулася 1970 року в Чиказькій університеті Лойоли. В Європі, Америці, Азії слава філософа, який більш ніж відчутно поглибив категорії етики, приходить до Левінаса після публікації його трактату «Тотальність і нескінченність» (1961). Наріжні теми й тези зрілого майстра зібрано у його підсумковій книжці «Між нами. Дослідження думки-про-іншого» (1991). Етика любові й відповідальності, роль філософії у житті суспільства, переосмислення прав людини, розкриття першоелементів людських взаємин на перехрестях життя й смерті, миру й війн ХХ сторіччя, відкриття по той бік насильницького підґрунтя ідеологій та «дикунства» буття – можливості незнищенного Обличчя іншого ... «Книгою книг», ключем до справдешніх глибин духу нашого сучасника назвуть критики книгу «Між нами».

Христос Яннарас

Варіації на тему Пісні Пісень. /Пер. з грецької / – К., 1999 – 128 с.

Обкл. м'яка – Форм. 84x108/32 – ISBN 966-7267-87-5

Христос Яннарас, який народився в 1935 року в Афінах, – найвизначніший сучасний грецький філософ і богослов, професор філософії Афіської вищої школи політичних наук, автор магістральних курсів лекцій в університетах Женеви і Парижа. Сучасна еллінська краса й сила «логосу» Х. Яннараса одностайно визнані німецькими, англійськими й французькими перекладачами його книжок «Особистість і ерос», «Свобода моралі», «Про відсутність і непізнаність Бога», «Метафізика тіла», «Криза пророцтва», «Істина і єдність Церкви», «Розділи з політичної теології», «Привілей відчаю», «Нерозривна філософія» і, нарешті, «Варіації на тему Пісні Пісень».

У «Варіаціях на тему Пісні Пісень» ключова тема філософії Яннараса – тема Еросу – виплескується за межі класичних категорій і підноситься до рівня музики і поезії.

Часопис «Дух і літера»

«Дух і літера» є першим українським міждисциплінарним періодичним виданням в сфері наук про людину. Принаймні половина авторів часопису – провідні іноземні науковці. «Дух і літера» є часописом суспільної та гуманітарної думки сучасних інтелектуалів, які працюють в рамках європейської традиції видання журналів філософської та історичної

публіцистики. «Дух і літера» є трибуною науковців, які не є політично заангажовані, і своїми текстами виводять думку на ширші культурно-історичні обрії.

Часопис «Дух і літера» № 1 – 2 – К., 1997 – 464 с.

Обкл. м'яка – Форм. 60х88/16 – ISBN 966-7274-04-7

Часопис «Дух і літера» № 5 – 6 – К., 1999 – 496 с.

Обкл. м'яка – Форм. 60х88/16 – ISBN 5-87534-053-3

Серія “Дух і Літера”

Поль Рікер

Навколо політики. /Пер. з фр./ – К., 1995 – 334 с.

Обкл. м'яка – Форм. 84х108/32 – ISBN 5-87534-023-1

Збірник політичних творів Поля Рікера (нар. 1913 р.), провідного філософа сучасної Європи, фундатора феноменологічної герменевтики, включає в себе праці, написані впродовж 1949-1991 рр., присвячені найважливішим питанням сучасної політики, філософії, права та етики.

Для фахівців і широкого кола читачів, які цікавляться сучасною західною філософською думкою.

Сімона Вейль

Укорінення. Лист до клірика. /Пер. з фр./ – К., 1998 – 300 с.

Обкл. м'яка – Форм. 60х84/16 – ISBN 5-91743-052-1

Вибрані роботи Сімони Вейль (1909-1943), видатного французького мислителя, включає в себе праці, присвячені питанням філософії, релігії, етики, політики та права.

Укорінення – це, можливо, найважливіша та найменш визнана потреба людської душі, одна з тих, які найважче визначити. Людина має коріння через реальну, активну, природну участь в існуванні спільноти, яка зберігає живими деякі скарби минулого й деякі передчуття майбутнього. Ця участь природна – тобто вона зумовлена автоматично місцем, народженням, професією, оточенням. Кожна людина відчуває потребу у множинності коренів. Вона потребує сприйняття всієї сукупності морального, інтелектуального, духовного життя через посередництво тих кіл, у які вона входить. Взаємний вплив найрізноманітніших кіл необхідний не менше, ніж укорінення у природному оточенні.

Альбер Камю називав Сімону Вейль єдиним правдолюбцем сучасності. Андре Жід стверджував: “Сімона Вейль – найбільш духовний письменник XX століття”. Реймон Арон, відмовляючись від звичного скепсису, приєднався до інтуїції Т. С. Еліота про те, що геніальність цієї жінки споріднена з геніальністю святих. Обережні європейці сьогодні без побоювань публікують академічні праці з назвами, як от “Чарівна Сімона Вейль”.

Про сприйняття її думок “Іншою Європою” – зокрема, в Польщі про Сімону Вейль як про орієнтир нової солідарності з 60-х років аж до Нобелівської лекції говорить Чеслав Мілош – настав час замислитися і нам.

Шарль Журне

Християнские требования в политике. /Пер. з фр./ – К., 1998 – 465 с.

Обл. м'яка – Форм. 84х108/32 – ISBN 5-94701-041-1

Сборник произведений Шарля Журне (1891-1975), выдающегося мыслителя современности, включает работы, написанные с 1935 по 1945 годы и посвященные важнейшим проблемам современной истории, религии, политики, философии.

Для спеціалістів та широкого круга читачів, інтересуються сучасною європейською думкою.

Мишель Фуко

Історія сексуальності-III: Збота о себе. /Пер. с фр./ – К.-М., 1998 – 288 с.

Обл. тверд. с супер. – Форм. 60х88/16 – ISBN 5-87983-074-8 – Ціна 8,00 грн.

«Історія сексуальності» М. Фуко (1926–1984), найбільшого французького філософа, культуролога та історика науки, – цикл досліджень, присвячених генеалогії етики та аналізу різного роду «технік себе» в давності, в Середні віки та в Нове вілля, а також до питання об основах християнської точки зору на проблеми особистості, пола та сексуальності. В «Зботі о себе» (1984) – автор описує еволюцію сексуальної моралі та модифікації різноманітних практик, с допомогою яких індивідуум конституює себе як такого (медичні режими, подружескі зв'язи, гетеро- та гомосексуальні стосунки та ін.), розглядаючи твори грецьких та римських авторів (філософів, риторів, лікарів, літераторів, снотолковців та ін.) перших віків нашої ери, в т. ч. «Настановленням подружжю» та «Діалог о любові» Плутарха, «Бесіди» Епиктета, «Листи до Луційу» та «О гніві» Сенеки, «Листи» Плінія М., «Роздумлення» Марка Аврелія, «Сонник» Артемідора, «Дві любові» Луціана, «О призначенні частин людського тіла» та «О поранених місцях» Галена, «О медицині» Цельса, «О жіночих хворобах» Сорана, трактати пізньогрецьких лікарів з збірки Орибасія та ін. До книги додається анотований указатель цитованих творів та бібліографія творів Фуко.

Книга розрахована на філософів, культурологів, істориків, а також на всіх читачів, інтересуються проблемами історії європейської цивілізації.

Жан-П'єр Вернан

Смерть в очах. /Пер. з фр./ – К., 1993 – 84 с.

Обкл. м'яка – Форм. 70х90/32 – ISBN 5-8292-0036-8

Пропонована вперше українському читачеві книга «Смерть в очах» відомого французького етнографа та знавця античної міфології Жана-П'єра Вернана (нар. 1914) є цікавою спробою витлумачення відомого феномену «візуалізації», притаманного античній культурі, на матеріалі міфу про Персея та Медузу Горгону.

Анрі Бергсон

Сміх. /Пер. з фр./ – К., 1994 – 168 с.

Обкл. м'яка – Форм. 70х90/32 – ISBN 5-87534-093-2

Вперше до рук українського читача потрапляє переклад книги видатного філософа ХХ століття Анрі Бергсона (1859–1941), лауреата Нобелівської премії з літератури (1927). «Сміх» є найкращим проводирем до філософського світу Бергсона. Що викликає сміх? Підміна живого – механічним, людини – лялькою, суспільства – маріонетками, влади – політичними гримасами. Теорія сміху Бергсона поглиблює його вчення про час, тривалість та пам'ять

Жак Дерріда

Позиції. /Пер. з фр./ – К.: Дух і Літера, 1994 – 160 с.

Обкл. м'яка – Форм. 70х90/32 – ISBN 5-87534-091-6

У книзі «Позиції» французького філософа, одного з найяскравіших виразників постструктуралізму Жака Дерріда (нар. 1930) у формі інтерв'ю витлумачуються основні

ідеї вченого. Головними об'єктами його критичного розгляду є тексти західноєвропейської метафізики з притаманними для неї, на думку Дерріда, «онто-тео-телео-фало-фоно-логоцентризмом», що ґрунтується на розумінні буття як присутності. Умови подолання метафізики він вбачає у такому засобі філософської праці як деконструкція.

Франсуа Моріак

У що я вірю. /Пер. з фр./ – К., 1993 – 132 с.

Обкл. м'яка – Форм. 70х90/32 – ISBN 5-87534-086-X

Видатний французький письменник, лауреат Нобелівської премії Франсуа Моріак (1885-1970) упродовж свого тривалого життя був глибоко відданий християнським переконанням. У його творчій спадщині поряд з романами, поезіями, драмами, чимало книг релігійної тематики.

Написаний 1962 року нарис «У що я вірю» є своєрідним духовним заповітом письменника-католика, у якому особисте світосприйняття сягає загальнолюдської значущості.

Моріак Франсуа

Во что я верю. – К., 1996 – 144 с.

Обл. мягкая – Форм. 70х108/32 – ISBN 5-87534-104-1

Патрик де Лобье

Социологическая альтернатива: Аристотель – Маркс. /Пер. с фр./ – К., 1998 – 152 с.

Обл. мягкая – Форм. 70х90/32 – ISBN 5-95802-041-1

Работа Патрика де Лобье, известного швейцарского мыслителя, является блестящим анализом основ социологии. Она может быть отнесена к редкой разновидности высокоинтеллектуальных бестселлеров, поскольку в короткий срок выдержала уже четыре издания по-французски, переведена на итальянский и испанский.

Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся современной европейской мыслью.

Андре Глюксман

Одинадцята заповідь. /Пер. з фр./ – К., 1994 – 288 с.

Обкл. м'яка – Форм. 84х108/32 – ISBN 5-87534-092-4

У книзі «Одинадцята заповідь», вперше запропонований українському читачеві, відомий французький філософ Андре Глюксман (нар. 1937 р.) аналізує різновиди утопічної свідомості ХХ століття (до яких він застосовує узагальнюючу характеристику інтегризму) і жахливі наслідки панування інтегриського світогляду, народженого в академічному середовищі університетських кіл Європи. Формуючи основи парадоксальної трагічної етики, автор розглядає її як єдиний надійний засіб внутрішнього протистояння будь-якій ідеологічній отруті.

Інша література

Ельчанинов Александр, священник

Записи. /12-е издание, дополненное/ – К., 1999 – 206 с.

Обл. мягкая – Форм. 84х108/32 – ISBN 966-7376-65-4

“Эта книга в области духовной литературы не имеет себе равных: такая малообъемная, но действительно “томов премногих тяжелее”, такая непреднамеренная, составленная посмертно из разрозненных записей и писем, и вместе с тем поразительно законченная, насквозь духовая, но не заоблачная, а практически насущная, восходящая к древней, традиционной, суровой мудрости, но такая новая, современная, написанная языком ясным, невесомо прозрачным...” (Н.Струве)

Balzac

Eugenie Grandet. – К., 1995 – 208 с.

Обкл. м'яка – Форм. 84х108/32 – ISBN 5-87534-030-4

Le Pere Goriot. – К., 1995 – 264 с.

Обкл. м'яка – Форм. 84х108/32 – ISBN 5-87534-025-8

Відомі книги видатного французського письменника Оноре де Бальзака “Евгенія Гранде” та “Батько Горіо” видані мовою оригіналу.

Плануються до друку у 2000 - 2001 р.:

✓ Поль Рікер “Про справедливість”	✓ Ханна Арендт “Джерела тоталітаризму”
✓ Чарлз Тейлор “Етика автентичності”	✓ Ханна Арендт “Між минулим і майбутнім”
✓ Сергей Аверинцев “Стихи духовные”	✓ Кліфорд Гірц “Інтерпретація культур”
✓ Елісдеа Макінтайр “За чеснотою”	✓ Валерій Марченко “З неопублікованого”
✓ Христос Яннарас “Свобода егосу”	✓ Костянтин Сітов “Європейський палімпсест”

✓ нові числа часопису «Дух і літера»

<http://www.duh-i-litera.8m.com>

З питань замовлення та придбання літератури звертатися:

04070, м.Київ, вул. Волоська, 8/5

Національний Університет “Києво-Могилянська Академія”

4 корпус к. 210

Видавництво «Дух і Літера»

Тел.: (044) 416-60-20

Факс: (044) 213-91-49

e-mail: franc@roller.ukma.kiev.ua

Надаємо послуги “Книга-поштою”

KINO-KOLO

Квартальник

Часопис екранних мистецтв: кіно, телебачення, відео, анімація, нові технології

Спільний проект

Товариства "Кіно-Коло" і Телеканалу "1+1"

Творення є акт волі

1+1

KINO-KOLO

У грудні вийшло подвійне осінньо-зимове (№ 7-8; нумерація наскрізна) число *KINO-KOLA* (204 стор.). У ньому дві провідні теми: АНІМАЦІЯ і НОВІ ТЕХНОЛОГІЇ.

І сусідять ці теми не випадково. Поступ нових технологій дозволяє тепер найфантастичнішим чином саме анімувати, оживляти на екрані ще вчора немислимі речі. Новотехнологічна анімація на наших очах змінює традиційний кінематограф, змінює телебачення, та й змінює, власне, саме анімаційне мистецтво. Про зустріч мистецьких і технологічних світів – у цьому числі *KINO-KOLA*. Йдеться не тільки про зміну екранної мови та естетики, а й про зміну глядацької психології сприйняття екранного зображення – про своєрідну "електронну мутацію" екранного видовища і, як результат, про з'яву "нового глядача"... Друкується інтерв'ю з академіком М. Амосовим про кібернетику, комп'ютер, мистецтво і штучний розум. Вміщено *Словники мас-медійної навігації* та *Хроніку поступу анімаційних технологій*. Низка статей та інтерв'ю з провідними українськими і світовими режисерами-аніматорами. Репортажі з МКФ Крок та з Венеційського МКФ. Велике інтерв'ю з Жаном-Люком Годаром про майбутнє кіномистецтва. Дві статті про творчість видатного кінорежисера П'єра Паоло Пазоліні. Інші матеріали.

Передплатити журнал на 2001 рік можна в будь-якому поштовому відділкові: передплатний індекс – 22944. Також: передплата за каталогом фірми "Самміт", тел.: (044) 254 5050. Журнал можна придбати в київських книгарнях, на київських книжкових ринках "Петрівка" і "Книжковий квадрат" (пл. Слави), у кінотеатрі "Кінопалац", а також безпосередньо в редакції.

Тел./факс: (044) 490 0101, додатковий – 3003.

Факс: (044) 229 1851.

E-mail: kinokolo@1plus1.net

Листування: KINO-KOLO, а/с 40, Київ-21, 01021

Незалежний Культурологічний Журнал «І»

Громадська організація Незалежний Культурологічний Часопис «І» є недержавною структурою, яка займається проблемами культурології, політології, філософії. Головними напрямками її діяльності є вивчення міжетнічних тусунків, проблем цивілізаційних розломів, формування європейської ідентичності, сучасного політичного дискурсу. З творенням часопису співпадає постійний семінар «Діалог над кордонами», який досліджує проблеми культурного та політичного прикордоння, а також організація міжнародних конференцій, зустрічей та «круглих столів» за участю провідних українських і зарубіжних вчених, державних та політичних діячів, журналістів.

Водночас організація займається видавничою діяльністю - випуском одноименого квартальника «І», книг відомих політологів, культурологів, економістів України, Польщі, Німеччини та інших країн.

Тематикою останніх чисел квартальника стали проблеми Балканів, правого руху в Європі, гендерної нерівності, України, Росії та Білорусії як трьох посткомуністичних проектів Східної Європи, а також тема глобалізації та антиглобалістичного руху в Європі і світі.

Сторінка в Інтернеті: <http://www.ji-magazine.lviv.ua>

Художньо-публіцистичний альманах

ЄГУПЕЦЬ 7

Рукописи не рецензуються та не повертаються

